

Barbara Kautz

*Ma. romo-pyne
A Mollie*

Он — новый босс. У него были другие планы, но отец назначил его руководителем свежкупленной транспортной компании. Он харизматичен и не женат, и весьма привлекателен как объект охоты для активных сотрудниц.

Она — опытный работник на важной должности, хорошо замотивированный трудоголик и красивая молодая женщина. Компания тонет, и она среди тех, кто держит бизнес на плаву. Прежний владелец и не пытался наводить порядок, а что скажет новый?

Им будет непросто, но поможет внезапно случившаяся любовь, которая, как известно, побеждает всё.

Та, которую я люблю

Салма Кальк

Пролог

Во дворце заговор...

Лина Воробьёва

Воскресным вечером здание бизнес-центра на Верхней Набережной было погружено в тьму. Ни единого светящегося окошка — только у входа на первом этаже.

Двое разговаривали на подземной парковке. Они стояли каждый возле своей машины, близко друг к другу. Больше никого не было, и свет горел только в будочке охранника на въезде. От него говорившие виделись невнятными тенями.

— Уже завтра у компании сменится собственник.

— С этим точно ничего нельзя сделать?

— Точно. Против такой махины не попрёшь. Бесплезно, только потеряешь всё, что есть.

— И что теперь?

— А то, что мы попробуем потихоньку. Вдруг прокатит? Я не представляю, кого поставят главным, но вдруг какого-нибудь пафосного дурака?

— Там дураков не держат, будто не слышал.

— Слышал, но мало ли, как оно есть на самом деле? Так-то эта компания — не самое выгодное приобретение, зачем она умному человеку? Но всё равно, сидеть нужно тихо-тихо, как мышь под веником, и не высовываться. И свои дела делать потихоньку.

— А если накроют?

— Да кто накроет-то! Тут у нас ещё полгода разбираться, что и куда! Не очкуй, прорвёмся. Только тихо и аккуратно.

— Лады. Тогда до завтра.

— И тебе не хворать.

Мужчины разошлись по машинам и выехали наружу. Охранник глянул, убедился, что никого нет, запер ворота, выключил оставшийся свет, положил голову на сложенные руки и захрапел.

1. Вик

Потому что сказка никогда не кончится

Олег Медведев

Вик вернулся домой, как и собирался — в воскресенье вечером. Выходные прошли отлично — съездили с парой друзей до одного славного болотца на Олхинском плато и форсировали его на Виковом внедорожнике. Всё, как положено — в субботу доехали, разведали местность и рельеф, переночевали в зимушке неподалёку, а в воскресенье уже утопили машину, потом вытащили и пересекли-таки болото, да и время возвращаться в Иркутск подошло. Можно было заночевать в городе, но отец позвонил и велел быть вечером у него в Листвянке.

В Листвянку так в Листвянку. После того, что он уже проехал, ещё семьдесят километров никакой роли не играют. Да и ужина в городской квартире никакого нет, а у

отца тётя Нина голодным не оставит.

Вика ждали — ворота распахнули, едва он завернул на кривую, взбирающуюся в горку улицу. Кто-то из местных мальчишек, кажется — племянник Сашка, сын брата Майка. Точно, он, и какие-то его дружки-соседи с ним — каникулы же начались, вот их домой да спать никто и не гонит. Мальчишки с восхищением смотрели на грязную машину, осторожно трогали, а когда Вик уже поднимался по длинной лестнице к дверям дома, то слышал, как девятилетний Сашка важно рассказывает:

— Это специальная машина дяди Вика, её можно даже в болоте топить, и ей ничего не будет!

Тётя Нина встретила, заохала.

— Ух и грязный же ты! Вот была же охота тащиться в лес, там ни еды нормальной, ни воды, ничего! Так и простыть недолго, и желудок посадить!

— Тётя Ниночка, ты же знаешь — мне ничего не делается, — Вик аккуратно поцеловал тётку. — Отец дома?

— Где ж ему быть! Ты того, быстро в баню и за стол, тебя только ждём!

— Может я в душ, если быстро?

— Иди грейся, кому сказала! Мишенька уже там, тебя ждёт.

Ну если Майк уже там, то ему тем более пора. Заодно и узнает, что у отца за пожар.

Баня стояла во дворе на отшибе, к ней вниз от дома вела по склону горки ещё одна лесенка. Вик по детской привычке практически скатился вниз и затормозил ровно перед дверью.

— Явился, бродяга? — спросил Майк изнутри.

— Куда ж я денусь, — пробурчал Вик, закрывая за собой дверь, больше себе под нос, чем кому-то ещё.

Майк младше на год, но они всю жизнь вместе, словно близнецы. И всего им на двоих хватало — друзей, развлечений-приключений, потом, когда выросли, работы в отцовском бизнесе. Только вот у Майка есть семья, да какая — классная жена и трое детей, а у Вика не сложилось. То есть жена-то у него тоже была. Некоторое время. Но не срослось.

Потом они парились, и плескали на печку водой с пихтовым маслом, и скребли друг другу спины. Майк тоже неплохо провёл выходные — в субботу возил Сашку с друзьями через исток Ангары на старую железную дорогу Кругобайкалку, а сегодня тусил где-то в городе с приятелями-байкерами.

— Чего у отца вскипело, не в курсе? — спросил Вик, когда они, уже скрипяще-чистые, сидели на крыльце, завернувшись в полотенца, и отдыхали.

— Нет, он не раскололся. Видимо, хочет сказать всем разом.

— Тогда надо идти, — Вик поднялся, собрал в кучу грязную одежду, чтобы по дороге забросить её в прачечную комнату, и подождал, пока Майк уберет всё за ними внутри.

Потом оба стали неспешно подниматься в гору к дому.

Отец уже сидел за столом, и вместе с Лерочкой, четырёхлетней внучкой, кормил под столом кота Барса — пока тётя Нина не видит, она такого непотребства не потерпит. Не то, чтобы она могла указывать старшему брату, что делать, но фыркать станет непременно.

Вик усмехнулся про себя — ага, увидели бы сейчас Валентина Ледяного его многочисленные недруги, на месте бы попадали. Сам, лично, возится с внуками и котами — где это видано? Но вот ведь — сидит, подмигивает Лерочке, Лерочка радостно смеётся, кот с урчанием что-то ест, скрывшись под скатертью, только кончик хвоста из-под скатерти

виднеется и слегка поддрагивает. Мать Лерочки и жена Майка Алиса тоже сидит рядом и улыбается. Сашка успел проводить друзей и помыться, изо всех сил делает вид, что воспитанный, но нет-нет, да и заглянет под скатерть, чуть все приборы не перевернул. Младшего в их семейке, двухлетнего Фёдора, не было ни видно, ни слышно — однако, уложили спать и оставили под присмотром няни. Вик поздоровался со всеми, с отцом — за руку, поцеловал Алису и Лерочку, и уселся на своё обычное место.

Впрочем, тут вошла тётя Нина и все сделали вид, что ничего особенного не происходит, подумаешь — хвост из-под стола торчит и подёргивается в такт урчанию. Она скомандовала паре помощниц выгружать на стол картошку, мясо, нарезанный кусками пирог, кувшины с морсом и квасом, и блюдо с хлебом, затем отпустила их. Разные закуски уже стояли на столе — малосольный омуль, домашняя буженина — её кусочки и перепали коту, солёные огурчики, маринованные помидоры, и даже солёные грузди ещё с прошлого лета остались. За черемшой съездить в следующие выходные, что ли, подумал Вик. Да и тайга сейчас цветёт — травы всякие собирать самое время, багульник там свинячий, брусничный цвет, можно даже на Аршан мотнуться, там саган-дали, тоже подсобрать бы в запас. Чай с травами все в семье любят.

Но отец прервал эти благостные раздумья самым безжалостным образом.

— Я ж специально дождался, пока вы все соберётесь, чтобы новости рассказать. Так вот, добавил я вчера Генку Недолубова. И его транспортная компания теперь наша.

— Поздравляю, — разом сказали Майк с Алисой и рассмеялись оба.

— Ну ты даёшь, — восхитился Вик.

Транспортная компания Недолубова занималась перевозкой разнообразных грузов. И не меньше половины оборота компании делали грузы от Ледяных — преимущественно лес, но компания работала плоховато. Где-то водители опаздывали, где-то документы задерживались, где-то условий транспортировки не соблюдали. И отец решил, что чем создавать с нуля своё собственное подразделение, проще взять уже готовое и привести в порядок. И предложил Недолубову продать фактически убыточное имущество.

Недолубов не горел желанием расставаться с компанией. Быть независимым и иметь в партнёрах холдинг Ледяных — это дорогого стоило. Другое дело, что для сохранения этого статуса нужно было не спать и не тупить, а рвать задницу на работе, как поступали все другие партнёры и сотрудники Валентина Ледяного, начиная с его собственных сыновей. А Недолубов не напрягался. И люди его тоже не напрягались.

— И чем ты его взял? Неужели поднял цену? — спросил Вик.

— Делать мне нечего, только цену поднимать, — проворчал отец. — Грешки за ним водятся кое-какие, так я пригрозил, что о них узнают те, кому следует. Сам виноват, согласился бы сразу — не дошло бы до такого.

— И когда сделка? — нахмурился Майк.

— Завтра, — улыбнулся отец. — В девять утра, в конторе. Вы мне нужны там, оба. А потом ты, — палец упёрся в Вика, — поедешь к ним в офис и займёшься ими плотно.

— В смысле? — так-то у Вика были на завтра и другие дела, он был одним из топ-менеджеров семейного холдинга и занимался договорами на поставки.

Вообще всякими, но преимущественно международными.

— Это будет твоё дело на ближайшее время. Станешь там генеральным директором. Посмотришь на людей, вычистишь всех бездельников и дармоедов, наймёшь нормальных, и пусть оно уже наконец-то заработает. Своё срочное передашь Владу, или Михаилу, если во

Влада не влезет.

Владом звался заместитель Вика, друг и однокурсник по нархозу, которого отец присмотрел ещё тогда, сто лет назад, когда учились, и зазвал работать. А Михаил, он же Майк, занимался координацией работы добывающих и заготовительных подразделений. Двоюродный брат Артём, сын тёти Нины, с недавних пор работал в службе техподдержки. Старшего внука, девятилетнего Александра, Валентин Фёдорович Ледяной тоже видел и в будущем сотрудником корпорации, но тому ещё было учиться и учиться. Вик полагал, что и на младшего внука, двухлетнего Фёдора, у деда есть какие-то планы. Заниматься чем-то вне корпорации в семье можно было только девочкам.

Они отправили детей спать, выпили за успех и за завтрашнюю сделку, потом отец сказал, что тоже уже пойдёт.

— Не засиживайтесь, ладно? И Виктор, Полиньке позвони, что ты вышел из лесу.

Точно, надо позвонить, а потом уже можно и спать. Вик активировал контакт и услышал в телефоне далёкий голос.

— Мама Полинька, привет. Я дома, со мной всё хорошо. Что со мной может случиться? Погуляли по лесу, ничего особенного. Я тоже тебя люблю.

2. Вероника

Siano grabała, owies wiązała, po tej robocie tydzień leżała
(Сено сгребала, овёс вязала, после работы неделю лежала)

Польская народная песня

Утро понедельника не заладилось у Вероники с самого начала.

Во-первых, выходные прошли под знаком пахоты на даче, и всё тело болело до сих пор. После дождей, случившихся на прошлой неделе, грядки заросли травой, а всякой морковки-капусты из-под травы и видно-то не было. Ясное дело, у мамы давление, сестрица Катерина сессию сдаёт, кому полоть? Правильно — Веронике. А ещё всех привезти, увезти, закупить продуктов на два дня для людей и корм для собаки Мухи.

Во-вторых, после огородных работ с ногтя среднего пальца на правой руке слез гель, а маникюрша Надя уехала в отпуск, и умолять принять перед работой и спасти было решительно некого. Пришлось подпилить ноготь, покрыть бесцветной базой и понадеяться, что никто его сегодня детально рассматривать не будет.

А в-третьих, с утра Веронике предстояло крайне неприятное дело. Транспортная компания «ГН», в которой ей выпало работать финансовым директором, погрязла в долгах. И то, что банкротства до сих пор не произошло, во многом было заслугой именно Вероники Андреевны Ласточкиной. Она убеждала, предлагала варианты, выжимала из клиентов выплаты в срок и держала компанию на плаву.

Сегодня Вероника собиралась отправиться в банк и убедить отложить на неделю платёж, который должен был пройти до ноля часов следующего дня, семнадцатого июня. Она прокрутила в голове пару вариантов разговора, проверила в сумке все подготовленные документы — о суммах, которые должны поступить вскоре, и благодаря которым платёж может быть совершён, но опасалась, что в третий раз номер уже не пройдёт.

Тем не менее, Вероника должна была сделать всё возможное.

В банке её ждали в девять. Хорошо, хватило ума выехать не впритык — добираться на другой берег, понедельник, всегда есть шанс встрять. И точно — авария на новом мосту, здравствуй, пробка. И дальше только молиться.

Телефон истошно заверещал, так звонили коллеги с работы. Точно, Маргарита Романовна, зам. Что ещё случилось?

— Доброе утро, Маргарита Романовна!

— Кому доброе, а кому как. Вам Женька не звонила? — Женька, то есть Евгения Васильевна, глуповатая девица почти тридцати лет, исполняла обязанности секретаря генерального директора, Недолубова.

— Нет пока, слава богу.

— А вот и не слава. Говорят, шеф компанию просрал.

— Что? — ну нельзя же так, с утра в понедельник!

— Что слышите. С потрохами продал Ледяному.

— От кого информация?

— Да от Женьки, холеры такой! Якобы он ей утром позвонил и сообщил. А у неё же язык во рту не держится, ей же надо всем показать, что она всё знает. Вы-то сейчас в банк, так?

— Куда ж ещё!

— Ну да, платёж сам собой не рассосётся.

Телефон запикал — ещё один звонок.

— Простите, Маргарита Романовна, мне, однако, звонит сам шеф. Перезвоню потом, — Вероника разорвала соединение и ответила шефу: — Здравствуйте, Геннадий Васильевич.

— Андреевна, ты где? — спросил шеф.

Да-да, вопросы о Никах, Ничках и даже Верониченьках они закрыли давно, когда он к ней поначалу подкатывал, а она ему недвусмысленно отказала. Невысокий плешивый Недолубов, с крючковатым носом, кустистыми бровями и водянистыми зеленоватыми глазами никак не совпадал с её идеальным образом мужчины, даже если бы не был шефом. Так и выродилась эта самая Андреевна.

— В пробке, — сообщила Вероника. — А так еду в банк, у нас, если вы не забыли, платёж должен пройти завтра в ноль-ноль часов, на который есть едва ли треть суммы.

— Мать-мать-мать, — донеслось из трубки.

То есть ни хрена вы, Геннадий Васильевич, не помните. Потому что у вас есть Андреевна, которая помнит. Удобненько.

— Понимаю вас, но решить вопрос сегодня всё равно нужно.

— Да, но тут такое дело, — начал бляеть шеф. — Понимаешь, Андреевна, в субботу Ледяной, гад такой, совсем в клещи взял и поставил невыразимые условия. В общем, продаю я ему всё. Глядишь, он и порядок наведёт какой-никакой, и денег найдёт. Но если ты в банк, то как мы без тебя договор подпишем?

— Маргариту Романовну берите. Она с правом подписи. Если я за себя сейчас в банк кого-нибудь другого пришлю, дело не выгорит.

— Да понял я, понял, — вздохнул шеф. — Ладно, удачи тебе там, пусть всё получится.

Далее Вероника звонила Маргарите Романовне и сообщала ей новость из первых, так сказать, рук, и просила съездить вместо неё на подписание договора. А потом пробка, наконец-то, закончилась, и можно было уже ехать и думать.

Валентин Ледяной и его холдинг с невыразительным названием «Продлес» не сходили с языков сотрудников «ГН» уже полгода. Ледяной был крупным клиентом компании — так сложилось ещё с девяностых, какая-то там была не то дружба у них с Недолубовым, не то какое общее прошлое, деталей Вероника не знала. Но Ледяного не устраивало, как компания

в последние годы работала. К слову, Веронику этот пункт не устраивал тоже, но единственный разговор на эту тему с Недолюбовым расставил все точки по местам — он начальник, он знает лучше. Не нравится — вон бог, а вон порог.

Веронике не нравилось, но искать новую работу не нравилось ещё больше. У мамы пенсия не ахти, сестрица Катерина учится на платном, и бюджет ей не светит от слова «совсем», поэтому кто будет всех кормить? Правильно, Вероника.

Нет, конечно, есть ещё квартира, которую купили на причитающуюся маме часть дедова наследства. Крошечная полукомнатная малосемейка на Советской, напротив Танка. Она сдаётся, и деньги мама складывает не то на счёт, не то ещё куда, Вероника давно решила, что всем будет проще, если маму об этих деньгах не спрашивать. А лишний раз купить продуктов не сложно, деньги-то есть. Вот когда не было — там другое дело, а сейчас всё проще. Но чтобы было это «проще», нужна хорошая работа.

Мама, Любовь Ивановна, была замужем дважды. Отец Вероники, Андрей Петрович царство ему небесное, был алкоголик. Тихий, спокойный, но запойный. Поэтому деятельная Любовь Ивановна терпела-терпела, да и выгнала его к хренам. Отец Катерины Василий Михайлович сначала глядел соколом — как только в доме появился, но когда Любовь Ивановна забеременела и вышла за него замуж, то скоро оказалось, что он ничем не лучше её первого мужа. И даже хуже, потому что тот был тихий и интеллигентный, а этот буйный. Как только ему в рот попадали несчастные пятьдесят граммов, он тут же полностью слетал с катушек — орал, матерился, бил посуду, ломал мебель, да и Любви Ивановне тоже доставалось.

К настоящему моменту и отец, и отчим тихо лежали на Смоленском кладбище, в нескольких сотнях метров друг от друга. Мама ходила и к одному, и к другому, ухаживала за могилами, высаживала весной цветы и делала всё прочее, что положено.

Катерина выросла девицей балованной и ни в чём отказа не знающей. Чего это стоило маме — представляла только Вероника. Сейчас сестрица в третий раз пыталась получить высшее образование — теперь из области психологии. Журналистика и экономика уже отпали в полуфинале — не потянула. Она не хотела ходить на занятия и что-то там изучать, и тем более она не хотела работать. Она хотела тусить с друзьями и путешествовать. Кто ж этого не хочет, только, извините, на какие шиши?

Сама Вероника с отличием окончила нархоз и ни дня в жизни не сидела без работы. В итоге к тридцати двум годам доработалась до руководящей должности и очень приличной по иркутским меркам зарплаты. Но дома она должности не называла и сумму зарплаты не озвучивала, потому что копила на первый взнос за квартиру. Хоть студия в дальнем конце Ново-Ленино, но чтоб своя. И жить уже отдельно. И не слушать маму о том, что она Вероника, живёт неправильно. И Катерину тоже не слушать, а то и она взяла моду рассуждать — зачем, мол, учиться, если потом жить так, как сестра — тридцать с гаком, а ни ребёнка, ни котёнка, не говоря уже о мужике!

В общем, терять работу было нельзя. Нужно было крутиться, потому что пока «ГН» на плаву, она тоже на плаву. А что будет теперь, когда изменится собственник — никто не знает.

Вероника нашла, где припарковаться, чтобы не очень далеко от банка, взяла сумку с документами и отправилась внутрь.

3. Вик

И что там будет ещё — предположить не могу.

Олег Медведев

В понедельник утром стартовали из Листвянки ни свет, ни заря — мало ли, какая пробка на Байкальском тракте, а в офисе нужно быть вовремя. Отец настоял на том, чтобы всё путём, с водителями и с охраной — а то, говорит, с тебя станется на твоём болотном тарантасе в люди припереться. И это при том, что у самого внедорожники водились всю жизнь, и он очень хорошо понимал, каково это — ехать по улицам и на всех сверху поглядывать. Но сказал, как отрезал — сели и поехали.

Что-то водили в семье все, даже старшее поколение — тётя Нина и Полинька. Но почтенные дамы предпочитали, чтобы их возили. Из молодёжи, как Вик до сих пор воспринимал себя и остальных, плохо водила разве что сестрёнка Линочка, ну она вообще с техникой не очень дружит, у неё другие сильные стороны. Все остальные охотно садились за руль чего бы то ни было. Отец, конечно, в последние годы предпочитал, чтобы везли — но это для него был вопрос статуса. И свои машины он позволял водить только своим водителям, и ещё сестрёнке Элочке по большой к ней любви, а больше никому. Сестрёнка Элочка машину водит, как последняя стерва, было время, из аварий не вылезала, но потом наловчилась и стала крута невероятно. Всё равно хорошо, что не в Иркутске живёт, здесь бы её день-деньской на дороге материли. Надо позвонить, кстати, и ей, и сестрёнке Линочке, рассказать новости, только у них ещё ночь глубокая, надо подождать.

Болотный-то тарантас пришлось вручать водителю Володе, чтобы отогнал в мойку, привёл после тайги в порядок, а потом уже, вечером, вернул хозяину.

Так потихоньку, в размышлениях, и доехали до офиса. Старинный особнячок в центре, между улицами Марата и Степана Разина, раньше был партийным имуществом, а в девяностые отец как-то смог его отжать. И обжить. Два этажа, подвал, гараж, парковка.

Все сотрудники на местах — ещё бы, главный приехал. Да и про сделку, видимо, какие-то слухи просочились. Все, кто хоть чего-то стоил, уже по дороге до кабинета подошли к отцу и вежливо выразили поздравления.

Не успел Вик прийти к себе, как появился Влад. Владислав Вершинин, однокурсник коллега и добрый приятель.

— Ну хоть ты расскажи, сколько правды в слухах, — усмехнулся он.

— А это смотря в каких, — Вик кивнул ему на кресло.

— Про то, что мы купили Недолубова.

— Это, знаешь ли, уже не слухи. И более того, я с момента подписания договора пойду туда генеральным, а ты сядешь на моё место здесь.

— Валентин Фёдорович решил?

— Ну а кто же? Конечно. Радуйся.

— Это ты радуйся — пойдёшь на вольные хлеба.

— По слухам, те вольные хлеба ещё сто лет в порядок приводить, они там засрались по уши, все в долгах, как в шелках.

— Может там есть кто приличный, ты сразу-то сплеча не руби, — усмехнулся Влад. — Так-то они тонут давно, но ещё пока не потонули.

— Думаю, разгляжу. А ты садись и слушай, я должен сдать тебе дела. Сам пойдёшь сегодня к корейцам, и будешь с ними беседовать.

Корейцы хотели лес Ледяных для какого-то дела здесь, в Иркутске, но кочевряжились, как будто им гнилушку из того болота предлагали, а не приличную древесину, и процесс обсуждения условий договора тянулся уже второй месяц. Вик рассматривал его, как божеское наказание, и стоически терпел. Теперь терпеть и уговаривать будет Влад. Хоть

что-то хорошее!

И тут зазвонил телефон. Отец звал в конференц-зал и Виктора, и Владислава.

4. Вероника

Сам не свой сегодня я с начала дня

Олег Медведев

В офис Вероника приехала только к обеду. И что, как тут с новостями? Два верхних — девятый и десятый — этажа бизнес-центра на берегу Ангары, в районе Верхней Набережной, сегодня стояли вверх тормашками. Пока Вероника шла до своего кабинета, её раз пятнадцать спросили — что и как. Оказалось, что Маргарита Романовна как уехала с утра, так пока ещё и не вернулась, равно как и шеф. Так что деталей пока не знал никто. Или Недолюбов уже бывший шеф?

В общем, отчитываться было некому. Задуманное удалось, пришедший по дороге в голову экспромт сработал на «отлично». Ок, будем заниматься текущими делами.

Сосредоточиться не дали — заверещал телефон, секретарша шефа Женя известила, что всех замов ждут в кабинет директора к семнадцати ноль-ноль. Что это — передача полномочий? Знакомство? Что-то еще?

Маргарита Романовна вихрем влетела в кабинет. Несмотря на свои пятьдесят плюс, она отлично выглядела — занималась йогой, ходила в пешие походы с палаткой летом и на лыжах зимой, в общем — вела активный образ жизни. Плюс креативно стриглась и умело красилась.

— Ну что я вам скажу, душа моя Вероника Андреевна, продали. С потрохами нас продали. Скажите Алёне, пусть кофейку сделает?

Конечно же, Вероника хотела знать подробности, поэтому попросила секретаршу Алёну сбегать в ближнюю булочную за свежей выпечкой, и сделать им троим кофе.

Алёна замачивала в двух вёдрах орхидеи из кабинета Вероники, по понедельникам у орхидей был поливочный день. Поставила последний из семи горшков, и убежала.

— Рассказывайте, не томите.

— Сама-то как? Удалось?

Ну да, их пока ещё не уволили, так что работа должна выполняться.

— Удалось. Опять божилась, что в последний раз. Почему-то поверили. Так что там, с Ледянными?

— Что, все трое были, красавчики, и отец, и оба сына. И представь, нашим новым генеральным будет не какой-то там собачий хрен с горы, а старший сын, Виктор Валентинович, значит. Сейчас они обедать куда-то подались, Ледяные и наш недогрызок, а потом он их сюда привезёт и будет тут им всё показывать.

Маргарита Романовна не любила ставшее сегодня бывшим начальство.

— Угу, Женя уже сообщила, что в семнадцать ноль-ноль быть в кабинете Недолюбова.

— Уже Ледяного, договор-то подписан. Я даже ничего девчонкам не говорю, ясное же дело, что никто не работает сегодня, все только таскаются из кабинета в кабинет и новости обсуждают. Светику только не повезло, ей релиз писать и в прессу пропихивать.

Бывшая журналистка Светлана Литвинцева представляла в одном лице пресс-службу компании «ГН».

— И наверное, потом ещё организовывать всякие интервью с новым шефом — о новой политике, — фыркнула Вероника.

Пришла Алёна, тряхнула светлым хвостиком волос, накрыла стол для кофе.

— Вероника Андреевна... а это правда? — спросила она, затравленно глядя на начальство.

— Правда, — кивнула Вероника. — Маргарита Романовна собственной персоной засвидетельствовала подписание договора.

— И... что теперь? — Алёна была на десять лет младше Вероники, но уже успела родить двоих детей, отец которых растворился где-то в туманной дали.

— Кто ж знает, что теперь, — пожала плечами Вероника. — Но если я останусь, то и тебя никто не тронет.

— Да как они без вас-то, — пробормотала Алёна.

— Ты думаешь, у них нет своих финансистов?

— Есть-то есть, да только знают ли их финансисты наш контекст? — спросила Маргарита Романовна.

— Узнают, — махнула рукой Вероника. — Давайте пить кофе и не будем бежать впереди паровоза. Посмотрим на этого Ледяного, я, честно говоря, в глаза не видела ни его самого, ни его домочадцев.

— Выглядят как надо, — усмехнулась Маргарита Романовна. — Недолюбов им в подмётки не годится, ни старому, ни молодым. Костюмы из такой ткани, что сразу видно — стоят большие тыщи. У самого — булавка в галстук, с бриллиантом, не иначе. У всех троих запонки. Сам большой, лысый, с брюшком, но при этом движется проворно и видит всех насквозь. Детки помягче как будто, но тоже взгляды непростые.

— Может, кто из них не женат? И ему глазки построить? — пробормотала Алёна.

— Алёнушка, забудь. Сам женат на итальянке несравненной красоты, она у него не то княгиня, не то графиня, не то ещё кто. Женат уже столько лет, сколько ты на свете не прожила. Говорят, что эта итальянка — половина его связей, а если брать международные — так и все, наверное, — сообщила Маргарита Романовна.

— Итальянка? — вытаращилась Алёнка. — Где ж он её такую взял? И что, правда, вот прямо красивая?

— Забей в гугл — «Валентин Ледяной с супругой», — усмехнулась Маргарита Романовна. — Скажи — картинки. Тебе и покажут.

Алёна метнулась к телефону, выполнила, что сказали.

— Ой, — уважительно сказала она. — И правда, красивая. И сколько же ей лет?

Вероника взглянула — очень представительный крупный мужчина в годах под руку с изящной стройной дамой, иначе не скажешь, в алом вечернем платье. Возраст дамы не поддавался определению. У дамы высокая причёска из длинных волос, в причёске диадема, в ушах и на шее сверкающие камни. Смотрят друг на друга, глаз не сводят.

— А сколько лет — считай сама, детки-то уже весьма взрослые. И кстати, младший сын, Михаил Валентинович, тоже давно женат, и с выводком детей. Но мы его здесь вряд ли увидим. Перспективен только старший, тот самый, который наш новый шеф, он несколько лет как разведён, и никто не знает, что они с бывшей не поделили. Только ему уже под сорок! — сообщила Маргарита Романовна.

— Да ну и что, главное, не то, что под сорок, а что у него деньги! — говорила Алёна. — Мне, конечно, родители помогают, но это пока, дальше расходов будет только больше, и как мне их тянуть? Ванечку и Манечку нужно отдать в хорошую школу, и ещё в спорт, и на музыку, а сколько всё это стоит?

— Раз так — дерзай, Алёнка, — Маргарита Романовна похлопала секретаршу по

плечу. — Расскажешь потом, что у тебя вышло.

А Вероника подумала — как хорошо, что у неё из подопечных только мама и Катерина. Были бы ещё дети — вообще был бы капец.

5. Вик

Кто-кто в теремочке живёт?

Русская народная сказка

Рабочий день закончился уже после десяти вечера. Вик понимал — теперь пока он не приведёт в систему доставшийся ему с лёгкой отцовской руки зоопарк, то заканчивать работу раньше не получится.

Утром подписывали договор. Со стороны продавца присутствовали сам Недолубов и тётка в возрасте, она оказалась замом финансового директора. Финансовый директор — тоже тётка — по словам Недолубова, решала что-то срочное в банке.

Согласовали и подписали без проблем, Недолубов уже покуражился вволю, пока отец его уламывал, а теперь был тих и смирен. После подписания поехали обедать, и только потом — в новую контору. Поехали всем кагалом — не только Вик, но и отец, и Майк.

Недолубов проводил всех в кабинет на верхнем этаже бизнес-центра и всё показал, познакомил с секретаршей — разбитная деваха Евгения, и судя по всему, Недолубов её потрахивал. Вик подумал ещё, что не уверен, хочет ли лицезреть в приёмной этакое чудо в слишком сильно расстёгнутой блузке, короткой юбочке и чёрных ажурных колготках. Жующее жвачку. И даже не был уверен, захочется ли с ней такой переспать, а она-то уже всю подавала соответствующие сигналы. Наверное, так и попала на это место. Уже даже интересно — она только услада боссу, или работать всё-таки хоть как-то умеет?

Где-то на этом этапе позвонил Влад, только что вернувшийся от корейцев, рычал и матерился. Так-то, друг дорогой, побудь и ты начальником, ты вроде хотел.

Далее была экскурсия по офису и представление нового барина, то есть Виктора Валентиновича, коллективу. Собирать всех в кучу не стали, просто прошлись по двум этажам. А потом уже и замы подтянулись. Зам по логистике, главный инженер, он же технический директор, финансовый директор, зам по кадрам, зам по договорам, зам по ахч и зам по безопасности. По кадрам, по финансам и по договорам — тётки. Остальные — мужики.

Им представили Ледяных, Ледяным представили их. Недолубов, надо отдать ему должное, соловьём разливался, рассказывал, какие у него крутые сотрудники. Ну да, ну да. Были бы крутые — в жопе не сидели бы. Вик всем сказал, что назначит завтра в течение дня для каждого время, чтобы поговорить о его непосредственной работе.

Пока суть да дело — уже и восьмой час. Отец кивнул — мол, отпускай всех — и сказал, что теперь нужно обсудить дела втроём и на нашей территории. Поехали в отцовский офис (господи, думал Вик, теперь у меня отдельный офис, вот дожил-то), там им уже накрыли стол и все дела.

Обсудили впечатления — от дня, от людей, от всего, в общем. Отец похвалил их зама по безопасности — мол, хорошо всё устроено по этой части, и финансисток, что если бы не они — компания давно бы совсем утонула. Ну, наблюдали двух, утром зама главной — бодрая такая тётка под полтинник, и потом главную. И тут Майк, как отец вышел, возьми да скажи — Недолубов-то дурак, раз трахал свою секретаршу размалёванную, я бы, если бы была нужда, лучше бы замутил с рыженькой финансисткой. Вик попытался вспомнить — как там она хоть выглядела-то? Но ни черта не вспомнил. Сказал Майку, что это он дурак, и поехал

домой.

А дома Вику всё же сделалось интересно — кого там брат ему присватал? Он достал телефон, в почту список сотрудников скидывали, и нашёл — ага, Ласточкина Вероника Андреевна. Тридцать два года, не замужем, детей нет. Образование — высшее экономическое, альма-матер у них одна, диплом с отличием. Дальше сто пятьсот курсов повышения квалификации и несколько рабочих мест, каждое последующее — с повышением в должности.

Нашёл профиль в контакте, посмотрел фотки. Ну да, рыженькая. Волосы до плеч. Высокая, стройная. Зеленоглазая. И с ней, блин горелый, прежде всего — работать. Уже прямо завтра. Вот пусть приходит и рассказывает, почему новый генеральный директор Виктор Ледяной не должен её увольнять.

б. Вероника

На златом крыльце сидели:

Царь, царевич, король, королевич...

Считалочка

Утром не сразу удалось установить источник противного звука. Но через несколько секунд Вероника поняла, что это её родимый будильник. И вообще — шесть сорок пять, вторник, до субботы как до Китая пешком, а на работе новый генеральный директор, с которым назначена встреча в два часа.

Вчера Вероника добралась домой поздно — пока разговаривали разговоры с новым начальством, пока преодолела остатки пробки на новом мосту, да потом ещё на свороте с моста на Кузьмиху тоже что-то стояло. С порога вывалила на маму новость — начальство сменилось, и теперь одному богу известно, оставят её на работе или нет. Наскоро что-то поела, постояла под душем, полила фикусы и фиалки на балконе и, подобно секретарше Алёне, замочила в тазах орхидеи, и потом только ушла к себе в комнату.

И чёрт её дернул пойти в сеть и посмотреть, что вообще известно про то самое их новое начальство!

В контакте у Виктора Ледяного аккаунта не было. Был Михаил Ледяной — судя по фото, тот самый младший брат, также — Алиса Ледяная, Лина Ледяная, Анна Ледяная и Артём Ледяной. У двоих последних вместо фоток стояли картинки из мультиков.

В одноклассниках из названных нашлись и вовсе только Лина и Артём.

В фейсбуке было интереснее. Там Вероника нашла аккаунт Виктора Ледяного, но он не писал в нём по-русски. Ни слова. А писал на разных, не поверите, иностранных языках. Вероника нормально опознала только английский, в профиле у него значились ещё французский и итальянский. Потом она с удивлением увидела огромную вкладку «родственники», и там не было ни одного нормального русского имени! Впрочем, нет. Вот Михаил, написано — Майк. Вот — Лина? Лианна? Черт их разберет. Алиса тоже нашлась. Вот ещё Полина, кто это? Ух ты, это же супруга главного, судя по фотке! Образование — римский университет Сапиенца, город проживания — Рим. Вот определённо семейное фото, размещено в апреле — трое мужчин, которых она сегодня видела, плюс итальянская графиня, плюс две женщины возраста Вероники — одна с пышными пепельными волосами, отмечено — Алиса, вторая — брюнетка с длинной косой, отмечено — Лианна. И четверо детей — мальчик и девочка младшего школьного возраста, мальчик похож на самого старшего Ледяного, девочка — на итальянскую графиню, плюс девочка-дошкольница и младенец на руках пепельноволосой женщины. Подпись была даже не по-английски, гугл-

переводчик расшифровал язык как итальянский и сказал, что написано там «День рождения нашей любимой мамы». Ещё в родственниках значилось несколько человек с явной французской фамилией, Вероника не знала, как её правильно прочитать. Там упоминались двое мужчин с именами Поль и Филипп, и четыре женщины — Маргарита, Клэр, Моника и Элоиза.

Интересно, подумала Вероника, во что такое сегодня вляпались все сотрудники компании «ГН», ныне филиала «Продлеса»?

Сталкинг в сети занял непростительно много времени, спать Вероника легла уже после двенадцати. Ничего, будем прорываться.

Наутро до работы удалось добраться практически без проблем и пробок. Попросить Алёну сделать кофе, проверить почту. О, из банка. Что у нас? Ага, письменное подтверждение согласия раздробить необходимый платёж на три части. Первая сегодня, вторая до конца недели, третья на следующей. Вероника взялась за телефон и велела бухгалтерии готовить документы, плюс отследить, как там дела с обещанными до конца недели выплатами от клиентов, и сразу же сообщать ей.

Бухгалтерия сработала оперативно, первый платёж ушёл даже до обеда. Уф, можно выдохнуть.

В кафе на первом этаже, куда все они ходили обедать, Вероника увидела Марину Бойко, зама по кадрам. Ей новый шеф назначил на одиннадцать утра, наверное, уже переговорили. Было любопытно, поэтому она подошла к её столику.

— Привет. Ты как, отстрелялась уже?

— Ой, Вероничка, солнышко, привет, — Марина всегда была немного приторная. — Да, так славно поговорили, всё по делу, он прямо на лету ловит, что у нас и как. Мне кажется, будет намного лучше, чем раньше, вот.

От Марины со страшной силой несло какими-то убойно-сладкими духами, глаза были умело и ярко покрашены, верхняя пуговица блузки — расстёгнута, на шее переливалась тонкая цепочка с бриллиантовой подвеской. Стриженные волосы как-то по-новому уложены. Неужели Марина тоже клюнула на то, что новый шеф не женат, прямо как её Алёнка? Так-то у Марины муж и сын...

— Ну и хорошо, — кивнула Вероника.

— Ты же ещё не ходила?

— Нет, первая после обеда.

— Удачи тебе, — улыбнулась Марина. — Расскажи потом, хорошо?

— Конечно, — кивнула Вероника и пошла к своему столу, где Маргарита Романовна уже командовала официанту, куда ставить какие тарелки.

После обеда Вероника забежала к себе, взяла заготовленную папку и отправилась в противоположный конец коридора — где находился кабинет начальства. Раньше она заходила туда спокойно, когда ей нужно было, и, прямо скажем, не всегда соблюдала принятую субординацию — потому что Недолюбов нередко тупил, ныл, говорил — «ну Андреевна, ты же знаешь, что делать, сделай, пожа-а-а-алуйста, ну позвони им сама, ну скажи, что меня нет, что я пропал, провалился, и что деньги будут когда-нибудь непременно». Вероника надеялась, что с новым шефом не будет подобных проблем. Но не появятся ли другие?

В приёмной было тихо. Женька не болтала ни с кем по телефону, как она делала обычно, а с непривычно печальным видом сидела за своим компьютером. В нарушение

своих традиций она была почти не покрашена, выбеленные волосы собраны в хвост, а блузка наглухо застёгнута на все пуговицы. И вечной жвачки нет.

— Проходите, Вероника Андреевна, — грустно сказала она, — Виктор Валентинович вас ждёт.

Вероника нажала на дверную ручку и вошла.

— Добрый день, Вероника Андреевна, — новый шеф встал из-за стола, внимательно её оглядел, пожал ей руку (ну ничего себе, как бывает — подумала она), и предложил сесть.

Наконец-то у неё появилась возможность его рассмотреть. Высокий, крепкий, мощный, волосы русые, не как другого брата. Глаза — серые. Взгляд цепкий, внимательный, но — не враждебный. Аккуратная бородка и усы. Костюм в тон глазам, сидит как влитой, в самом выгодном свете показывает и разворот плеч, и стройную фигуру. В галстук булавка, на манжетах — запонки. Обручального кольца — нет.

Ну, держись, Виктор Ледяной. Тебе ж наши бабы и девки продохнуть не дадут.

7. Вик

Что этот вот крут, а этот вот нет, а этот вот так — ни то и ни сё

Олег Медведев

С утра началось знакомство с сотрудниками. Нет, вчера Недолубов представил их троих коллективу, но Вику нужно было составить собственное мнение о тех, кто оказался под его рукой.

Первым был Дмитрий Сергеевич Померанцев, зам по логистике, сорока двух лет, женат, двое детей школьного возраста. От него зависело здесь если не всё, то очень многое, и он должен был быть в курсе, почему компания не выполняет контрактов в сроки, срывает доставку и постоянно попадает то на штрафы, то на долги.

Признаться, он произвёл на Вика хорошее впечатление. Связно рассказал о старом парке техники, который постоянно ломается, о том, как был взят кредит на новые машины, тот самый, который сейчас не может быть погашен, потому что новых машин только пять процентов от общего количества и поставить их на все рейсы нет никакой возможности. Показывал графики, таблицы и схемы, в общем — был убедителен. Проговорили около часа, Вик записал себе несколько вопросов, которые собирался задать потом другим.

Следующей пришла Марина Борисовна Бойко, зам по кадрам. Тридцать четыре года, замужем, есть сын. Ну вот, подумал Вик, сразу видно, что тётка, мать её. Духами разит так, что хоть прямо тут же окно открывай проветривать. Да-да, не женщина, а именно тётка. Баба. Ещё и блузку расстегнула, что-то там у неё на шее поблёскивает, неужели думает, что ему делать нечего, только рассматривать?

Он и так предубеждён против них всех достаточно сильно, неужели непонятно? А как бы менеджер по персоналу, должна понимать такие-то простые вещи.

Она ещё и блондинка. А это в его глазах тоже минус.

Вик взял пульт от кондиционера и прибавил холода. Вдруг замёрзнет и сбежит?

Марина Борисовна села и только что не запела. Какой у них штат, сколько каких должностей, откуда люди и кого не хватает. По её словам выходило, что все сотрудники просто изумительны и лучше не бывает. Чего ж тогда контракты срывают, не только же из-за поломок машин? Марина Борисовна захлопала глазками и пробормотала, что исключения бывают везде.

После её ухода он и впрямь открыл окно. Выглянул в приёмную — там ли чудо по имени Евгения Васильевна? В другой ситуации звал бы Женькой и не парился, а тут, чёрт её

дери, придётся соблюдать правила. Она уже вчера пыталась в глаза заглядывать и как бы случайно руки касаться, когда кофе подавала. Пришлось строго глянуть и сказать, что не следует находиться в таком виде на рабочем месте. Помогло — сегодня тело из одежды не торчало, и волосы не лохматились.

Чудо сидело на месте и пялилось в почту. Вик открыл дверь, пусть в кабинете проветрится.

— Евгения Васильевна, будьте добры, сделайте кофе.

— Секундочку, Виктор Валентинович, — кивнула она.

Нацедила из машины в чашку кофе, положила на блюдце три кусочка сахара и передала ему. Вик присел на край стола и в задумчивости пил кофе.

Тем временем Женька вышла в коридор и заорала на весь этаж:

— Серёжа! Рома! Ваня! Я не помню, чья очередь!

Кто-то к ней подошёл, она взяла в углу приёмной и сунула парню в руки пустую пятилитровую пластиковую бутылку. И вернулась за стол.

— Евгения Васильевна, что это было? — изумился Вик.

— Так я же последнюю воду в кофемашину вылила! А в трубах ржавая бежит, с самого начала, как заехали! Вот и ходим на колонку, ладно ещё, что недалеко, осталась с тех времён, когда вокруг частный сектор был! А не сама же я буду воду таскать! — громко и эмоционально сообщила Женька.

— А кулер поставить не судьба?

— Так Геннадий Васильевич был против! Говорил, баловство это всё, а вода в колонке хорошая. Вот мальчики из техподдержки и ходят за ней по очереди. А я им кофе варю.

Господи, ещё и трубы ржавые. Вик уже не знал, что делать — ржать по-конски, ругаться матом или позвонить отцу и поблагодарить за то, что нашёл ему такую нескучную работу.

Сейчас ещё одна тётка, и после обеда — третья. Подумал — если будут так же вонять — уволью всех нахрен.

Он как раз успел допить кофе, когда появилась зам по договорам — Наталья Викторовна Синяева. Сорок девять лет, замужем, дети, и как бы не внуки.

От этой ничем дрянным не пахло, так что можно было нормально поговорить — с кем контракты, какие условия, какие особенности, какие проблемы. Как с мужиком — чётко, по полочкам, ничего лишнего. Эту можно не увольнять.

Когда Синяева ушла, Вик глянул на часы — ничего себе, уже обед. Тяжелая это работа — знакомиться с новым коллективом в качестве начальника.

Женька, тьфу, Евгения Васильевна сообщила, что в здании бизнес-центра есть три места, где можно поесть. Дешёвая кафешка, у которой вход с улицы, потом ещё кафе на первом этаже, куда с улицы не попадёшь, и ресторан на третьем, где предлагают бизнес-ланчи в это время дня. Почти все сотрудники, по словам Евгении, ходили в кафе номер два.

Обедать на глазах у коллектива не было никакого желания, и Вик пошёл в заведение номер три. Это оказался китайский ресторан с тремя видами бизнес-ланча. Впрочем, просто свинину с лапшой они тоже подавали. И сказали, что в любой момент могут организовать доставку в пределах здания. Это хорошо. А вообще надо разведать, где ещё здесь поблизости можно позрять. Это отцовский офис в центре, там это вообще не проблема, а едальни района Верхней Набережной Вик не представлял себе никак.

Вероника Андреевна Ласточкина, тридцати двух лет, не замужем и без детей, явилась точно в срок. От неё тоже не пахло никакой дрянью, и говорила она чётко и по делу. Да,

кредит, да, просрочен, да, штрафы, да, вчера удалось получить отсрочку и разбить платёж на три, первый сегодня уже ушёл, второй должен быть в пятницу, третий — на следующей неделе Деньги должны поступить тогда-то и от тех-то.

— Скажите, а как вам удаётся получать отсрочки? — заинтересовался Вик.

Ласточкина усмехнулась.

— С помощью шантажа, уговоров, сплетен и какой-то матери, ясное дело.

— А можно поподробнее? — он тоже улыбнулся.

— Скажем, вчера это были именно что сплетни. Я ехала в банк, когда Недолубов... когда Геннадий Васильевич позвонил и сообщил, что продаёт компанию. И сообщил, кому продаёт, естественно. Я и сказала в банке, что компанию покупает Ледяной, и у нас очень скоро с деньгами будет полный порядок, — она улыбалась и нагло смотрела ему в глаза. — Мне поверили. После того, как позвонили в офис вашего отца, и там подтвердили информацию.

Глаза у неё действительно зелёные. И в ушах серёжки такие же зелёные, стереоэффект получается. Или три-д. Или... не важно, как это называется, главное — прикольно выглядит.

— Тогда это уже не сплетни, — возразил он. — Вы всё сделали правильно, воспользовались ситуацией абсолютно по делу. И главное — это дало свой результат.

— Вот да, я за то, чтобы был результат, — сказала Ласточкина.

Она ушла, а Вик сидел и думал — ведь не скажешь о ней ничего особенного, он даже не очень понял, как она одета — только что кожа нежная, фигура стройная, а ноги длинные. Но мама Полинька говорила, что хорошо выглядит та женщина, которая смотрится гармонично, у которой не отдельно фигура и отдельно одежда, а вся она как единое целое. И Вероника Ласточкина показалась ему как раз таким единым целым.

Вик стряхнул наваждение, встал из-за стола и сделал несколько резких движений руками и ногами — нужно встряхнуться, впереди ещё три важных разговора.

8. Вероника

А смысла не было, не было, не было ни в чём

Олег Медведев

До пятницы жизнь и работа шли своим чередом. Вероника обычным образом мигрировала по обычным своим траекториям и делала всё тоже как обычно.

Первая новость пришла перед обедом. Алёна постучалась, заглянула, получила разрешение войти и плотно закрыла за собой дверь.

— Слышали? Новый шеф Женьку уволил!

— Интересно, почему? — усмехнулась Вероника.

Женька всю неделю сидела тихо, по телефону разговаривала, как рассказывали, только по делу, одевалась прилично и даже, говорят, что-то делала по работе, кроме того, что носила шефу кофе и соединяла с ним по телефону. Когда-то Недолубов пытался приучить её хотя бы регистрировать входящие документы, но это оказалось нерешаемой задачей. Также не удалось научить её одеваться — однажды Вероника сама слышала, как старый шеф жалел о том, что с Женькой в добрые люди не выйдешь, позорище одно. Но в приёмной и на столе в кабинете она его вполне устраивала. Интересно, чем она допекла Ледяного? Или он не только по фамилии Ледяной и не поддался её чарам?

К обеду уже был приказ — Евгению уволить, на её место принять никому не известную особу по имени Анна Константиновна Коновалова, а двух барышень из секретариата, которые занимались той работой с документами, которую не была способна выполнить

Евгения — уволить тоже. Оптимизация штата, так сказать.

Во время обеда в кафе только об этом и говорили. Новая сотрудница должна была прийти в понедельник утром. Евгения полдня ходила по двум этажам и рыдала на груди у каждого, кто был готов её выслушать. А девочки из секретариата, как оказалось, получили приличные рекомендации, и обеих взяли в какие-то другие структуры обширной корпорации Ледяных, на какую-то сходную работу.

Все эти подробности рассказала Марина Бойко, как же, кадровик должен знать всё. Она по-прежнему ярко красилась и расстёгивала верхние пуговицы блузки — разве что не так откровенно, как Женька, да и костюм у неё был в целом приличнее, и колготки не чёрные и не ажурные. Душиться насмерть она тоже перестала. Веронике было интересно — сама додумалась или кто добрый подсказал?

А после обеда позвонила главный бухгалтер Жанна и обрадовала, что деньги от клиента, которыми должны были закрыть очередную дыру их тришкиного кафтана, не поступили. Потому что клиент утверждает, что груз по назначению не доставлен.

Вот и работайте, Вероника Андреевна. Получайте, чтоб его, результат. А потом кто-то куда-то не доехал — и всё идёт к едрене-матери.

Тут же захотелось кого-нибудь убить. И даже было понятно, кого именно — Димку Померанцева. Вероника взяла телефон, нашла там Дмитрия и позвонила.

— Вероника Андреевна, какими судьбами? — Померанцев сделал вид, что только родился и ничего не знает, его бас рокотал легкомысленно и непринуждённо.

— Дмитрий Сергеевич, очень желаю вас видеть. Вот прямо сейчас.

— Не могу отказать прекрасной даме, — проникновенно сказал он.

Гад. Не важно, что там у него опять за косяк, но прикрывать его задницу Вероника больше не собиралась. Да и новой отсрочки платежа никто не даст.

Померанцев явился через пять минут, довольный, как кот Беркиных, соседей по даче, который развлекался тем, что таскал еду из миски собаки Мухи.

— Дима, что опять за хрень с доставкой груза?

— Машина сломалась, — с готовностью сообщил тот, как будто от этой машины ничего в его жизни не зависело.

— И кто же у нас отправляет в рейс неисправные машины? — поинтересовалась Вероника.

— Так вот, понимаешь ли, Вероника, машина была вполне исправна. Но в дороге-то всякое может случиться, будто сама не за рулём и не знаешь!

— Я знаю, что у нас с тобой времени — до конца рабочего дня. Чтобы взять где-то эти деньги и отправить их в банк.

— Ты же говорила, нам дали отсрочку?

— Да, в понедельник. А сегодня пятница, не знал?

— А я думал — на месяц.

Конечно, думал он. Вместо понедельника очередная планёрка была в среду, и там ясно было сказано, что платежи должны пройти, и названы сроки.

— В общем, Дима, — устало начала Вероника, — я тебя больше не задерживаю, иди. Через полчаса жду предложений по деньгам.

— Где же я их тебе возьму?

— Понятия не имею. Точно так же как и в банке не знают, откуда берем деньги мы. Кто нам их платит и за что. Им нет до этого никакого дела, поверь.

— Ну ты же можешь позвонить! И договориться! Ты всегда могла!

— Всё, мои возможности исчерпаны. Иди, видеть тебя не хочу. Через полчаса — понял?

Он только недоверчиво глянул на неё и вышел.

Названные ею самой полчаса Вероника крутила в голове разные варианты и обсуждала их с Жанной. Увы, не выходило. Никак не выходило. Можно было добыть только десять процентов от суммы.

Через полчаса Померанцев не перезвонил. Впрочем, Вероника как-то так и предполагала. Он никогда не был готов отвечать за косяки с доставкой груза, а Недолубову пофиг.

Стоп. Какой, к чёрту, Недолубов? У неё, и у них у всех, уже пятый день новый генеральный директор. И Вероника пока не знала, пофиг ему или как.

Надо узнать. Главный он тут или как? Если главный, пусть впрягается и думает, что делать.

Вероника позвонила в приёмную, но ей никто не ответил. Тьфу, Женьку же выперли, успела подумать она, когда трубку взяли.

— Ледяной, слушаю, — раздалось из телефона.

— Здравствуйте, это Ласточкина. Можно сейчас зайти к вам по очень важному вопросу?

— Да, Вероника Андреевна, жду вас, — услышала она.

Сунула телефон в карман, подхватила все бумаги по делу и пошла.

— Алёна, если меня уволят нахрен — не поминай лихом.

— Ни пуха, ни пера, Вероника Андреевна!

— К чёрту!

9. Вик

Чем дальше в лес, тем больше дров

Народная мудрость

Интересно, что загорелось у Мисс Финанс, так Вик прозвал про себя Веронику Ласточкину. Голос у неё был — того и гляди, кого-нибудь растерзает.

Сам он пребывал в прекрасном расположении духа — потому что уговорил отца разрешить ему забрать сюда от Влада свою прежнюю секретаршу. Анне Константиновне было под шестьдесят, они работали вместе уже лет семь, и Вик не мог на неё нарадоваться. С ней никогда не было никаких проблем, она всегда всё знала, всё выполняла в срок, в документах у неё был полный порядок, и выглядела она безупречно. Обездоленный Влад только вздохнул тяжело, но ничего не сказал. Правильно, он в тылу сидит, это Вик на передовой, ему и ценные кадры.

Ласточкина пришла минуты через три, ну да, её кабинет почти совсем рядом. И — что? Расстроена? Нет, однако, злится. Интересно, на кого?

Далее Мисс Финанс принялась рассказывать, на кого она злится, и его радужное настроение бесследно улетучилось. Она бесстрастно выкладывала — сколько раз контракты срывались по вине технических неисправностей, запивших водителей, не вышедших на работу грузчиков, не заправленных вовремя топливом машин.

Вот оно, то самое — Вик это чувствовал. То, из-за чего приличная с виду транспортная компания оказалась в глубокой жопе. То, с чем не мог или не хотел связываться Недолубов. То, что предстоит раскопать ему.

Нет, отец и Майк помогут, если что. Но это — на самый крайний случай. Он здесь генеральный директор, он должен решить вопрос сам.

— Какую сумму нужно заплатить сегодня, Вероника Андреевна?

— Четыреста пятьдесят семь тысяч.

Нормально.

— Не беспокойтесь, заплатим. Реквизиты у Жанны Аркадьевны?

— Да.

— Сегодня я прикрою платёж сам, а дальше будем работать с уважаемыми господами Померанцевым и Висюковым, — явно зам по логистике и главный инженер что-то об этом знают.

— Спасибо, — медленно произнесла она, не отрывая от него взгляда.

Как будто разглядела наконец-то, что ли. Или в нём что-то не так?

— Вероника Андреевна, с вами всё в порядке?

— Да, конечно. Просто... вы так вот берёте и сами платите?

— Так это же теперь моё имущество, верно? Мой, с позволения сказать, актив. Мне нужно, чтобы он работал и приносил прибыль. Для этого приходится вкладываться на первых порах. Но будьте уверены, я не собираюсь поступать так всегда.

— Главное, скажите это Померанцеву.

— А я ему об этом вообще ничего не скажу, — подмигнул ей Вик. — И вы не говорите, хорошо? И Жанну Аркадьевну попросим хранить тайну.

— Конечно, — кинула она, всё ещё потрясённая.

Что такого-то? Дело житейское, как говорится.

— Идите к себе, сейчас всё сделаем. Померанцев после вашего разговора никак себя не проявлял?

— Нет.

— Вот и ладненько. Пусть думает, что это вы опять совершили для него чудо. Хотя бы некоторое время. И спасибо вам, Вероника Андреевна.

— За что, Виктор Валентинович?

— За то, что показали мне проблемное место. Я знал, что оно есть, но не мог понять, где. Теперь искоренить его будет проще, я надеюсь, — улыбнуться ей, и пусть уже идёт, думал Вик. — Ступайте отслеживать перевод, а я потом, после всех бесед, загляну к вам, и расскажу, что удалось узнать.

У него руки чесались начать уже что-то делать.

Начал Вик с того, что открыл файл, который выдал ему Михаил Григорьевич, начальник отцовской службы безопасности. И по-хорошему, прочитать этот файл нужно было давно. Но читать о людях, о которых ничего не знаешь, Вик не любил. Теперь же у него было своё представление хотя бы о некоторых из них, с кем он успел поконтактировать в течение прошедших почти пяти дней.

Уж конечно компанию «ГН» проверили с ног до головы, то есть от парковки в подвальном этаже бизнес-центра до крыши над кабинетами генерального и замов, прежде чем покупать. И про сотрудников тоже повывясняли. По крайней мере, про тех, от которых в компании что-то заметно зависит.

Про Ласточкину было известно немного — живёт в Академгородке, в трёшке с матерью и сестрой, живут главным образом на её доходы, потому что у матери копеечная пенсия, а сестра в третий раз студентка, и в третий раз — платно. Сестра учится в политехе на психолога (надо же, как бывает... раньше в политехе на инженеров учились), и учится еле-еле. Отношения — в данный момент нет, и так уже два года. Имена прежних увлечений

— ничего ему не говорят, но про них тоже краткие справки, один в Иркутске, двое в Москве. Тьфу ты, зачем ему сейчас Ласточкина, он вовсе не про неё пошёл читать! Но она ждёт перевод.

Запросил у главбуха платёжные документы. Позвонил отцовскому бухгалтеру, Ольге Васильевне, которая имела доступ к семейным счетам, распорядился по этим документам заплатить немедленно с его личного счёта. Всё, это решено.

Далее — Павел Олегович Демьянов, зам по безопасности. Вик прочитал и рассмеялся — судя по всему, Демьянов был человеком Михаила Григорьевича. Или человеком человека Михаила Григорьевича. И работать начал недавно, перед последним Новым годом. Неужели заранее посланный? Один звонок быстро подтвердил предположение, таким образом, уважаемому Павлу Олеговичу, тридцати трёх лет, дважды разведённому, с тремя детьми от двух браков, в рабочих вопросах можно было доверять.

Демьянов появился мгновенно — все кабинеты замов находились на верхнем этаже.

— Добрый день, Виктор Валентинович, — вкрадчиво произнёс он.

И вообще он был весь крадущийся и стелющийся, не заметишь — за шиворот заползёт, и, скорее всего, ещё присосётся.

— Расскажи мне, Паша, что за херня творится у вас тут с выполнением заказов, то есть теперь — у меня.

— Вы дознались, да? Или кто-то рассказал? — кажется, Паша вздохнул с некоторым облегчением.

— Всего лишь столкнулся с одним конкретным случаем. Посмотрел документы и понял, что случай как бы вовсе не один.

— Я расскажу, что знаю. Кстати, в вашем кабинете можно говорить спокойно — он звукоизолирован. У меня так же. У остальных — обычные стены. В общем, я пока не могу предоставить данные о том, что эта херня организована и происходит специально, но всем, что уже собрал — поделюсь. Есть некий конкретный пул водителей, с которыми названная херня происходит с завидной регулярностью, и такой же пул машин. Это точно. Данные есть, я вам их перешлю.

— Перешлешь ты, ага. А что у нас с компьютерщиками? Насколько безопасны наши сети?

— О Дэне Висюкове я вам ничего доброго не скажу, уж извините. Он и раньше был не особо, а как стал главным инженером, так вообще мозги растерял. Руки у него растут откуда надо, он вам что хотите отремонтирует, но двух слов связать не может, работу отдела организовать не может, и вообще местами странный. Нужно говорить с Иваном, он в техподдержке самый вменяемый и не из тех, кто лезет в херню.

— Ок, пусть Иван. Нужно безопасное соединение для моего ноутбука.

— Поговорим, сделают.

Через несколько минут в кабинете появился Иван. Машков Иван Юрьевич, тридцать девять лет, не женат, детей нет, живёт с матерью. Высокий, плотный, с небольшим брюшком и длинным хвостом тёмных волос. Паша объяснил ему задачу, тот почесал репу, потом они вместе покопались в проводах в углу, вскрыли кабель — канал, посмотрели содержимое, Иван похмыкал и сказал, что к утру всё будет.

— Много тут работы? — спросил Вик.

— Ну... часа на четыре, наверное. Протянуть, подключить, — пожал плечами Иван.

Вик глянул на часы — шестой час.

— Ты на машине? — спросил Ивана.

— Нет, шеф, на своих двоих.

— А ехать куда?

— На Синюшку.

Далековато. Из здешних гребеней вообще до транспорта далеко, и прямого до Синюшки — только троллейбус, то ли будет, то ли уже нет. Вик взял бумажку со стола, написал номер телефона, сунул Ивану.

— Это водитель, закончишь — позвони. Увезёт тебя домой.

— Спасибо, я так справлюсь, — начал было Иван, но Вик перебил.

— Нечего. Ты тут для меня будешь дело делать, а я тебя пешком домой отправлю?

Доедешь, не развалишься. Водителя зовут Володя, он будет в курсе, я предупрежу.

И вправду позвонил своему водителю и ввел в курс дела. Иван и Паша удалились, тем временем отзвонилась Жанна — платёж прошёл, из банка получили подтверждение. Вик велел ей позвонить и успокоить Мисс Финанс.

Теперь можно было побеседовать с Померанцевым.

Тот явился быстро и браво. Зашёл с улыбочкой.

— Вызывали, Виктор Валентинович?

— Вызывал. Присаживайся. Расскажи мне, будь добр, что там за история с водителем, который ехал в Братск и не доехал.

— Да почти доехал, Виктор Валентинович, небольшая поломка в дороге. Хорошо, случилось вблизи населённого пункта, так что помогли, на трассе не бросили, сейчас ремонтируется. Завтра непременно доедет. Всё будет доставлено по назначению. Понимаете, обновить парк на сто процентов пока не удалось. Поэтому машины, случается, ломаются в самый неподходящий момент.

— Документы о ремонте мне на стол. Что сломалось, в какую сумму встал ремонт.

— Да что вы, Виктор Валентинович! Там такая дыра, что я не знаю, умеют ли чеки печатать, а вы говорите — документ!

— А кто ремонт оплачивать будет? — сощурился Вик.

— Если водитель принесёт документы — то бухгалтерия. А если нет — то сам как знает...

— Кто занимается техосмотром и ремонтом машин?

— Наше подразделение. Склады у нас в районе Тракторной, и гараж там же, и мастерская, и станция техобслуживания.

— В понедельник утром данные по техобслуживанию и ремонту за последние полгода — мне на стол. Плюс отдельно — данные по ремонту за пределами собственной мастерской.

— Сделаем, Виктор Валентинович.

— В девять утра должны быть готовы. Я хочу познакомиться до планёрки.

Планёрка у них в понедельник в десять. Пусть побегают, паразиты. Глянуть на него потяжелее и процедить:

— Свободен.

Померанцев только что не поклонился и важно выплыл из кабинета. Захотелось поддать ему под зад, а потом помыть руки.

Вик глянул на часы — тьфу ты, почти семь уже. Он понадеялся, что Мисс Финанс уже ушла, но был шанс, что осталась-таки дожидаться, чем всё закончится.

В её кабинете горел свет, дверь была приоткрыта. Вик заглянул в щель — сидит, что-то

делает за компьютером.

— Вероника Андреевна? Вы не ушли?

— Вы же сказали, что придёте рассказать, чем всё закончится.

— Спасибо, что дождались.

Ему очень хотелось обсудить с кем-нибудь всё происходящее. Лучше всего было бы с Майком, но он в пятницу уезжал в Листвянку, уже уметелил, наверное. Самому же Вику сейчас решительно не хотелось никуда ехать, добраться бы до дому.

— Вы поговорили с Померанцевым? — тем временем Мисс Финанс закрыла свой ноутбук и упаковала его в сумку.

— Да, и он рассказал мне какие-то странные вещи. Но слушайте, вы меня тут ждёте, а вас ждут дома?

— Нет, — ответила она. — Я предупредила, что задерживаюсь. Такое случается.

— Тогда я должен вас хотя бы ужином накормить, — сощурился Вик.

— С чего бы? — не поняла она.

— Вы же по моей просьбе задержались. Я ж не зверь какой, честное слово. Опять же, обсудим всё это.

— И... как вы это себе представляете?

— Легко. Собираемся и спускаемся на третий этаж, в китайскую едальню. Там нас кормят мясом, ну или что вы любите, потом вниз на парковку и разъезжаемся до понедельника.

Она как-то странно на него посмотрела, потом сказала:

— Хорошо. Давайте ужинать.

10. Вероника

А в мире третьем он, стиснув зубы,

Подался в сталкеры мёртвых зон

Олег Медведев

Всё это было странно — попросил дождаться, потом позвал поужинать. Это ещё что? Веронике было любопытно, очень любопытно. Да и вправду, вдруг он расковыряет эту их дрянь, и компания станет нормально работать?

Вообще большинству сотрудников было пофигу, в долгах компания или нет. Зарплату платят — и хорошо. Другое дело, что ещё пара месяцев вот так — и с зарплатой бы начались сложности. Она-то знает, ну ещё Жанна знает и Маргарита Романовна. Те, кто что-то понимает про финансы предприятия. А остальные... остальным как раз пофиг.

А Ледяному не пофиг. Это его предприятие и его возможный доход. У Ледяных не бывает убыточных предприятий. Значит, что-то переломается, и это тоже заработает.

Они спустились на третий этаж, и Ледяной уверенно привёл её в тот самый ресторан. Кивнул официанту на входе, спросил про столик, повёл её вглубь зала.

Они сели в самый угол — от входа не разглядеть, да и вообще за колонной не очень видно. Сели рядом — чтобы можно было говорить негромко. Вероника проглядела меню, заказала мясо в кисло-сладком соусе и салат, и ещё попросила кофе вот прямо сразу. Если говорить о серьёзном — нужно немного взбодриться, а на дворе вечер пятницы не самой простой недели.

— Что вам сказал Дима Померанцев? — спросила она, когда съела всю пену со своего капучино.

— Сказки рассказывал. Про то, что если водитель не привозит документы из

мастерской, то ремонтирует машину за свой счёт.

— Не слышала о таком.

— Но он представил это не как официальную статью расходов, а как существующее положение дел.

— Не знаю. Счета на ремонт случаются в нашей жизни регулярно.

— Подготовите? За полгода, скажем. Сравню с тем, что подаст мне Померанцев.

— Да без проблем. Мне самой, или Жанну попросить? Оплачивают-то они.

— Можно Жанну. Как вы считаете, её можно привлечь к нашему заговору?

— У меня пока не было поводов сомневаться в ней. Но поручиться не смогу, извините, — Вероника подумала, что вообще мало за кого сможет поручиться. Или ни за кого вовсе.

— И это речь о ремонте вне собственной мастерской, так? — уточнил Ледяной.

— Так, — подтвердила Вероника. — Собственный ремонт — это отдельная статья. Точнее, куча статей. Запчасти, расходники, что-то там ещё.

— Ок. Хочу посмотреть на оплату как собственного ремонта, так и всякого прочего. Желательно — с данными по машинам. Они есть?

— Конечно. Ремонт — это же не просто сферический ремонт в вакууме, а каждый раз конкретная машина и конкретный водитель.

— Вот данные по водителям бы тоже хотел посмотреть.

— Всё это есть, я думаю.

— Скажите, а Недолюбов что, всё вот это терпел?

— Да ему как будто было всё равно. Свою долю прибыли он исправно получал, а то, что нет денег на остальное, его мало трогало. Так что ваш отец, как мне кажется, оказал ему большую услугу — купил убыточное имущество.

— А это ещё не факт, что убыточное. В конце концов, можно же просто выгнать всех водителей разом с Померанцевым, и найти новых. С работой в городе не особо, думаю, люди найдутся.

— Наверное, — согласилась Вероника. — Но если там и впрямь что-то нечисто, то они же не уйдут просто так.

— Да ладно, — улыбнулся он. — Не думайте об этом раньше времени. Разберёмся.

Вероника вдруг неожиданно для себя самой улыбнулась тоже.

— И как вам первая неделя?

— Странно, — он всё ещё улыбался. — Все боятся нашего имени и стелются низко — низко, и разом с тем за спиной что-то проворачивают.

— Вы всё же думаете, что проворачивают?

— А вы думаете, почему отец поставил к вам именно меня, а не брата? У меня чутьё.

— На обманщиков?

— И лжецов, и мошенников. Поглядим. Я пока вежлив, но могу забыть и про вежливость, и про воспитание.

— Скажите, а Женю вы почему уволили?

— Она ваша подруга? — нахмурился Ледяной.

— Упаси боже. Просто любопытно.

— Потому, что я хочу в своей приёмной работающего секретаря. А не это... сомнительное украшение. Уволить троих, взять одного — оптимизация в чистом виде. А Женя ваша не пропадёт, такие не пропадают. Вот вы почему-то знаете, в каком виде следует

ходить на работу, чтобы к вам относились серьёзно и с уважением. А она — нет.

— Это что вы мне сейчас говорите? — рассмеялась она.

— Комплимент, Вероника Андреевна, не сомневайтесь. Глядя на вас, не возникает вопроса о том, чем вы на работе занимаетесь, даже если вы ещё ни слова не сказали. А когда начинаете говорить — так и вовсе.

Она помолчала немного, потом решилась.

— Знаете, ваше решение раскопать наши... болота тоже вызывает уважение.

— Я умею выкапываться из болота, представляете? — подмигнул он. — У меня есть для этого разные подручные средства.

Вероника оглядела его, рассмеялась.

— Извините, не могу представить вас в настоящем таёжном болоте.

— Ну и зря, — его глаза так и искрились. — На прошлых выходных мы с друзьями славно покопались в одном таком. Почти утопили мою машину, потом, правда, вытащили.

— В смысле, специально? Вы из тех, кто ездит на джипе во всякие такие места? — как бывает, оказывается.

— Вроде того, ага. А вы?

— Моя машина дай бог, чтобы на дачу проехала. В лес я пешком хожу.

— А где дача?

— На Дачной, по железной дороге. Когда эту дачу завели, то ещё никакой машины и близко не было.

— И дача с огородом, и всё, как полагается?

— Конечно. Маму не переубедишь, что можно обойтись.

— Не поверите, мой отец тоже держит огород.

— Не поверю, что ваш отец сам в нём копается.

— Это правильно, что не поверите. Для того, чтобы копать, есть специальные люди.

— И вас не привлекают к прополке.

— Нет. Меня привлекают к работе с семейными активами.

— А меня как раз к прополке. Это у нас тоже, знаете ли, семейный актив. Но я полна решимости завтра никуда не ехать. Пусть едут без меня. На электричке.

— Хорошее дело! А вы?

— А я буду спать.

— Кстати, тоже хорошо.

— И вообще, уже почти десять. Пора домой.

— Пожалуй. С вами очень интересно, Вероника... Андреевна.

— С вами тоже.

Официант принёс счёт, Вероника протянула руку, чтобы посмотреть в него, и была поймана за пальцы.

— Вероника Андреевна, если я говорю, что накормлю вас ужином, то я так и делаю. Возражения не принимаются. Мне нужно было посидеть и поговорить, я это организовал. Вопросы?

При этом держит её за пальцы и смотрит в глаза.

— Нет вопросов, — выдохнула Вероника.

— Вот и отлично, — он легонько пожал ей руку и отпустил.

Внизу на парковке придержал дверь машины, помог сесть, помахал на прощание. И только когда она тронулась с места, сел в машину сам.

И вот что это было, спрашивается?

11. Вик

Мне твой нужен совет

«Секрет»

Ну вот, поговорили. Интересно, подумал Вик, кто их видел, и как скоро поползут слухи? И не возьмётся ли Мисс Финанс распространять их сама?

Его будто кто за язык тянул, когда он по ходу сообщил ей несколько соображений, которые, захоти она, в понедельник ещё до планёрки будут знать все. Вот и проверим.

А потом можно будет проверить подобным образом ещё кое-кого.

Дома Вик с радостью обнаружил в холодильнике еду — не иначе, тётя Нина заезжала. Надо позвонить и поблагодарить. И ещё позвонить разным родичам по разным поводам.

Он начал с отца — кратко отчитался о том, что есть на сегодня. Отец похмыкал, напомнил, что нечего миндальничать, и отключился. Потом поговорил с тётей Ниной, она покудахтала, что он только пришёл домой, и голодный, наверное, и выдала миллион инструкций о том, что и как разогревать, будто он сам не способен справиться. Но это тётя Нина, она просто такая, с ней ничего не поделаешь.

Дальше в планах было ещё поговорить с сестрёнками, но они живут на шесть часов позже, им звонить ещё часа через два-три. Можно пока достать вина, тётя-Нининой закуски и посмотреть кино, чтобы переключить мозги.

Наверное, он очень громко думал, потому что сестрёнка Лина позвонила сама.

— Привет, братец, ты там как? Папа говорит, у тебя прибавилось ответственности!

— Привет, сестрёнка, он возмутительно точен — именно ответственности и добавилось. Ещё всякой херни и проблем.

— Зато папа доволен, — Вик прямо представил, как смеётся Линн.

Они это придумали сто лет назад, ещё детьми — что зовут их Вик, Майк и Линн. И Эла И никак иначе. И так и есть до сих пор.

Вик рассказал про свою горе-компанию — не скрывая ничего и не выбирая выражений. С сестрёнкой можно. Линн посочувствовала и предложила покормить ужинами ещё пару-тройку тёток, порассказывать им разного и посмотреть, где потом что всплывёт. Что так или иначе всплывёт, Линн не сомневалась. Посоветовала самому только не забыть, что кому сказано, чтобы потом случайно не перепутать. Поржали.

На прощание сказала, что на днях отправляет к ним Анну, а привезёт её мама. Анной звалась дочка Линн, бойкая девица восьми лет от роду. Она обожала проводить каникулы у деда в Листвянке и уже не первый год просилась в лес — не за ягодой, так просто погулять. Нужно будет хотя бы на машине куда-нибудь съездить с ней и с Сашкой, хоть на тот же Орлёнок, что ли.

Распрощавшись с сестрёнкой Линочкой, Вик позвонил сестрёнке Элочке. Тут у него был, кроме того, что соскучился, ещё и корыстный интерес. Сестрёнка Элочка обладала обострённой интуицией, могла рассмотреть данные под разными углами и дать дельный совет. Она очень обрадовалась звонку, выслушала семейные новости — её пока ещё никто в них не посвятил, посмеялась, а потом выдала:

— Знаешь, я покручу в голове твои соображения день-другой, если что надумаю — позвоню. Но не могу с ходу ничего конкретного обещать. Пока могу разве что предложить повнимательнее рассмотреть ту девушку, с которой ты провёл вечер.

— В каком это смысле повнимательнее? — удивился Вик.

— В прямом. В ней что-то есть. Очень уж интересно ты о ней говоришь. Но я не могу сказать, хорошее это для тебя или дурное. Смотри сам.

— То есть, может это она всё и затеяла?

— Исходя из того, что ты рассказал — вряд ли. Но присмотрись, присмотрись. Пришли мне её фотографию, хорошо?

— Да хоть сейчас, — Вик подтянул к себе ноут, открыл контакт, нашёл там профиль Мисс Финанс, сохранил оттуда фотку и кинул в почту сестре.

— Двойного дна не вижу, — долетело до него через несколько тысяч километров. — Но фото и не живой человек. Зато вижу, что рыжая и зеленоглазая, — Вик прямо чувствовал, как Эла улыбается в своей Женеве.

Ну да, сестра знала его тайну — что рыжие и притом зеленоглазые для него, что контрольный в голову, не было типажа красивее в его личной вселенной. Правда, вторая сестра говорила, что он испорчен Полинькой и чересчур разборчив, поэтому далеко не каждая рыжая и зеленоглазая имела шанс. Но госпожа финансовый директор, спасавшая от банкротства компанию «ГН», просто не могла быть дурой. И одевалась нормально, не как некоторые другие сотрудницы той же компании, и говорила хорошо, и на проблему прореагировала правильно. У Мисс Финанс шанс был, и немалый.

— Мало ли в мире рыжих и зеленоглазых, — буркнул Вик в телефон.

— Видимо, немного, раз возле тебя сейчас ни одной, — рассмеялась Эла. — Удачи тебе и держи в курсе, хорошо?

— Не вопрос, — улыбнулся Вик.

— Я думаю, ты всё решишь. Не можешь не решить, дядя Валентин прав, что дал эту компанию тебе.

— Мне приятно, что ты так веришь в меня.

— Я вообще верю в родственников, представляешь?

— Представляю. Я тоже, не удивляйся. Ладно, мне ещё нужно позвонить Полине.

— Передавай от меня привет.

— Непременно. Целую. Увидимся.

— Увидимся...

12. Вероника

Повели разговор за жизнь, заливая вином печаль

Олег Медведев

Ещё в пятницу, сидя в кабинете и ожидая шефа, Вероника позвонила маме и предупредила, что задерживается на работе. Когда придет — не знает, и чтобы отпраивались на дачу без неё. Она максимум, что может в эти выходные — приехать в воскресенье и увезти их домой.

Мама пробурчала — мол, спасибо и на этом, но можно не перетруждаться. Вероника тут же пожалела, что вообще стала что-то предлагать. Так выходило всегда — захочешь хоть как-то облегчить людям жизнь, и тут же от них получишь по самое не хочу.

Эх, как не вовремя все эти потрясения на работе! Ещё полгодика — и можно было бы покупать свою квартиру. Даже не в Ново-Ленино, а где-нибудь поближе к цивилизации. На Синюшке, или в Первомайском. А теперь вообще страшно тратить отложенные деньги, кто его знает, что дальше будет!

По итогам разговора с Ледяным Вероника позвонила Алёне и попросила в понедельник прийти чуть пораньше и подготовить к планёрке все запрошенные шефом данные.

А потом позвонила подружке Ленке. Они дружили с четвёртого класса, разве что Ленка окончила истфак, помоталась преподавателем по школам и колледжам, и теперь работала в фондах исторического музея. Она уже много лет была замужем за подобным же работником бюджетной сферы, вместе они за какие-то копейки путешествовали то по горам и лесам вокруг, то по стране, и были в целом довольны жизнью и друг другом. Ленкин муж с ней по гостям никогда не ходил, не любил бесконечных разговоров. И Вероника договорилась с ней завтра встретиться и потрепаться — за жизнь, за работу и за всё-всё-всё.

В субботу мама по-прежнему злилась на даче, разве что ей удалось каким-то чудом вытребовать туда Катерину. Это было очень хорошо — во-первых, сестра не болталась дома и не лезла в их с Ленкой компанию, а во-вторых, был шанс, что неуёмную энергию Катерины удастся применить к чему-то полезному, например — к прополке.

Вероника выпалась, и к приезду Ленки успела убраться дома, полить и помыть домашние цветы и заказать роллов.

Ленка пришла часов в пять, они дождались роллов, вскрыли бутылку вина, и Вероника стала показывать аккаунты своего нового начальства и всего их семейства в соцсетях.

— Я пару раз видела самого старшего, — сообщила Ленка. — Он у нас типа меценат, почётный даритель и вот это всё, время от времени покупает у коллекционеров какие-нибудь прикольные штуки и дарит нам в музей. Но он на простых сотрудников не смотрит, он с нашим директором тусит. Преимущественно за закрытыми дверями. И на день дарителя не приходит, когда мы за самые приличные подарки благодарим — нафига ему наши грамоты?

— Судя по тому, что я видела, ему и вправду никаких грамот нафиг не надо, — согласилась Вероника. — Ему надо, чтобы наша дебильная контора приносила прибыль. А этого привычными средствами и с имеющимися людьми не добиться.

Чем хороша Ленка — с ней можно говорить, не выбирая слов и не осторожничая. Можно матом, можно злобно, можно ядовито. У неё самой та ещё работка — с мозгоклюйством там всё в порядке, а вот зарплата в разы меньше, чем у Вероники. И ещё они никогда не знают, в срок им её дадут или нет, и сколько дадут, тоже не знают. Муниципальные бюджетники, ага. Но Ленка не начальник и начальником быть не хочет ни за какие коврижки. Зарплата, говорит, не настолько выше, чтобы терпеть всё то, что придётся терпеть.

Вероника рассказала Ленке про воцарение Ледяного, про уволенную Женьку, про платежи по кредиту, про очередной косяк Димы Померанцева и про ужин с Ледяным в пятницу.

— И что — говорили-то только про работу и больше никак? — удивилась Ленка.

— Вот именно, только про работу и больше никак, — подтвердила Вероника. — Да там и про работу хватает, о чём поговорить. Он явно не понимает, почему Недолюбов всё это терпел, как так можно — твоя собственность, и косячно работает. А чего тут понимать — Недолюбову лишь бы кланялись, а как работают при этом — дело десятое. Ну и если бы ему вдруг не насчитали его прибыль, он бы тоже удивился. А бухгалтерия за свои места держится крепко, поэтому ему всегда всё нормально насчитывали. Мне уже прямо интересно, какими средствами Ледяной будет наши конюшни вычищать, и сколько времени ему для того понадобится.

— Да уволит всех, кто косячит, и дело с концом, — хмыкнула Ленка.

— Это он всегда успеет сделать. А пока я очень хочу посмотреть, что за красотку он

посадит в свою приёмную. Женька, конечно, была специфична, но разве не все так делают? В смысле, секретарша для своих нужд и всё такое. Женька, надо сказать, была обложкой, отображавшей наше содержание достаточно точно, — фыркнула Вероника.

— Может у него просто вкус получше, и он посадит туда красоточку, одетую в рамках дресс-кода?

— Да у нас таких красоточек — жопой ешь. На него сделали стойку все, кто только мог. Начиная от Маринки-кадровички, как бы прилично замужней, и заканчивая моей Алёнкой, которой детей надо пристраивать в хорошую школу и на дополнительное образование

— Можете делать ставки — кто преуспеет, — заметила Ленка.

— Предложу Романовне в понедельник, она заценит идею, — расхохоталась Вероника.

13. Вик

За девицу несмелых пятнадцати лет,

За вдовицу на пятом десятке...

Р. Шеридан

В понедельник Вик постарался выглядеть на планёрке максимально благодушно. Прямо вот такой добрый понимающий шеф. Всех выслушал, покивал. Представил Анну Константиновну в качестве секретаря, посмотрел на вытянутые рожи — явно же ожидали молодую красоточку, а не суровую бабушку. И благодушным голосом сообщил, что из-за срыва контракта и сроков банковского платежа премии лишаются водители Чернышов и Куркин, начальник смены Яковлев, старший диспетчер Тонькина, диспетчер Водовозова и зам Померанцев.

Ой, как забавно было на них смотреть! Померанцев только рот разевал, как Булечка, то есть Бульдог, злобный здоровущий кот из отцовского дома в Листвянке. Его нашли как-то зимой, он был подранный собаками и замерзал, еле живой, даже не пищал уже. Ну, вылечили, откормили, а голоса-то у него и нет с тех пор. Только мурлыкать и может, да ещё собак соседских драть, и остальных котов в доме строить, не зря же он Булечка, а орать не орёт, рот разевает — и всё. Вот так и Померанцев сейчас — Вик прямо представлял, какие маты он хотел бы на него вывалить, ибо премия существенно увеличивает итоговую сумму его дохода. Но увы, ни звука так и не произнёс. Другие замы выдали всю гамму возможных эмоций — от лёгкого офигения, как у зама по договорам Синяевой и главного инженера Висюкова, до откровенного ржача у безопасника Паши Демьянова. Главбух Жанна и Мисс Финанс переглянулись с нескрываемым торжеством. Кстати, там надо парню, что сети правил в пятницу, что-то типа премии подкинуть. Пусть видят, что он не только казнить, он и награждать может. Остальные жертвы на планёрке не присутствовали, до их сведения доведут и так. Но Вик распорядился пригнать их всех пред его светлые очи так быстро, как это только возможно.

И строгим голосом напомнил, что до четверга должен пройти ещё один платёж, и если груз, который везут в Красноярский край, не доедет до заказчика в срок, то лишением премии не обойдёмся.

А все отчёты по поломкам, срывам заказов, ремонту и прочему, что собрали для Вика к планёрке драгоценные сотрудники, он переслал в отцовский аналитический отдел. Здесь он не был готов доверять анализ данных кому бы то ни было, а там посмотрят беспристрастно и укажут на все сомнительные места. Идеально было бы выдать эту кучу данных сестрёнке Элочке, искать дыры и сомнительные места в кучах данных — её специальность и стихия, но это уже так, последний рубеж обороны.

Пока же можно было посмотреть на сотрудников и подумать, кого ещё на чём подловить.

После планёрки Померанцев прямо в приёмной пытался что-то высказать Мисс Финанс — ну, типа, вы меня подставили или ещё там какой детский сад, Анна Константиновна рассказала. Но Мисс Финанс голыми руками не возьмешь, только, говорят, фыркнула, да и дальше пошла.

Идея ужинать с разными тётками из компании показалась Вику прикольной настолько, что он начал реализовывать её уже в понедельник. Подгрузил работой кадровичку Марину Борисовну — как раз под вечер, потом заглянул к ней — вроде как проверить, готово или нет, да и позвал поужинать с повинным видом. Та аж затрепетала вся, согласилась, не раздумывая, и только что перечень подходящих ресторанов не выдала списком, а могла бы, как понял Вик. Ничего, покормится на третьем этаже, не переломится.

Весь ужин рот у Марины Борисовны не закрывался. Она рассказала столько, что, прям сказать, ему так много знать и не надо было. Кто, с кем, когда, у кого от кого дети и вот это всё, как говорится. И закончила ожидаемыми дифирамбами его персоне. Вику удалось разве что пару сплетен про себя кинуть, но зато очень уж жареных, если она то, что он думает, то об этом вся контора узнает прямо завтра. Вот и проверим.

Правда, ожидаемого Мариной Борисовной продолжения не случилось — Вик проводил её до машины и попрощался. Её лицо в момент прощания можно было фотать, распечатывать и вешать на стену как аллегория вселенского облома.

Во вторник само собой вышло, что допоздна засиделась Жанна Аркадьевна — нужно было срочно подготовить документы для налоговой. Вик как бы случайно шёл мимо, и заглянул, и посочувствовал, и предложил ужин. Жанна сначала звонила и что-то долго выслушивала, спрашивала про лечебные процедуры, потом сказала, что так и быть, сможет задержаться ещё на час — полтора. Интересно, что там? Муж? Дети? Ещё какие родственники?

Он и спросил, только за стол уселись. Жанна пожала плечами — больной отец, онкология. Он предложил помощь, но услышал, что помогать уже поздно — терминальная стадия. Но жить-то дальше надо, и работать надо, и вообще.

Говорили в этот раз оба, и говорили по делу. Вик узнал кучу полезного о работе бухгалтерии, о спасении утопающих и о Недолюбове тоже, о котором Жанна отзывалась без грубостей, в отличие от иных мужиков, но и без пиетета. Пара заготовленных сплетен была выдана, но как восприняла Жанна — он не понял совершенно.

Она, как и Мисс Финанс, пыталась разделить счёт. Когда он не позволил — пожала плечами, мол, ваше барское дело, как хотите. Коротко попрощалась и ушла на парковку, не дожидаясь Вика.

В среду Вик нацелился на отдел договоров. Но зам Синяева под занавес дня отправилась в город что-то у кого-то подписывать, у каких-то партнёров, и уже не вернулась. Внеплановая работа, которая занудилась Вику, упала на сотрудницу отдела Сашеньку — девицу несмелых двадцати пяти лет, хрупкую, изящную, голубоглазую, с золотыми локонами в полспины. Данные по договорам она ему собирала долго, но тщательно, а на предложение спуститься поужинать затрепетала и испугалась. Глядя в пол, согласилась — еле слышно.

В продолжение ужина она смотрела в тарелку и молчала. Красотка, что и говорить, не тряслась бы так — была бы намного интереснее. И ещё не сутулилась бы так жутко — вообще цены б ей не было. Так, абстрактно цены бы не было, лично ему такая девица ни за

чем не нужна. Интересно, чего она боится — ужина с шефом и его возможных последствий или ей есть, что скрывать? Говорить весь вечер пришлось ему, благо, можно было рассказывать о путешествиях. Сашенька не была нигде, кроме Питера один раз в студенчестве, и благоговейно слушала о Лувре, музеях Ватикана, Уфицци и что там он ещё смог вспомнить по ходу. Даже глаза под конец из тарелки подняла. Пару сплетен он запустил и здесь, и было вот прямо совсем любопытно — всплывёт или нет.

К слову, была уже среда, а информация из разговора с Мисс Финанс в пятницу пока не всплывала нигде. Зато версия истории о его разводе, мельком обронённая во время ужина с Мариной Бойко, уже всю гуляла по обоим этажам, Паша Демьянов просветил.

Под занавес Сашенька со страхом ждала окончания ужина и того, что будет дальше, но он только спросил, где живёт, вызвал ей такси в её Солнечный, заплатил, посадил и отправил. Уф, тяжело. Ну их, этих девиц несмелых пятнадцати, тьфу, двадцати пяти лет.

Но самая удивительная встреча неожиданно сложилась в четверг. В начале седьмого в дверь несмело поскреблись, затем подёргали. Дверь ожидаемо открылась, и собравшийся было заскочить перед уходом к Паше Демьянову Вик увидел на пороге нечто. То есть, он догадался, что это девушка, но никак не мог понять, что такая девушка может делать в его кабинете.

Она была невысока, стройна и обладала грудью хорошей формы — судя по обтягивающей маечке под расстёгнутой рубашкой. Короткие джинсы позволяли видеть татуировки на икрах — пучеглазую сову на одной ноге и кролика в цилиндре на второй. На щиколотках звенели браслеты. На шее в несколько рядов висели цепочки, шнурки, ещё какая-то лабуда. На одной руке — то же самое, а на второй — крупные и дорогие часы, обычно такие мужики носят. Огромные глазищи были изрядно покрашены, в носу торчало кольцо. Оба уха прямо сверкали в свете ламп — из каждого торчало по несколько металлических предметов. В мочках армированные дыры — кажется, это называется тоннель. Увенчивали всё это пышные зелёные волосы.

Создание вызывало мысли о волшебном персонаже из аниме. Нет, Вик никогда не думал, что волшебные персонажи выглядят именно так, но на человека это создание было похоже ещё меньше. У двоюродного брата Тёмыча вечно на заставке компа что-то очень похожее бегаёт, но он ещё мал, ему положено.

— Здравствуйте, — проговорила девушка хриплым голосом. — Мне сказали... что нужно, ну, прийти.

— Кто вы? Проходите, рассказывайте, — Вик пришёл в себя и вспомнил о правилах приличия. — И кто сказал?

— Тонькина сказала, ну, старший диспетчер. Я Водовозова.

Так, стоп. Знакомая фамилия. Вик безошибочно нашёл на столе документ.

— Валерия Вячеславовна Водовозова? — ну ни хрена себе девушки работают в диспетчерской!

Судя по справке — двадцать лет, не замужем, детей нет.

— Да, — кивнуло чудо. — А вы... это... новый... — она догадалась глянуть на табличку на двери. — Виктор Валентинович!

— Он самый, — кивнул с усмешкой Вик. — Проходите, Валерия Вячеславовна. Скажите, а вы не в курсе про рабочий день? Вы смогли застать меня в этом кабинете исключительно случайно.

— Так это, мне ж только сегодня сказали. У меня смен не было, и сессию я тоже сдала,

и уехала в лес, а там не было связи, — сообщила Валерия Вячеславовна. — И вот я сразу.

— Сессия? Учитесь?

— Да, — кивнула она и, повинуясь его взгляду, продолжила — Иняз. Романские языки.

И ещё китайский. Третий курс.

— А у нас что делаешь? — называть это чудо на «вы» как-то больше не получалось.

— Так жить на что-то надо, — пожалала плечами девушка.

— Рассказывай.

— Про что? — нет, она не понимала. — Ну, мне Тонькина сказала, что я пролетела мимо премии, только я не поняла, за что опять, я в этом месяце не опаздывала и не косячила.

— Что там с рейсом, который в Братск не доехал?

— А, вот вы про что! Так я там вообще даже близко не ходила! Они документы принесли, ну, Чернышов и Куркин, и там всё ок было, и техосмотр, и они сами в норме, я там вообще не при делах! Их документы всегда тип-топ! Не знаю, что там у них по дороге случилось, может колесо отвалилось, а может хрен потеряли, ой простите, — Валерия Вячеславовна даже немного смутилась, впрочем, ненадолго.

— Что значит — документы всегда тип-топ? — сощурился Вик.

— Ну как, они всегда приходят типа здоровые, трезвые и машины у них в норме, а потом по дороге с ними что-то там вечно случается, — пожалала плечами девушка. — И если каждый раз за их neprуху или что там у них ещё, будет прилетать диспетчеру — так все слиняють, никому неохота без премии-то из-за этих, — ладно хоть не уточнила, из-за кого именно.

— И в который уже раз с этими двумя neprуха случается?

— При мне, — она задумалась, и явно про себя подсчитала, — пятый. Нет, шестой, ещё ж в феврале жопа была, простите, проблема, там Чернышов по дороге въехал в автобус, прямо в городе, ничего так, да — громадным лесовозным камазом да в раздолбанный восьмидесятый, ладно, никто не помер, но в больницу несколько человек попали. Он утверждал потом, что тормоз отказал. А на техосмотре всё в норме было с его тормозом. А мы все влетели на штрафы, потому что пострадавшим пришлось компенсацию выплачивать.

Вик сделал пометку — узнать подробности этой истории.

— Скажи, у вас же там хранятся копии документации? Ну, они тебе техосмотр и прочее, ты им маршрутный лист.

— Конечно, — кивнула Валерия.

— Можешь сфотать и прислать?

— Да без проблем, — кивнула она. — У меня смена завтра в день, я приду и сделаю.

Про предыдущие случаи тоже могу.

— Вот и отлично. Ваша начальница Тонькина ничего внятного мне почему-то не сказала.

Пока она одна и дошла до Вика, да вот девушка-диспетчер сегодня, водители якобы из Братска ещё не вернулись. Начальник смены как бы на больничном. А Вик решил до конца недели не давить и посмотреть, что будет.

— Да она двух слов связать не может, и то на русском матерном, — зло хмыкнула Валерия. — Ладно, если это всё, то я пошла. Мне домой ехать далеко, и надо еды купить, в холодильнике пусто, а нормального круглосуточного магазина у нас рядом нет.

— Где живёшь-то? — спросил Вик, он у всех спрашивал.

— В гребнях, — сообщила Валерия.

— Это где у нас сегодня такой район? — смеясь, спросил Вик.

— В частном секторе за Помяловского, — смутилась девушка.

— Вот что я вам скажу, Валерия Вячеславовна. Еды нам сейчас принесут, я вни-
позвоню, они так-то обещали. А потом я вам вызову такси. Проедете через любой магазин,
какой вам нужен, и который ещё будет работать. Ок?

— А чего это вдруг? — насторожилась она.

— А вы мне за это расскажете каких-нибудь баек про диспетчерскую службу. Я у вас,
понимаете ли, человек новый, приходится входить в курс дела быстро. Поэтому я время от
времени кормлю разных сотрудников ужином и слушаю истории.

— Но могут же и наврать, — заметила девушка.

— Как же без этого? — усмехнулся Вик. — Но я-то тоже могу наврать, правда же?

— Правда, — Валерия посмотрела на него с уважением.

Когда официант из китайского ресторана притащил им коробки с едой, они сели друг
напротив друга за кофейным столом, рассказывали неприличные анекдоты и ржали. И
вообще, тот ужин прошёл на «ура» — Вик очень живо представил себе жизнь диспетчерской
службы. Склоки и сплетни, дразги между диспетчерами и водителями, между начальниками
и сотрудниками — змеиное гнездо, короче. Помянутая Тонькина Ася Игоревна рассказывала
совсем иначе. А правда, думал Вик, лежит где-то между — вот только ближе к позиции Аси
Тонькиной или ближе к позиции Валерии Водозовой?

А фотки документов она следующим же утром скинула Вику в вайбер. С фамилиями
тех, кто проводил техосмотр. Надо будет ей подкинуть вознаграждение, только
сформулировать поизящней, чтобы вопросов не было. Премии лишили вот за это, а
стимулирующую надбавку дали вот за то.

Вик с трудом дождался обеда — очень уж хотелось обсудить.

А обедал он всю эту неделю — как-то так получилось — с Мисс Финанс.

14. Вероника

Не заходи за черту, не заходи за черту, не заходи за черту

Олег Медведев

Как говорится, пришла беда — отвори ворота. Как началось со смены собственника,
так и покатилося.

Нет, груз в Красноярский край доехал без потерь, и третий платёж был сделан вовремя.
Но кроме обслуживания кредита, было ещё всякое и разное.

В понедельник на Веронику взъелся Померанцев — решил, что в лишении его премии
виновата она. А он-то вообще не при чём. Невинный зайка, мать его. Совсем с дуба рухнул,
если думал, что будет косячить вечно, и вечно на его косяки будут забивать. Ещё и прямо в
приёмной разнылся.

Во вторник перед обедом пришла Наталья Синяева и сообщила, что отвалился один из
постоянных партнёров, местный поставщик сельхозпродукции, которую возили в фурах-
холодильниках по окрестным городам-посёлкам и на север области. Нашёл кого-то с
лучшими условиями — это была официальная версия. А на словах ей передали, что
забодались терпеть косяки с доставкой, и даже приход Ледяных ничего не изменит — так
они считают.

А в среду, вернувшись с обеда, Вероника с удивлением увидела в своей приёмной
плачущую Алёну.

— Алёнушка, ты чего? — не поняла она.

— Ничего, — шмыгнула носом та.

— Что случилось? Заболел кто?

— Нет, слава богу.

— Уйти надо?

— Нет, — помотала та головой.

— Да скажи уже по-человечьи, что ли, — Вероника поставила на её стол сумку и положила папку с документами.

— А вы правда с ним теперь всегда обедаете? — выдала Алёна, хлопая голубыми глазами.

— С кем? — не сразу поняла Вероника. — С шефом что ли?

— Ну да! Марина Борисовна сказала, что он за вами ухаживает! А я ему в коридоре попадаюсь-попадаюсь, а он на меня не смотрит!

— Ты больше слушай Марину Борисовну, — зло ответила Вероника. — Работу мы обсуждаем, потому что больше некогда. Где деньги взять на срочный ремонт, потому что банку заплатили и в Пенсионный фонд тоже заплатили. И ещё налогов заплатим. Это ж всё через тебя идёт, неужели ты не в курсе?

— Ну в курсе, ну а что он... — проныла Алёна.

— А он так-то отдельный человек, и сам решает, кто ему нравится, разве нет? — пожалала плечами Вероника, она и предположить не могла, что Алёнка положит глаз на шефа всерьёз.

— Марина Борисовна говорит, что он несчастный, потому что у него никого нет, и жена ему изменяла в хвост и гриву, он её чуть ли не с мужика снял. А я не такая, я лучше, неужели непонятно?

— А ты не замечала, что Марина Борисовна сама перед ним хвост распускает? — поинтересовалась вошедшая Маргарита Романовна. — Дверь закрывайте, что ли, когда на такие душещипательные темы говорите! И без того от сплетен не продохнуть!

— Марина... Борисовна? — бедная Алёна вообще не могла понять, что происходит.

А Вероника вспомнила, как кадровичка наряжалась на первую встречу с Ледяным и как воняла духами.

— Угу, Марина свет Борисовна, — кивнула Маргарита — Душа моя Вероника Андреевна, что у нас со счетами на мелкие запчасти? Почему бухгалтерия их не оплачивает, вы не знаете? Вася уже мне весь телефон оборвал.

Племянник Маргариты Романовны Вася держал небольшую фирмочку по продаже запчастей для большегрузных машин, обслуживал их компанию и ещё пару заказчиков.

— Да что бы новое случилось, — бросила Вероника. — Денег нет опять, зато с Пенсионным фондом рассчитались. Тришкин, мать его, кафтан.

— Понял, отстал, — кивнула Романовна. — Скажу Васе, чтобы пару дней потерпел. Пары дней хватит?

— Хрен его знает, — пробурчала Вероника. — Должны вроде сегодня до конца дня три мелких заказа оплатить, посмотрим, что там в итоге получится. Попробуем.

— Видишь, Алёнушка, нам как бы не до увлечений, — Маргарита Романовна кивнула ей и вышла.

Алёна сидела и хлопала носом.

— Что, уж и помечтать нельзя?

— Мечтай, сколько влезет. Но про себя, хорошо? Слушай, неужели нет никакого другого

мужика в конторе, кто бы тебе нравился?

— Да они все какие-то с проблемами! Паша Демьянов вагон алиментов платит, Ваня Машков маменькин сынок, ему мать не разрешит жениться на бабе с двумя детьми, он так прямо и сказал, что встречаться — пожалуйста, а жениться нет, Серёга и Володя из техподдержки только и знают, что в танки играть, или во что там они играют, а Денис Висюков только на корпоративе обжиматься и горазд!

— А не администрация и не компьютерщики тебя не устраивают? — хмыкнула Вероника.

— Так мне же в первую голову чтоб детей было чем кормить, — серьёзно сказала Алёна и отвернулась к компьютеру. — Ой, тут письмо, пометка «срочно». От этих, которые свои контейнеры нашими машинами возят. Переслать?

— Пересылай, — вздохнула Вероника.

Неужели ещё где-то косяк или что-то отвалилось?

Но оказалось, что не отвалилось, а наоборот — прибыло. Спрашивали о возможном расширении сотрудничества, и до конца недели были готовы дать и оплатить три заказа на контейнерные перевозки. Напирали на то, что оплатят вперёд.

Раньше Вероника переслала бы письмо Померанцеву, да и дело с концом (кстати, а почему не ему вообще написали и не Наталье Синяевой?), а сейчас — позвонила в приёмную Ледяного, три минуты поговорила с новой секретаршей Анной Константиновной и переслала письмо туда. Ура, будут ещё деньги.

В понедельник утром Вероника увидела в приёмной шефа вместо привычной расхристанной Женьки даму преклонных лет в элегантном платье из тонкого бордового льна, и что удивилась — ничего не сказать. Очень удивилась. Разве бывают ещё такие мужики-начальники, которые вместо девушки посадят в приёмной бабушку? Или эта бабушка его родственница?

Правда, оказалось, что бабушка строга, сурова, но работает отменно. Она вмиг познакомилась со всеми обитателями обеих этажей, выяснила, кто за что отвечает, и лихо встроилась в систему. О чём-то спрашивала Алёну, о чём-то Марину Бойко, и даже, говорили, заставила Марину сесть с ней и со списком сотрудников и разобраться, кто есть кто. Если раньше Женька в той приёмной от скуки маялась, то теперь там постоянно что-то происходило. Наверное, это к лучшему.

Кроме Анны Константиновны, в приёмной появился ещё и кулер. Утром в понедельник уже стоял. Ну да, лучше так, чем на колонку бегать. Недолбов покуражился, но согласился на кулеры в коридорах обеих этажей — для сотрудников. А сам утверждал, что вода из колонки вкуснее, и Женька гоняла за ней парней из техподдержки по очереди. Теперь им больше не придётся работать водносами.

Когда в понедельник после планёрки Вероника пришла с очередными документами к Ледяному и они просидели примерно до половины обеда, именно Анна Константиновна стукнулась в приоткрытую дверь и поинтересовалась — может быть, им заказать обед сюда? Ледяной рассмеялся и предложил спуститься на третий этаж прямо с бумагами и там продолжить.

Вероника не могла не спросить, откуда взялась Анна Константиновна. И услышала историю о том, что её муж — давний приятель старшего Ледяного и профессор в политехе, занимается вопросами стандартизации готовой продукции. Она работала примерно в схожей с секретарской должности где-то в недрах политеха, а потом на волне общей оптимизации

её сократили, и даже на мужа не посмотрели. Тогда муж переговорил с Ледяным, и Анна Константиновна пришла работать к Виктору Валентиновичу. Работали они уже лет семь, что ли, и сработались отлично.

Каким-то подобным образом они с Ледяным обедали и во вторник, и в среду. И вот, оказывается, что о них думают дорогие коллеги.

Да и хрен с ними, с коллегами. Человек реально вытаскивает компанию из жопы, поэтому пусть помолчат.

В четверг Ледяной позвонил без четверти час и прямо предложил встретиться в ресторане. Оказалось — ему сделали предложение о долгосрочном контракте, и он желал его обсудить в первую голову с ней на предмет финансовых планов. В пятницу они обсуждали уже детали того предполагаемого контракта и суммы. Контракт обещал быть выгодным необычайно — если не случится ничего непредвиденного с машинами или водителями.

И посреди этого благостного разговора у Вероники зазвонил телефон. Она глянула — сестрица Катерина. Что ей нужно, интересно? У неё не в обычае звонить Веронике, чаще это делает мама. Ледяной увидел и улыбнулся — отвечайте, я подожду.

— Привет, — прорыдала Катерина. — Представляешь, меня отправили на пересдачу! Какая-то дурацкая педагогика, вот на фига мне педагогика, скажи?

— Ну и что ты ревьешь? Пересдашь, если удосужишься выучить, ясное дело.

— Да пересдача же платная! А у меня денег нет! И приходиться к преподу нужно с квитанцией из кассы!

— А что тебе мама сказала?

— Что у неё пенсия уже кончилась. И что не будет с тобой разговаривать. Чтобы я сама тебе звонила.

— И что ты хочешь?

— Денег на пересдачу, — проныла Катерина.

— Когда пересдача?

— Во вторник, в понедельник край нужно оплатить!

— А что, деньги на кофе уже все проела?

— Нет, — не поняла Катерина.

— Вот с них и заплати, — торжествующе сказала Вероника.

— Ну ты, — до Катерины дошло, и она прямо захлебнулась от возмущения.

— Что я? Кофе можно и дома пить, сварила — и пей. Завалила экзамен — будь добра выпутаться. Всё, поговорим дома вечером. Иди, оплачивай. Вечером покажешь квитанцию из кассы, — и Вероника отключилась, не желая слушать очередную волну возмущения собственной жестокостью.

— Всё в порядке? — спросил Ледяной.

Ещё не хватало ему об этом рассказывать.

— Да, в пределах нормы, — кивнула Вероника.

Это просто у неё такая вот хреновая норма. Можно выдохнуть и вернуться к рабочим делам. Они проще, чем семейные.

15. Вик

Всё начиналось просто — граф опустил ладони на карту...

Олег Медведев

В пятницу вечером Вик понял, что озверел от женского общества, и собрался пойти

выпить с Пашей Демьяновым. С ним тоже было, что обсудить — и по делу, и вообще. Договорились встретиться в семь в гараже — раньше никак не освобождался ни один из них.

Вик спустился на парковку, насвистывая песенку из тех, что любила петь сестрёнка Линочка, и увидел небольшую толпу. Мисс Финанс, её зам — Маргарита Романовна, пресс-секретарь Светлана, Серёга из техподдержки, ещё кто-то. Чего это они все тут стоят?

Оказалось, стоят вокруг маленькой красной машинки Мисс Финанс. У которой, по ходу, кто-то проколол все четыре колеса. И явно это случилось в течение дня — ведь утром-то она сюда определённо сама доехала. Что это ещё за новости?

Мисс Финанс неплохо держала удар, но стояла бледная-бледная, и только губами шевелила.

— Погодите, мы всё выясним, — громким уверенным голосом говорила Маргарита Романовна. — Здесь у нас не пустыня, камер наткано — дай боже любой другой парковке, так что просмотреть записи и выяснить, кто пакостит, и всё, душа моя Вероника Андреевна. А машину вашу спасут, не верите?

— Верю, — выдохнула Мисс Финанс.

— И правильно, — вмешался Вик. — Погодите минуточку, — достал телефон, набрал Пашу. — Паша, накрылись наши сто грамм. Быстро на парковку.

Паша появился буквально через пять минут, увидел, лицо вытянулось.

— Ни хрена себе наглость, мать их, — покачал головой.

— Фронт работ понятен? — спросил Вик, а тот кивнул. — Займись. Когда машина уже не будет тебе нужна — позвонишь моему водителю Володе, он решит вопрос с транспортировкой в сервис и прочим. Вероника Андреевна, не переживайте, если вдруг до понедельника не сделают — пришлю вам утром водителя, скажете, во сколько ему быть у вас. Сегодня я вас отвезу.

— Но... я не знаю, примут ли в мой сервис вот так срочно, — пролепетала Мисс Финанс.

— В мой примут, — сказал Вик.

— Вот видите, всё решается, — Маргарита Романовна одобрительно кивнула. — Я передала вас в надёжные руки и могу ехать, — усмехнулась она и села в свою машину.

Остальные тоже рассосались. Мисс Финанс стояла, по-прежнему бледная, вцепившись в сумку.

— Вероника Андреевна, пойдёмте, — Вик постарался глянуть на неё как можно более доброжелательно.

Она сглотнула, сделала глубокий вдох.

— Да, конечно, спасибо, — и пошла за ним к машине.

— Паша найдёт гада и отчитается. Тут-то мы гаду хвост и прищемим. Как думаете, кто вас так не любит?

— Если бы я знала, — пожалала она плечами. — Померанцев на меня в обиде. Кто ещё — не знаю.

— Померанцев — это после того рейса в Братск?

— Ну да, — она всё ещё была бледна и серьёзна.

— Слушайте, да образуется всё, точно вам говорю, — он подмигнул ей. — И вообще, у вас какие были планы на вечер? Вас кто-нибудь ждёт?

— Только домашние, — она наконец-то подняла на него свои зелёные глаза.

— Подождут, наверное? Поехали ужинать?

— Ужинать?

— Ну да. Есть мясо. Хотите мяса? А потом отвезу вас домой. Полагаю, раньше вам колёса во время работы не протыкали?

— Нет, — покачала она головой.

— Ну вот, явно из-за каких-то наших текущих дел. Нужно же как-то компенсировать вам ущерб, — рассмеялся он.

— Дело именно в этом? — нахмурилась она.

— Нет, не только. Ещё приятно провести время с особой, в равной степени умной и красивой, — он произнёс это, и вдруг понял, что и правда так думает.

В течение недели они провели вместе немало времени, и наконец до него дошло, что это не напрягало его нисколько. Более того, он был готов не просто искать с ней встреч, но и сам их организовывать! Да и сейчас — можно было попросить Володю увезти её, или вообще вызвать такси. А вместо этого они ехали ужинать.

— Неожиданно, — усмехнулась Мисс Финанс. — Кстати, куда мы едем?

— В «Кочевника». За мясом же, — снова подмигнул он. — Не возражаете?

— Нет, — она тоже слегка улыбнулась.

Уже что-то.

16. Вероника

Полосатый, как тигр, корабельный кот научился сниться тебе

Олег Медведев

Когда она увидела, что какой-то гад продырявил все четыре колеса её машины, то могла только стоять и рот разевать. Одно дело, когда ты сам едешь, и по дороге колесо спустило, а тут явно же постарался кто-то, и не просто так! Ни разу в жизни с Вероникой такого не случалось, а так-то она уже второй год начальник. Чёрт, кому же она успела перейти дорогу, неужели Померанцеву?

И главное, непонятно, что делать. Звонить в сервис? Или куда?

Её утешали Маргарита Романовна, Светик и Серёжа. А потом вдруг откуда-то взялся Ледяной, и тут же стал командовать. Прибежал Паша Демьянов, поматерился, стал звонить и просить отсматривать видео с камер. Остальные разошлись, а Ледяной как-то бодро решил, что машина Вероники поедет в какой-то его сервис, и доставит её туда какой-то Володя, а если не сделают до понедельника — то он даст ей водителя, а сейчас сам отвезёт её домой. А потом ещё и поужинать предложил.

Интересно, он со всеми так? Или только с ней? А то слухи о том, как он по вечерам выгуливал в китайский ресторан то Марину, то Жанну, то Сашеньку из отдела договоров, гуляли и обрастали деталями.

Вероника подумала, чем там у неё ещё осталось — и согласилась. Как-то спокойно с ним было, после того, как она увидела свою машину и перепугалась — на контрасте, видимо. И что, неужели он накажет того, кто это сделал, если дознается?

Он же нагло вёл свой огромный внедорожник через пятничное столпотворение на улицах, улыбался и рассказывал о том, как сегодня после обеда к нему приезжали ещё какие-то потенциальные клиенты, и о том, какие заказы могут быть от них на будущей неделе.

В «Кочевнике» Вероника бывала пару раз с подружкой Ленкой и её мужем, и ещё раз с их общей девчочковой компанией. Ресторан специализировался на монгольской кухне, ну то есть насколько она была этнически монгольская — кто бы знал, но кормили хорошо. Там делали вкуснющие пельмени, и ещё мясо, но мясо нужно было брать на компанию, очень уж

его было много. Однако Ледяной только усмехнулся — он, мол, голодный, зачем ему ещё какая-то компания? В итоге ели пельмени и эти четыре вида мяса, она отгрызла от всех по кусочку, а он легко расправился с остальным.

— Скажите, Вероника Андреевна, а как у вас обычно проводят корпоративы? А то Марина Борисовна тут на днях сказала, что вообще-то в следующие выходные день рождения компании. Нельзя не отметить. Спросила, всё как обычно, или я против, или я захочу чего-то другого. Я-то сказал, что как обычно. Но как это бывает?

— Неплохо бывает, — пожалала плечами Вероника. — В прошлом году ездили на базу отдыха по Байкальскому тракту. Для желающих Сергей Козлов из техподдержки со своей компанией делали квест в лесу, остальные купались, загорали и пили. Вечером — общий стол с поздравлениями и прочим, потом гулянка до состояния нестояния. Утром живые ходили гулять, неживые поднимались, опохмелялись и ползли в сторону дома.

— Ну про нестояние и опохмел понятно, а что за квест?

— Есть мастера что-нибудь придумать, какую-нибудь историю, клад по запискам искать или ещё что-то подобное в лесу.

— Забавно. И сколько бывает желающих?

— Немного, в прошлый раз было человек двадцать. Сергей в общем чате уже повесил анонс и предложил записываться всем, кто хочет. Записаться надо заранее, они учитывают количество участников и чуть ли не индивидуально что-то там придумывают. В итоге победителю достаётся приличный приз, в прошлом году был сертификат в магазин компьютеров и бытовой техники тысяч на десять.

— Любопытно. Придётся попробовать, — рассмеялся он.

— Вот прямо пойдёте по лесу бродить? — усмехнулась Вероника.

— Я люблю бродить по лесу. Очень жалею, что уже двое выходных не получается никуда выбраться дальше Листвянки. Так что с удовольствием поучаствую.

Заверещал телефон, и это снова была Катерина. Что ещё случилось?

— Слушаю тебя, — устало произнесла Вероника.

— Ну ты где вообще? — спросила сестрица.

— То есть? — нахмурилась Вероника.

— Так-то могла бы уже быть дома, сама же сказала, что вечером поговорим!

— Ну и поговорим. Ни за что не поверю, что ты уже спать ложишься.

— Вообще мы завтра рано собирались на дачу, ты не забыла?

— Нет, не забыла. Но вопрос своего участия решу, когда доберусь домой. Ты оплатила пересдачу?

— Нет, — ответила Катерина уже не так нагло.

— Почему?

— Пятьдесят рублей не хватило!

— Неужели? Целых пятьдесят? И никто тебе, бедняжке, их не дал?

— Нет конечно, и я всё проела и проездила, — сообщила сестра, как будто так и надо было.

— Отчислят — пойдёшь работать, — сообщила Вероника и отключилась.

И выключила звук у телефона. Потому, что знала — сейчас несчастная маленькая девочка пойдёт жаловаться маме, а мама будет звонить ей и рассказывать, что так нельзя и они друг другу родные.

Угу, в их семье слово «родные» означает, что можно вести себя как угодно, и тебе за это

ничего не будет.

Видимо, у неё было такое лицо, что Ледяной спросил:

— Что случилось, Вероника Андреевна?

— Да, ерунда. Ну то есть не ерунда, но дело житейское, как говорится. Сестра опять не сдала экзамен, и если завалит сессию — её отчислят, и уже не будут смотреть, что она коммерческий набор. И так в третий раз, если что.

— Круто, — усмехнулся он. — Знаете, даже некоторое уважение вызывает. Как вы это терпите? Я так понимаю, за учёбу платите вы?

— Угу, я. Терплю. А что делать, на кого их бросать-то? Но уже и у меня нет никаких сил.

— Так-то вы правы, пусть работает. Лет сколько?

— Двадцать три.

— Нормально.

— Она без квалификации. И без ответственности. Понятия не имею, кому нужен такой сотрудник. Я бы к себе не взяла.

— Честно, не знаю. У меня никогда не было таких проблем. Все младшие учились и не возмущались, сёстры тоже.

— У вас не только брат, а ещё и сёстры?

— Да, две. Одна окончила наш истфак, плюс к тому музыкальное училище, и потом ещё консерваторию. Вторая — два факультета в Сорбонне, математика и философия. Три года назад защитила диссертацию, теперь доктор философии, крутая. Хотя она и сама по себе крутая.

— И чем они теперь занимаются? — Веронике было удивительно, о сёстрах Ледяных она не слышала ничего.

— Ну, они же девочки, и могут работать не в семейном бизнесе, — усмехнулся Ледяной. — Одна занимается музыкой. Вторая аналитик, и если бы сидела без работы, я б её с руками оторвал, но она без работы не сидит. Брат тоже никогда не пытался бездельничать, да и кто б ему дал? У нас не принято.

Эх, у нас вроде тоже не принято, а что же тогда происходит? — грустно усмехнулась про себя Вероника.

Уже хорошо так в десятом часу они выбрались из ресторана и медленно шли к машине. Вероника услышала тоненький писк, ей стало не по себе. Ей всегда было не по себе, когда кто-то где-то пищал, а она не могла ничего с этим сделать.

Более того, писк раздавался откуда-то из-под машины господина генерального директора. Вероника решительно сунула ему в руки сумку, села на корточки и заглянула под днище.

Котёнок сидел возле переднего колеса и пищал. Увидел её и запищал ещё громче. Он был маленький и полосатый, без единого белого пятнышка, с кирпичным мокрым носом и розовым ртом. Вероника протянула руку и вытащила зверёныша на свет.

— Ничего себе, — изумился Ледяной. — Какая мелочь, — он погладил котёнка за ушами. — Можно? — взял его в руки и рассмотрел со всех сторон. — Надо же, кот. И что теперь? — он продолжал гладить котёнка.

Детёныш сидел на большой мужской ладони, и ещё место оставалось.

— Я всегда в таких ситуациях чувствую себя дурой. У нас собака, я его взять не смогу. Она трусливая, конечно, и больше лает, чем кусает, но вдруг?

— Тогда придётся мне, — рассмеялся он. — В отцовском доме котом больше, котом меньше — нет никакой разницы.

— А сколько у вас котов? — удивилась она.

— Четверо, все приبلудные, — он продолжал гладить котёнка, котёнок громко урчал. — И поскольку мы не видим поблизости разгневанной кошки-матери, то будет пятый. Я бы и у себя оставил, но я ж всё время не дома, он станет скучать. А в Листвянке толпа, племянники придут в восторг, особенно девочки.

Вероника выдохнула — ура. Не придётся выпускать обратно и печалиться, что нет своей квартиры.

В машине Ледяной посадил котёнка ей на колени.

— Спасли — держите теперь, — и подмигнул ей.

Вероника держала котёнка до самого Академгородка. Зверь уснул у неё на коленях.

— Он спит. Как дальше повезёте?

— Надеюсь, и у меня будет спать, — рассмеялся он. — Но раз вы его достали из-под машины, то будете вроде крёстной.

Вероника переложилась на спящего котёнка, тот даже не проснулся.

— Буду, — кивнула она. — Спасибо вам, Виктор Валентинович.

— Ерунда. И для своих меня зовут Вик.

Она уже было открыла дверь, но притормозила.

— Для своих?

— Для своих, — подтвердил он. — Контора конторой, а люди — людьми, душа моя Вероника Андреевна. Очень хорошо Маргарита Романовна к вам обращается, мне понравилось.

— Ну тогда я просто Вероника.

— Отлично, — он просиял улыбкой. — Что я, зверь какой, что ли, не понимаю, каково человеку, когда на него кто-то исподтишка прёт? Вы, главное, не переживайте, мы всё разрулим. И машину отремонтируем, и гада поймаем. Паша позвонит — я вам сообщу. Вам лучше как — звонить или в вайбер?

— Давайте в вайбер, — кивнула она. — До свидания, — и вышла из машины.

17. Вик

Зима приходит за теплом,

В горячих пальцах снежный ком,

И никаким неверным снам

Не замести дорогу к нам

В ночь под невидимым крылом.

Мельница

По дороге из Академгородка домой пришлось заехать в большой ещё работавший магазин — если какая-нибудь еда для неожиданно образовавшегося детёныша ещё могла найтись в холодильнике, то лоток с наполнителем у него не было. Покупка превратилась в развлечение для всего семейства — он сфотографировал спящего кота, послал фотку приехавшей позавчера Полинке, а та уже растиражировала её дальше. Майк с Алисой посмеялись, а Полинка, тётя Нина и старшие племянники принялись активно участвовать в судьбе находки, что называется, в прямом эфире.

Коллективно выбрали лоток и наполнитель — в неспециализированном магазине выбор не особо, но все специализированные уже закрыты. Далее ему дали миллион советов о том,

как помыть котёнка, что и как искать в ушах и вообще что наутро хорошо бы свозить на Красноказачью в ветеринарку и показать специалисту — так, на всякий случай. Детёныш был помыт, неуклюже вылизался, с молоком в розетке справился, с лотком разобрался с полпинка. А потом залез на колени по штанине и сказал, что никуда отсюда не пойдёт.

Вик порадовался, что котёнок маленький, и пока совсем не тяжёлый. Коты в Листвянке если уж приходили на колени, то непременно занимали их все, и что-то обязательно свешивалось наружу — не башка, так лапа или хвост.

Далее семейство принялось выбирать коту имя, на этой стадии Вик пожелал всем доброй ночи и отключился.

Ещё он сделал несколько фоток кота на разных стадиях адаптации — свежепомытого, потом облизывающегося, потом пушистого с миской молока, потом спящего, и отправил Веронике.

Нет, она, конечно же, Мисс Финанс. Но ещё и Вероника. Стройная, рыжая и зеленоглазая Вероника.

Тем временем отзвонился Паша Демьянов. Записи просмотрели, и оказалось, что колёсами Вероники занимался не кто иной, как Чернышов, водитель, не доехавший к сроку в Братск. Хоть Вик и распорядился доставить нарушителя пред его светлые очи, пока никто не почесался. Сначала оба водителя ехали из Братска, потом синхронно ушли на больничный, тоже оба. Теперь держитесь, красавчики, в понедельник проверим и ваши больничные, и всё остальное.

Вик позвонил отцу, рассказал про машину Вероники и согласовал пару возможных агрессивных действий — вдруг да понадобятся.

Котёнку он попытался предложить диванную подушку или старый свитер, в котором ездил в лес, но тот не одобрил ни одного варианта. Дождался, пока сам Вик ляжет спать, и пришёл к нему под бок.

Снилась Вику Мисс Финанс. Вероника. Она смеялась и что-то рассказывала, потом смотрела на него, а потом как будто решила и дотронулась до щеки. Словно обожгла. Дальше сон стал пугающе откровенным, прямо сказать, реальные женщины ему так никогда и не снились, только невнятные женские образы. Он проснулся среди ночи, сдвинул кота с подушки — вот паршивец, не успел завестись в доме, уже отжимает себе всё лучшее! — и ещё некоторое время вспоминал детали сна. В жизни Вероника не позволяла себе и десятой доли того, что ему привиделось, она не транслировала вообще никаких сексуальных сигналов, и как будто не думала о том, чтобы ему понравиться — в отличие от многих других сотрудниц транспортной компании. Она говорила о деле и только о деле. Очень редко — о себе или о чём-то, с делом не связанным, и только в исключительных случаях — ну вроде как с сестрой сегодня.

Ладно, фигня всё это. Утром надо встать, позрять и на тренировку. Две недели уже как вообще времени нет ни на что. Непорядок. А потом — в ветеринарку с котом, и, наверное, в Листвянку.

Из намеченного Вик успел тренировку и ветеринарку, где его заверили, что котёнок здоров и от роду имеет недели четыре. А потом позвонил отец, сообщил, что он нужен в городе на встрече с потенциальным клиентом, и что в его сторону выехала Полинька — хочет до того с ним увидеться, поэтому пусть он сидит дома и никуда не девается.

Полиньку привёз Володя, он же рассказал, что колёса Веронике поменяют уже сегодня, можно забирать. Вик распорядился забрать, позвонить хозяйке и спросить, куда и во сколько

доставить. Тем временем Полинька просила занести в квартиру кофр, видимо, с какой-то одеждой.

Полинька была очень рада ему, а он — очень рад Полиньке. Они не виделись с апреля, и у них нашёлся миллион вопросов, которые нужно было обговорить. Обо всех ветвях семьи, о больших и крупных происшествиях, и о новой работе Вика — конечно же. Она одобрила мелкого кота, кот сначала пытался играть с её пальцами, потом забрался к ней на колени и уснул. Полинька всегда легко находила общий язык с младенцами и котами.

Викуну казалось, Полинька не меняется. Ну да, ей весной исполнилось пятьдесят пять, но выглядела она его ровесницей. Её руки никогда не знали никакой хозяйственной работы, и были необычайно мягкие, её глаза блестели, как у юной девушки, а сердце у неё было просто золотое. В нём было место для всей немалой семьи — и для отца, и для детей, и для внуков.

Вик помнил тот момент, когда у них с Полинькой установился особый контакт, которым оба очень дорожили. Это было осенью, в конце сентября. Ему недавно исполнилось шесть, Майку было уже почти пять. Они вдвоём с братом стояли у окна в городской квартире на Грязнова, и смотрели, как двор засыпает ранним снегом.

Круто же — снег! Можно поваляться и поиграть в снежки! Только нужно было спроситься у взрослых, а из взрослых дома была только Полинька. Отец говорил — Полинька скоро родит им сестричку, о Полиньке надо заботиться. Она тоже стояла у окна, только в спальне. Молча смотрела на улицу, и по лицу её текли слёзы.

Вик подтащил табуретку, забрался на неё и заглянул Полиньке в лицо. Что случилось-то? Здорово же, снег идёт?

Но Полиньке было совсем не здорово. Она смотрела на снег и боялась, понял Вик! Она говорила — неужели это теперь до весны? Почему же осень такая холодная и такая короткая?

Вик подумал и рассказал ей, что зима — это здорово, и не так уж и холодно, главное — тепло одеться! Папа непременно купит ей тёплую шубу, шапку и валенки, а если она не захочет валенки — то унты, как у тёти Нины и бабушки Тани! И ей не будет холодно, и маленькой сестричке, когда та родится, тоже не будет холодно! И дома тепло, батареи же! А в Листвянке настоящая печка, с дровами!

Вик вдруг понял, что он, хоть и маленький, но видел настоящую зиму целых шесть раз, а Полинька — не видела ни разу. Бабушка говорила, что там, откуда она приехала, зимы не бывает. Вик не представлял себе, как это — когда не бывает зимы. Но взял Полиньку за руку и говорил ей, чтобы она не боялась — ведь в зиме нет ничего страшного! И Новый год бывает только зимой, а это же так хорошо — когда Новый год!

Он потом сказал отцу и Майку, что Полиньку нужно защитить от зимы. Отец ответил, что Вик молодец, и что они непременно позаботятся о том, чтобы Полиньке не было зимой холодно и грустно. А Майк пробурчал, что зима — это ерунда, вот если бы чудовище! Вик же подумал, что с чудовищем Полинька справится сама. Посмотрит на него внимательно, спросит его своим спокойным голосом — почему оно так поступает, чудовищу станет стыдно, оно извинится и уйдёт. А вот зима — не уйдёт, пока не придёт время. Поэтому нужно брать Полиньку за руку и согревать. Отец тогда очень обрадовался и сказал, что всё верно, наших девочек нужно любить и согревать.

Вик всегда так и старался — Полинька, тётя Нина, Линн, Эла, потом Алиса — между собой её звали Лис, а теперь ещё и племянницы добавились, Аннушка и Лерочка.

Свою бывшую жену Станиславу он тоже пытался любить и согревать. Но ей было нужно

что-то другое. Денег, впрочем, тоже хватало, тут ей было не в чем его упрекнуть. Но всё равно в её глазах всё было не так. Поэтому — не сложилось. Она теперь жила в Испании и могла пользоваться домом и небольшим доходом в том случае, если ни разу в жизни не напомнит о себе ни ему, ни кому-то другому из их семьи. Даже случайные встречи для неё под запретом — если вдруг, виноватой окажется она, это записано в их соглашении. Мир велик, солнце светит для всех, пусть живёт далеко и никогда с ними не пересекается. Пока она не нарушила ничего. За ней слеживали, конечно, вроде бы у неё там какой-то мужчина, да и ладно. Пусть что хочет, то и делает.

Пока Вик предавался воспоминаниям, Полинька собралась на встречу. Винно — красное платье, длинные волосы уложены узлом, и старинный гарнитур с рубинами — Полинька называла его мудрёным словом «парюра» и надевала не чаще двух-трёх раз в год. Видимо, встреча важна для отца.

Да-да, по общей торжественности вида и количеству драгоценностей на Полиньке можно было понять, насколько важная встреча предстоит. Сегодня градус можно было обозначить как «достаточно». Прямо скажем, в городе Вик и не знал никого, для кого Полиньке стоило бы надевать свои фамильные рубины.

Он очень давно понял, что Полинька для отца в таких случаях — дополнительный рубеж обороны. Лис тоже неплохо справлялась с этой ролью, не говоря уже о Линн и Эле.

Увы, ни одна из его женщин, включая бывшую супругу, в качестве рубежа обороны не годилась.

— Скажи, милый, а что случилось с той девочкой, Олей, с которой ты ещё зимой куда-то выходил? — вдруг спросила Полинька.

— Уехала, — пожал плечами Вик.

Они расстались спокойно — Ольга хотела работать в Москве, он был нужен отцу здесь. Но ходить на деловые торжественные встречи стало не с кем.

— А в этой твоей новой компании — неужели нет никого приличного? — улыбнулась Полинька. — Не поверю, что местные дамы и девицы не проявили к тебе никакого внимания.

— Правильно не поверишь, — усмехнулся он. — Только с теми, что проявили — увы, на важную встречу нельзя.

Уволенная Женька. Кадровичка Марина Борисовна с её духами и расстёгнутыми пуговицами. Настя из бухгалтерии. Милана, секретарша Померанцева. Девочка Сашенька неполных двадцати пяти лет из отдела договоров и секретарша Мисс Финанс, Алёна Васина. Кажется — куда ни сунься в конторе, непременно наткнёшься на кого-то из них. Одни хоть молчат, только глазами своими смотрят. А некоторые ещё улыбаются и делают вид, что коридор узкий и им никак не разминуться, чтобы не соприкоснуться. Бедром или грудью, ага. С ними только на деловую встречу. И ещё пяток таких же, кого он пока ещё по имени не запомнил.

— Знаешь, я даже готов пригласить тебя на работу и устроить что-то вроде лекции о деловом этикете и прочем сопутствующем, — рассмеялся Вик. — Сама увидишь, как там всё запущено.

Полинька только вздохнула — она не первый год была женой отца и представляла, кого можно встретить в среднестатистической иркутской коммерческой фирме.

— Тогда отправляемся, я звоню Володе, — кивнул Вик и строго сказал коту: — Остаёшься за хозяина, понял?

Кот зевнул и свернулся клубочком на Виковом свитере.

18. Вероника

И в придачу ко всем этим дарам небесным

Она ещё и умная — вот беда

Тикки Шельен

Домой она вернулась — как во сне. Как будто это всё вовсе не с ней происходит, не с Вероникой Ласточкиной, а с кем-то ещё.

Гадости случались регулярно, а вот факт того, что некий мужчина взялся помогать ей эти гадости разруливать, выбил её из колеи разом и напрочь. До определённого возраста с разруливанием помогала мама, только время от времени тыкала её носом в то, что помогает, и что она, Вероника, сама ничего не может. Ни по хозяйству, ни в учёбе, ни в жизни. Вероника в это верила — как иначе-то, а потом однажды, в студенчестве, пошла в поход в горы Хамар-Дабана на десять дней с полужнакомой компанией. И там вдруг оказалось, что беспомощная лентяйка Вероника, которая и в лесу-то оказалась впервые, в плане хозяйства и готовки может-умеет побольше других девчонок, которые были умницы, красавицы и мамыны помощницы. Это заставило задуматься. А когда Катерина дошла до старших классов школы, то оказалось, что у Вероники и с учёбой тоже серьёзных проблем никогда не было. И загуливать неизвестно где она себе никогда не позволяла, чтобы мать обрывала телефоны родителям её друзей. И уже только на четвёртом курсе выбила себе кусок свободы — или она дома в десять вечера, или заранее предупредила, у какой подруги ночует. Катерина такой деликатностью не отличалась, но мама почему-то всё равно не стала мягче относиться к старшей дочери. Теперь она была неудачливая, потому что не замужем и без детей. И поэтому мама не любила, когда Вероника принималась указывать что-то Катерине — сама бы сначала устроилась.

Но сегодня без разговора не обойтись, увы.

Мама смотрела телевизор, Катерина не показывалась. Собака Муха выскочила навстречу с громким лаем.

— И где ты была? — спросила мама. — Ни за что не поверю, что работала!

— Зря, — пожалала плечами Вероника. — Увы, работа иногда продолжается за пределами офиса.

— Катерина вся испереживалась уже!

— О чём, интересно? Неужели о том, куда работать пойдёт? — обычно Вероника на скандал не нарывалась, но сегодня ей было без разницы, как там оно дальше.

После того, как тебе прокололи все четыре колеса, а новый шеф взялся тебя утешать — начинаешь смотреть на жизнь иначе.

— Ну вот ты подумай сама, что ты такое говоришь! Ну куда она пойдёт работать?

— Понятия не имею. Кажется, кто-то из её подружек сидит в ближайшей «Слате» за кассой? Туда возьмут без диплома, — Вероника сделала попытку уйти к себе в комнату и хотя бы раздеться, но мама ей такой возможности не дала.

— Ты с ума сошла? Катю — в супермаркет? Да там ей недостачу навесят на второй день, не расплатишься потом за неё!

— А я-то тут причём? Пусть она уже начинает жить своей головой. Хочет — платит за пересдачу, учит и сдаёт. Хочет — пьёт кофе, ест пирожные и работает в магазине на кассе. Или ещё где-нибудь, где нужны сотрудники без образования.

— Между прочим, ты бы могла взять её к себе секретарём!

— Не могла бы. Во-первых, у меня уже есть секретарь. А во-вторых — Катерина не справится.

— Почему это она не справится?

— Потому, что не умеет делать то, что нужно, и в нужные сроки. Приходить без опоздания, выполнять то, что сказано. Держать в голове разное и не путать. Думать о текущей задаче, а не только о том, с кем и куда она вечером собралась.

— Да всё она может! Это ты плохо о ней думаешь! Ты вообще никого в жизни не любишь, поэтому у тебя и нет никого, поэтому ты и одна, как перст, до сих пор! Кому ты нужна такая!

— Так, мама. Вопрос закрыт, разговор окончен. Деньги на пересдачу дашь сама — кажется, тебе в воскресенье должны заплатить арендаторы квартиры. Хочешь, чтобы Катерина училась — заставь её пересдать. И я не смогу завтра увезти вас на дачу, — Вероника сообщила, что осталась без машины.

— Это ещё почему? — не поняла мама.

— Потому, что у моей машины какая-то добрая душа проколола все четыре колеса. И машину отправили в сервис. И я не знаю, когда вернут.

— Что это ты такого сделала, что тебе уже колёса прокальвают? — поинтересовалась мама.

— Ничего особенного. Увы, у нас на работе сейчас непросто, я тебе уже говорила. Поэтому пока так. Извини, я бы хотела раздеться и помыться.

Мама ушла к себе, Катерина не появлялась. Вероника пошла под душ и уже под душем разревелась — чужие люди снова оказались душевнее и терпимее тех, кто называл себя её семьёй.

Вайбер запищал часа в два ночи. Номер был у неё обозначен как «Виктор Валентинович». Для своих, значит, Вик, и контора конторой, а люди — людьми. Ок, пусть будет Вик, переправим.

Он скинул фоточки котёнка — помытого и тощего, вылизывающегося, с чашечкой молока, спящего на коленях. И сообщил, что семейство никак не может решить, как его назвать. Тётушка говорит — Тихон, Тишка, а племянница — Сориано, потому что полосатый. И пусть она, Вероника, тоже думает, потому что кто у кота крёстная? Вероника улыбнулась, написала, что непременно подумает, и отключилась.

И теперь можно было, наконец, успокоиться и спать.

В субботу Вероника проснулась ближе к обеду, дома никого не было. Мама ответила на звонок и сообщила, что она на даче, у Катерины дела в городе, а Вероника пусть как знает. Если она вдруг считает, что нужно матери помочь — так пусть собирается и приезжает. Как все люди, на электричке. А то важная стала, забыла, как всю жизнь вся семья на дачу ездила — своими ногами, даже дед, даже когда мог попросить водителя увезти. К счастью, дальше мама переключилась на необходимую конкретику.

Если на следующих выходных корпоратив, то по-хорошему в эти надо бы съездить. Не забыть посмотреть расписание электричек. Но пока Вероника пила кофе и просыпалась окончательно, ей позвонил шофёр Ледяного Володя, сообщил, что её машина готова, и спросил, когда и куда её доставить. Она обрадовалась, назвала адрес и сказала, что хоть сейчас — если можно. Он ответил, что да, можно, потом как раз было бы сложнее.

Уже через полчаса Вероника держала в руке ключи. Володя, парень её лет или чуть младше, сказал, что ничего от неё не нужно, Виктор Валентинович уже везде всё оплатил.

Тогда она попробовала позвонить ему самому, но он сбросил вызов и через пару минут написал в вайбер: «Буду рад поговорить поздним вечером, если вы не будете спать:») И с вас ещё имя для кота:») Она вздохнула, ответила — «Напишите, как освободитесь», и стала собираться на дачу.

Дальше было привычное — собраться, поехать в магазин, купить продуктов и что там ещё мама просила, и поехать. На месте была только часам к семи, там узнала, что Катерина учит педагогику и не приедет, а маме с этого всего плохо, и нужно полить огород до темноты, а завтра собрать жимолость, пока она вся не осыпалась.

Огород был полит, ужин приготовлен и съеден. Мама пошла спать, и велела ночью не шарахаться и ей не мешать, а лучше всего вообще прямо сейчас пойти и лечь. Но Вероника сказала, что не уснёт сейчас, и если всё так сложно — будет спать на веранде с собакой Мухой. Там было нечто вроде простой лежанки, туда можно вынести матрас, подушку и одеяло с кровати, и лечь спать, когда вздумается.

Ледяной позвонил незадолго до полуночи. Вероника выбралась из — под одеяла, куда уже успела залезть, и пошла на улицу, в дальний от дома угол огорода. А потом подумала и вообще села в машину — тут точно никто её не услышит.

— Вы что там делаете? — рассмеялся он, слыша все её перемещения.

— Пытаюсь устроиться так, чтобы никого не разбудить разговором, — усмехнулась она. — Здесь даже если на улице разговаривать, в доме всё слышно.

— Сочувствую, — кивнул он. — Раньше я, увы, был занят. Отец где-то достал богатого китайца, который теперь хочет быть нашим партнёром. Ему весь вечер пускали пыль в глаза. А завтра он желает осматривать город, и я нашёл им экскурсовода. Знаете, в диспетчерской работает дивное создание с изумрудными волосами?

— Видела на новогоднем корпоративе, — усмехнулась Вероника. — Диво дивное, вы правы. И эта девушка — экскурсовод?

— Она учится в инязе и говорит по-китайски. Когда я ей позвонил и прямо спросил, сможет она или нет, дева перепугалась, но пробормотала, что проходила какие-то там курсы на эту тему и у неё даже была небольшая практика.

Вероника заинтересовалась, откуда генеральный директор знает девушку из диспетчерской. Ледяной рассказал историю их знакомства. И разговор опять свернул на Померанцева и его компанию.

— Скажите, душа моя Вероника Андреевна, а почему нет сайта, где бы в реальном времени можно было мониторить передвижение нашего транспорта?

— Так есть же, но, как водится, не работает. И мы даже уже оплатили какое-то оборудование, чтобы работало, но всё равно пока не работает. Нужно спрашивать у компьютерщиков или у Висюкова. Страница загружается, карта на ней загружается тоже, но не отображаются машины. Ещё в прошлом году это всё делали, и я не в курсе, почему не доделали. Все необходимые финансы им были выделены.

— Очень интересно, — Ледяной, похоже, сделал где-то у себя ещё одну заметочку. — Чудесная у меня контора, куда шаг ни сделай — там что-нибудь новенькое, какая-нибудь жопа, о которой я ещё не знаю.

— Что поделать, Недолубова всё устраивало и так. В среднем машины доезжают и груз довозят, остальное — мелочи.

— Так вот в чём беда-то, душенька Вероника Андреевна — меня не устраивает это «в среднем». Мне нужно, чтобы на сто процентов. Чтобы клиенты не сбегали со словами —

мол, забодались терпеть наши косяки.

— Понимаю вас, и могу разве что посодействовать со своей стороны.

— Знаете, это уже немало. Кстати, как кота-то назовём? Кот прожорливый и наглый, ест всё, до чего дотянется, и везде лезет. Спать приходит ко мне — как научил кто!

— Мы же не знаем, кто были его родители. Может быть, наглые и зажавшиеся домашние кошки. Они и научили.

— Или у него генетическая память, ага. Представляете — залез на колени и мурлычет, — Ледяной приставил телефон к коту, и Вероника услышала то самое мурлыканье.

— Подлизывается, не иначе. Или демонстрирует вам своё расположение.

— Вот, второе — это про него.

— Тогда назовите его именем какой-нибудь властительной особы.

— Карл Вильгельм? — хрюкнул Ледяной.

— Просто Шарль. Или Чарльз. Как принц Уэльский.

— Шарлик или Чарлик, годится. Эй, детёныш, будешь Чарликом? Говорит — будет.

— Прямо так и говорит? — рассмеялась Вероника.

— Жрать меня не стал и хвост на меня задирать — тоже. Так что — одобрено. Тихоном пусть тётя Нина своего следующего кота называет.

— Вы не отвезли его в Листвянку?

— Нет. Как-то с ним прикольно. Пусть пока остаётся, там посмотрим.

Они болтали ещё некоторое время о каких-то ничего не значащих вещах, а потом вдруг оказалось, что уже два часа, и хорошо бы всё же поспать. Вероника вернулась на веранду, осторожно, чтобы не дай бог не разбудить ни маму, ни собаку Муху, забралась в свою постель, но сон не шёл.

Она обладала достаточным опытом, чтобы понять — Ледяной ей нравится. И не только как начальник, хотя адекватный начальник — это по нынешним временам вообще дар небес, но и, чёрт возьми, как мужчина. Чего уж там, ни один из её бывших не взялся бы решать вопрос с её машиной. И с тем, кто проткнул колёса. А Ледяной рассказал, кто это был, и Вероника недоумевала — что она сделала этому человеку. Или дело не лично в ней? Или в чём-то ещё, о чём они не знают?

Служебный роман — это полная хрень. Фу такой быть, как говорят подружки Катерины. Никогда не доводилось, и не нужно этого вообще. Нужно всё выправить на работе, подождать ещё с полгодика и покупать квартиру. И съезжать туда.

Потому, что на самом деле нет никакого служебного романа. Он общается с ней просто как с человеком, с которым можно обсудить их рабочий гадюшник. Так же, как и с Пашей Демьяновым, например. И не она ему нравится, а он просто вежливый и воспитанный. Девочки в конторе дикие и на раз готовы перепутать вежливость с интересом к себе. Ей так нельзя.

Потому что иначе капец, трындец и полный песец.

19. Вик

Тайное всегда становится явным

В понедельник на планёрке Вик первым делом сообщил, что в течение дня он желает увидеть уже наконец начальника проштрафившейся смены Руслана Яковлева и водителей Чернышова и Куркина. Также он желает видеть все документы, подтверждающие их право отсутствовать на работе в течение прошлой недели. Иначе — увольнение.

Померанцев нахмурился. Потом сказал, что распорядится, сегодня всё будет. Почему-то побледнела кадровичка Марина Бойко. Тоже нахмурилась, бросала на Померанцева пристальные взгляды, но он делал вид, что ничего не понимает.

Дальше уже обсуждали возможные новые контракты, Мисс Финанс их озвучила. Суммы прибыли обещали быть существенными, но — только если не будут нарушены сроки и условия.

Все воодушевились, хорошие новости даже Померанцева развеселили. Можно было говорить о приятном. Вик кивнул Марине, и та принялась рассказывать.

В выходные — корпоратив, все, кто готов ехать — посчитаны, турбаза забронирована, автобусы отправляются от офиса в десять утра субботы. Все, кто едет своим ходом, должны быть на месте не ранее одиннадцати и не позже семнадцати часов. По приезду — лёгкий обед, затем квест для тех, кто записался, а для остальных — прогулки, лодки, ракетки — мячики. В семнадцать ноль-ноль — общий торжественный банкет. Форма одежды парадная, то есть взять с собой вечерние наряды. Обещались быть как Валентин Фёдорович Ледяной так и Геннадий Васильевич Недолюбов. Банкет — до последнего живого. В воскресенье — нужно покинуть базу к восемнадцати ноль — ноль, до этого времени — в свободном порядке прогулки, подвижные игры на воздухе и поедание оставшейся с субботы еды. Как-никак, семнадцать лет компании.

План мероприятий был одобрен и утверждён. Все расходились воодушевлённые и радостные. Мисс Финанс о чём-то спросила главбуха Жанну, обе рассмеялись. Всё же, какая она красивая, эта Мисс Финанс, думал Вик. И какой урод смеет ей угрожать! Ничего, если сегодня не найдётся пропажа — будем давать делу официальный ход, тогда точно не отвертятся.

Однако уже через час, около полудня, Анна Константиновна известила, что прибыли те самые Чернышов и Куркин. Интересно, они всегда хотят парой? Ни разу ещё не приходилось слышать, чтобы что-то делали по отдельности. Ну, кроме пакостей Веронике.

Вик положил перед собой лист с информацией, глянул. Чернышов Кирилл Алексеевич и Куркин Пётр Владимирович. Тридцати одного и сорока семи лет. Напарники. Куркин работает в компании одиннадцать лет, Чернышов — последние четыре года. Ранее у Куркина был другой напарник, некий Васюченко, уволился по собственному желанию — вроде бы по состоянию здоровья. Вик сделал пометочку — попросить узнать что-нибудь про этого Васюченко, и велел пригласить обоих.

Вошли осторожно, с опаской. Молодой — высокий, даже, может, выше Вика будет, здоровенный. Точно, именно он на камерах с машиной Вероники засветился. Второй — маленький, сухощавый, но крепкий. И от обоих несёт табачищем.

Не то, чтобы Вик был борцом с курением, но не любил, когда от людей воняет. Отец говорил, что раньше, до Полиньки, курил, а потом Полинька сказала, что согласна ехать на край света в вечные холода, но хотя бы курящих в доме быть не должно. Их и не стало. Сейчас из всей семьи курил только двоюродный брат Тёмыч, и то — при Полиньке он это делал далеко за огородами.

Могли бы и жвачку пожевать, подумал Вик. Пригласил проходить и присаживаться.

— Рассказывайте, господа хорошие, за что вам зарплату платят.

— Ну как, мы грузы возим, — сообщил Чернышов.

— С нарушениями, — вкрадчиво сказал Вик.

— Да один раз всего и поломались, — возразил тот.

— А я слышал, не один. Сейчас у нас июнь почти закончился, а проблемы с твоей машиной были в апреле, в марте, ещё раз в марте, в октябре прошлого года, а ещё в феврале кто-то в восьмидесятый автобус въехал, говорят — тоже ты. И это только за последний год. Многовато, не находишь?

Чернышов помолчал, потом изрёк:

— Ну, это... машина же ломается.

Вик перевёл взгляд на Куркина, поднял бровь.

— Кирилл верно говорит, машина именно что ломается, — сказал Куркин. — Ничего не поделаешь, судьба такая. Новую нам всё никак не дадут, хоть и обещают уже больше года, Руслан Петрович обещает. А со старой машины что взять? Вот и попадаем в неприятности, одна одной круче.

Руслан Петрович — это, видимо, Яковлев.

— Как умудрились хором на больничный попасть?

— Так в одной кафешке задрипанной по дороге перекусывали, вот и отравились, — пожал плечами Куркин — мол, дело житейское, со всяким случается. — А как, простите, продристались — так и пришли.

— Так может вас надо обследовать и в инфекционку? А то кто ж вас знает, с чего вы там дрисстали на самом деле, — сощурился Вик.

— Виктор Валентинович, — проникновенно начал Куркин, — вы нас простите. Мы осознаём, что из-за нас возникли проблемы, и всё поняли про премию. И постараемся больше так не попадать. Сделаем всё возможное, так сказать.

— Ок. Ты — до первой проблемы, — кивнул Вик. — Свободен. Чернышов, останься.

Куркин удивлённо уставился сначала на Вика, потом на Чернышова. Но ничего не сказал, вышел.

Вик нашёл в телефоне и пригласил к себе сначала Пашу Демьянова, потом Веронику. Паша зашёл, увидел Чернышова, глаза сделались большие — большие. Через минуту зашла Вероника, и она-то как раз ничего не поняла. Глянула на водителя, потом на Вика и на Пашу — что, мол, происходит, я не в курсе.

— Располагайтесь, Вероника Андреевна, — Вик кивнул ей и повернулся к Чернышову. — Ну, рассказывай.

— Что? — тот вытаращил глаза очень натурально.

— Чем тебе госпожа Ласточкина не угодила.

— А кто это?

— Можно подумать, ты не знаешь, кому колёса попортил?

— Какие колёса? Не знаю я ни про какие колёса.

— Значит, не знаешь, ладно. Паша, будь другом, покажи запись.

Паша подошёл к компу, запустил программу. Выбрал нужное место в записи, задал.

— Смотрите, — развернул монитор к остальным.

Вик ещё раз просмотрел кино о том, как Чернышов выходит на парковку из лифта, оглядывается, выбирает момент, когда человек в будке на входе смотрит в другую сторону, и на полусогнутых крадётся к маленькой красной машине Мисс Финанс. Достает из кармана какую-то штуку и методично обходит с ней все четыре колеса. В какой-то момент переводит дух и смотрит прямо в камеру. А потом так же на полусогнутых уходит.

Чернышов только шумно втянул воздух сквозь зубы. Похоже, сказать было реально нечего.

— Так это он? — нахмурилась Вероника. — Тот человек, из-за которого срывается половина наших контрактов? Он ещё и прямо здесь пакостит?

— Получается так, — кивнул Вик и взглянул на Чернышова. — Что скажешь?

Взглянул фирменным, у отца подмеченным взглядом. По комплекции они с отцом были схожи, давить получалось неплохо.

— Я вообще не в теме, чья была машина! Да я... да она же сказала, машина стоит так, что на камерах ни хрена не видно, там это, невидимое пятно, или как его, — пробормотал Чернышов, не глядя ни на кого.

— Кто это — она? — сощурился Вик.

Злой был в тот момент — не передать. Какая ещё «она»? Ещё только бабы-дуры не хватало во всём этом деле!

— Ну, эта, тётка, которая в отделе кадров. Белобрысая такая. Ещё духами воняет.

Белобрысая в отделе кадров была одна — Марина, мать её, Борисовна. Не было печали!

— И что она тебе сказала? Зачем ей было портить машину?

— А она про это помалкивала. Просто сказала — сделаешь, денег дам. И дала.

— И сколько же?

— Два косаря, как обещала.

— Видите, Вероника Андреевна, как вас оценивают? По мне — так маловато, — сощурился Вик. — Паша, есть куда деть этого неудачника? Я бы с ним ещё поговорил. А потом уже сдать его, куда следует, со всеми уликами, когда нам не будет нужен. Если нет — так ты говори, не стесняйся, я Михал Григорьевича спрошу, у него-то точно есть.

— Лучше спросите, — кивнул Паша.

Он тоже сделался как-то тих и немногословен.

Вик прямо сразу позвонил Михаилу Григорьевичу и сказал, что, как он и предполагал, нужда есть. Тот только хрюкнул в ответ и обещал, что через десять минут люди будут.

— Придётся подождать, — кивнул он всем. — Извините, кофе предлагать не буду.

Тут до Чернышова, похоже, дошло, что дело его плохо, и он дёрнул к двери. То есть попытался. Дверь оказалась заперта, а Вик оказался быстрее. Поймал и завернул руку за спину. Тот взвыл.

— Ну вы даёте, — восхищенно сказал Паша.

— Ты думал, я только за столом сидеть, да? — хмуро глянул на него Вик.

Злость понемногу уходила. Можно было вдохнуть поглубже.

В дверь застучали, затем голос Анны Константиновны:

— Виктор Валентинович, можно открывать?

— Можно, — громко сказал Вик.

Дверь со щелчком отворилась, на пороге показались дворе ребят Михаила Григорьевича — Тоха и Женя. Вик знал обоих — вместе тренировались.

— Здравьете, Вик Валентинович, — улыбнулся Тоха. — Этого вот?

— Его, голубчика, — кивнул Вик. — Забирайте, и чтобы хорошенько подумал о своём будущем. Так-то его пока не обо всём спросили. Я позвоню.

— Ок, — Тоха и Женя взяли голубчика с двух сторон и вывели из кабинета.

Вик стряхнул руки и наконец-то посмотрел на Веронику — она сидела у стены, ни жива, ни мертва. Смотрела на всё широко раскрытыми глазами. Захотелось прямо тут обнять её и сказать, что всё будет хорошо. И плевать на остальных и камеры.

— Вероника... Андреевна, он больше не причинит вам вреда, — Вик подошёл к ней, сел

рядом и взял за руку. — Паша, скажи, я прав?

— Стопудово правы, Виктор Валентинович, — выдохнул Паша. — Вам и охрана не особо нужна, как я посмотрю.

— Ситуации разные бывают, сам понимаешь. Вероника Андреевна, вы не обидитесь на нас с Пашей, если мы не станем так же поступать с Мариной Борисовной? Я бы за ней понаблюдал, с чего это она вообще в дело замешалась? Её имя вроде пока нигде не фигурировало.

— Вам... виднее. Наверное, — выдохнула Вероника. — Я пойду, хорошо?

— Ступайте, — кивнул Вик.

Он потом позвонит ей. А сейчас нужно обсудить с Пашей, что делать дальше.

20. Вероника

Да что, наконец, происходит?

«Принцесса Грёза»

Господи, что происходит-то? Что творится в этой уродской транспортной компании?

Вероника дошла к себе, не глядя, прошла мимо замачивающей орхидеи (понедельник ведь!) Алёны и закрыла за собой дверь. Вот только ещё не хватало разреветься в кабинете! Но как же мерзко-то и страшно! И почему именно она? И кого спросить? И Марина, дурища, тоже как-то замешалась в это во всё, зачем? Не то, чтобы Вероника Марине сочувствовала, но одно дело — сплетни по этажам таскать и мужикам глазки строить, и совсем другое — впутываться в дело, которое чем дальше, тем отчётливее отдаёт криминалом. А у Марины приличный муж и сыну всего восемь лет.

Вообще надо взять те отчёты, что делали для Ледяного — по ремонту, по невыполненным в срок контрактам, вообще по проблемам с машинами и водителями, и самой посмотреть. На свежую голову. Только где ж её взять, ту свежую голову?

На обед она спустилась с Маргаритой Романовной и вполголоса, почти что шёпотом пересказала ей историю с колёсами. Та только диву давалась.

— За что Марине Бойко на вас, душа моя, злиться — не понимаю. Ну да, у вас должность солиднее и зарплата больше, но она ваши обязанности не потянет. С вами обедал Ледяной? Ну так у вас дела. Кстати, а только ли дела? Он не женат, вы тоже свободны уже довольно давно.

— Знаете, на девяносто процентов дела. А ещё десять — так, трёп к случаю. Он просто вежливый, а наши уже уши-то поразвесили, думают, что это прямо внимание лично к ним. А ему тупо нужна информация про всех нас. А где её проще всего получить? В личной доверительной беседе. И он отлично умеет пользоваться своей вежливостью, своей внешностью и харизмой, — раздумчиво сказала Вероника.

— У Марины, между нами, отличный муж, — сказала, глядя краем глаза на ту самую Марину, Маргарита Романовна. — И начальник, и платят ему, думаю, неплохо, и ни за что не поверю, что держит её в чёрном теле, без денег и без внимания. Вон цацками-то так и хвастается, каждую неделю что-то новенькое. Марина с ума сошла, если хочет всё порушить ради мужчины, которому она через порог не сдалась.

— А может быть, Марина вместе с Померанцевым что-то мутят с нашими контрактами? — подумала вслух Вероника.

— Этого не скажу, потому что данных нет. А надо бы получить как-нибудь.

Вероника представления не имела о том, как получают такие данные, и хотела об этом сказать. Но к их столу подошли, тень закрыла окно.

— Добрый день, дамы. Вероника Андреевна, скажите начистоту — вы умеете разговаривать на каком-нибудь языке, кроме русского? — над их с Маргаритой головами возвышался господин генеральный директор.

— По-английски, более или менее, — ответила удивлённая Вероника.

— Отлично. Тогда собирайтесь, встречаемся через пятнадцать минут в гараже и едем на переговоры.

— Хорошо, — кивнула Вероника.

Что ещё за переговоры? Утром и речи не было. Впрочем, утром было совсем не до того.

Она поднялась в кабинет за сумкой, посмотрелась в зеркало, подкрасила губы, расчесалась.

— Вы уходите, Вероника Андреевна? — спросила Алёна.

С прошлой среды она была тиха, мила и идеально исполнительна.

— Да, шеф сказал ехать с ним на переговоры. Спросил, говорю ли я на нерусских языках, — рассмеялась Вероника. — Представления не имею, с кем переговариваться. Если вдруг кто — отправляй всех к Маргарите Романовне.

— Хорошо, Вероника Андреевна, — кивнула секретарша.

Ледяной ждал её на парковке возле своей чёрной громадины.

— Помните, я рассказывал про китайца, который приехал к отцу? — начал он, когда они выехали на улицу. — Так вот, он желает детально знать про наши возможности и условия. Я пригласил Валерию Вячеславовну, она, если что, поможет с переводом. И ещё господина Емельянова. Господин Померанцев как-то очень удачно оказался занят. Не знаю, чем именно занят, но выяснять не стал, — подмигнул шеф

Серёжа Емельянов был замом Померанцева. На него обычно сваливалась вся текущая работа, а Померанцев главным образом царствовал. Ну, до последнего времени — пока вдруг за косяки отвечать не пришлось. О да, у Серёжи, во-первых, может быть зуб на Померанцева, а во-вторых, он может что-то знать о природе и сущности происходящих проблем.

— Да, мне кажется, Емельянов — удачная идея, — кивнула Вероника. — Скажите, а что будет с Чернышовым?

— А это в зависимости от того, какова его роль в происходящем. Если он виноват только во вредительстве вам по просьбе Марины свет Борисовны — это одно, отделается оплатой ремонта и каким-нибудь штрафом, чтобы в будущем неповадно было. Ну и увольнение, конечно, на кой мне такое диво в штате? А вот если он ещё и каким левым бизнесом занимается, или что там эти подлюки делают — там и посмотрим, как разберёмся. А пока посидит под охраной.

— А жаловаться не станет?

— Пусть попробует. Живо пойдёт официально отвечать за всё, что сделал, и за то, о чём только подумал, тоже, — мрачно сказал Ледяной.

Вероника вспомнила, как сидящий рядом мужчина утром ловко скрутил того самого Чернышова, мужика отнюдь не маленького и не беззащитного... и восхитилась. Что ни говори, а приятно, когда твоего обидчика так вот... скручивают. И потом ещё провели через весь десятый этаж и весь девятый, прежде чем посадить в лифт и увезти. Видимо, чтобы посмотрели все, кому это может быть интересно. Но в кафе за обедом об этом не сплетничали — Вероника старалась прислушиваться. Или сплетничали, но не в кафе, или вовсе когда она уже ушла.

Тем временем они приехали в самый центр, машину через кованые ворота пропустили к

милому двухэтажному особнячку, стоящему в глубине квартала. На отливающей в лучах солнца золотом табличке значилось одно-единственное слово «Продлес». Ого, контора старшего Ледяного! Ну хоть посмотреть, как там всё устроено.

Шеф взглядом велел ей не двигаться с места, пока сам он вышел, открыл дверь и протянул руку. Поддержаться за его руку было здорово, а улыбка всё равно что сама заползла на лицо. Он удивился, и улыбнулся в ответ — открыто и радостно, как мальчишка.

— Здравствуйте, — донеслось из-за его спины.

Вероника выбралась наружу, опираясь на его ладонь, и увидела невысокую девушку с утянутыми в узел зелёными волосами. Изумрудные переливы резко контрастировали с хорошим брючным костюмом и идеально белой блузкой.

— Здравствуйте, Валерия Вячеславовна, — кивнул ей Ледяной.

Дальше они шли внутрь здания, там Ледяной только успевал кивать направо и налево. Турникеты перед ними открывались сами, встреченные люди вежливо здоровались. Ледяной привёл их в кабинет, оформленный строго, но дорого — деревянные панели, паркет, мебель по виду не офисная, а какая-то приличная, на столе огромный тонкий монитор, в кожаном кресле — мужик. Мужик поднялся здороваться, и оказалось, что зовут его Владислав Павлович, он был замом Ледяного, пока тот работал здесь, а теперь выполняет его обязанности. И кабинет раньше тоже принадлежал Ледяному. Тот живо распорядился про кофе, и они успели даже выпить по чашке, а пока пили — к ним доставили Серёжу Емельянова.

А к двум тридцати отправились в конференц-зал, где уже находились самый старший Ледяной, и при нём щуплый китаец, выглядевший на фоне иркутского партнёра совсем мелким и незначительным, но очень суетливым. Буквально минутой позже появился второй младший Ледяной — Михаил.

Всех участников усадили за небольшой круглый стол, представили друг другу. Вероника не запомнила имени китайца, но подумала, что ему тоже, наверное, непросто уложить в голове, как кого из них зовут. А потом он заговорил на английском, довольно разборчиво, и оказалось, что ему для какого-то небольшого частного проекта нужна древесина под Иркутском, а ещё — в Читинской области и ещё — непосредственно в Китае, и он бы хотел, чтобы всем процессом — и добычей, и доставкой до места — занималась одна компания. И груз в Читинскую область ему нужен уже на следующей неделе. Он бы договорился о пробной партии, и в случае, если эта партия его устроит — тогда будет разговор о долгосрочном контракте.

Вероника поняла, но на всякий случай Ледяной-сын кивнул изумрудной девочке, та перевела на русский.

Далее заговорил Ледяной-отец, на превосходном, как показалось Веронике, английском — мол, а что уважаемого коллегу смущает, заключили бы долгосрочный контракт сейчас, и дело с концом. Но китаец улыбался, кивал, заверял того в своём уважении, но говорил, что хочет посмотреть — как это будет работать.

Ему стали рассказывать, как это будет работать. Сначала Михаил Ледяной говорил о добыче и отгрузке — объёмы, сроки, особенности. Потом Ледяной-отец кивнул Виктору, но тот улыбнулся и перевёл стрелки на Серёжу Емельянова. Серёжа вздохнул, глянул на Валерию, и заговорил по-русски, та переводила. Сколько машин понадобится для заявленного груза, какие, сколько времени займёт дорога. Тем временем Вероника собралась

с мыслями, перевела про себя на английский все важные цифры, и когда Виктор кивнул уже ей, смогла вполне связно изложить соображения по стоимости и оплате. Успела поймать одобрителный взгляд Михаила.

Сошлись на том, что уважаемый господин Фань Чэнь (вот как его зовут...) подумает и не позже среды сообщит, что именно надумал. Потом он попросил разрешения откланяться, сообщил, что они с супругой сейчас идут в музей декабристов, и забрал с собой изумрудноволосую Валерию.

— Кофе или чего посущественнее? — спросил у всех Ледяной-отец.

Все согласились на кофе. Он позвонил и отдал распоряжение.

Кофе появился мгновенно.

— Сахар, сливки? — спросил Виктор у Вероники.

— Сливки, — кивнула она.

Сидящий с другой стороны от неё Михаил передал ей корзиночку с кремом.

Пока говорили о деталях, наконец-то по-русски, Вероника украдкой рассматривала троих Ледяных. Отец, конечно, выглядел глыбой, этакой скульптурой посреди главной площади. Крупный, лысый, с брюшком, из-под кустистых бровей смотрели серые глаза — такие же, как у обоих сыновей. Только Михаил был темноволос и худощав, а Виктор — массивный, как отец. Все трое могли похвастаться красивыми кистями рук, с длинными пальцами и хорошей формы ногтями. У отца и младшего сына в нужных местах красовались обручальные кольца, у Виктора не было ничего. Михаил обладал ещё и красивейшими ресницами — густыми и длинными. Впрочем, Вероника поняла, что у Виктора не хуже, просто не такие тёмные, вот и не бросаются в глаза.

Когда дело дошло до неё, она высказала все соображения — сколько денег просить, какая прибыль всех бы устроила и какие могут быть риски. Впрочем, о главном риске она не сказала ничего — кто их знает, этих Ледяных, что они там между собой обсуждают, а что — нет.

Далее оказалось, что Серёжа остаётся что-то обговорить с Михаилом, а они с Виктором возвращаются к себе на Верхнюю Набережную. Ледяной-отец очень вежливо распрощался с Вероникой, поблагодарил за соображения по делу, отметил её знания английского — молодец, мол, правильно, переводчики — дело хорошее, а если человек сам слышит и может сказать, то это ещё лучше.

И только в машине их личный Ледяной спросил:

— Что думаете, душа моя Вероника Андреевна?

— Обо всём, что обсуждали? Что нам это сейчас как дар небес. Только если не запорем.

— Вот, если не запорем. На эти рейсы поставим только тех, кто ни разу не попадал ни в какие проблемные ситуации. Если Емельянов не понял, скажу ему предметно, когда вернётся. На все машины поставим датчики, и пусть программисты запустят ну хоть какую версию карты, будем отслеживать. Афишировать этот момент не хочу, пусть водители не знают, что за ними будут следить. Но пообещаю премию всем, если в срок и без косяков.

— Должно сработать, — вздохнула Вероника. — Я, правда, уже придумала, куда деньги девать, которые нам за это заплатят. Никогда так не делаю, но в последние дни просто не могу удержаться.

— Понимаю вас, — усмехнулся он. — Тришкин кафтан, будь он неладен. В этой связи как мы впишемся в корпоратив?

— Как-то впишемся. Часть платежей уже прошла, делали заранее и понемногу.

Оплачена база, внесена предоплата за еду и обслуживание, что-то заплатили ведущему и звукачу, остальное потом, в понедельник. Оплачено оформление. Автобусы наши. Кстати, я слышала, вы затормозили счёт на охрану этого всего?

Охрану нанимали в агентстве, в одном и том же уже пару лет.

— Да, ну их. Охранять будет Михаил Григорьевич и его люди, это отцовская служба безопасности. Тем более, что отец собирается быть, да ещё и с Полиньюкой.

— Полиньюка... это ваша мама? — удивилась Вероника.

— Ага, — кивнул он и улыбнулся. — Совершенно необыкновенная. Я вас представлю. Должна же она знать моих самых лучших сотрудников, — подмигнул он.

А Вероника не нашлась с ответом.

21. Вик

Это твой меч, это твой щит и твоя стезя

Олег Медведев

С китайца Фань Чэня все же будет некоторая польза — он готов покупать лес у Ледяных и возить его в свои норы их же, Ледяных, транспортом. На взгляд Вика, самым слабым звеном выглядел как раз транспорт, но не признавать же это! Серёге Емельянову сказано по возвращению на родину явиться в кабинет, и там как раз можно будет обсудить — кого отправлять на эти пробные рейсы на каких машинах, и как сделать, чтобы всё сложилось, и не привлекать к процессу особого внимания.

Вика порадовало, что рабочие вопросы отвлекли Веронику от мерзкой утренней сцены, когда пришлось окорачивать полудурка-водителя прямо на её глазах. В тот момент её ощутимо потряхивало, а потом вроде стало попроще. Когда из машины выходила — даже улыбалась. Ещё когда ей отец комплиментов наговорил — вроде совсем оттаяла. Вернулись в офис — улыбнулась на прощание и предупредила, что утром поедет в банк, беседовать об оставшихся платежах по кредиту, июльском и августовском. Пусть едет, говорить с банками у неё круто получается.

Серёга добрался до конторы уже в седьмом часу, видно, с Майком у них нашлось много тем для беседы. Впрочем, Майк позвонил и отозвался о Серёге хорошо, сказал — толковый и знающий. С Померанцевым он тоже разок беседовал и такой характеристики не дал, сказал — вроде и при деле, но мутный какой-то. Ок, копим на Померанцева информацию. Как накопим, так на выход и попросим.

Информашка на Серёгу тоже где-то была, надо найти. О, вот она. Сергей Степанович Емельянов, тридцати восьми лет, приехал из Усолья — маленький городок в восьмидесяти километрах от Иркутска, образование — девять классов, потом строительный техникум, потом политех, автотранспортный факультет. Жена, два сына, старший как раз в этом году школу заканчивает — это во сколько лет он женился-то, бедняга? А может быть, наоборот, счастливый человек?

В общем, когда Серёга пришёл, Вик позвонил в ресторан, что на третьем этаже, попросил принести еды, и можно было раздумчиво, не торопясь всё обсудить.

Серёга знал про водителей всё, и без бумажки. Про Чернышова сказал, что гниловат, его не раз ловили на мелком обмане, но вот прямо на увольнение пока не наскребается. Куркин вроде как неплохой спец, но по характеру мужик нудный и, что называется, говнистый. Докапывается до мелочей, всё время выпрашивает себе такие рейсы, как хочется ему, а не какие выпадают по графику. Замечен в доноситељстве на коллег, на него же обычно не наезжают — себе дороже. Говорят, кого-то бил, вынуждал уволиться по собственному. Это

он выбрал себе в пару Чернышова, долго выбирал, человек пять пробовал после того, как уволился Васюченко. Почему уволился? А в Москву переехал, поближе к детям. Проблемы с Куркиным начались в прошлом году, до того не было ни одной.

Сошлись на том, что если господин Фань Чэнь согласится на предварительный договор и пробную поставку — там и посмотрим. Сколько ему нужно будет товара, сколько машин пойдёт и всё такое.

Вик уже было собрался предлагать Серёге поехать выпить, но появился Паша Демьянов. И рассказал, что больничные у обоих красавцев — и у Чернышова, и у Куркина — липовые. То есть даже и нет никаких больничных, а просто все эти дни им ставили как рабочие, только ни на работе, ни рядом их обоих никто до сегодняшнего дня не видел. С того момента, как в Братск поехали.

А это уже был вопрос к Марине свет Борисовне. И Вик задумался, когда его лучше задать — уже наутро или повременить несколько дней?

Где-то ещё болтался начальник проштрафившейся смены Руслан Петрович Яковлев, тоже как бы болеющий. Его бы тоже найти, конечно. Но тут уже пусть Михаил Григорьевич кого-нибудь приспособит.

В итоге пить поехали втроем — с Серёгой и Пашей, на машине Вика. По ночи Вик вызвал Володю, тот приехал, и, не говоря ни слова, развёз по домам всех троих.

Дома ждал кот Чарлик, принц Уэльский, очень злой и голодный, и по этому поводу горластый. Всё, что Вик навалил ему в миску с утра, он уже, ясное дело, давно оприходовал. Вик, не разуваясь, прошёл на кухню, нашёл в холодильнике кусок размороженной специально для кота печёнки и дал ему. Кот с утробным урчанием набросился на еду, и можно было хотя бы разуться, а потом и раздеться, и забраться под душ. После душа уже только лечь, честное слово.

Кот пришёл, лёг на грудь и заурчал. Он наел себе толстое круглое пузо, растопырил лапы и перебирал когтями. Очень уморительно. Наверное, у Вика просто давно не было мелких котов. А его личных котов не было и вовсе никогда. Оказывается, это прикольно!

Впрочем, этим прикольным моментом есть, с кем поделиться. Вик дотянулся до телефона, сфотал блаженно валяющегося кота и сбросил фотку в вайбер Веронике. Потом только догадался посмотреть на часы — так-то дело к полуночи. Может и не ответить.

Но Вероника ответила — кучей смайлов. Он спросил, можно ли ей позвонить. Она написала, что лучше не надо, мало ли, кто что услышит. Дальше они некоторое время переписывались как будто ни о чём, но почему-то прошёл почти час. Когда это заметили, Вероника сразу же пожелала спокойной ночи и отключилась.

Вик же поймал себя на мысли, что было бы хорошо, если бы Вероника сейчас была не на другом берегу Ангары, а вот прямо здесь, совсем рядом. Мысль удивила его — свою квартиру он оберегал от девушек очень тщательно, все встречи происходили на их территориях, а если у них не было таковых — ну, пару раз можно снять квартиру, а дальше уже не хочется. Ни одна девушка не воодушевила его настолько, чтобы пригласить её к себе.

Но ни одна девушка в последнее время не была рыжей и зеленоглазой. И к тому же толковым сотрудником.

22. Вероника

Ежели ты, девочка, хорошая такая,

Кто же тебе, дура, в этом виноват!

Тикки Шельен

Когда она добралась к восьми вечера домой, то поняла, что устала настолько, что хочет одного — тишины. Чтобы никто её ни о чём не спрашивал, чтобы никто ей ничего не говорил. Чтобы ничего от неё не хотели.

Увы, не удалось. Дома не было хлеба и молока, ужина не было тоже, но на это Веронике уже было наплевать. Больных и немощных нет, все сами себе хозяева.

Мама ушла в гости к соседке тёте Гале. Катерина сидела на кухне с парой подружек, и они там что-то ели. Собака Муха радостно выскочила в коридор и с громким лаем попыталась поставить лапы Веронике куда-нибудь повыше, но никуда не достала — лапы были короткие, а собака Муха — толстая, этакий цилиндрической формы пуфик на ножках.

Катерина высунулась из кухни и сообщила, что нужно сходить в магазин, потому что на завтрак не с чем пить кофе. И ещё нужно погулять с собакой.

Погулять так погулять. Вероника радостно переделалась из офисного костюма в шорты и футболку, взяла городской рюкзак, ключи и карточку. И отправилась по окрестным магазинам.

Ей повезло — Белореченский в соседнем доме ещё работал, и там даже не все сливки раскупили. Кроме сливок, Вероника купила хлеба, молока, кефира, творог и десяток яиц. Потом можно было дойти до Хомутовского и посмотреть там что-нибудь типа буженины на бутерброды. Готовить не хотелось от слова «совсем».

О нет, она ещё помнила те времена, когда приходилось считать копейки и дотягивать до зарплаты. Когда ели картошку с солёными огурцами, а банку тушёнки делили на два-три раза. И в принципе до сих пор представляла, что и где можно купить подешевле — что на центральном рынке, что на свердловском, что в «Слате», что в «Удаче», а за гречкой, например, лучше идти в «Хлеб-соль». И как же хорошо, что сейчас можно забить на все эти сложные вычисления и не грызть себя за покупку не самых дешёвых продуктов! Но мысли ж сами приходят, не спрашиваются, так что...

Дома она выгрузила в холодильник и на стол содержимое рюкзака, подцепила поводок к ошейнику собаки Мухи и пошла с ней гулять. Тишины дома не предвиделось, поэтому, несмотря на гудящие ноги, Вероника двинулась наверх, на так называемую академовскую горку. Собаке Мухе было откровенно лень переставлять лапы, она предпочитала быстро нырнуть под куст во дворе и бежать обратно домой, но прогуливать эту тушку на ножках необходимо, иначе совсем жиром заплывёт. Маме было бесполезно объяснять, что собаку нельзя кормить конфетами и печеньем, как же, она же смотрит! Ей же невозможно не дать!

Собаку Муху завёл лет десять назад дед. Взял у кого-то весной маленьким щенком, прожил с ней лето на даче, а когда в сентябре пришло время возвращаться в город, то оказалось, что мамина сестра, с которой он жил, и её дочка (деду, соответственно, дочка и внучка) наотрез отказываются пускать собаку Муху в квартиру. Сердобольная мама взяла животину к себе. Ну, как к себе — к ним всем. Собака, прожившая почти полгода на даче, была совсем не приучена гулять по времени, и зиму они положили на то, чтобы приучить её — к прогулкам, к ошейнику, к поводку. Далее было так — в мае дед перебирался на дачу, мама отвозила ему туда собаку Муху. Дед и собака Муха жили там до сентября, потом возвращались в город — дед к себе, собака Муха — к маме. Три года назад дед умер, и собака Муха окончательно переселилась в Академгородок.

Вероника не особо любила собак, не было у неё с ними контакта. Другое дело коты! Но кто её знает, как отреагирует собака Муха на кота? Поэтому кот оставался мечтой. Надо же, а у Ледяного их четыре у отца и ещё пятый, которого они подобрали в прошлую пятницу.

Вот везёт человеку! Но всё в мире гармонично и справедливо — если где-то избыток котов, то в другом месте непременно будет недостаток.

И надо же было его вспомнить! Сразу же пришёл в голову момент, как он помогал ей выбраться из его машины, как они смотрели друг на друга и улыбались. Просто смотрели и просто улыбались. Она подумала, что не отказалась бы просто посидеть с ним и поговорить. Хоть в его огромной машине, хоть на лавке под деревом!

Все её прежние увлечения были достаточно рациональны. Она всегда считала себя ни разу не романтической особой, ей была важна конкретика. Если мужчина говорил, что она ему нравилась, и он тоже был ей симпатичен, то они просто договаривались — пойдём в кино, в кафе, или там куда ещё. Поедем в лес, будем ночевать вдвоём в палатке. Вместе поедем в отпуск. Будем вместе снимать квартиру. Как-то так.

Первый из них, Сергей, был вообще ещё в студенчестве, там только в лес вместе и ходили. Сейчас он в Москве, вроде женился и ребёнок есть, если верить фейсбуку. Второй, Денис, возник из тусовки туристов. Был он серьёзен, даже звал её замуж, но его позвали работать в Новосибирск. А ей в то же время предложили хорошую должность здесь, в Иркутске. Он пожил несколько лет в Новосибирске, потом вернулся, сейчас где-то в городе, Вероника давно уже ничего о нём не слышала.

Слава тоже уехал по приглашению на работу в Москву. А ей опять в самый момент его отъезда предложили хорошую должность и хорошие деньги. Не нынешние, конечно, но тоже неплохие. А в Москве пришлось бы начинать всё сначала — что-то искать и кому-то что-то доказывать. Здесь-то у неё уже какое-никакое имя, и работа, бывает, находит её сама. Правда, работать на Ледяных — о таком она и мечтать не могла. Это было очень-очень круто. И если всё закончится хорошо, то её место работы её более чем устраивает. Хорошо бы Ледяной выгнал всех дармоедов и тунеядцев, всем бы стало проще, ему самому тоже. А вдруг и выгонит?

И будем честны, подумала Вероника, ей хочется дальше работать с Ледяным. С этим Ледяным. Самого старшего она, откровенно говоря, побаивалась, а младший, Михаил, был вежлив, и только. А с Виктором было тепло. Удивительное ощущение, не встречавшееся ей ранее ни в мужчинах, ни в начальниках.

Вероника поняла, что просто начинает замерзать. Солнце село за верхушки деревьев на горке, собака Муха устала ходить по траве и хотела уже домой, поесть и спать.

Они пошли к пешеходному переходу.

Дома не оказалось Катерины и её подружек, зато пришла мама. Она в кои веки раз была довольна — и в гости хорошо сходила, и была рада, что собаку Муху уже прогуляли, и ей не придётся сейчас идти.

— Мама, Катерина решила вопрос с пересдачей? — спросила Вероника перед тем, как уйти в душ.

— Конечно, пересдала! — мама сообщила это таким тоном, будто Катерина защитила диплом на «отлично».

— На какую же оценку? — Вероника не удержалась

— Ясное дело — на три, на что ещё можно пересдать! Но теперь у неё сессия закрыта. И я с ней согласна в том, что ты бы могла оплатить ей курсы вождения и давать ездить на машине.

Веронику такое дело не обрадовало нисколько.

— Нет, мама, я не считаю, что это хорошая идея, извини. Пусть сама зарабатывает и

покупает себе машину. А то она совсем учиться перестанет, даже на тройки, и будет до обеда спать, а потом до утра на машине раскатывать. Тебе это надо?

— Почему ты считаешь её такой безнадёжной? Ты её просто не любишь!

Вероника могла ехидно заметить, что ей никто не оплачивал ни курсы вождения, ни машину. И пересдачи тоже, потому что не было такого явления в её жизни. Но она просто сказала, что разговор окончен, и ушла под душ.

Под душем гоняла мысли про то, кто кого не любит, там же успокоилась, вытерлась и вышла, сделала себе тарелку бутербродов, и с ними пошла лазить по сети. Так бы и сидела неизвестно сколько, если бы вдруг уже ближе к полуночи не написал помянутый Ледяной. Он тоже, судя по всему, был хорош — лежал где-то, наверное, дома с котом на груди. Кот выглядел толстым и довольным жизнью.

Они проболтали где-то час о какой-то ерунде, никак не связанной с работой. И наверное, болтали бы ещё, не вспомни она о том, что завтра ещё только вторник, и утром рано вставать.

23. Вик

Кого-то поймали мы вроде...

«Принцесса Грёза»

Утром вторника Вик был готов разбить нахрен телефон, в котором трезвонил настырный неугомонный будильник. Спать хотелось не по-детски, но кого это волнует, спрашивается? Надо подниматься и переть в контору.

Под ногами тут же возник истошно вопящий Чарлик. Ну да, теперь у них ритуал — сначала Вик идет на кухню и достаёт коту пожрать, потом уже зарядка и умываться.

С утра он собирался поехать к Михаилу Григорьевичу, побеседовать с изолированным вчера от общества Чернышовым. Уж наверное тот за сутки надумал что-нибудь и не будет дурака валять. Хотя кто его знает, конечно.

Владения Михаила Григорьевича располагались в подвале отцовской конторы. Там был отличный и хорошо известный Вику тренировочный зал, оружейная комната, там же были помещения для тех, кого нужно было спрятать от излишнего внимания, или наоборот — чтобы сам не дёргался и ерунды не творил. Чернышов представлял собой второй случай.

Вика провели к нему и велели стучать в дверь, если что. Комнатка небольшая, плюс в углу — дверь в крошечную ванную. Не так и плохо, если подумать.

Чернышов сидел на кровати и таращился в потолок.

— Ну как, надумал что-нибудь? — спросил Вик.

— О чём? — хмуро спросил тот.

— О рейсе в Братск, о колёсах Вероники Андреевны, о том, как и почему по весне косяки у вас один за одним лезли, — Вик прислонился к стене и усилием воли не стал скрещивать руки на груди.

— Случайно. Мы ничего такого не делали. А колёса — да, я. Деньги сильно нужны были. Премия-то тью-тью. А тётку эту я и не знаю вовсе. Первый раз у вас в кабинете увидел.

— Не надумал — и ладно, — не стал спорить Вик.

Пусть посидит ещё, раз не готов разговаривать.

Наверху Вик зашёл к Михаилу Григорьевичу и спросил:

— И что, никто его не ищет?

— Нет пока. Матери мы его заставили позвонить и сказать, что внеплановый рейс.

— И как, взял и позвонил?

— Я ещё могу быть убедительным, — усмехнулся тот. — Да ты не переживай, будет что — я сообщу. Но мне кажется, тут ловить нечего.

Михайлу Григорьевичу было, как и отцу, слегка за шестьдесят, они дружили чуть ли не со школы. Он был седой, круглый и с виду добродушный, но безобидный вид надёжно скрывал его хищническую суть. Ему было в интерес и удовольствие разгадывать загадки, ловить и обезвреживать врагов и решать проблемы. Если бы не он — «Продлес» не был бы «Продлесом».

Ну ок, значит, пока об этом не думаем. Едем в свою контору и прикидываем, с чего начинать там.

И за целый день самую позитивную новость принесла Мисс Финанс: кредитные каникулы на два последних платежа, до сентября. Это супер. А в сентябре, думал Вик, даст бог, всё и закроем разом.

В среду прямо с утра позвонил отец и сказал, что господин китаец решился-таки пробовать. И после обеда опять двинули в его контору — прежним составом. Вик с Вероникой, она попыталась пискнуть, что приедет на своей машине, но он отшутился — мол, его машину быстрее пропустят в ограду. Серёга Емельянов доехал сам.

Господин Фань Чэнь изложил — ему нужно три машины леса в Иркутск, три в Читу и три в Манчжурию. То есть с участка стартуют девять, из Иркутска едут шесть, из Читы три оставшихся. В ответ Майк изложил про отгрузку, Серёга про машины, а финансовый директор отца Юрий Васильевич и Вероника — про стоимость. Валерия Водовозова переводила в обе стороны. Всех всё устроило. Старт наметили на понедельник.

Договорились, что подписание контракта — в десять утра в пятницу, и потом его непременно сбрызнуть. Также договорились, что никакой специальной информации про этот контракт не распространяем — так, рутинная работа. Но тем, кто доедет в срок, будут премии. Тем, кто до Иркутска — поменьше, тем, кто до конца — посущественнее.

Водителей и машины выбрал Емельянов вместе со своим доверенным начальником одной из смен Беленьким. Иван Машков тихой сапой подпнул сайт с картой, все девять машин должны были там отображаться.

Померанцев же пребывал в счастливом состоянии «ни сном, ни духом, ни рылом, ни ухом» — он по плану должен был узнать о проекте под кодовым названием «в понедельник лес, в воскресенье деньги» как можно позже.

Всё было благостно и спокойно — поехали, подписали, потом на фуршете отец прищурился и сказал, что у Вика в конторе налицо нерациональное использование имеющихся ресурсов. И что он забирает госпожу Водовозову в свой международный отдел, нечего ей в диспетчерской штаны протирать. Вик был только за, другого диспетчера найти невелика проблема. Только надо будет присмотреть, чтобы нормального, а не абы какого.

В контору вернулись после обеда, была кое-какая текучка. Вик шёл по коридору десятого этажа от Паши Демьянова к себе в кабинет, когда услышал громкие рыдания. Вот не было печали, кто это ещё?

Рыдания доносились из приоткрытого кабинета финансового директора. Вик открыл дверь и вошёл.

24. Вероника

Трудно ли поводя судьбы всё время держать внатяг?

Олег Медведев

Вся неделя шла подозрительно спокойно. Вероника даже прямо задумалась, что не к

добру это спокойствие, и где-то непременно рванёт.

Но пока прокатывало. В пятницу с утра подписали договор на пробную поставку с господином китайцем, слегка его сбрызнули — Ледяной-отец усмехнулся ещё, что вот будет договор побольше, там и сбрызнем посолиднее. Вероника с ним была полностью согласна — нечего, ещё работать полдня, а потом на корпоратив собираться.

До вечера она как раз успела уточнить детали нескольких платежей от клиентов, которые пройдут в понедельник-вторник, и нескольких — которые должна была сделать контора по разным надобностям. Это второе она полностью одобрила и дала бухгалтерии три зеленых свистка, чтоб платили.

В начале шестого Вероника наконец выдохнула — можно выпить чашку кофе, и если больше ничего не вывалится — уже отправляться отсюда до понедельника.

Алёна вошла в кабинет с этой самой чашкой, и Вероника даже успела сказать что-то вроде «ставь сюда, спасибо», но вдруг её лицо окатили горячие брызги, а содержимое чашки непостижимым образом оказалось на клавиатуре её, Вероники, ноутбука.

Вероника медленно подняла голову и увидела бледное-бледное лицо Алёны.

— Пр-р-р-ростите м-м-меня, п-п-пожалуйста, — выдавила она из себя. — Я нечаянно...

Вероника схватила несчастное устройство и принялась аккуратно вытрясать из него остатки кофе. Чашка была большая, вылилось много.

Алёна села на стул и заревела.

— Чего ревёшь? Слезами тут уж точно не поможешь. Быстро к Висюкову, пусть всё бросает и идёт сюда.

Если кто и может спасти комп — так только Дэн Висюков. Характер у него так себе, но руки золотые.

Пока Алёна ходила, Вероника вытерла лицо и руки, а потом ещё лужу на столе, и даже успела сбежать до туалета прополоскать тряпку. Но барышня появилась одна, без Дэна.

— Он сказал, что сильно занят, что у него задание от генерального директора, — прорыдала она, плюхнулась на стул и заревела в голос.

Вероника достала телефон и собралась сама поговорить с Дэном и попробовать убедить его, но в этот момент открылась дверь из коридора, и в приёмной появился как раз господин генеральный директор собственной внушительной персоной.

— Дамы, что случилось? — спросил он, оглядывая мокрый лист бумаги на столе и лужу на полу.

— Крайне неприятное происшествие. Я сейчас без рабочего компьютера, и без всех его данных, если вы не убедите господина Висюкова помочь, — сообщила Вероника.

— Виктор Валентинович, это я нечаянно, — прорыдала Алёна.

— За нечаянно, говорят, бьют отчаянно, но я прямо сейчас, так и быть, не стану. Вдруг технику Вероники Андреевны удастся спасти? — он достал телефон, нашёл контакт и ткнул в него. — Немедленно в кабинет Ласточкиной, — и отключился.

— Вы кому? — спросила Вероника.

— Висюкову, кому ещё. Он же у вас, говорят, гений ручной работы, — усмехнулся Ледяной.

— Он уже успел один раз отказаться, сославшись на вас, — мрачно усмехнулась Вероника.

Дэн явился, оценил масштабы разрушений, поскрёб свою плешивую голову, похмыкал, выслушал задание начальства — «максимум спасти комп, минимум — всю информацию с

него», и отбыл вместе с компом.

— Алёна Витальевна, — Ледяной глянул на барышню, — шли бы вы отсюда. Я имею в виду — домой. Толку от вас сегодня не будет.

— В смысле — совсем? — Алёна даже дышать перестала.

— В смысле до понедельника. Ну или до завтра, если вы едете на корпоратив. Я не думаю, что вас нужно увольнять за одну разлитую чашку. Вот если вдруг найдётся что-то ещё — там и посмотрим, — в этот момент Ледяной выглядел полностью соответствующим своей фамилии.

До Алёны как будто дошло, что её и впрямь могут уволить. Она схватила свою сумку, пискнула что-то вроде «до свидания» и только каблук по коридору к лифту застучали.

Вероника закрыла глаза. И глубоко вдохнула-выдохнула, потому что к этим самым глазам подступили слёзы, и только вот ещё не хватало при нём сейчас реветь.

— Вероника, — он накрыл её лежащую на столе ладонь своей.

— Да?

— Всё уже произошло. Теперь или Висюков сделает, или нет. Сколько информации нельзя будет восстановить никак?

Вероника задумалась.

— Процент двадцать, наверное. Часть есть на общем сервере, часть у Маргариты Романовны, часть в бухгалтерии у Жанны. Корпоративная почта тоже на сервере.

— Есть среди этих двадцати процентов что-то такое, без чего нельзя дальше жить?

Она подняла голову, взглянула на него. Он улыбался.

— Нет такого, — покачала головой.

— Я предполагал что-то подобное, и очень рад, что вы своим голосом это подтвердили. Предлагаю следующее: сейчас мы с вами идём отсюда ужинать в «Кочевника». Едим мясо, или пельмени, или и то, и другое, я почему-то голоден. А когда заедем это неприятное происшествие — оно уже будет выглядеть проще, поверьте моему опыту.

— Эх, ваши бы слова да богу в уши, — вздохнула Вероника. — Ок, поехали.

— Только мне кажется, что ваша машина — лишняя. Если вы согласитесь, я вызову Володю, он отгонит вашу машину к вам в Академ. У вас кто-нибудь сейчас есть дома?

— Да, мама должна быть.

— Она не упадёт в обморок, если ей принесут ключи от вашей машины?

— Я позвоню и предупрежу.

Мама непременно упадёт в обморок от известия, что машину Вероники доставит домой неизвестный ей человек, но тут уж ничего не поделаешь.

— Вот и отлично. Тогда через пять минут внизу?

— Да, хорошо, — Вероника вышла в приёмную проводить его, и заметила, что Алёна, убегая, не выключила свой компьютер. — Представляете, как напугали Алёну, что она даже технику бросила, — рассмеялась и пошла выключать.

Непроизвольно заглянула — что там у неё открыто?

Пасьянс «Паук», Одноклассники, почта. А что это там в почте не отвеченное?

Вероника взялась читать. Ага, письма от клиентов, от трёх актуальных и одного потенциального. Получены вчера вечером и сегодня в течение дня. А Алёна, значит, молчала как партизанка!

— Виктор Валентинович... Вик, постойте.

— Нашли что-то интересное? — нахмурился он.

— А вот посмотрите. Вообще-то она должна сразу же пересылать подобное мне, или хотя бы ставить в известность о том, что пришли письма от таких-то, и хотят они того-то. Она же даже не читала.

— Или читала, но потом снова пометила, как непрочитанное.

— Наверное, может быть и так.

— Ну ок, что-то она меня бесит, эта ваша Алёна Витальевна. Она едет на корпоратив?

— Да, собиралась.

— Распоряжусь, чтобы там за ней предметно последили. С кем общается, о чём. И в понедельник решим. Скажем, придём пораньше, чтобы встретить её здесь и спросить, что это такое?

— Согласна, — кивнула Вероника. — Вообще у неё маленькие дети, она их растит одна, без мужа. Я как-то всегда стараюсь быть к ней помягче — отпускаю, если ей надо с ними к врачу или ещё куда, премию прошу ей побольше, закрываю глаза, если у неё кто-то заболел и её нет день-два. Прошлой осенью младший ребёнок пошёл в сад, всю зиму они из болячек не вылезали, это пару последних месяцев попроще стало, а так она с ними сидела, сколько надо, когда её родители сидеть не могли. Кто другой уже бы распрощался, а я жду, что дети подрастут и всё нормализуется. Понятия не имею, что у неё ко мне. Вообще она всегда работала хорошо. До... последних двух недель.

— Так это не первый её выпад? — удивился Ледяной.

— Да как сказать... на прошлой неделе была истерика, извините, про вас. Что вы со мной обедать ходите, а её в упор не замечаете. А ей очень надо, чтобы вы её заметили, у неё дети, ей их кормить надо.

— О как. Чудесная девушка, — Ледяного передёрнуло.

— Это Марина Бойко её просветила, что мы с вами ходили обедать.

— Эту Марину бы... — он не стал уточнять, что именно с ней нужно сделать. — Слушайте, а гляньте в соцсеточку, вдруг там какая переписка?

— Противно, — вздохнула Вероника.

— Понимаю, — улыбнулся Ледяной. — Давайте, я это сделаю.

Он подошёл к Алёниному компу, открыл её страницу в Одноклассниках. Фоточки Алёны, фоточки сына и дочери. А вот переписка. Из конторы — Серёжа из техподдержки, Вадик из ремонтной мастерской, Оля из бухгалтерии, Саша из отдела договоров, Марина Бойко. Ледяной с хищной улыбкой открыл переписку с Мариной.

Марина писала, что нужно действовать. Хоть как-нибудь. Алёна сначала пыталась объяснить, что не будет вредить Веронике, потому что Вероника добрая и щедрая. А Марина на её реплики отвечала — пока ты её жалеешь, она с твоим Ледяным по городу раскатывает. Видимо, Алёна последний ум где-то потеряла, потому что и впрямь соглашалась с тем, что Ледяной уже её. Это было удивительно, Вероника помнила свою сотрудницу в состоянии влюблённости прошлой осенью, тогда Алёна выглядела иначе. И почему она взялась делать гадости Веронике, вместо того, чтобы попытаться установить контакт с Ледяным — непонятно.

— Скажите, Алёна пыталась как-то проявить своё внимание к вам? — спросила она Ледяного.

— Разве только считать вниманием постоянные встречи в коридоре, улыбки и попытки задеть меня то бедром, то грудью, — усмехнулся он. — Нет, на шею не бросалась. Честно,

она не в моём вкусе.

Для своих возможностей выглядела Алёна неплохо, как всегда считала Вероника — светлые волосы чуть ниже плеч, иногда собранные в хвостик, большие тёмные глаза, стройная фигура, на которой никак не сказались беременности и роды, и одевалась она аккуратно, и оба её костюма были хотя и странноватой расцветки, но хорошо подобраны по фигуре. Вероника подозревала, что многие парни в конторе были бы не против отношений с ней, и даже её дети не были бы помехой. Но Алёне был нужен кто-то обеспеченный. Ну и мечтала бы себе, пакостить-то зачем?

— Я тут заскринил пару моментов, — сказал Ледяной, — и отправил к себе в почту. Пригодится на будущее. А пока давайте выключим здесь всё, закрём и пойдём вниз. Я звоню Володе, а вы звоните вашей маме.

25. Вик

Что-то хорошее стало происходить с моим сердцем,

И я подозреваю, что это ты.

БГ

Вик пребывал в бешенстве. Вот ведь бабы-дуры, вечно наплодят херни, как будто без них её мало было!

Нет, он не грёб всех под одну гребёнку, кроме баб случались в его жизни и дамы, и просто приличные девушки и женщины. И ни статус, ни достаток не являлся определяющим в том, баба перед ним или дама — за свои почти тридцать девять лет он повидал и баб в бриллиантах, и дам в драных джинсах.

Дамы умели использовать по полной то, что у них есть, и быть довольными, а если чего-то недоставало — так шли и брали. Бабам все время всего было мало, и они не были готовы сами ударить палец о палец, но всё время ныли, пилили, делали козьи морды и сморщенные носы.

К сожалению, его бывшая супруга Станислава была именно бабой. Родители изо всех сил пытались причесать природные данные, воспитать, образовать и что там ещё положено, но всё это было наносным и слетало, как луковая шелуха, стоило только возникнуть хоть сколько-нибудь серьёзной проблеме. А проблемы возникают у всех, и деньги тут не панацея, хоть с деньгами и проще, конечно.

При этом, к примеру, сестрёнка Линочка за языком следит только если находится на сцене, или в другой какой очень уж ответственной ситуации. Но с ней за спиной — хоть в бой. А Станислава была манерна до ужаса, кривилась, когда отец или Линн что-то такое изрекали между делом, но ждать от неё помощи или сочувствия было бесполезно. «Тыжмужик», вот и справляйся. Полинька пыталась что-то ей объяснить про жизнь и мужиков, но не преуспела. И когда тётя Нина взялась причитать по поводу их развода, пресекла её стоны быстро и жёстко. Ангел Полинька, как называет её отец.

Ладно, ни к чему сейчас все эти воспоминания. На работе надо работать, остальное потом. Пусть там кто с кем хочет, тот с тем и крутит, его бы, Вика, не трогали, и не пакостили бы. И ок.

Нет, не ок. Ещё и Веронику нехрен трогать. И пакостить ей нехрен особенно. И вообще идти пора, она уже, наверное, ждёт.

Нет, Вик не слишком задержался, Вероника и Володя появились на парковке разом с ним. Володе были выданы ключи от машины и инструкции, а Вероника — усажена на переднее сиденье внедорожника. Можно валить.

— Вероника, скажите, что может иметь к вам госпожа Бойко?

— А я бы знала, — она смотрела на дорогу каким-то невидящим взглядом. — Только на днях с Маргаритой Романовной разговаривали — на моё место ей никак, образование не то и опыта в этой сфере нет, жизнь у неё более устроенная, чем у меня, так что я не в курсе, что ей нужно.

— Что значит — более устроенная жизнь? — надо же понять, что вообще у Вероники в голове, не только по работе, а и по жизни тоже.

— Ну, она живет своим домом. У неё муж и сын. Муж неплохо их с сыном обеспечивает, он какой-то начальник на ВСЖД.

— На железной дороге?

— Да, не знаю точно, чем он занимается, это всё по слухам.

— Слухи можно проверить, — пожал он плечами. — Кстати, а почему вы не живёте своим домом?

— Потому, что я пока на него ещё не накопила, — пожал плечами Вероника. — То есть нет, студию без ремонта в новостройке на окраине Ново-Ленино я могу купить без кредита уже сейчас. Но я хочу поближе. Поэтому продолжаю копить.

— А ваши родственники не желают вам в этом помочь?

— Мои родственники не желают, чтобы я жила отдельно. Был опыт. Тогда им самим придётся решать многие вопросы, которые сейчас на мне. Мама говорит, что всю жизнь решала, теперь моя очередь. А Катерина... пока мама жива, она своим умом жить не начнёт.

— Так, может, вам просто нужно оставить их вдвоём?

— Я надеюсь, что смогу это сделать. Просто немного позже. Нет, я, конечно, могла бы снять квартиру, прямо какую хочу и в любом районе города, но есть страшная вещь привычка и не менее страшная вещь — нежелание становиться поводом для семейного скандала. Ну и с семьёй жить дешевле, чем снимать. Терпеть семейный скандал я тоже готова разве что из-за чего-то очень важного, например — собственного жилья. Вот и всё. Экономия, привычка и минимум сопротивления влиянию среды.

— Я бы удивился, если бы финансист не был бы экономным, — усмехнулся Вик. — Приехали, душа моя Вероника Андреевна. Не торопитесь выходить, я помогу.

Вероника определённо ближе к категории «дама», чем к любой другой. Ей не грех и дверь открыть, и руку подать. Она смущается, но принимает. Очевидно — привыкла, что всё сама. Это тоже деформация, конечно, но лучше уж такая, чем когда сама ничего и никак.

За столом Вик старался не глазеть на неё очень уж откровенно. Но вдруг хотелось узнать про неё миллион подробностей — а как она держится за столом, как ест, как пьёт, как управляется со столовыми приборами. Неделю назад ещё не хотелось, а две недели назад — тем более. Да нормально она всё это делает. Не манерничает, но и не тушует. С ней, если что, можно и на очень пафосный приём. Не пропадёт.

Разговор вывернул на отпуск, которого хочется. Вик понимал, что ему нынче до отпуска, как до Луны, на выходные уехать из города и то боязно — а вдруг что-то где-то обрушится, а он в лесу без связи. Вероника думала примерно о том же — если бы Недолюбов потерпел с продажей бизнеса до осени, она бы в отпуск непременно съездила, и гори оно всё синим пламенем. А теперь, раз взялись вычищать контору от всякой херни, придётся доводить процесс до конца.

— Расскажите, где вы бывали, — попросил он.

— Мало где, на самом деле. В Европе не была совсем. Только в Таиланде и Вьетнаме, и

то по горящим путёвкам.

— А хотели бы в Европу?

— Конечно, но свою квартиру я хочу сильнее.

— А если по делу? — подмигнул он.

— Это как? — не поняла она.

— Учиться, на переговоры, ещё как-нибудь.

— Если вдруг доживём до такого размаха, — усмехнулась она, но было очевидно, что не верит в такую возможность.

— А если ехать и не оглядываться на возможность — то какие страны бы вы выбрали?

— У меня две детских, можно сказать, мечты — Париж и Рим, — усмехнулась она. — Обе точки недёшевы, и ехать с группой на автобусе или ещё в какой организованный тур «галопом по Европам» я не хочу. Хочу гулять по городу и смотреть разное спокойно и вдумчиво.

Он подумал, что такие-то детские мечты может исполнить вот вообще на «раз». И для него это местами не мечты, а повседневность. Но было бы так, или нет, если бы давным-давно случай не свёл отца и Полинку? Или это был не случай, но чудо?

Когда они всё доели, он вдруг поймал шальную мысль и предложил не отправляться прямо на тот берег, а пойти пройтись. Чудесный тёплый летний вечер, как-никак, а если отпуск им обоим не светит, то хоть в городе погулять. Вероника как-то легко согласилась, и они доехали по Горького почти до бульвара Гагарина, бросили машину в каком-то дворе и пошли к реке. Вик взял её за руку, они дошли до парапета и стояли, смотрели на птиц в воде, рыбаков, гуляющих вокруг людей. Рука Вероники была тёплой и маленькой, держать её было очень приятно. Хотелось прямо погладить ладонь, а то и обхватить её за плечи, но он подумал и сдержался. Не стоит торопиться.

Правда, небо как-то нехорошо затягивало и вообще темнело. Прогнозом погоды Вик интересовался, только если собирался ехать в лес, да и то больше для информации — обычно раз уж собирались, то ехали при любой погоде. А тут — неужели гроза? Мочить красивую девушку как-то неправильно.

— Знаете, мне почему-то очень не нравится вон та туча, — сказала красивая девушка.

Туча и впрямь была хороша: чёрная, в полнеба, и что-то в ней определённо посверкивало. Долетел глухой раскат грома.

— Эвакуируемся, — кивнул Вик.

— Это гроза, наверное — ненадолго.

— Да, затяжной дождь начинается по-другому.

Эта светлая мысль пришла в голову не им одним — люди вокруг тоже побежали в разные стороны. Туча подползала всё ближе, а гром грохотал всё сильнее.

Дождь полил ровно в тот момент, когда они заскочили в машину и захлопнули двери. Да какой — как из ведра. Неровности дороги мгновенно превратились в озёра, а выбоины в асфальте — в моря.

Вик медленно ехал в сторону нового моста, а вокруг бесновалась вода. Другое дело, что его машине гроза побоку, даже такая сильная. А вот кому-то другому уже до середины колёс, глядишь — и внутрь заливать начнёт.

Вероника смотрела с восхищением.

— Знаете, я рада, что не на своей машине сейчас. Я бы утонула в какой-нибудь луже, — рассмеялась она.

— Вот и славно, что мы с вами это всё придумали.

Придумал-то он, но разве ж ему жалко такой мелочи? Пусть привыкает к мысли, что «вместе» — значит «хорошо».

— А вы очень аккуратно едете, — продолжала она.

— Спасибо, но вы это о чём?

— А посмотрите вокруг. Все как взбесились, всё равно что специально через лужи едут и людей обливают.

Он рассмеялся.

— Я понимаю, что это нехорошо, но круто же проехать через глубокую лужу, — посмотрел и подмигнул.

— Наверное, я слишком недавно была пешеходом, — усмехнулась она.

— И слали проклятия вслед тем, кто?

— Не без этого. И мне приятно, что нас сейчас никто не проклиняет.

Тем временем гроза не желала знать, что она должна быть ненадолго. Такое ощущение, что всю неделю в небесах копилось, копилось, и вот, наконец, пролилось. Они уже добрались до Академа, а вокруг всё ещё лило и грохотало.

— Вероника, у вас есть зонтик?

— Ага, есть, — рассмеялась она. — В машине. Я уже отвыкла, что машины рядом может не оказаться.

— Ну как сказать, — рассмеялся он в ответ, — сдаётся мне, она как раз рядом, вон стоит, — и кивнул на стоящую возле подъезда маленькую красную машинку, которой не пришлось плыть через все лужи обоих берегов. — Ничего, сейчас как-нибудь вас спасём.

26. Вероника

Отчего же ты молчишь вдруг,

Посмотри в его глаза и не робей,

Столько долгих лет замыкал я этот круг,

Это я его привёл навстречу тебе.

Я привел его из тех стран,

Где закопаны в песок осколки мечты,

Он прошёл сквозь лес, через океан,

Он, конечно, одинок — так же, как ты.

Максим Леонидов

Они сидели в машине Ледяного возле её подъезда, времени было десять вечера, вокруг хлестал дождь. Даже целая гроза, с громом и молниями.

Вероника обычно не попадала под дождь без зонта, потому что зонт лежал в машине, а без машины она в последние три года себя не представляла. Но кто ж знал, что Алёнка напакостит, Ледяной снова возьмётся её утешать, а погода испортится?

Но вообще-то добежать до подъезда — минута, даже если она и вымокнет до нитки, то ничего сильно страшного не произойдёт. Вероника уже хотела открыть дверь, но на плечо ей легла рука.

— Не торопитесь. Сейчас всё сделаем в лучшем виде, — он смеялся, да он всё время смеялся.

Даже когда вскрывалась какая-то очередная пакость. Правда, тогда смех выглядел страшновато. Для тех, кто напакостил, ясное дело.

Тем временем Ледяной протянул руку куда-то на заднее сиденье и достал большой и

чёрный зонтик-трость. Приоткрыл свою дверь, выставил зонтик наружу и открыл его. Получился нехреновый купол! Прямо сказать, Вероника таких зонтов-гигантов и не видела.

Ледяной выбрался наружу — под зонтом, закрыл дверь, обошёл машину и, держа зонтик сверху, открыл дверь ей. Протянул руку:

— Держитесь и быстро под зонтик!

Вероника мгновенно оперлась ногами на асфальт — о счастье, там не было лужи! — и схватилась рукой за его руку. Тут же была крепко притиснута к нему. Ледяной переложил зонтик в другую руку, теперь ручка была между ними, и осторожно повёл Веронику к подъезду.

У подъезда подождал, пока она достанет из сумки ключ от домофона и откроет дверь. Потом придержал ту самую дверь и повёл Веронику внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась.

Они взглянули друг на друга — он так и продолжал её держать — и рассмеялись. Зонтик был сложен и поставлен рядом.

— Спасибо, Вик, в итоге у меня мокрые только ноги, но в босоножках это неизбежно, — улыбнулась Вероника.

Было как-то неожиданно хорошо.

— Всегда пожалуйста, душа моя Вероника, — ответил он.

А потом наклонился и поцеловал её. И это было... неожиданно, да, но чёрт возьми, это было прекрасно. Она далеко не сразу поняла, что тоже тянется к нему, и обхватила его руками, и какой же он большой всё-таки...

— Чудесная, необыкновенная, лучшая в мире Вероника, — сказал он тихо и проникновенно.

— Вас тоже никак не назвать обыкновенным, — рассмеялась она. — Выскакиваете, как чертик из табакерки, утешаете расстроенных сотрудниц, водите их гулять и спасаете от грозы, — она вдруг поняла, что хочет коснуться его щеки, и сделала это, и прочла в его взгляде что-то такое, чего не видела ни разу в жизни, ни у кого.

На неё точно никто никогда так не смотрел.

— Не вас, тебя. Ок? — уточнил он. — Скажи честно, тебе очень нужно сегодня домой?

— А есть вариант туда не ходить совсем? — почему-то ей всё ещё было так радостно, что дурацкая улыбка сияла прожектором до самого, наверное, верхнего этажа.

— Конечно. Зайдём сейчас к тебе, возьмёшь, что там тебе на завтра нужно, и поедем ко мне. А от меня утром уже на мероприятие, — его голос был тихим и удивительно хриплым.

— Неожиданно, — она тоже заговорила тихо и серьёзно. — Не то, чтобы я была сильно против, но сегодня не получится. Если бы завтра просто выходной — тогда да, никаких вопросов. Но я совсем не собрана, нужно подготовить одежду и на квест, и на торжественную часть. Что-то из этого придётся делать утром, потому что сейчас мама уже, скорее всего, легла спать, и если я поднимусь и буду рыться в кладовке, то её это определённо не обрадует.

— Ты хочешь сказать, что твои родственники не то, что не станут тебе помогать, а ещё и наедут в процессе сборов? То есть помешают? — похоже, в его мире жизнь шла как-то иначе.

— Ну да. Я же не пришла домой рано и не приготовила всё вчера.

— Да ладно, ты же не обязана всегда жить исключительно правильно!

— Я же когда-нибудь буду жить сама? Вот тогда буду собираться, как и когда хочу, — улыбнулась Вероника. — И куда хочу.

— А я хочу собраться куда-нибудь вместе с тобой, веришь?

— Почему-то верю.

— Почему-то? — рассмеялся он. — Я не заслуживаю доверия? Вот скажи, ты сказала, что не сильно против, а значит ли это, что ты — за?

Вероника вздохнула, снова улыбнулась. Эх, была — ни была.

— Значит. Ты восхитителен, Вик Ледяной. Я ни черта про тебя не знаю, ну, кроме того, что мы три недели с тобой на пару в конторе пахали, но я восхищаюсь. Ты — много килограммов чистого восторга. Но я отчаянно не хочу уподобляться всяким и разным, которые не дают тебе проходу в конторе.

— Эй, мне кажется, всё наоборот, это я не даю тебе проходу в конторе, и даже за её пределами!

— Мне нравится. Но мне не хотелось бы увольняться, понимаешь? Я ещё не накопила на квартиру мечты.

— Знаешь, некоторые вопросы, типа сбычи мечт, проще решаются, если вместе.

— Знаю. То есть слышала, что так бывает. Может быть, буду готова проверить. Только вот завтра очень уж сложный день — все у всех на виду. И другие у нас с тобой, и мы с тобой у других, по отдельности и вместе. Поверь, все наши рабочие дела станут в сто раз сложнее, если мы повиснем друг на друге.

— Ты в чём-то права, конечно, но вообще это никого не касается — кто с кем за пределами конторы. Уволю любого, кто будет говорить гадости.

— Значит, их будут говорить тихо, — пожала плечами Вероника.

— Плевать. Но ты права про завтра. Завтра мы как бы на работе. Ты ведь идёшь в квест?

— Да.

— Я тоже. А когда схлынет градус торжественности на банкете, можно будет где-нибудь тихо посидеть. Годится?

— Вполне, — улыбнулась она.

— За тобой заехать утром?

— Мне бы очень этого хотелось, но — нет.

— Глас рассудка?

— Вроде того.

— Ну и пусть, — он снова наклонился к ней.

Целовались долго, пока не приехал сверху лифт и кто-то не вышел из него и не пошёл наружу мимо них. Вероника порадовалась, что Вик большой — из-за его широкой спины её совсем не видно.

— Ладно, мне, похоже, пора, — она грустно улыбнулась и погладила его по щеке.

Он поймал её ладонь и поцеловал её.

— Тогда до завтра.

Они в последний раз легко поцеловались, он подхватил зонт, подмигнул ей и вышел на улицу. Кажется, дождь наконец-то закончился.

Вероника поднялась на свой девятый этаж, шикнула на выбежавшую с оглушительным лаем собаку Муху, кивнула высунувшейся в прихожую Катерине и стала снимать мокрые босоножки.

Вышла мама — она ещё не спала, но собиралась. И сообщила, что нечего доверять ключи от машины кому попало, а если она, Вероника, своей машиной не дорожит, то пусть лучше отдаст её Катерине. То ей колёса проткнут, то её домой привозит неизвестно кто —

что это за жизнь вообще такая, с кем она связалась и врёт им с Катериной, что работает?

О да, только Ледяного и не хватает в этой милой ситуации. Живо представилось — как он стоит посреди прихожей и с улыбочкой слушает маму. Но Вероника вдруг ощутила, что её абсолютно не трогают все несправедливые и гадкие слова. Она спокойно ответила маме, что та всё придумала, напомнила, что завтра она едет на корпоратив до вечера воскресенья, и отправилась переодеваться и собираться.

27. Вик

Вместе весело шагать по просторам

Детская песенка

Утром в субботу Вик проснулся радостным просто до неприличия. Выехать он себе наметил в десять, будильник стоял на девять, а глаза открылись в половине девятого. Причина определилась сразу же — они ведь вчера так славно провели вечер с Вероникой, сегодня нужно организовать продолжение!

Полосатое чудовище с моторчиком по имени Чарлик вылезло откуда-то из-под простыни. Кот танком взгромоздился на грудь и потрогал лапой подбородок — давай, мол, чеши, раз проснулся! Пришлось чесать — куда деваться-то? А потом ещё и кормить, и положить в миску печёнку и кусочки мяса, чтобы зверёныш без него с голоду не помер. И воды налить побольше.

В общем, сборы вышли неторопливыми. Времени хватило и на нормальную зарядку, и поговорить с Майком и Полинькой, и найти все запчасти от смокинга умеренной степени торжественности. Смокинг отправился в кофр и в багажник, туда же — лаковые туфли, а на себя Вик надел лесные штаны, серую футболку, жилетку с миллионом карманов, берцы и мягкую тканевую шляпу с небольшими полями. Душ на месте вроде есть, так что после леса можно будет привести себя в порядок.

Интересно, что они там напридумывали? Раньше Майк и Линочка активно тусовались с местными ролевиками, и как раз ездили в лес «на полигон», так это у них называлось. Полигонов было несколько — один на Садовой по ту сторону реки Олхи, где не было дач, второй недалеко от запланированной на сегодня турбазы, на сорок шестом километре, но тоже по другую сторону дороги, ещё что-то было на Рассохе, прямо на сопках, и на Санаторном, в тайге за дачами. Сам Вик съездил пару раз и понял, что чрезмерное погружение — не для него. Наверное, у него просто не хватало воображения, чтобы считать кусок стены неприступной крепостью, а удар мягким оружием — смертельным. Ему больше нравилось смотреть на реконструкторов, у этих-то всё было настоящее, но — картинке нередко не хватало идеи. А у сестрицы Линочки идей было с избытком, ей случалось и мастерить проекты самой, и команды вывозить. И кажется, случается до сих пор.

Погоду с утра давали отменную — на небе ни облачка, и после вчерашней грозы не жарко. Правда, если весь день будет жарить, к вечеру будет ой что, ну да там уже в принципе без разницы.

Зато местные новости радостно извещали о неработающей ливневой канализации и затопленных подземных переходах, о рухнувших на чьи-то машины деревьях и порванных где-то ветром проводах. Иркутск такой Иркутск, не горит, так тонет, ничего не меняется.

На место, то есть на турбазу по Байкальскому тракту, расположенную ближе к Листвянке, чем к городу, Вик прибыл практически ровно к одиннадцати. Три автобуса уже стояли на парковке, и куча машин, и он далеко не сразу нашёл маленькую красную машинку Вероники. Уже здесь, это супер.

Воодушевлённая Марина Бойко вещала что-то посреди толпы народу про распорядок дня. Ну да, по списку должно быть около трёхсот сотрудников из всех подразделений, но кто-то, видимо, подъедет позже. Вик пробрался краем той толпы, зашёл в четырёхэтажное здание. К нему сразу же подошла Анна Константиновна и отдала ключи от номера. Тут же, в холле, стоял стол с табличкой «Квест» и за ним сидел автор квеста Серёга Козлов. Вик кивнул ему и пообещал подойти, как только закинет в номер ненужные сейчас вещи.

Вик оглядел местный «люкс» на предмет возможного романтического свидания, но это уж если совсем припрёт, что называется. Он бы предпочёл привезти Веронику к себе домой. Но сегодня не пить не получится, так что никого он никуда не повезёт. А как пойдёт, так и ладно.

Серёга отметил Вика в компе, в листе участников, и сообщил, что он последний, все остальные уже здесь. И что теперь нужно идти к месту сбора — на берег, там поляна.

На берег Вик добрался, никем не замеченный, там увидел группу человек в тридцать, подошёл аккуратно и встал с краю.

— Здравсьте, Вик Валентиныч, — возникла откуда-то зеленоволосая дева Валерия. Сегодня она выглядела примерно так же, как в их первую встречу.

— Здравствуй, — кивнул он.

И их мгновенно окружили.

— Ну вас прямо не узнать, — выдал Паша Демьянов. — Как только что из лесу вышли.

Так вот почему на него почти не обращают внимания — просто не узнают! Мало ли, кто тут шарахается в берцах и шляпе, вдруг какой новый водитель лесовоза? К слову, водить по тайге гружёные лесовозы Вику доводилось. Была в его жизни одна зима... Хорошо, что была, а не есть.

Среди стоящих Вик увидел знакомый ему народ из техподдержки, из инженеров, несколько девушек — из кадров, из бухгалтерии и из отдела договоров, и что отраднo, это были не те девушки, которые разными способами пытались обратить на себя его внимание. Вероника тоже была тут, она пошла в обход толпы в его сторону, а он двинулся ей навстречу. Оценил экипировку — хорошие трекинговые кроссовки, и видно, что не вчера куплены, а бывали в деле, лёгкие лесные штаны — должны быстро сохнуть, если промокнут, зелёная футболка, и зелёная же бейсболка на голове, в дырку сзади торчал небольшой рыжий хвостик. Как же ему захотелось легонько за этот хвостик дёрнуть, просто жуть, аж ладони зачесались. Пришлось сунуть руки в карманы, а там на пару секунд сжать кулаки, и разжать потом.

— Доброе утро, Вероника Андреевна. Как вчера, без дополнительных происшествий?

— Доброе утро, — улыбнулась она. — В общем — да. Проклятия вслед не летели.

— А что ли могли? — он не понял.

— Да у меня каждый выезд в лес как в бой, — криво усмехнулась она. — Я же в этом лесу непременно промокну, замёрзну, меня придавит деревом, сдует ветром, унесёт в речку, и ещё не знаю что. Как только у мамы хватает фантазии всё это изобретать!

И такое выражение было у неё на лице, что захотелось подойти, обнять и утешить.

— Ваша мама против походов?

— Увы. В юности она даже ходила немного, но это было так давно, что сама уже не верит. Дети должны сидеть возле неё, ездить с ней на дачу и быть счастливы.

— Сочувствую, — нет, Вик никогда не сталкивался с таким.

То есть, нет, сталкивался, конечно же. Каждый раз, как он, или Майк, или отец, или они

все вместе собирались куда-то ехать, тётя Нина начинала причитать. Именно это — что с ними там, в дороге, непременно произойдёт всё плохое, что только можно. И даже Полинька не отучила тётю Нину от этой ерунды. Даже поездки в Европу воспринимались со скрипом, а уж когда ей самой приходилось ехать на какое-нибудь семейное событие — так и вовсе. Так что знать он знал, но на своей шкуре почти не испытывал.

— Да ерунда, всё в порядке, — она задорно махнула хвостиком.

— И это хорошо. Смотрите на вашего крестника, — Вик достал телефон и показал свежие фотки Чарлика — как он утром закапывался в незаправленную постель, как растягивался на полу в солнечном пятне, и потом ещё видюшку, как он с урчанием грыз кусок мяса.

— Классный какой, — она подняла на него сияющие глаза.

И тут появился Серёга с какими-то пачками бумажек.

— Так, все на месте, начинаем! Первым делом нужно выбрать себе напарника, вместе с которым вы пойдёте выполнять задания!

Вик мгновенно схватил Веронику за руку.

— Согласны?

— Ага, — кивнула она. — Легко!

— Вот и отлично.

Тем более, народ как-то разобрался между собой, и ни к нему, ни к ней никто не стремился. Далее нужно было определиться, хотят они искать сокровища, побеждать злого волшебника или спасти похищенную принцессу. Почему-то народ массово захотел принцессу и волшебника, а Вик глянул на Веронику и спросил:

— Сдаётся мне, нам при таком раскладе сам бог велел искать сокровища. Вы как?

— Нормально. Мне решительно всё равно, ради чего бегать по лесу в отличную погоду и в чудесной компании, — усмехнулась она.

Им выдали некую схему с подсказками, каждую из которых ещё нужно было разгадать. Впрочем, первую они отгадали вот прямо влёт — всего-то нужно было пройти на юго-восток до некоей поляны, там найти пень и отсчитать от него пятнадцать шагов в том же направлении. У Вика в часах кроме прочего был ещё и компас, так что на поляне они были уже минут через пять. Осмотрели пень, поспорили немного о том, чьи шаги взять за образец, сделали по пятнадцать шагов оба и в середине между двумя точками нашли дерево, у его корней — небольшое дупло, а в дупле лежал свёрнутый в трубочку лист бумаги.

Дальше снова понадобилось определять направление, идти и искать большую ёлку. Подходящая нашлась минут через пятнадцать, они осмотрели все доступные ветки, но ничего не нашли.

— Смотри, там, наверху, — Вероника взяла его за руку и показала, куда именно смотреть.

О да, высота — метра два с половиной. И там какой-то листок. Вот холера, как говаривал, бывало, тесть по бывшей жене.

Нет, всё нормально. Только...

— Вероника, план такой. Я тебя беру и поднимаю. Ты снимаешь эту штуку. Ок?

— Ну... По другому-то всё равно не получится, — пожалала она плечами, потом улыбнулась. — Делаем!

Вик наклонился, подхватил её в районе бёдер. Выпрямился.

Чуть-чуть не достали.

Второй раз он взял её под коленями. Теперь хватило, Вероника сняла с ветки бумажку и засмеялась.

Вик бережно опустил её на землю, но не спешил отпускать руки.

— Видишь, вместе проще, чем по отдельности.

— Кто бы спорил, а мы не будем, — усмехнулась она.

Нужно было проверить, не привиделся ли ему вчерашний вечер. Вокруг лес, а если кто-нибудь сюда ломанётся — они услышат.

Ох чёрт, ничего ему не привиделось. Целовалась она так же смело, как и всё остальное делала. Его шляпа улетела к хренам, он взялся-таки за её хвостик и растрепал его, а потом скинул бейсболку и зарылся носом в макушку.

Тренькнул телефон, возвращая в реальный мир. Это было напоминание — у них оставалось полтора часа. Ничего тут время-то летит, не меньше получаса простояли под этим деревом!

— Нам нужно научиться держаться друг с другом на людях, — вздохнула она.

— Или просто свалить куда-нибудь дней на десять.

— Думаешь, станет легче? Вот не уверена.

— Ладно, сейчас мы всё равно пойдём искать эти чёртовы сокровища. А потом вернёмся к остальным и будем делать всё то, что от нас ждут. Кстати, у вас на таких делах бывают танцы?

— А как же? Когда закончится торжественная часть и народ поест, будут обязательно.

— Ты танцуешь? — он строго посмотрел на неё.

— Кто ж не танцует, скажи.

— И отлично. Я сначала перетанцую несколько местных дамочек, а потом уже доберусь до тебя. Не теряй.

— Ок, не буду. Я не большой любитель такого жанра, на самом деле. То есть танцев на наших корпоративах. Скучновато.

— Значит, не скучай слишком сильно. Я приду и тебя спасу. А сейчас в бой.

Две следующие подсказки они легко нашли в лесу, а вот за третьей нужно было лезть в реку, и с виду там примерно в метре от берега под камнем как будто что-то было.

— Фигня, справимся, — сказал Вик и полез в воду.

Главное — чтобы не залилось в берцы сверху. Или не слишком много залилось. Но видеть переживающую на берегу Веронику было приятно, это грело душу. Вик достал из-под камня герметично закрытую пластиковую папку и победно потряс ею в воздухе.

В папке была карта, дальше уже оставалась реальная фигня. Они соотнесли карту с выданным в начале планом, отметили уже найденное, и отправились добывать последнюю подсказку.

28. Вероника

Свет мой зеркальце, скажи...

АСП

Утром за окном было ясно и солнечно, вчерашняя суровая гроза закончилась без следа. Вот кто был мог подумать, что эта гроза явится таким... катализатором, что ли. Или катализатором явилась Алёна? Или просто, ну, так получилось?

Ага, она просто давно не целовалась. Тьфу, с таким мужиком она не целовалась, откровенно говоря, никогда. И ни разу не видела столько восхищения в глядящих на неё глазах. Ну, теперь видела, и знает, как это бывает. Как говорится, спасибо, дорогое

Мироздание.

Мысль о том, что с таким мужиком можно не только целоваться, Вероника погнала грязной тряпкой куда подальше.

Она с вечера была вся восторженно-радостная, хоть остатки разума настырно шептали ей, что нечего радоваться, нужно осторожничать, Ледяной — человек не её круга, и о нём ничего не известно, кроме того, что он три недели начальник, и вроде как разумный начальник, но всё равно начальник же! Мысль о том, до чего она докатилась, боролась с мыслью о том, что он классный, и пофигу. Будь она попроще, можно было бы утешать себя соображением, что несколько раз встретиться — не беда, а дальше гори оно всё, но Вероника была сложновата. Договорившись с собой о том, что сегодня всё равно ничего особо не выйдет — на людях-то, а дальше посмотрим, она принялась собираться.

Параллельно мама с Катериной собирались на дачу. Точнее, собиралась мама, Катерина ещё не знала, поедет или нет, но зато она лезла везде и всё комментировала.

Вероника сунула в кофр платье и болеро к нему, сложила в рюкзак коробочку с украшениями. Женщины в конторе мерялись размером и весом бриллиантов, у Вероники подвеска и серьги с бриллиантами были, конечно, статус же, но они были невелики и к идее сегодняшнего наряда не подходили совсем. Поэтому с собой был взят малахитовый гарнитур в филигранной серебряной оправе — кольцо с крупными камнями и серьги, и ещё перстень — в другой оправе, но тоже с малахитом, и пафосные ювелирные часики. И туфли — на достаточно устойчивом, но всё же каблуке. Туфли были зелёные, в тон платью. Ох, и чулки. Будет жарко, но что поделаешь. Пихать голые ноги в туфли Вероника так и не научилась. Ноги сразу же стирались в кровавые мозоли, и дальше — только босиком. Поэтому чулки, и хорошо, что хотя бы первую половину дня можно пробегать по лесу в кроссовках. Бегать по лесу в кроссовках Вероника любила намного больше, чем ходить в туфлях и нарядных платьях по плитке и паркету.

Далее следовало достать кроссовки, которые кто-то добрый закинул в кладовку. Да ещё и прикопал разным добром сверху. Мама, увидев растущую на полу в прихожей кучу выброшенных из закромов вещей, исполнила традиционную арию «Как на охоту ехать — так собак кормить». К счастью, ария была настолько традиционной, что никаких эмоций уже не вызывала.

Кормленая загодя собака Муха радостно носилась вокруг и оглашала своими комментариями весь этаж, если не весь подъезд.

И накрасить хотя бы ресницы, чуть-чуть, на банкет поможет накраситься Маргарита Романовна, она в этом ас. Заглотить чашку кофе с конфетой и бежать уже вниз. И ехать.

Вероника приехала далеко не последней, и места на парковке базы ещё было достаточно. Внедорожника Ледяного нигде не наблюдалось. Ну да ещё время есть.

Она получила ключи от номера и поднялась оставить вещи. В соседях традиционно оказалась Маргарита Романовна, она уже была здесь и тоже неторопливо распаковывалась.

— Прибыли, душа моя Вероника Андреевна? Идите, выпьем кофейку. Не задерживайтесь с квеста, чтобы я успела вас по-людски накрасить, хорошо?

— Постараюсь, ага, — кивнула Вероника.

Маргарита Романовна тем временем включила чайник, достала френч-пресс и пачку кофе. Без этих важнейших вещей она не ездила никуда, ни в отпуск, ни в лес, ни в гости. Из имевшегося в номере холодильника была извлечена коробочка со сливками и плитка приличного шоколада.

— Вы снова как девочка, Вероника Андреевна. Марина Бойко опять будет завидовать и язвить.

— Я сейчас вам расскажу про неё и про нашу Алёну, — мрачно сказала Вероника.

И пока они пили кофе, рассказала — про облитый ноутбук, вмешательство Ледяного и исследование переписки Алёны и Марины. И ещё о том, что Алёна не считает нужным извещать о полученных письмах, требующих ответа.

— Что-то я удивлена доброте нашего шефа — кто другой бы уволил вот прямо на месте и без объяснения причин, — покачала головой Маргарита Романовна.

— Он, конечно, отложил решение до утра понедельника, но мне кажется, что это не от доброты. Наоборот — он играет с ней, как кошка с мышью. Вчера выпустил, но потом сказал мне, что за ней и за Мариной сегодня и завтра будут плотно следить. Чтобы набрать побольше компромата.

— Кстати, а кто следит-то? Он же вычеркнул из сметы охранное агентство?

— А ему зачем? У него собственное под рукой. Точнее, у его отца. Он так и сказал — смотреть будет служба безопасности старшего Ледяного. И добавил, что раз будет его супруга, то есть мать нашего шефа, то этот вопрос без вариантов.

— Ух ты, мы увидим итальянскую графиню, — воодушевилась Маргарита Романовна.

— Похоже на то, — Вероника отставила чашку и поднялась. — Ладно, я на квест. Увидимся.

Забежать к себе, схватить бейсболку, телефон и ключ от номера, и бегом вниз.

Ледяной появился самым последним, когда все остальные уже стояли и трепались в условленном месте сбора. И если бы Вероника была не в курсе того, что он периодически ездит топиться в болоте вместе с машиной, то ни за что бы его не узнала. Мужик да мужик, в берцах, в лесных штанах да футболке, жилетка удобная такая, с карманами. И шляпа, бежевая тканевая шляпа с небольшими полями.

Он улыбался, и пошёл к ней, и, кажется, хотел обняться не меньше, чем она. Вспомнил о толпе вокруг, сунул руки в карманы. Потом вытащил, и стал показывать ей в телефоне фотки и видюшку с котёнком. Повезло хвостатому, кто бы мог подумать!

Тем временем Серёга Козлов велел делиться на пары для квеста, Ледяной тут же схватил Веронику за руку. Правда, всё же спросил — согласна ли она. Да согласна конечно, какие могут быть варианты!

А дальше с ним было просто классно. У него оказался в часах компас, что сильно облегчило навигацию по лесу. Когда нужно было снять записку с дерева, то он обхватил её и поднял, и она достала этот чёртов клочок бумаги, а потом они далеко не сразу смогли расцепить руки, стояли под деревом и целовались. Одна из записок лежала в Ангаре под камнем, и он не дал ей разуться и сходить, а полез прямо в своих берцах, и даже не слишком промок, как потом сказал. А в финале они нашли в шалашике из еловых веток красивую деревянную шкатулку, она была наполнена переливающимися стёклышками вроде как для аквариума вперемешку с конфетами.

Когда они прибыли в точку сбора с добытой шкатулкой, Серёжа удивился.

— Вы уже всё, что ли? Ни фига ж вы быстрые, — затряс головой, будто не верил. — Я-то уже тут стою и думаю, не слишком ли мы намудрили, потому что народ приходит в основном с нытьём о том, что они не поняли или не могут найти.

— Сам сказал, что есть временной фактор, — проворчал Ледяной.

— Да, до назначенного времени ещё пять минут. Но вы всё равно по-любому первые.

Покажите, как шли, интересно же!

Пока Серёжа соображал, как они шли, а там были возможны варианты, появилась ещё одна пара — девочка с зелёными волосами и с ней парень из техподдержки, Роман, кажется, он как раз занимался компами диспетчерской. Они тащили фарфоровую куклу с золотыми кудрями и в пышном платье.

— О, а вот и принцесса, — обрадовался Серёжа. — Интересно, найдут ли волшебника сегодня, или нет.

Попутно он объяснил Ледянному, что они шли кратчайшим путём из возможных и часть их заданий была из разряда сложных. В частности, ему было интересно, кто лазил на дерево, а кто в воду. Но они с Ледяным только переглянулись и посмеялись.

Не рассказывать же, как целовались под деревом, и как сидели, обнявшись, на камнях на берегу!

Зелёная девушка Валерия радостно трещала о том, как они заблудились, потом плутали в кустах, но потом всё же нашли то, что нужно.

Тем временем закончился основной срок квеста, и ждали ещё четверть часа — или кто-то найдёт третий приз, или уже нет.

За минуту до конца появился грязный Паша Демьянов, за ним бежал его правая рука Эдик Маркин. Они несли меч — видимо, отобрали его у злого волшебника.

— Ну вы, паразиты, и оторвались нынче, — проговорил Паша, отряхиваясь.

Брызги грязи летели от него, как от собаки Мухи после прогулки в дождь. В болото провалился, бедняга, не иначе, а после вчерашней грозы болота должны быть капец какими мокрыми.

— А Вик Валентиныч говорит — ничего, нормально, — подколот Серёжа. — Ладно, победители определились, можно звать всех обратно.

Он написал сообщение, которое должно прийти остальным участникам — что все победители определены, и пора возвращаться, в лесу больше ничего нет.

Народ подтягивался ещё минут пятнадцать, пока собрались все. С интересом поглядывали на Ледяного и Веронику — надо же, выиграла. Вероника в прошлом году не только не выиграла ничего, но они с инженером Толей ещё и пришли одними из последних, потому что заблудились. Ну то есть Толя конкретно так заблудился. Хоть и говорил, что в лес за ягодой ходит, и что в здешнем лесу вообще заблудиться нельзя. А там и вправду нельзя. И с ним было скучно, даже поговорить не о чем — ни о работе, ни о конторе, ни просто о жизни. Ладно, ну его.

Серёжа достал ящичек, и под фанфары из телефона торжественно вручил конверты с призами — сначала Ледянному и Веронике, как первым пришедшим, потом Валерии и Роме, а потом Паше и Эдику. В конверте оказалась карточка в компьютерный магазин на десять штук, нехило так-то! Тут же все стали выяснять, у кого сколько, и оказалось, что вторым дали по пять тысяч, а третьим — по три. Абсолютно все участники получили именные сертификаты с забавной картинкой.

В отель возвращались толпой. Перебивая друг друга, рассказывали какие-то приколы о том, кто куда провалился, кто где потерялся и что там ещё случалось. Ледяной не рассказывал ничего, но умелыми вопросами поощрял рассказчиков.

На крыльце снова стояла Марина, она упёрла руки в боки и выдала что-то вроде «ну наконец-то явились», потом углядела среди возвращающихся Ледяного и с умильной улыбочкой к нему подошла, но он только спросил — оставили ли участникам и

организаторам квеста обед. Марина зыркнула на него и побежала в столовую, через минуту появилась и сообщила, что их всех ждут.

Напротив столовой в банкетной зале готовились к мероприятию — специальные люди развешивали декор, кто-то говорил в микрофон «раз-раз-раз», что-то ставили на столы. Это зрелище побудило всех поест быстро и разбежаться по номерам — готовиться. Тем более, что до начала оставалось чуть больше часа.

Ледяной проводил Веронику до номера.

— До встречи через час, душа моя Вероника. С вами было необыкновенно приятно.

— Мне тоже, — просияла улыбкой Вероника и побежала к себе — в душ и собираться.

После душа пришлось посушить волосы, и ура, что они у неё лёгкие, их единственный плюс в том, что быстро сохнут. Минимум укладки — и одеваться.

Оказалось, что выходные платья невредно гладить, хотя бы перед тем, как надеть. К счастью, утюг и гладильная доска были, так что удалось управиться быстро. Она надела чулки, платье, застегнула на шее колье, надела остальные «украшилища», как говорила подружка Ленка, и тут в дверь застучали.

— Душа моя Вероника Андреевна, вы краситься будете?

Маргарита пришла. Ура.

Маргарита Романовна, облачённая в комбинезон из синего шёлка в цвет её глаз, вплыла в номер с большим ящиком в руках. Расположила его на трюмо, включила подсветку и шикнула на Веронику:

— Быстро садитесь! Знаете, каких трудов мне стоило спрятаться от нашей Алёны, чтобы она не начала ныть про помощь с макияжем? А я её видеть не хочу после всего, что вы рассказали, не только красить! Нашла, с кем связаться — с Мариной Бойко, вот безголовая! Кстати, платье у вас — загляденье. Как колокольчик. Никогда такого не видела!

Платье и впрямь имело форму перевёрнутого колокольчика. Есть такой цветок — аквилегия, или водосбор, раньше, в детстве Вероники, рос в лесу, а теперь и в городе на клумбах встречается. И юбка платья как раз была похожа на такой цветок. Только зелёная, из плотного переливчатого муарового шёлка. Верхняя юбка была проставлена ригелином, чтобы топорщилась, а нижняя — мягкая, чтобы задницу прикрыть в случае чего. Длина — ровно до середины колена. Лиф — облегающий, на косточках, без лямок и рукавов. А чтобы с самого начала не сверкать голыми плечами — болеро из пафосного чёрного кружева. Подружка Ленка называла это платье «Хозяйка Медной горы», оно и сшито было на её именины ещё одной общей подружкой, портнихой.

Тем временем Маргарита Романовна колдовала, не иначе, над лицом Вероники — многочисленными кистями наносила, намазывала, выравнивала, растушёвывала. Для самой Вероники большинство этих слов было тёмным лесом, а Маргарита смотрела чёртову тучу каких-то специальных роликов на ютубе, заказывала через интернет косметику и инструменты, и пробовала. На себе, на невестке — жене старшего сына, на девушках младшего сына, иногда — на Веронике. Всегда получалось отлично.

И сейчас, когда Вероника открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало, то сначала ничего не поняла. Это что, она? Ничего себе у неё глаза-то! Умело накрашенные из множества баночек, они выглядели больше и зеленее, чем обычно. И ещё по центру каждого века что-то поблёскивало.

— Маргарита Романовна, вы волшебница! Знаете, если контора прогорит и вылетит в трубу, вы точно без работы не останетесь! Спасибо огромное!

— Огромное пожалуйста, всегда рада помочь. Идите и покажите там всем, что вы не только деньги добывать и с банками договариваться умеете, а ещё и красавица, каких поискать.

— Да вместе пойдём, — Веронике было немного не по себе от получившегося образа.

— Отворачивайтесь от зеркала, берите сумочку или что там у вас, берите вот эту коробку — Маргарита сунула ей в руки прозрачный ящичек с парой десятков маленьких баночек, — и идём ко мне, сложим это всё. А потом в зал, уже без десяти!

В зал они вошли даже не последние, за ними ещё тянулись. Ну да, весь цвет конторы. На подиуме с микрофоном — Марина Бойко, в синем платье до пят, и оно было бы даже ничего, если бы не было всё улеплено пайетками, что сразу визуально удешевляло конструкцию.

— А Марина-то решила, видимо, всех сразить неземной красотой, не иначе, — сдавленно пробормотала рядом Маргарита Романовна.

Марина повернулась боком... и они узрели охренительный, иначе не скажешь, разрез почти во всё бедро, в который было видно какой-то фрагмент кружевных трусов в тон.

— Наверное, её мужу так нравится, — фыркнула Вероника.

- Было бы терпимо, если бы она надела под него приличный лифчик. Интересно, мужикам правда нравится висящая грудь хорошего размера? По мне так если уж есть, что показать, так подними и показывай, — продолжала бурчать Маргарита.

И впрямь, лифчик мог быть поудачнее. Зато лямки от него гордо сверкали силиконом в свете ламп.

Конструкцию дополняли босоножки на толстой подошве и огромной шпильке. Из-под ремешков сияли блёстками ярко-алые ногти. Ногти на руках тоже чем-то сияли.

— Пойдёмте, найдём наши места, — Вероника подёрнула зама за рукав.

Их столик был прямо перед сценой — начальство, как-никак. В списке за него ещё должны были быть Паша Демьянов и Дэн Висюков. Паша вскоре появился. Но Дэн не пришёл, а пришла Наталья Синяева.

— Мы поменялись с Дэном по обоюдному согласию. Я упиваться не собираюсь, а они там пусть себе, — сообщила она

«Они» — это, видимо, Висюков, Померанцев, зам по АХЧ Матвеев и кто-то ещё. Ну да все выпить не дураки ни разу. Вот и пусть пьют.

Наталья поставила на стол бутылку коньяка рядом с уже имеющейся.

— Мы же не будем размениваться, так?

Вероника и Маргарита заверили, что не будут. Паша сообщил, что он сегодня трезвенник — мало ли что, не хочется ударить в грязь лицом. Тогда Наталья взяла стоящие на столе две бутылки водки и унесла на соседний стол, в обмен на принесённый коньяк. Так же ещё один коньяк выменяли на три бутылки вина за столом бухгалтерии.

А в зал торжественно заходило начальство — довольный, как слон, Недолюбов, ох, век бы его не видать, и Ледяные. Их Ледяной — Вик, не их Ледяной — Михаил. Идут оглядывают всех, чему-то смеются. Виктор оглядывал зал, кивал, здоровался. Увидел её, улыбнулся до ушей, поднял большой палец.

— Хороши, черти, — вздохнула Маргарита Романовна. — Эх, где мои хотя бы сорок лет?

И правда, хороши. Оба. В смокингах, белоснежных рубашках и лаковых туфлях. Галстуки-бабочки, жилетки, цепочки от часов, ещё какие-то примочки, каких в обычной

жизни у мужиков не бывает.

— Ой, смотрите, — прошептала Наталья.

В зал вошёл самый главный Ледяной под руку с изящной стройной дамой. Дама была бледнолицей брюнеткой с глазами в пол-лица, её тоже зелёное платье подчёркивало отличную фигуру — никаких там пайеток, разрезов и висящей груди, а на голове была выстроена сложносочинённая конструкция из кос, локонов и чего-то ещё, чему в обычной жизни тоже не было названия. В причёске посверкивали камни. В скромном декольте дамы лежало кольцо — ну, Вероника такие видела главным образом в интернете на картинках, когда подбирала что-нибудь к своему вот этому платью, и там говорилось, что это либо музейные экспонаты, либо чьи-то фамильные, а то и вовсе коронные драгоценности. Серьги явно были от этого кольца. Руки дама прикрыла шалью с вытканной декоративной каймой, тоже в зелёных тонах. Ног видно не было — платье сшили по-настоящему в пол. Может, пару сантиметров оно до пола не доставало, но не более. Двигалась дама в этом всё с невероятной лёгкостью и изяществом. Она дружелюбно улыбалась всем в зале и молчала.

— Вот теперь я верю, что она итальянская графиня, — сказала Маргарита Романовна. — Наши не умеют так, чтобы и запредельно дорого, и с огромным вкусом.

— Что итальянской графине понадобилось в Иркутске? — не поверил Паша. — Итальянская графиня должна сидеть в своей Италии. И мужа себе найти там же. Ледяной крут, конечно, но я в графиню не верю.

— Ты просто не умеешь посмотреть и оценить, — усмехнулась Наталья.

А Вероника просто тупо таращилась вслед прошедшим и думала — ну да, если у него такая мама, то нахрена ему и Алёна, и Марина, и все прочие, оптом и в розницу.

Она очнулась от знакомого голоса.

— Дамы и господа, добрый вечер, — Вик Ледяной стоял рядом и улыбался. — Позвольте представить вам душу и сердце нашего холдинга, мою матушку Полину Николаевну. А это самые надёжные сотрудники нашей транспортной компании, — и он перечислил их всех, начиная с Маргариты и заканчивая Вероникой.

И впрямь, итальянская графиня стояла рядом и опиралась на его руку. Улыбалась по-доброму, сказала каждому несколько слов. Нормальным русским языком без малейшего акцента. Оказывается, обо всех, то есть, об их работе она что-то да слышала. После многочисленных «благодарю вас, очень приятно» Ледяные перешли к соседнему столу с остальными замами. Поздоровались и пообщались там, потом где-то ещё.

— Не, я верю, что большая шишка, но в итальянскую графиню — не верю, — мотал головой Паша.

А Маргарита и Наталья только качали головами, и бормотали что-то вроде «Какие твои годы, Паша».

Ледяные и Недолюбов уселись за центральный стол, сияющая Марина вышла на сцену с микрофоном, и торжественная часть началась.

29. Вик

Но я увидел вальс в твоих глазах, и нет опаснее свидетеля

Олег Медведев

К счастью, программу вечера должен был вести специально приглашённый ведущий, а не Марина Бойко. Если б Марина, подумал Вик, то он уволил бы её вот прямо сейчас. О нет формально у него не было повода задать ей вопрос про её внешний вид. Но если тётка сама не понимает, что, гм, выглядит в этом всё неудачно, то такой тётке ничем уже не

поможешь. Наверное, она думает, что её стремноватые голые ноги и огромные каблуки должны кого-то привлечь. Во всяком случае, знакомить Марину с Полинькой Вик не стал. Незачем.

Тем временем ведущий поздравил всех с праздником, дальше на сцену вылез Недолубов и принялся вещать. О том, как он рад всех видеть и что-то там ещё.

Вик не очень знал, как именно познакомились отец и Недолубов. Но дело было давнее, ещё из прошлого века. Что-то там они делали вместе в девяностых, к чему Вик тогда не особо приглядывался, глупый был. У Недолубова была семья, жена и две дочери. Жена умерла от рака года три назад, а дочери жили в Москве и разве что регулярно просили у отца денег, по крайней мере, Вик об этом слышал — от собственного отца. В этом смысле ему было самое то сделать компанию сверхприбыльной, возможности были, лес в их регионе всегда дело горячее и очень выгодное, чего не возить? Да и не лесом единым, как говорится. Почему же он терпел всякую хрень? Теперь зато доволен, может что-то там крупное сделать для детей и внуков. Надо ещё подумать, крутится какая-то мысль, никак её не ухватить. А ещё мысли в разговоре здорово структурируются. Разговаривать по делу Вику проще всего с Майком, и вот ещё с Вероникой, но не здесь же, тьфу. Пусть Недолубов уже заканчивает говорить, хватит, сколько же можно?

Тот словно услышал мысли Вика, передал микрофон ведущему и сполз со сцены обратно за стол. Ведущий пригласил отца.

Отец вышел и сказал буквально несколько слов — он рад, он всех поздравляет, желает всем успешной работы и новых достижений.

Далее пришлось вылезать на лобное место самому Вику. И говорить о том, что он успел оценить большинство своих сотрудников, и очень рад тому, что в компании на всех уровнях есть компетентные и надёжные кадры.

Потом пошло поживее. Награждали разным за успехи в работе — денежные премии, грамоты, какие-то подарки. И наконец официальная часть завершилась, можно было поесть.

Официанты живо потащили из кухни закуски — к счастью, персонала было достаточно, чтобы никто слишком долго не ждал. Начали предлагать тосты, и Вик оглядел стоящий на столе алкоголь. Три бутылки вина из отцовской коллекции, водка, коньяк. Хотелось водки и забыться, ещё хотелось глоток вина и сбегать с Вероникой. Тем временем отец уже собственноручно налил вина Полиньке, водки себе и Недолубову, и хмуро поглядывал на них с Майком. Майк одобрил идею с вином, с него и начали. Понемногу, так сказать.

Что ели — Вик потом так и не вспомнил. Ну, ели. Ну, что-то говорили. Все понемногу.

А после горячего наконец-то дали танцевальной музыки и пригласили желающих приступать, а других желающих — сделать перерыв в просиживании штанов и набивании брюха. Примерно половина сотрудников ломанулась во двор курить, а вторая половина — на пустое пространство между столиками, танцевать. Отец с Недолубовым беседовали, Полинька разглядывала народ.

Когда наконец-то выдали медляк, они с Майком чуть не хором спросили Полиньку, хочет ли она танцевать. Полинька с улыбкой отказалась. Тогда Майк остался её развлекать — так и сказал, а Вик пошёл искать жертву.

Жертвой оказалась зашедшая в зал после перекура зеленоволосая Валерия. Она надела какую-то версию маленького чёрного платья и убойное количество аксессуаров. И зелёные кеды. Ещё она страшно ступевалась, сказала, что не умеет танцевать ну вот вообще, а он ответил, что сейчас это и не требуется, поскольку то, что они делают, танцем можно назвать

лишь с большой натяжкой.

Она рассказала, что уже написала заявление на перевод, как ей велели в отцовском отделе кадров. И с понедельника выходит работать в международный отдел. Но она так и не поняла, что там делать. Вик посоветовал ей не переживать — она, по его мнению, нигде не пропадёт. Даже в международном отделе.

Следующей жертвой была девушка из бухгалтерии, Вик даже имени-то её не помнил. Смущалась и молчала.

Потом ему попался экземпляр из отдела логистики, сотрудница Померанцева. Вроде Дашей её зовут, что ли. Надо будет уточнить. Аллергии не вызвала, не смущалась, говорила разумно.

А потом схема дала сбой — объявили белый танец, Вик не успел сбежать, и ему наперерез бросилась Сашенька, девица несмелых двадцати пяти лет из отдела договоров.

Если посмотреть с другой стороны, это оказалось не так уж и плохо. Потому что благодаря вынырнувшей из глубин Сашеньке до него не успела допрыгнуть Марина Борисовна, с её фантастическим разрезом и всем прочим. Ему даже показалось, что он услышал звук скрипящих зубов. А за плечом Марины маячила Алёна свет Витальевна с выражением вселенской скорби на лице, которая, видимо, тоже хотела попытаться и тоже обломилась.

Сашенька была одета в дурно на ней сидящее бордовое платье — надень она что-нибудь по фигуре и перестань сутулиться — и красивая ж девушка могла бы быть. Но платье сидело мешком, сутулилась она всегда, и только нежная кожа и золотые волосы немного спасали ситуацию. Не лично для Вика, вообще спасали.

Впрочем, Вик понимал, что обладай Сашенька темпераментом, харизмой и пробивным характером той же Валерии — никто бы и не посмотрел ни на сгорбленную спину, ни на платье мешком. Просто живых бы не осталось.

А так она смотрела в пол и даже поддержать какой-то простой разговор была неспособна.

Вик подумал, что в плане танцев его испортили сёстры. Сестрёнка Элочка и... ладно, пусть будет кузина Марго.

К счастью, композиция закончилась, можно было взять девицу за руку и отвести за её стол.

И пойти уже наконец пригласить ту, кого хочется. Никто не сможет сказать, что он весь вечер танцевал только с ней, он вполне отметился и с другими. Вероника тоже выходила с кем-то — с Пашей, кажется, и с кем-то из техподдержки.

Она была, как и Полинька, в зелёном. В умопомрачительном платье-колокольчике. Если бы все были знакомы друг с другом немного больше, Вик бы заподозрил, что дамы сговорились. И теперь уже наконец можно было пойти, пригласить её, потрогать это платье рукой, и её через платье. И может быть — не только платье и через платье.

И тут диджей сошёл с ума и выдал вальс. Ну как вальс — просто песню БГ в музыкальном размере три четверти. Ладно, тут ведь как — можно и просто подвигаться, а можно взять девушку и унести, девушка лёгкая, он сегодня проверил.

За её столом сидели две приличных возрастных дамы — Маргарита Романовна и Наталья Викторовна, ещё там был Паша Демьянов, и туда каким-то образом успел мигрировать Майк. Интересно, почему туда?

— Вероника Андреевна, вы танцуете?

— Да, — улыбнулась она.

Встала и подала ему руку. Характерным жестом, между прочим, которого в ней никак нельзя было заподозрить. И он подумал — что пусть оно всё идёт и пляшет...

Она вписалась идеально. Она шагала, куда следует, она делала то, что надо, она чувствовала музыку, она чувствовала партнёра. И даже улыбалась.

— Подумать не мог, что ты танцор, — восхитился он. — Ясное дело, что тебе скучно с теми, кто не умеет. Но откуда?

— Последние классы школы и первый курс, спортивные бальные танцы.

— И конкурсы, наверное?

— Нет. Пришлось бросить, — она отвела взгляд и замолчала.

Ок, пусть молчит. Он её потом ещё расспросит. «А я всё пляшу, не глядя, на ледяном краю, и держит меня одна, та, которую я люблю».

Точно. Та, которую я люблю. Кто бы мог подумать. Когда это произошло? Вчера под дождём? Да какая разница, когда!

А вслух спросил:

— Влево?

— Легко.

И она реально легко вошла в левый поворот.

Когда музыка закончилась, он классически провернул её под рукой и затормозил.

— Чудесно. Спасибо.

Дальше был уже вовсе не вальс, а хз что, которое непременно есть на всех пьянках-гулянках, про счастье, которое вдруг постучало в двери, из старого фильма. Отпускать Веронику не хотелось, Вик обыграл это так, что они шли к её столу, да не дошли.

Была одна штука, которую можно было попробовать с ней сделать. Вик во времена оны научился штуке у деда бывшей супруги Станиславы, милейшего человека, который видел внучку насквозь и даже пытался как-то на неё влиять, да поздно уже было. Казимир Брониславович Денбицкий на каком-то семейном торжестве с танцами подхватил невестку Марию Сигизмундовну, тещу Вика, и восхитительным образом закружился с ней под какую-то очень быструю и залихватскую польскую народную музыку. Тёща сначала пыталась возражать, но потом поймала кучу восхищённых взглядов и сменила гнев на милость — позволила своему свёкру показать и себя, и её заодно. Вик тогда не удержался, спросил. Казимир Брониславович был мужик не вредный и объяснил. Правда, Станислава морщила нос и подобным образом вертеться отказывалась, говоря, что это всё прошлый век и старьё, и сейчас никто так не танцует, и нечего позориться. Чем сильно обижала деда Казимира. Ну да к чёрту Станиславу.

Вик подхватил Веронику обеими руками под лопатки, её руки как-то сами собой правильно легли сверху, получилась такая забавная круглая пара, которой Вик не встречал более нигде и ни для чего. А дальше было просто — на одной ноге балансируешь, второй отталкиваешься. И вертишься. Припев той песенки подходил для такого дела идеально.

И Вероника поняла, и тоже завертелась, и глаза у неё как вспыхнут, он и не знал, что она так умеет! А дальше только крепче держаться, чтобы пару не разнесло нахрен центробежной силой!

А потом остановиться, притопнуть, сменить ногу и в другую сторону так же!

Кажется, им хлопали. Кажется, это было зря.

Когда они затормозили, то самое естественное, что тут можно было сделать — обняться

и поцеловаться. Первое они сделали, тут было иначе никак, а вот второе Вик, подумавши, отложил на попозже. И просто пошёл с ней за руку к столу.

И снова сделал вид, что не дошёл. Это уже был нормальный медляк, и можно было просто сгрести её в охапку. Остаться в той части зала, где темно. Легонько поглаживать спину через переливчатую ткань платья. Смотреть и молчать. Слова были бы лишними.

Когда музыка закончилась, они снова пошли в сторону её стола и с третьей попытки дошли.

— А не хотите ли прогуляться, молодые люди? — спросила Маргарита Романовна.

Вик вопросительно взглянул на Веронику. Тем временем в зале совсем приглушили свет, музыка сменилась на ритм без мелодии, задёргался стробоскоп. От главного стола в сторону выхода шли отец и Полинька, следом за ними под белы ручки двое отцовских охранников вели наклюкавшегося Недолубова.

— Ох, недогрызок, даже пить и то не умеет, — вздохнула бескомпромиссная Маргарита Романовна.

Вик секунду подумал, поцеловал ладонь Веронике (темно же, кто там будет приглядываться) и подошёл к отцу. Отец с Полинькой ожидаемо собрались домой, а Недолубова увезёт охрана.

Тем временем у нужного столика развернулась подготовка — собрали коньяк, бокалы, две бутылки минералки, фрукты и порезанный торт. Паша нашёл где-то коробку, в неё всё сгрузили.

— И куда дальше? — спросила Маргарита Романовна.

— Тут есть такое место, оно защищено табличкой «Приват», — сообщил Майк. — Там можно посидеть, пожечь костёр и вообще расслабиться.

— А ты откуда знаешь? — удивился Вик.

- Доводилось бывать, — подмигнул брат.

— Только я отказываюсь жечь костёр в торжественных ботинках, — заявил Вик. — В них неудобно.

— Пойдёмте, переоденемся, — пожал плечами Майк.

— Ага, тогда дамы сменят свои прекрасные платья, а я хочу смотреть на них красивых, — Вик был не согласен, Вероника такая классная в этом платье-колокольчике!

— Знаете, я вообще уже спать, — сообщила Наталья Викторовна. — А вам — хорошей погоды, доброй охоты и что там ещё у кого.

— Нет, спать в такую чудесную тёплую ночь непростительно, — сказала Вероника. — Но я, пожалуй, сменила бы обувь.

— Ну тогда пойдёмте наверх, — скомандовала Маргарита Романовна.

— Встречаемся минут через пятнадцать, от входа направо и за угол, — сказал Майк.

30. Вероника

Не проси меня петь о любви в эту ночь у костра

Тэм Гринхилл

У неё не было третьей пары обуви, только туфли на каблуках и кроссовки. Забить и переобуться в кроссовки? Рисковать попасть каблуком в темноте не туда и сломать его нахрен?

Решение подсказала Маргарита: она как раз надела кроссовки, а балетки предложила Веронике. Размер ноги у них был плюс-минус одинаковый, выяснили как-то. Палантина или шарфа с собой не было, поэтому Вероника взяла флиску. В её карман отлично помещался

телефон. Можно было идти.

Они вышли на крыльцо и обнаружили там стайку конторских тёток. Марина, Алёна, секретарша Померанцева Милана, ещё кто-то.

— Ой, Вероника Андреевна, а круто же вы с шефом танцевали, — пропела Милана. — Вы специально учились, да?

— В школе бальными танцами занималась, — ответила Вероника.

Так-то это не секрет, подумаешь — бальные танцы. Было круто, да, а потом закончилось, когда мама выставила ультиматум — или она, Вероника, бросает ходить в студию, или она маме больше не дочь. Потому что танцы заканчивались в девять вечера, и нужно было проехать целых три остановки на автобусе или троллейбусе с политеха до Академа, а мама, видите ли, переживала. На первом курсе Веронике было проще бросить, чем защищаться. А когда на третьем она прибилась к походной компании, то уже были какие-то силы, чтобы отстаивать своё. Помнится, она один раз пригрозила, что уйдёт жить к подружке Ленке и будет мыть полы, чтобы себя как-то содержать, после чего давление не прекратилось, конечно, нет, но поутихло.

— И главное, шеф тоже где-то учился, — со значением произнесла Маргарита Романовна.

— Да ладно, если у него такая мать — уж наверное, их учили всему, что только возможно, ещё и на пианино, поди, играет, — сообщила появившаяся из темноты девушка с зелеными волосами.

— Лерка, а про тебя что за слухи ходят, что ты у нас больше не работаешь? — вклинулась Марина. — Неужели за дресс-код пропёрли? И когда будут документы на увольнение? — кадровичка смотрела хищно и зло.

Как же, с этой Леркой Ледяной танцевал, а ней, распрекрасной — нет.

— Не на увольнение, а на перевод, — спокойно сообщила Валерия.

— Куда это? — не поверила Марина. — В уборщицы что ли?

— К Валентину Фёдоровичу в международный отдел. Ему понравилось, как я его китайскому партнёру на переговорах переводила. И как его водила по городу.

— И как оно — в постели с китайским партнёром? — ехидно спросила Марина.

— А про это нужно было у его жены спросить, они как раз вместе были, — пожалала плечами Валерия с великолепным спокойствием.

Марина плюнула и ушла внутрь, оттуда призывно играла какая-то народная музыка в современной обработке. Её свита потянулась за ней.

— Пошли, дева, с нами, — сказала Маргарита Романовна Валерии. — Только кури в другую сторону, я за здоровый образ жизни.

— А куда? — удивилась Валерия.

— Да тут достойные джентльмены позвали у костра посидеть.

— Ой, спасибо, у костра — это я с радостью!

Они втроем зашли за угол, а там уже стояли Паша и Михаил Ледяной с той самой коробкой. Из неё торчали шампур.

— Мы собрались что-то жарить? — удивилась Вероника.

— Да, добыли на кухне колбасок, — улыбнулся Михаил. — Понятно, что все сытые, это так, побаловаться. Где там Вик копается, интересно?

Он переоделся — джинсы, кроссовки, у белой рубашки расстёгнуты и засучены до локтя рукава. Стройный, ловкий, красивый. Паша как был при параде, так и остался — конечно, он

же на квесте в болоте искупался!

Наконец появился Вик — точно как был днём, мужик-лесовик.

— Веди, — кивнул Михаилу.

Тот пошёл вперёд, за ним — Вик с коробкой, Паша с каким-то пакетом и женская часть компании. Дорожка привела к металлическому заборчику, на калитке и вправду было написано «Приват». Михаил достал ключ и отпер эту калитку. Пропустил всех и запер за ними снова.

Метров через десять дорожка пришла на полянку, где было устроено кострище, рядом лежали дрова, вокруг стояли лавочки. Коробку сгрузили на лавочку, Вик достал спички и принялся разводить костёр. Вероника запрокинула голову — всё же, как много звёзд видно в ясную ночь за городом!

Лебедь лежал на Млечном Пути, Вега и Альтаир светили оттуда, откуда положено. Из-за леса торчал ковш Большой Медведицы.

— А ты знаешь, где созвездие Волосы Вероники? — раздался у неё над самым ухом голос Вика Ледяного.

— Знаю, что вроде его видно весной, но лично не знакома, — улыбнулась она.

— Чёрт, я тоже. Надо исправить. Тебе не холодно?

— У меня флиски с собой.

— Мисс Предусмотрительность.

— Стараюсь.

— У тебя очень красивое платье. И эти малахиты очень подходят к твоим глазам.

— Спасибо. А на тебя все тётки в зале облизывались — богатый, неженатый, красивый.

— Тётки в зале обломятся. И так пришлось от Марины Борисовны по дороге прятаться.

А сюда никто из них не придёт, и ура. Пойдём к костру.

— Пойдём.

Но сначала он обхватил её, как перед тем в танце, и они поцеловались. Осторожно и торопливо — как же, темно, но всё равно — люди ж рядом!

Тем временем костёр весело потрескивал, Валерия, Паша и Михаил держали в пламени сосиски на шампурах, а Маргарита Романовна комментировала.

— Хочешь жарить сосиску? Они маленькие, — Вик достал одну ни наколол на шампур.

— Хочу, давай, — Вероника взяла, села так, чтобы доставать, и чтобы искры на платье не летели, и сунула шампур в костёр.

Вик сел рядом и сделал то же самое.

Когда у всех более-менее поджарилось, Паша достал из коробки бокалы, плеснул туда коньяк и раздал всем. Пошло хорошо.

— Вероника, а вам часто случается сидеть ночью у костра? — вдруг спросил Михаил.

— Случается, — пожала она плечами. — Раньше случалось чаще, сейчас работа и дача оставляют меньше возможностей.

— А где доводилось бывать?

Да мало где, если честно. Орлёнок, Кругобайкалка, Хамар-Дабан — местами, однажды — Шумак. На Мунку ходила, но на вершину не поднялась, с погодой не свезло. Да и всё. Но оба Ледяных почему-то обрадовались, сообщили, что Вероника — их человек, и что это здорово.

Сосиски съели, принялись за торт и фрукты. И вдруг из леса, со стороны корпуса турбазы, послышались шаги, и к костру подошла невнятная фигура.

— Вик Валентиныч, тут вам велели передать, — нормальный живой мужчина дал Вику в руки настоящую гитару в чехле.

— Кто это велел, интересно был мне знать, — поинтересовался Вик, принимая инструмент.

— Вообще-то, Полина Николаевна, — позвучал ответ.

Вик уставился на брата, но тот смотрел так же удивлённо.

— Ладно, велела и велела, проехали. Садись, раз пришёл. Или у тебя ещё смена?

— Нет, — ответил тот. — Кончилась.

— Вот и ладно. Это Тоха, кто не знает, он отцовский охранник.

Тоху пустили на лавку, выдали шампур и пакет с сосисками. И бокал. Тем временем Вик расчехлил гитару, пробежался по струнам, что-то подкрутил. Для Вероники это всё было китайской грамотой — музыкой она никогда не занималась, хотя петь ночью у костра под гитару было здорово. Интересно, что играет Вик? И поёт ли?

Оказалось — и играет, и поёт. Высоцкого, Олега Медведева, что-то ещё, чего Вероника даже и не знала. Потом гитара уключивалась к его брату, тот тоже играл и пел, и тоже круто. Их правда, что ли, всему на свете учили?

А Вик придвинулся к ней ближе и обхватил за плечи. И чёрт возьми, это было охренительно. Привалиться к его большому тёплому боку и, прикрыв глаза, слушать, как поют про звёзды, про дороги и ещё бог знает про что.

Дальше была очередь Валерии, та охотно взялась за инструмент, осмотрела его, восхитилась — крутая, мол, гитара — и исполнила несколько номеров из отечественного рока. Паша и Маргарита Романовна синхронно покачали головами — не умеют. Охранник Тоха спел пару длинных жалостливых дворовых песен о несчастной любви и печальной судьбе.

— Эх, Линочки на тебя нету, — сказал Вик, — с длинными-то песнями.

— А мне повезло как-то в прошлом году, — сообщил Тоха. — Я был в Листвянке при Валентине Фёдоровиче, как раз когда Лин Валентинна приезжала и пела целый вечер. Круто было.

— Понимаешь, наша сестрёнка поёт очень круто, но очень длинно. В смысле, любит длинные песни с развесистым сюжетом. В процессе выживают не все, — усмехнулся Вик и пошевелил костёр палкой в свободной руке.

— Я бы послушала, — тихо сказала Вероника.

— Приедет — и послушаешь. Сезон у неё вроде закончился, так что появится.

У Вероники был миллион вопросов о том, когда приедет и откуда, и что за сезон, но она подумала, что это лучше спрашивать наедине.

Маргарита Романовна собралась спать, Паша отправился проводить. Через некоторое время он вернулся и рассказал, что танцуют и пьют только самые стойкие, человек двадцать, остальные расползлись.

Валерия и охранник Тоха в какой-то момент просто исчезли. Михаил сказал — пошли рассвет встречать. Сам он поднялся и сказал, что собирается найти трезвого водителя и поехать уже домой. И может забрать гитару.

Гитару упаковали, вручили ему.

— Ты точно не хочешь остаться здесь? — спросил Вик.

— Да ну, в Листвянку даже ближе, чем в город, — пожал плечами его брат. — Кстати, что думаете насчёт пойти в следующие выходные на Орлёнок? Мы, вы, Сашка, Аннушка.

Детей прогуляем и сами проветримся. Я сейчас только понял, что одурел в городе сидеть.

— Вот и я также, — кивнул Вик. — Одурел. А понял-то уже давно. Вероника?

Вероника непонимающе смотрит, потом уточняет:

— Это было... как бы приглашение?

— Без «как бы», просто приглашение, — улыбается Михаил.

Его улыбка ничуть не менее харизматична, чем у его брата. Черти полосатые!

— Наверное... я не против.

Это они все напились или всё происходит на самом деле?

— Вот и отлично. А сейчас растащим костёр и сложим весь мусор и все остатки обратно в коробку.

Братья Ледяные собрали коробку, Вик раскидал костёр, оглядели всё, остались довольны. Надо же, собственными ручками. И не парятся нисколько.

Михаил попрощался и исчез вместе с гитарой и коробкой.

— Поехали сейчас в город? — вдруг спросил тот Ледяной, что остался Веронике.

— Сейчас? В город? — удивилась она.

Так-то уже глаза на свет не смотрят. Неудивительно, на улице светает вовсю.

— Ну да. Ко мне. Тебя ж никто не станет искать до завтрашнего вечера?

— Зря ты так думаешь. Если утром, ну или поздним утром я не выползу из номера, то это породит очередную пачку сплетен.

— Жаль, — вздохнул он. — Но и так неплохо вышло. Ты чудесно танцуешь.

— А ты здорово поёшь. Тебя учили вообще всему?

— Чему-то учили, чему-то — сам. Лет-то давно не двадцать, времени было достаточно.

Ты сильно устала?

— Честно говоря, да. Глаза просто закрываются.

— Тогда пойдём, я провожу тебя, и поеду в город.

— Тебя кто-нибудь увезёт?

— Конечно. Володя. Не переживай, я вроде в уме и за руль сейчас не полезу. Но приглашение остаётся в силе. У тебя есть планы на вечер понедельника?

— Пока не было.

— Значит, я приглашаю. Хочется тебе очень многое сказать, но это лучше на трезвую голову. А сейчас — домой и спать. Опять же дома кот, он скучает и голодный.

— Ты не оставил ему еды?

— Конечно, оставил, но я уверен, что он всё съел, и ему мало, — рассмеялся Ледяной и взъерошил её волосы. — Ты необыкновенно красивая сегодня, ты вообще красивая, а сегодня просто невозможно взгляд отвести.

— А ты просто необыкновенный. Не только сегодня. Где это видано — большой босс, который сам разжигает костёр?

— А у меня, может, хобби — костры разжигать, — усмехнулся он. — Пойдём в лес — убедишься. Ладно, я тебя провожу и поеду.

Они дошли до здания турбазы, заглянули в открытые двери. В зале кто-то отплясывал почти в полной темноте. На подоконнике возле входа в залу курили девушки из диспетчерской. Наверху кто-то громко рыдал.

Вик сказал, что зайдёт к себе и возьмёт вещи, чтобы потом уже не возвращаться. Хотел открыть дверь, сунул ключ — но она почему-то была не заперта.

— Что это ещё за новости? — пробормотал он.

Всё благодущие с него слетело, как и вовсе не было, взгляд стал жёстким. Отодвинул Веронику за спину, сам шагнул в темноту и точным движением включил свет.

Раздался женский визг.

— Посмотрите, Вероника Андреевна, какая наглость, — он шагнул внутрь и пригласил её войти.

Вероника вошла. Двери из прихожей в спальню были распахнуты, а на кровати сидела полностью раздетая Сашенька, обхватив руками колени.

— Александра Владимировна, вам негде ночевать? — поинтересовался Ледяной. — Ну, не буду мешать, ночуйте. Потом ключи отдадите Анне Константиновне, будьте добры, раз уж вы здесь обосновались.

Зашёл, взял из шкафа кофр со смокингом и рюкзак. Положил ключи на журнальный столик и вышел, пропустив вперёд Веронику. Закрыл дверь.

— Ну ни хрена она, — Вероника была под впечатлением.

— Вы очень точно сформулировали, душа моя. Пойдёмте из этого ужасного места, — рассмеялся Ледяной.

Он смотрел на неё, и взгляд снова теплел.

Далее они без приключений, то есть — никого не встретив, дошли до третьего этажа и комнаты Вероники.

— Признаю, что ты права, и что здесь нам вдвоём оставаться не нужно, всё равно не дадут покоя. Поэтому оставляю тебя спать.

— Постараюсь уснуть, — усмехнулась она. — А тебе хорошо добратся, и сообщи, когда доберёшься, хорошо?

— Разбужу ведь, — он бросил на стул свой рюкзак, и кофр сверху, и обнял её, и привалился всем своим весом к двери, привлекая её к себе.

— Да и ладно, — ответила она между поцелуями.

— Раз ладно... Ну и завтра созвонимся, хорошо?

— Конечно.

— Тогда до встречи.

Они ещё раз поцеловались, а потом он забросил на плечо рюкзак, подхватил кофр и исчез.

Вероника механически разделась, умылась, заперла на всякий случай дверь и упала в постель. И уснула, едва голова коснулась подушки.

Утро насупило ближе к полудню. Она проснулась от того, что солнце, светившее в окно, добралось до постели. Конечно, утром ума не хватило шторы задёрнуть!

В телефоне было сообщение от Ледяного, что он дома — в шесть утра, и фотка котёнка Чарлика, поедающего что-то из миски. Она написала в ответ, что всё проспала. И добавила смайлов.

В номере Маргариты Романовны кипела жизнь. Оттуда пахло кофе и чем-то ещё. Вокруг столика, кроме хозяйки, сидели Наталья Синяева и бухгалтер Лариса Петровна, тоже дама за пятьдесят. Вероника заглянула и мгновенно получила приглашение присоединиться.

— Заходите, душа моя Вероника Андреевна. Вам удалось поспать?

— Да, вполне, — Вероника взяла чашку и вдохнула божественный запах.

— Представляете, что наша Сашенька отмочила? Никогда не думала, что она настолько глупая, — Наталья поставила чашку — нашла нового слушателя.

— Что-то ещё? — Вероника живо вспомнила сцену в номере Ледяного и ухмыльнулась.

— Ну ладно глазки строить, ладно на танец позвать, но после всего ещё и реветь, что тебя обидели?

— В смысле, что в постель с ней не легли, что ли? — не поняла Вероника.

— Наверное. Всё утро в рыданиях, кончилось тем, что посадили в машину к Паше и отправили в город.

— Да радовалась бы, глупая, что с лестницы не спустил, в чём мать родила, — зло фыркнула Вероника. — Он с таким лицом заходил в номер — я думала, там засел террорист или вор, и огребет сейчас по первое число.

И рассказала о сцене в номере Ледяного.

Дамы слушали с подобающим деликатному вопросу вниманием. А потом принялись хохотать — все трое. Наверное, очень уж живо представили себе эту сцену.

— Вы не знаете, она ключи-то отдала или как? — спросила Вероника, тоже просмеявшись.

— Отдала, я видела, — простонала Лариса Петровна. — Почтенная бабушка на неё зыркнула, как ведьма, ключи цапнула и пошла посмотреть, всё ли там в порядке.

— Где она их только взяла, — изумилась Маргарита Романовна.

— Так есть же у администратора запасные, от любого номера, — пояснила Лариса Петровна. — Мы тут были в прошлом году с детьми, забыли ключ внутри и захлопнули дверь. Нам открыли как раз запасным.

— А об чём конкретно рыдала-то? — с усмешкой поинтересовалась Маргарита.

— О том, что жить теперь не хочет, — ответная усмешка Натальи выглядела какой-то кислой. — Такой позор, такая обида.

— Вот и не надо было позориться, — назидательно произнесла Лариса Петровна. — Про Марину Бойко, кстати, слышали, Вероника Андреевна?

— Нет, а что с ней?

— Танцевала с Померанцевым, поскользнулись в разлитом шампанском, грохнулись на пол. Померанцева ещё ночью в город отправили, а Марину — утром, сказала, что голова сильно болит.

— Ну так ещё и пить меньше надо, — сказала Маргарита Романовна. — Не умеешь — не пей. Братцы Ледяные сколько выпили? А и танцевать, и на гитаре, ну может, разве что, чуть замедлились против обычного.

— Повезло вам, — закивала Лариса Петровна. — В VIP-клуб попали.

— Знаешь, звали всех адекватных, кто по дороге встретился. Я вот сама с ними не пошла, теперь немного жалею, после Ритинога рассказа, — Наталья налила себе ещё кофе.

А Вероника подумала — как хорошо, что они вчера не уединились в лес, а пошли толпой. И так разговоров хватает, а было бы ещё больше.

31. Вик

И только солнце снова будило его, дыша в висок

Олег Медведев

Воскресенье началось ближе к полудню. И началось с голодного, или скучающего — а хрен бы его знал — полосатого чудовища. Принц, мать его кошачью, Чарльз несколько раз галопом проскакал по Виковой спине, а потом брякнулся на подушку с той стороны, где торчал нос, и принялся осторожно трогать его, то есть нос, лапой.

— Уйди, чудовище, — сказал Вик.

Или только подумал? Потому что чудовище не собиралось никуда уходить. После

нескольких попыток скovyрнуть Вику нос страшный зверь попробовал взгромоздиться ему на голову, и этого уже Вик не перенёс. Он сел на кровати, сгрёб кота в охапку и спросил:

— Зверь лесной, чудо морское, ты чего вообще, а?

Довольный зверь прикрыл глаза и включил тарактелку. Вот ведь!

Вик нашёл телефон, обнаружил в нём ответ от Вероники — видимо, у неё тоже уже утро — и написал ей. Она сразу не ответила — да мало ли, что там вообще происходит, на этой турбазе, то есть он это выяснит, конечно, но не прямо же сейчас!

В общем, дальше уже было не до сна. После душа и после кофе жизнь стала казаться довольно сносной. Пили вчера не особо, без похмелья удалось обойтись. И то хорошо.

Но какова девка-то! Интересно, сама придумала забраться к нему в номер или надоумил кто? Сейчас Вику казалось, что во всех сплетнях и дурацких ситуациях в конторе виновата Марина Бойко, но он понимал, что не Мариной единой, как говорится.

Вик позвонил Паше, тот отозвался, но был сонный и слабо соображающий. В процессе разговора очнулся, доложил, что доставил домой девицу Сашеньку, которая всю дорогу рыдала так, будто её самое малое уволить обещали, а ей так-то вчера грамоту дали и денежную премию. Также доложил, что ночью, оказывается, было происшествие — сотрясение мозга у Померанцева, который сначала криво открывал шампанское — после водки, именно после водки — и залил к херам весь пол, а потом подхватил на руки Марину Бойко и потащил её типа танцевать, и они оба грохнулись в лужу. Говорят, зрелище было то ещё. Димку увезли в травму, в Третью Кировскую, а Марина сказала, что её в травму не надо, её надо домой. Больше происшествий не зарегистрировано.

После пары бутербродов уже можно было звонить Михаилу Григорьевичу и договариваться о встрече. А перед тем, как выбраться из дома — поговорить о вчерашнем последовательно с отцом, Полинькой и Майком.

Отец ожидаемо высказался о Недолубове и людях, которых он принимал на работу, и поудивлялся — зачем Вик терпит тех, от кого никакой пользы, а только вред.

Полинька похвалила общую организацию — она думала, будет хуже — и некоторых приличных людей. В число приличных людей вошла, о радость, и Вероника.

— Хорошая девочка, — сказала Полинька. — Надеюсь, у неё нет злого мужа и пятерых детей?

— Нет, у неё только злая мама и бездельница-сестра.

— Это не страшно. И работает, говоришь, хорошо? Финансовый директор? Пригласи её к нам в гости.

— Она пока даже у меня в гостях не была, а ты говоришь — к вам, — рассмеялся Вик.

— Хорошо, я подожду, — рассмеялась в ответ Полинька.

Майк же откровенно ржал, гад такой, что давно уже не видел его, Вика, таким цветущим, как с рыжей девушкой Вероникой. И что рыжую девушку Веронику надо брать, пока никто другой не вклинился. На слова Вика о том, как брат представляет себе подобную вселенскую глупость — ну, человека, который возьмётся вклиниться в его дела — тот усмехнулся и ответил:

— Это я тебя знаю. Отец тебя знает, Полинька, Михаил Григорьевич и его парни. А твои конторские бездельники — не знают ни хрена. Ты им вроде такого плюшевого мишки — большой, порывиваешь, но никого ещё пока не сожрал, даже показательно. Секретарша Недолубова не считается. Поэтому ожидай всего.

Угу, хочешь мира — готовься к войне. Поэтому Вик почесал развалившегося на

солнышке кота, послал его фотку и очередных смайликов рыжей девушке Веронике и поехал к Михаилу Григорьевичу.

Тот уже ждал в своей части отцовского офиса. Сам нацедил из машины кофе, сам положил перед Виком бумаги — отчёты сотрудников, охранявших гулянку вчера днём и ночью.

Выглядело странно.

Алёна Васина, секретарша Вероники, липла к Марине Бойко с вопросами о том, что и как дальше, пока та не послала её открытым текстом в матерных выражениях. Мол, в понедельник на работе поговорим, что там дальше. Алёна не отлипала, тогда они отошли в достаточно далёкий угол двора, там Алёна рассказала о том, что как договаривались, облила Веронике ноут, но тут пришёл шеф и был такой страшный, что она убежала сразу же, как только ей разрешили. Марина Алёну похвалила — мол, правильно всё сделала, не ссы, всё получится. Можно ей ещё орхидеи её пафосные кипятком пошпарить, она тоже расстроится, а то растанцевалась, понимаете ли, с начальством, нечего.

Алёна ушла счастливая, а Марина жаловалась Свете Литвинцевой, пиар-менеджеру, что послал бог дуру в секретарши, и хорошо, что не ей самой, она бы уже не выдержала.

Та же Марина позже была замечена в стоянии на улице с сигаретой и в обнимку с дурной девкой Сашенькой, которой нашёптывала прямо в ухо что-то, чего услышать не удалось. Потом она стала жертвой удалого танца Димы Померанцева, и на этом её художественные выступления закончились.

Померанцев только жрал и пил. Ну и потом ещё долбанулся башкой об пол.

Водители тусовались своими водительскими столами и кружками, ни с кем не смешиваясь. Пили исключительно между собой. Танцевали с девушками и тётками из диспетчерской.

Серёга Емельянов поймал на выходе из туалета Недолюбова, который еле стоял на ногах и тоже чуть не завалился, и доставил к столу. После чего довольно скоро отец распорядился везти его обратно в город. А Серёга пошёл тусить с Висюковым и Матвеевым, они тихо надрались и тихо расползлись по своим номерам.

Ну, если дура Марина настропала дуру Сашеньку забраться в пустой номер Вика — тогда совсем непонятно, что нужно ей самой. Она ж только что на шею не бросалась. Или ей хочется что-то ещё? Но разговор с Мариной по-любому состоится завтра утром. Как и с Алёной Витальевной. Похоже, Веронике придётся найти другого секретаря. Впрочем, послушаем, что скажет. Вдруг что-то интересное?

Сашеньку нахрен, позволит себе ещё какую-нибудь дурь — пойдёт искать новую работу. Забодала.

Если Померанцев приложился как следует, то некоторое время пробудет на больничном. И хорошо, туда ему на этой неделе и дорога. Завтра старт машин с китайским грузом.

Водитель Чернышов всё ещё молчал, и даже когда его припугнули, всё равно молчал. Было решено отпустить его и отправить за ним слежку. Ну и увольнение, конечно. Нахрена такое удовольствие?

Его напарник Куркин на корпоратив не ездил, вроде был в рейсе — недалеко, до Усолья и обратно, вернулся вчера поздно вечером.

Данные про пул водителей, с которыми регулярно случаются косяки, был со всех сторон обмусолен специалистами. Выходило, что естественными поломками машин задержки и

прочее можно было объяснить процентов на тридцать. Остальные семьдесят объяснению пока не подлежали.

Вику подумалось, что завтрашняя отправка машин для господина китайского партнёра будет таким своего рода испытанием. И для тех, кто поедет, и для тех, кто останется. Вот и поглядим, кто и как будет реагировать.

Тем временем ему позвонил Слава, главный по охране вчерашнего праздника, и сообщил, что базу покинули все сотрудники транспортной компании. Вик уточнил — а давно ли уехала Ласточкина? Три часа назад? Отлично, спасибо.

На часах значилось — шесть вечера. Ну что, можно и для себя немного времени выкроить. Или не немного, но — как получится.

32. Вероника

Кто они и что им надо, пить да пить бы сладкий яд

До утра, обнявшись крепко, так они и простоят

Пикник

С турбазы она уехала около трёх часов. Посидели, поболтали, посплетничали про вчера. Сошлись на том, что язве Марине свыше прилетело за её неукротимую злость, замаскированную под хорошее отношение и сочувствие, не иначе. А больше говорить было и не о чем.

Дома Вероника была уже к четырём, позвонила маме на дачу, сошлись на том, что мама с собакой Мухой приедут вечером сами. Катерина по маминым представлениям должна была быть дома, но дома её не было. Небольшой розыск позволил узнать, что она в гостях и будет поздно.

Быстро душ, быстро убираться дома, пока никого нет, и под ногами никто не болтается. На весь дом сил не хватит, помыть хотя бы свою комнату, мамину, кухню, прихожую с коридором и туалет с ванной. Тем временем разморозился небольшой, но приличный кусок мяса, оставшийся от какой-то суровой готовки, сам по себе он был мал, но если его измельчить, изжарить с луком, потом подержать в сливочном соусе и поесть с макаронами, будет ничего себе. И салат из остатков овощей сделать.

Телефон зазвонил, когда она всё закончила и собиралась есть. В половину седьмого. И звонил не кто иной, как неповторимый и драгоценный начальник.

— Слушаю, — недоверчиво произнесла она.

— Привет, — начал он, как ни в чём не бывало. — Вероника, душа моя, ты дома?

— Да, а... — начала было она, но он не дал ей завершить вопроса.

— А дома ли твои суровые родичи?

— Пока нет.

— А этаж у тебя какой?

— Девятый.

— Чёрт, не допрыгнуть. Придётся, как все — лифтом и ногами. Тогда уж и номер квартиры скажи.

Не веря, Вероника прямо с телефоном и как была — в домашней майке и шортах, босиком — выскочила на балкон. Громада внедорожника чернела у самого подъезда, а хозяин машины стоял рядом и поглядывал наверх. Радостно замахал ей рукой.

— Я всё понял про расположение, но номер квартиры захочет с меня твой домофон.

— Тридцать два, — сообщила она.

Он кивнул, взял какой-то пакет в машине и пошёл в подъезд. Затрезвонил домофон,

Вероника механически открыла.

Ну ни хрена ж он. Не было печали. Хорошо, что хоть убраться успела. А переодеться — уже нет. Что делать, что делать, что делать.

Панику усилил звонок. Она открыла дверь квартиры, вышла в общий с соседями предбанник и открыла вторую дверь. Стоит, улыбается. В светлых джинсах и рубашке с короткими рукавами. И с пакетом.

Вошёл, она заперла все двери. Пакет был аккуратно поставлен на обувную полку, а Ледяной с восторгом её оглядел. Да-да, именно с восторгом.

— Ну вот теперь здравствуй, душа моя, — он обнял её и смотрел, просто смотрел.

А она держалась за него, просто держалась. Потому, что непонятная дурацкая слабость разбила на месте, как удар по голове. И только держаться. Обхватить его посильнее. Чувствовать его тепло. Его запах. Его...

На кухне что-то с грохотом упало на пол, и звук привёл их обоих в себя. Так бы и целовались в прихожей, пока мама не приехала.

— Проходи и рассказывай, откуда ты взялся, — она пошла посмотреть, что там на кухне.

Всего-то кастрюля пустая с печки свалилась. Которая была помыта и сохла.

— В смысле — откуда взялся? Снизу.

— Это я понимаю, а откуда ты взялся у меня под окнами?

— А чего бы мне не приехать под окна к своей девушке? — улыбнулся он. — И вот ещё, смотри, мне показалось, ты такое любишь, — достал из того самого пакета цветущую орхидею в прозрачном горшке.

Миниатюрный фаленопсис, с белоснежными цветами, тугими листьями и бодро торчащими наружу корнями.

— Да, я люблю орхидеи и фиалки, спасибо, — надо же, обратил внимание.

— Фиалок не видел, а этого добра у тебя полный кабинет, сложно не заметить, — подмигнул он.

Горшок Вероника унесла к себе, поставила на стол. Потом подумает, куда его определить. Пока надо определиться с более важными вещами.

— А про девушку — ты уже всё решил, да? — села напротив него на табуретку, смотрела прямо в лицо.

— Я — решил. А если ты против, то скажи. Но тогда я чего-то не понимаю.

Всё ты правильно понимаешь, подумала она. Но всё же решилась.

— Ты не знаешь обо мне ничего. Я не знаю о тебе ничего. Ну, кроме каких-то анкетных данных, да?

— Дело наживное, узнаем. Я рад побывать у тебя, и буду ещё более рад, если ты окажешься у меня. Вчера мы видели друг друга достаточно неформально. Если ты хочешь о чём-то знать — спрашивай, я отвечу. Если усомнишься в моём ответе — спроси любого моего родственника, их у меня прорва, да ты заметила, наверное.

Вероника рассмеялась.

— Да если ты врать возьмёшься, то твои ж все за тебя горой встанут!

— Это точно. И ты им, кстати, понравилась. Полинька просила звать тебя в гости. А Майк уже позвал в лес. Нас обоих.

— Вот-вот, твоя семья. Ты высоко летаешь, я по земле хожу. Что у нас может быть общего? Я до недавнего времени копейки считала, ты — вряд ли. У меня, наверное, и мозги

по-другому устроены, не так, как у тебя и всех твоих!

— Да фигня это всё. Отец Полиньке тоже был ни разу не ровня. Ей, по ходу, до сих пор некоторые приятели припоминают, что вышла замуж не понять за кого, без роду, без племени, и уехала к нему жить в жопу мира, где одна зима только полгода, а всё остальное — уж как получится. И что? Кому-то это помешало?

— Так она правда итальянская графиня?

— Это откуда инфа? — рассмеялся он.

— Тётки в конторе рассказывают, откуда ещё. А вчера мы все посмотрели и поняли, что это правда. И что с такой мамой тебе у нас в принципе никто не может понравиться, ты к другому привык.

— А тебе откуда знать, к чему я привык? — он всё ещё улыбался. — Знаешь, лет-то не двадцать, и в жизни бывало разное.

— Сколько, кстати? Я твои анкетные данные не смотрела.

— Тридцать восемь. В августе будет тридцать девять. А ты чуток помладше моих сестёр, Элке уже есть тридцать три, а Линн только ещё будет осенью. Я странноватый, но хороший, правда.

— Ты — мой начальник.

— Тебя это волнует? — удивился он. — Ты вроде не секретарша и не диспетчер. И должность свою получила ещё задолго до меня, и отметилась на ней так, что ни одна собака ничего гадкого про тебя и про твою работу не скажет.

— Уверяю тебя, скажет. Непременно. И так уже, думаю, говорят, что ты решил взять меня в любовницы, а мне только того и надо было.

— Вот и скажи, что это ты решила взять меня в любовники, а я и не возражал, — рассмеялся он. — Если кто-то осмелится сказать в лицо, конечно же.

— Это вряд ли. Скорее будут говорить за спиной.

— Слушай, неужели у меня репутация такого человека, женщину которого можно безнаказанно обижать? Удивила, правда. Ваш Недолубов был тряпкой, так что теперь, все тряпки, что ли? И мне нужно непременно кого-нибудь серьёзно покалечить, чтобы поверили? — вот теперь он перестал улыбаться.

— Вик, я не знаю. Ты нравишься мне так, как никто и никогда. Но я не хочу, чтобы стало ещё сложнее, чем уже есть.

— Вот. Я услышал то, что хотел. Душа моя Вероника, ты мне не просто нравишься, мне нравится в тебе вот вообще всё. И как ты говоришь, и как ты смотришь, и как ты одеваешься, и как ты движешься. И как ты работаешь, уж прости. И как ты реагируешь на происходящие неприятности. Если вдруг станет сложнее, чем уже есть, то мы заметим. Мимо нас не пройдёт. А вообще говорят, что правильно — это когда вместе лучше, чем по отдельности. Я такое видел, у меня перед глазами есть прекрасные примеры. Это не сказка, так бывает. Давай пробовать? — он снова улыбался, смотрел на неё и улыбался.

— А вдруг тебя в моём теле что-нибудь не устроит и разочарует? — сощурилась она.

— То, что я вижу, меня восхищает. А в остальном... Знаете ли, Вероника Андреевна, тело — инструмент настраиваемый.

Угу, только многие предпочитают, чтобы этот инструмент уже был настроен, как надо.

И кто его знает, до чего бы они там договорились, Вероника уже прикидывала, что её кровать слишком старая и узкая для них двоих, но Вику позвонили. Он буквально пару раз ответил что-то вроде «угу», и завершил тем, что «хорошо, буду».

Убрал телефон, взял её за обе руки.

— Вероника, увы, но у меня максимум полчаса. С другой стороны — хорошо, что нам дали поговорить.

Она глянула на часы — да, половина восьмого.

— У меня тоже максимум полчаса. Потом мама с дачи приедет. Ты голодный? Есть будешь?

— То, что ты приготовила? Буду без вариантов, — рассмеялся он.

Так что они успели поесть, договориться, что встречаются завтра на работе в половину девятого — там Алёна и её комп, и ещё обняться-поцеловаться, снова в прихожей.

И даже грязные тарелки, количество которых могло вызвать вопросы, Вероника успела помыть.

33. Вик

Я еду, еду, не свищу, а как наеду — не спущу!

Понедельник не должен был стать каким-то особо тяжёлым, но неприятные дела были, увы. И смысл в том, что их делать всё равно приходится — иначе то, что должно работать, не работает. А так неправильно. Бизнес должен работать и приносить прибыль, в его нынешнем случае — машины должны ехать по трассам и везти то, что нужно туда, куда нужно. А всех, кто этому мешает — с пляжа, как говорится.

Вчерашний разговор с Вероникой оставил странное впечатление. Он отлично видел, что небезразличен ей, но ему не так часто встречались в жизни женщины, которые не спешили броситься на шею, будучи очарованными им ли самим, или его деньгами и статусом. Обычно было наоборот — стоило только поманить, и ему охотно шли навстречу. Что не так? И не так с ним — или с ней?

Вик подумал, что нужно организовать свидание. Хоть прямо сегодня, он же её пригласил. Именно свидание, а не случайный ужин с утешениями пострадавшей. И там будет видно. А торопиться не надо. Хорошие вина, например, обычно выдержанные, и время идёт им только на пользу. Вероника производила впечатление очень хорошего вина.

Так ли это? Вот и поглядим.

Маленькая красная машинка Вероники стояла на парковке их бизнес-центра. Ух ты, уже долетела с того берега! Вик поднялся наверх, зашёл к себе, оставил там сумку с ноутбуком и отправился к ней в кабинет.

— Доброе утро, душа моя Вероника Андреевна, — он кивнул и улыбнулся, а хотелось подхватить её на руки, закружить и зацеловать.

Камеры, да.

Вероника делала то, что обычно поручала Алёне — ставила в вёдра свои орхидеи и заливала их водой.

— Доброе утро, Виктор Валентинович, — она тоже улыбалась, открыто и радостно. — Кофе?

— Из ваших рук? С удовольствием.

Она достала чашки, налила из машины кофе им обоим, поставила прямо на свой стол и достала из ящика стола большую плитку шоколада. Сестрёнка Линочка была шоколадофанаткой, благодаря ей Вик знал, что «Фазер» — это очень прилично и вкусно.

— Скажите, старт сегодня в одиннадцать, так?

— Да. Будем наблюдать трансляцию онлайн, — кивнул он. — У меня в кабинете, с заинтересованными лицами. А потом — следить по карте.

— Есть ещё три обычных заказа. Если всё хорошо — сегодня их оплатят.

— Пусть только попробует не быть хорошо, — подмигнул он.

Дверь отворилась, появилась Алёна свет Витальевна. Увидела свою начальницу, которая с раннего утра сидит и запросто пьёт кофе с боссом прямо на рабочем месте — и даже рот приоткрыла.

— Доброе утро, — пробормотала она.

— Доброе, доброе, — кивнул Вик. — Проходите сюда, Алёна Витальевна, к вам есть небольшой вопрос.

— Что такое? — испугалась, определённо испугалась!

Поставила сумку на свой стол в приёмной и вошла в кабинет Вероники.

— Здравствуй, Алёна, присаживайся, — кивнула Вероника ледяным тоном.

Хорошим таким, правильным. Он достал специально прихваченный по такому случаю планшет, нашёл там скрины переписки Алёны с Мариной Бойко и вложил в руки Веронике.

— А Висюков наладил компьютер? — пробормотала Алёна.

— Нет данных, — покачала головой Вероника. — Взгляни, Алёна. Ты тут в пятницу убежала и оставила на своём компьютере много любопытного. Подскажи, это вообще о чём? — она сунула планшет Алёне под нос.

Алёна прочитала... и стала бледная-бледная.

— Ннне знаю, — пробормотала она.

— Зачем это вы вели такие содержательные беседы с Мариной Борисовной?

— Это всё она, — сказала Алёна. — Приходила сюда, когда Вероники Андреевны не было, и говорила про неё всякое.

— А вы слушали? — вкрадчиво уточнил Вик.

— А куда мне деваться-то было? У меня ж тут работа!

Вероника разъярённо сверкнула глазами, услышав про работу.

— Раз у тебя здесь, как ты говоришь, работа, то почему адресованные мне письма до меня не доходят?

Алёна опустила голову и молчала.

— Алёна, зачем тебе это всё? — спросила Вероника уже спокойнее.

Алёна молчала по-прежнему.

— Вероника Андреевна, сдаётся мне, вам нужен новый секретарь. Я поговорю с Анной Константиновной, думаю, она порекомендует кого-нибудь из штата «Продлеса» или около.

— Как новый секретарь? — вытаращилась Алёна.

— Я не готов терпеть откровенное вредительство.

— Я не подумала... Я думала — так, просто. Разыграем Веронику Андреевну.

— С госпожой Бойко за компанию? Так, Алёна Витальевна, рассказывайте всё и до конца. Тогда хотя бы пойдёте по собственному желанию.

Алёна Витальевна всё поняла правильно и забормотала про Марину, которая подходила и говорила — какой хороший новый шеф, будет заботиться о тебе и о твоих малых деточках тоже, хорошая партия во всех отношениях, только нужно его соблазнить. Зачем думать о Веронике Андреевне, своя-то рубашка поближе к телу будет!

Какая, мать её так, заботливая эта Марина, прямо деваться некуда!

Но Вик понимал, что поставь отец на это место Влада Вершинина, тоже, кстати, разведённого — дело могло бы выгореть. Влад любил, когда на него вешались, а ему не нужно было ничего делать для того, чтобы заполнить в свою постель новую девочку. И Влад

бы легко попробовал всех — и Алёну, и Марину, и девицу Сашеньку, и кто там есть ещё. А потом бы ловко между ними лавировал.

Впрочем, про себя он понимал, что в определённый период жизни тоже не отказался бы ни от одного идущего в руки предложения.

Тем временем Алёна рыдала, а Вероника сидела с яростно пылающими глазами.

— Вероника Андреевна, почему так-то?

Вероника помолчала немного, потом ответила.

— Наверное, потому, что я доверяла тебе и по работе, и вообще. Видела, что тебе непросто, и старалась помочь, если могла. Но раз всем своя рубашка ближе к телу — знаешь, я предпочту работать с человеком, который не станет пакостить мне исподтишка.

И Вик был с Вероникой полностью согласен.

Алёна собрала вещи и отправилась в кадры за документами. Вик шёл за ней следом до кабинета, и краем глаза успел заметить, как за его спиной к Веронике ворвалась Маргарита Романовна. Дверь закрылась.

Две девушки, Оксана и Оля, сидели в кабинете, а Марина Бойко — в отдельной крошечной выгородке за дверью.

Марина разулыбалась, стоило ей только заметить Вика, и пропела медовым голосом приветствие. Увидела Алёну, сделала большие глаза.

— Марина Борисовна, оформляйте Васиной увольнение по собственному, — сказал Вик.

Прищурился на яркий свет из окна и наблюдал за сценой.

— Алёнушка, что случилось? Ты нашла наконец-то хорошую работу? Тогда чего плачешь? — запела Марина уже по другому адресу.

— Из-за тебя всё, дура белобрысая! — вдруг рыкнула сквозь слёзы Алёна.

— Чего это из-за меня? — Марина уставилась на Алёну. — Косячила, наверное, вот тебя и погнало!

— А кто мне писал в Одноклассниках — ну хоть кофе на неё пролей, а? Кто говорил, что своими ушами слышал — шеф-то наш одинокий и несчастный, иди-ка ты, Алёна, его утешь, он только рад будет!

— Довольно, — сказал Вик.

Вроде негромко сказал, но обе почему-то дёрнулись.

Дальше он внимательно пронаблюдал, как Алёна писала заявление, а Марина делала остальное.

— Виктор Валентинович, расчёт же делаем сегодня на карту? — пропела Марина.

— Именно, — кивнул Вик.

Алёна поставила все подписи во всех положенных местах, подхватила сумку и отправилась восвояси.

— Глупая же, правда? — Марина улыбнулась хитренько и подошла близко к Вику.

— Ну да, не гений, — кивнул Вик. — А вы неплохо так этим пользовались, да? — достал планшет и показал помянутую уже сегодня переписку.

Марина читала и бледнела.

— Откуда вы это взяли? — прошептала она.

— Эта, как вы сказали, глупая особа не выключила компьютер и не закрыла браузер. И даже окошко с перепиской не закрыла. Осторожнее надо быть, когда гадишь, уважаемая Марина Борисовна. А теперь к делу: покажите мне больничные Чернышова и Куркина.

— А... разве с ними что-то было? Я о таком не знаю. Мне не подавали никаких больничных. И плюньте в глаза тому, кто вам про эти больничные сказал, — затрепетала Марина.

— У меня есть свидетельства о том, что их неделю не было на работе, — сообщил Вик, вновь сощурившись.

— Ничего не знаю, — замотала головой Марина.

— А о том, что Чернышов рассказал всё про колёса Ласточкиной и про два косаря от вас, вы тоже не знаете?

— Что он мог про меня сказать? Врёт он всё!

— Рассказал, как вы его вызвали в контору и выдали техзадание. И сказали, что если не выполнит — то все узнают про прогулы, это ведь не в первый раз случилось, как я понимаю. Только вы не подумали, что камеры видели и писали вашу встречу.

— И что теперь? — дернулась она.

— А теперь у меня на столе статистика по людям, прогулы которых вы покрывали. Догадываетесь, что дальше?

— Понятия не имею, — улыбнулась она.

Надо же, взяла себя в руки.

— Увольнение.

— Да ладно, — не поверила она. — А если договоримся?

— Это как же?

— А как скажете, — она подошла близко, смотрела в упор и говорила с придыханием.

— Для чего вы подбивали Васину и Татарникову за мной бегать?

— Ну... — улыбнулась Марина, кажется, даже подумала, что пронесло. — Они ж потом, если бы выгорело, были бы благодарны и таскали бы мне информацию. А какой кадровик без информации, скажите? Опять же Татарникову вы сами первым зацепили, вы же с ней ужинали, вот она и надумала себе бог знает что. Вы, правда, подумайте, я уж точно не хуже Ласточкиной!

— Хуже. Ласточкину ни разу не поймали ни на косяках, ни на вранье. Так что либо она человек приличный, либо делает свои дела так, что не подкопаешься. Свободны, уважаемая Марина Борисовна. Дела сдайте Оксане Валерьевне, — а если Оксана такая же дура, то и её отправим, пока же пусть работает. — На планёрку можете не ходить.

Вышел в кабинет, нашёл взглядом Оксану, невысокую плотную бурятку.

— Оксана Валерьевна, принимайте дела. Марина Борисовна нас покидает. Жду через четверть часа на планёрке.

В коридоре Вику очень удачно встретила Наталья Синяева, начальница девицы Сашеньки.

— Добрый день. Подскажите, Наталья Викторовна, Александра Татарникова очень ценный работник?

— Как вам сказать, — усмехнулась Синяева.

— Да как есть, так и говорите.

Она подошла близко и сказала очень тихо:

— Работник самый обычный, но у неё же отец в областной администрации.

О как. Не было печали, называется.

— Понял. Про администрацию не думайте, там, если что, задействуем тяжёлую технику. Александра работает до первого косяка.

— Ясно, — усмехнулась Синяева. — Ей можно об этом сказать?

— Думаю, нужно, — усмехнулся Вик в ответ.

Пойти к себе и хоть водички выпить, что ли.

Анна Константиновна смотрела озабоченно.

— Всё в порядке, Виктор Валентинович?

— О да. Проредил немного местное сообщество сплетниц. Кофе не нальёте?

— Непременно, — Анна Константиновна отошла, и мгновение спустя вернулась с чашкой и блюдцем.

На блюдечке лежали дольки шоколада с надписью на каждой — «Fazer».

— Что это? — удивился Вик.

— Это передала Вероника Андреевна. Сказала — вам понравилось.

34. Вероника

Шоколадом лечить печаль,

И смеяться в лицо прохожим

Марина Цветаева

Ночь она почти не спала. Слишком сильным оказалось всё, что вместилось в пролетевшие выходные. Ещё в пятницу на работе они были на «вы» и чужие друг другу, хоть в целом и казались симпатичными. А потом кофе на ноутбуке, гроза, подъезд, его губы... Дальше — хуже. Квест, танцы, посиделки у костра. Потом Сашка-дурашка видела её вместе с Виком — когда они зашли к нему за вещами. Конечно, она, в отличие от Сашки, была одета, но всё равно — пошла с шефом в его номер. На ней же не было написано, что они уже всё на сегодня решили, и он уезжает, а она остаётся!

Ну и вечер, тоже. Может он, видите ли, приехать под окна к своей девушке. А когда Вероника спросила — неужели уже всё решил, он даже как будто удивился. Привык сам решать за всех? Или привык, что на него все сами падают?

Нет, сказать честно — он очень хорош, просто возмутительно хорош. Хоть в лесных штанах и футболке, хоть в смокинге. Да и в обычном костюме — тоже. Голос его можно слушать вечно, а в его глазах легко тонуть. Угу, девушка одного из Ледяных. Кому рассказать — обхохочутся.

Нужно было обсудить это всё хотя бы с Ленкой. Обычно она была в курсе Вероникиных увлечений, и могла посмотреть на ситуацию со стороны и дать дельный совет. Как там — «и лишь безумец был способен так влюбиться»?

Вот-вот. Дурой ты, Ласточкина, родилась, дурой и помрёшь.

На работу она приехала первая, его машины ещё не было. Поднялась к себе и, чтобы успокоиться немного перед предстоящим неприятным разговором, взялась поливать орхи. Из семи фаленопсисов цвели пять, их нужно было поливать и протирать особенно осторожно, чтобы не испугались, и бутоны не отсушили и не сбросили.

Ледяной появился, когда она замачивала последний горшок. Улыбнулся так, что она едва сохранила остатки рассудка. Очень уж захотелось подбежать и обнять его. А нужно было собраться и работать.

Разговор с Алёной получился именно таким, как она и представляла — нервным и неприятным. Но работать с ней Вероника больше не сможет, исключено. Ругаться бесполезно, учить взрослого человека жить — тоже бесполезно.

Ледяной увёл Алёну в кадры. Вероника достала цветы из ведер и расставила по подоконнику и столу, под одобрительными взглядами пришедшей Маргариты Романовны. Та

оценила обстановку, сходила к себе, принесла каких-то умопомрачительных кофейных зёрен и сливок, и сделала им ещё кофе. Выслушала про Алёну и согласилась с Ледяным — нечего гадить там, где ешь. А секретарша новая найдётся.

Маргарита Романовна уже ушла к себе, когда на глаза Веронике попались остатки шоколада. Кажется, Ледянному зашло.

Она сложила несъеденные дольки в блюдце, унесла в приёмную и наказала Анне Константиновне — скормить начальству, ему это понравилось.

И до планёрки ещё успела зайти к Висюкову. Чтобы узнать — ноутбук не заводится, а информацию с жёсткого диска сохранить удалось.

На планёрку явились нетипичные люди. Вместо Димы Померанцева пришёл Серёжа Емельянов — придурок Димка лежал в больнице, и прогноз был — лежать ему там до конца недели. Жанны не было — вместо неё пришла Лариса Петровна. А вместо Марины Бойкс кадры представляла буряточка Оксана.

Ледяной первым делом объявил об увольнении Марины — неужели? Ну и слава богу! А потом попросил Оксану и Анну Константиновну разузнать про прилично работающего секретаря.

Далее обсудили формальные итоги корпоратива, но кроме травмы Померанцева ещё можно было обсуждать разве что остатки выплат по счетам. Лариса Петровна быстренько об этом и рассказала. Что если сегодня поступят суммы от клиентов, то сразу и оплатим. А Вероника подтвердила — должны поступить.

Ледяной удивил — похвалил всех, кто занимался организацией, и особо отметил квест. Распорядился дать создателям квеста премию. Также распорядился — бухгалтерии изыскать средства на новый ноутбук для финансового директора, взамен геройски погибшего. И вместе с техподдержкой сегодня же решить вопрос о покупке.

Потом проговорили первоочередные заказы этой недели — ну, кроме китайского. И Ледяной напомнил, кто именно за них отвечает — головой и рабочим местом.

А потом он объявил, что планёрке конец, а Емельянов, Демьянов и Ласточкина остаются, и ещё позвать из техподдержки Машкова. Ну да, дело к одиннадцати.

Иван Машков настроил большой шефов монитор, они сели вокруг, Анна Константиновна принесла всем кофе.

На площадке, с которой стартовали машины, вальяжно стоял Михаил Ледяной в костюме с иголки — когда только успел туда долететь. Он командовал процессом, в какой-то момент на большой монитор вывели изображение старшего Ледяного с напутствием, потом — господина китайца Фань Чэня. Потом девять громадных машин завелись и поехали.

— Дай-то бог, — сказал Паша. — А правда, что китаец ещё будет у Валентина Фёдоровича покупать, а нам заказывать доставку, если выгорит?

— Да вроде правда, — сказал Вик Ледяной. — Ключевые слова — если выгорит.

Потом ему звонили — кажется, как раз самый старший Ледяной по поводу выехавших машин. Вероника попрощалась — он кивнул, не выпуская из руки телефон — и пошла к себе.

Не успела она зайти и включить комп Алёны — надо же почту посмотреть — как в приёмную влетела, иначе не скажешь, Лариса Петровна. И начала с места в карьер рассказывать про свою племянницу, которая вот только сдала ЕГЭ, да хреновасто сдала, и баллов в приличный вуз, по ходу, не наберёт, и платить за обучение не особо есть, чем. И её,

конечно, затолкнут куда-нибудь на заочку, где подешевле, но хорошо бы и работу хоть какую-нибудь найти, так вот не возьмёт ли уважаемая Вероника Андреевна хорошую домашнюю девушку на место секретаря, коль оно у неё освободилось? За компьютером сидеть девушка умеет, а цветы ваши страхолюдные поливать научится...

Вероника отговорилась тем, что шеф уже поручил найти ей сотрудника, а так она бы конечно, она бы обязательно. Но откровенно говоря, брать девицу после школы, которая даже экзамены с трудом сдала, не хотелось. Вдруг найдутся варианты получше?

Вариантов получше ей до обеда успели предложить ещё три. Дочери, племянницы, соседки. И это ещё мама не в курсе, а то бы Катерину не то, что предложила, а прямо в офис притащила бы за руку. Ну да, работа в компании считается козырной, зарплаты здесь повыше, чем в среднем по городу.

На обеде Вероника пересказала всю эту мутотень Маргарите Романовне. Та только посмеялась. Сказала — найдётся секретарь, нечего переживать.

Часа в четыре Висюков лично привёз ей новый ноутбук. Большой и тонкий, красивый, серебристый. Но сказал, что устанавливать всё нужное и вообще настраивать будет уже завтра. Пришлёт кого-нибудь с утра. Вероника попросила прислать Машкова.

А уже в шестом часу в приёмной возник Ледяной. Улыбнулся и сообщил, что вот прямо сейчас их обоих ждут в «Продлесе» — господин китаец изъявил желание накормить-напоить иркутских партнёров. Ну ок, поедем.

В конторе Ледяного-старшего, кроме него, его супруги и господина китайца с супругой, присутствовал тот мужик, который сейчас за Вика Ледяного в отцовской конторе, Влад, кажется, зеленоволосая девушка Валерия, которую приставили к китайцам, и Серёжа Емельянов. Всех пригласили за накрытый круглый стол, и Вероника оказалась между Виком Ледяным и Владом.

Дальше было обычное — тосты, пожелания, беседы о перспективах. Говорили по-английски, кроме супруги китайца и Серёжи, им переводила Валерия.

Влад Вершинин (вот так его зовут, оказывается) взялся за ней откровенно ухаживать — спрашивал, что положить и что налить, подмигивал, пытался брать за руку. А потом Вик глянул на него — только глянул, Вероника была уверена, что ни звука не издал — но тот сразу же завял. Вот как бывает. Но она не в обиде, нет.

Перед десертом все вышли из-за стола прогуляться во дворике и подышать. И в этот момент к Веронике подошла Полина Николаевна.

Подошла, как хозяйка — спросила, всё ли ей нравится, как ужин, как компания. И как вообще работа, тоже спросила. И — изменилось ли что-нибудь с изменением начальства. Вероника чуть было не фыркнула и ответила — да всё изменилось. И, к счастью, в лучшую сторону. Нет, она не жалеет о смене начальства нисколько, всё к лучшему.

Графиня или кто там ещё эта дама — не важно, главное, она здесь хозяйка, и это видно. В курсе всего, что делает муж и сыновья. Интересно, сколько ей лет? Должна быть старше мамы, видимо, очень хорошо сохранилась.

Вик подкрался как будто на мягких лапах — тихо и незаметно. Поцеловал в щёку Полину Николаевну, взял под руку Веронику. Мать улыбнулась ему — нет, им обоим! — и пошла внутрь.

— Душа моя Вероника, я хочу пригласить тебя на свидание.

— Это как? — рассмеялась Вероника. — Мы ж и так каждый день видимся.

— Мы видимся по работе. А я хочу не по работе. Я хочу — о нас самих.

— Эк загнул — о нас самих.

— Да. Ты — как есть, и я — как есть. И всё.

— И куда же ты предлагаешь отправиться?

— Я корыстен, и предлагаю отправиться ко мне домой.

— Это куда?

Они же все живут в Листвянке. Не ближний свет, мягко говоря.

— На Декабрьских Событий. Я буду очень рад, если ты примешь приглашение и придёшь в гости. Точнее, если ты согласишься — тогда я сам тебя привезу.

— Но не сегодня же, — вырвалось у неё.

Времени-то уже — десятый час.

— Увы, — согласился он. — Завтра?

— Давай послезавтра. Завтра я уже себе заняла.

— Как скажешь, — кажется, он даже немного удивился.

Он думал, у неё не может быть никаких планов? Может, ещё как.

— Договорились. Придётся не сидеть на работе допоздна.

— Постараемся, — улыбнулся он. — Пойдём, кажется, нас ждут.

— Пойдём, — улыбнулась в ответ Вероника.

35. Вик

Все, что было — свет мой

Чистый и святой,

Все, что было — рок мой

Жадный и слепой...

«Ария»

Вторник начался отлично. Сначала Висюков отчитался о покупке компа для Вероники и о подготовке его к работе. После Анна Константиновна рассказала, что есть целых две проверенных девушки на место секретаря к той же Веронике. А потом ещё и сообщила, что явился по вызову не кто иной, как Руслан Петрович Яковлев, начальник смены, в которой трудились как уволенный Чернышов, так и вышедший в очередной рейс Куркин.

Это было интересно. О Яковлеве ребята Михаила Григорьевича узнали всё и даже больше. По документам у него всё было чисто: поездка в санаторий в Саянск. Обследование в поликлинике по месту жительства, на Волжской, диагноз — остеохондроз шейного отдела позвоночника, направление в санаторий, покупка путёвки и вот это всё, как говорится. Только вот абсолютно все документы оказались липовыми. В санаторий никто не ездил, Яковлев был дома, и нос из города не высовывал даже на дачу.

В справке значилось: сорок восемь лет, женат вторым браком, сын от первого брака живет отдельно, снимает квартиру. Вторая супруга — завуч в школе, преподаёт русский и литературу. Дети — школьники, мальчик и девочка, учатся там же, где работает мать, на горе над Свердловским рынком. И живет в новостройке в тех же краях, четырёхкомнатная квартира нехилой площади куплена год назад, не в ипотеку, а за наличные, продажа предыдущей квартиры покрывала чуть более половины стоимости. И машину поменял три месяца назад, неплохо так поменял. Не бедствует, короче. Ну, послушаем.

Вик напустил на себя вид безобидный и скучающий, и попросил Анну Константиновну пригласить клиента.

Вошёл. Такой весь из себя приличный — седые волосы хорошо стрижены, костюм не с рынка, галстук, рубашечка белая, а не хрен знает какая. Тёмные глаза смотрят уверенно и

прямо. Вежливо поздоровался.

— Добрый день, Руслан Петрович, присаживайтесь, — милостиво кивнул Вик. — И расскажите, где вы пропадали две последние недели. Очень уж противоречивые о вас сведения. Помогите разобраться?

— Не понял, — Яковлев уставился на Вика очень достоверно. — То есть, Виктор Валентинович, я же в санатории был.

И замолчал.

— А вы рассказывайте, рассказывайте. Очень, знаете ли, интересно.

Рассказал. О том, как защемило шею, и как якобы лечился. Ну, может шею и вправду защемило, но...

— Вот, собственно, и всё. И все документы я предоставил, — завершил Яковлев.

— Угу. Не расскажете, сколько стоит такой пакет документов? Или вы приобретали не пакетом, а в розницу? — поинтересовался Вик, как о чём-то само собой разумеющемся. — А то вдруг понадобится? Я хоть буду знать, куда идти, к кому и с какой суммой.

— Вы о чём? — не врубился тот.

— О том, что всё, что вы мне принесли — липа. Хорошо сделанная, качественная липа. Вы не покидали города, Руслан Петрович. Буду рад услышать вашу версию того, что случилось.

— А вдруг вас обманули? — Яковлев глянул остро и пристально.

— Понимаете, в чём дело, — Вик тоже умел глядеть, как надо. — Вас я вижу впервые и не знаю о вас ничего особо хорошего. А людей, которые вас для меня пасли, знаю давно и хорошо. Если у вас есть, что сказать, говорите. Если нет — дорогу в кадры вы, полагаю, найдёте.

— А если я буду оспаривать ваше решение в суде?

— Вперёд. Ещё есть такой пункт, как невыполнение обязательств по договору. Примерно в половине случаев этого самого невыполнения принимали участие водители вашей смены. Легко подтверждается документально. Как и наступивший вследствие этого ущерб. Ещё вопросы?

Вопросов больше не было. И то ладно.

Встал, вышел. Вик посмотрел в камеру — была у него такая игрушка на компе — и увидел, что Яковлев, не глядя, прошёл мимо Анны Константиновны, вышел в коридор, там достал телефон и принялся кого-то костерить. Сорвал злость, потом пошёл к лифту.

Вик позвонил в кадры, Оксане, и велел уволить Яковлева первым днём его как бы лечения в санатории.

Не успел выдохнуть — позвонил отец.

Наверное, цивилизованным языком эта фраза звучала бы как-нибудь вроде «Что там у тебя с дочкой Татарникова». Вик даже не сразу сообразил, кто есть дочка Татарникова, потом дошло — девица Сашенька несмелых двадцати пяти лет.

— Да ничего у меня с ней, пальцем не тронул, — сказал Вик.

— Вот я так и понял, — по голосу отца было понятно, что он смеётся. — Если что, я ему сказал, что ты помолвлен с племянницей Полинки, и виды на тебя иметь нечего. И счастье, что он нам ни за чем не нужен.

— Племянница Полинки — это наша Элка что ли? Упаси господи, — расхохотался Вик. — Или маленькая Доменика?

— Да какая к хренам разница? Я тут, понимаете ли, за ним подчищаю, а он ещё и

мнение своё имеет, — хрюкнул отец.

— Не подчищаешь, а помогаешь. Вот представь, ты бы зашёл в свой номер в гостинице, а там тебя на кровати ждёт обнажённая дева несмелых двадцати пяти лет, нахрен тебе не нужная ни в одежде, ни без, поглядел бы я на тебя. Заодно узнал бы, как следует выходить из таких ситуаций, чтобы потом ни за кем не надо было подчищать.

— Это что ли та девица вычудила? Которая Сашенька Татарникова? Кандидат экономических наук, гордость семейства и что-то там ещё? — не поверил отец.

Угу, помянутая Элка — доктор философии, а что может вытворить — лучше тебе, папа, не знать. А ты говоришь — кандидат наук.

— Именно, — сказал он вслух. — Её счастье, что я там оставаться не собирался так и так, а мог ведь и с лестницы спустить, очень уж она меня разозлила.

Отец отпустил несколько комментариев, которые мог позволить себе только в отсутствие Полиньки. О современных девицах и их безголовых отцах. Поржали вместе, на том и завершили.

И можно было уже думать о приятном. То есть о завтрашнем дне и неформальной встрече.

Сначала Вик хотел просто притащить Веронику домой. Привести, приманить, привлечь, что там ещё бывает. И вовсе не думал о том, что дальше. Ну то есть понятно, что дальше, но он-то хочет не просто пару раз в постель и до свидания, он хочет вообще. Хотя бы попробовать. Значит, надо планировать.

Приведением квартиры в порядок Вик уже озаботился. То есть — организовал. Завтра придёт Тамара Николаевна и всё сделает. Ещё надо с едой решить, но тут тётя Нина поможет, ей только дай фронт работ, она горы своротит. Или, по крайней мере, обеспечит доставку нужных продуктов. Дальше уж он справится, не маленький.

А самое главное — не накосячить. Чтобы Вероника не думала лишнего ни про себя, ни про него. И не передумала приходить, и не потерялась в процессе.

Но Вик и тут придумал себе некую руку помощи. Другое дело, что рука эта находилась за хреналион тыщ километров и ещё спала, скорее всего. Ничего, позвонить-то ведь можно и вечером из дома. Как раз проснётся.

А ещё говорят, что большие семьи с кучей разных запутанных связей — это зло. Ни фигу не зло, просто нужно уметь всем этим инструментарием правильно пользоваться. Не наглеть, не садиться друг другу на шею, но в нужных местах — стоять насмерть. Тем более, что чаще всего насмерть и не нужно. А нужно сказать пару слов, подержать за руку или обнять, помочь посмотреть на проблему с другой стороны, договориться, заплатить, или побить, в конце концов.

Вик воодушевился, и до конца рабочего дня вник в несколько текущих контрактов, а также в вечные вопросы оплаты ремонта машин и покупки запчастей. Последил на сайте, как ползут значки лесовозов, подъезжающих, кстати, к Иркутску. Между делом подписал приказ о принятии на работу секретаря для Вероники, имя ему ничего не говорило, но Вероника по телефону подтвердила, что вроде на первый взгляд всё ок. Также она подтвердила завтрашние планы, и можно было продолжать подготовку операции.

Дома Вик попытался оглядеть квартиру критическим взглядом. Квартира да квартира. Ну, его. Под себя всё и делал. Вот и будет сразу видно, что и как, если не понравится — то увы, говорить не о чем.

А принц Уэльский — как раз в плюс. Котов она любит, сама говорила. Не любила бы —

не вытащила бы из-под машины. Чарльзу была прочитана лекция о важности завтрашнего визита и о необходимости очаровать гостью прямо с порога.

После чего уже можно было загружаться на диван с едой, бокалом, котом под боком и телефоном. И звонить.

Подумал ещё, что лет так в двадцать и даже в тридцать ни за что бы не сделал того, что собирался сейчас. Потому что пёр напролом и думал, что так и надо. Иногда, конечно, обламывался, но не слишком часто. А сейчас облома быть не должно.

На том конце долго не отвечали. Но всё же ответили.

— Виктор, солнце моё, как я рада тебя слышать, — и ведь не врёт, никогда не врёт, когда она радуется — голос у неё очень характерно вибрирует.

И даже не получается злиться на то, что она, поганка, зовёт его полным именем. Правда, со своим французским акцентом и ударением на последний слог.

— Привет, Марго. Расскажи, как ты поживаешь.

— Всё хорошо. Все здоровы и довольны, галерея работает, я радуюсь жизни. Что у тебя?

— А у меня всё новое. Отец удружил новой работой.

— Слышала от Элоизы. Отцы — они такие, да, — рассмеялась она. — Но я счастливица, мой меня никогда ничем таким не загружает. Только если нужно пойти с ним на мероприятие и создавать ему положительный образ.

— Вот, ты мастерица по положительным образам. Помоги и мне. Нужно создать мой необыкновенно положительный образ.

— На твоей новой работе?

— Не совсем. В глазах моей новой девушки. А она как раз с той самой работы, и это проблема.

— Почему проблема? — удивилась она.

— Мне-то нормально, ей проблема. Говорит — мы разные.

— А вы разные? — усмехнулась Марго. — Неужели ты влюбился в секретаршу, и у неё ничего нет, кроме внешности?

— Нет, она мой финансовый директор.

Марго присвистнула.

— Ничего так. Вроде нашей Элоизы, да? В глаза посмотришь, а там циферки? А не циферки, так мудрёные цитаты?

— С циферками всё хорошо, да. Очень полезный и компетентный специалист.

— А кроме вашей работы, у вас есть что-то общее? Что вы оба любите?

— В лес ходить.

— Так это она, хватай и держи. Если девушка готова идти с тобой пешком в твой мокрый лес с комарами, и ещё тащить на себе свой скарб, как та черепаха — это, несомненно, твоя девушка, — Марго хохотала.

— В лес мы тоже ходим, в выходные, дай бог погоду. Я пока её просто в гости позвал.

— А она? Согласилась? — Марго обожала слушать чужие личные истории.

— Да, и вот теперь я боюсь накосячить. Представь только — я! боюсь! накосячить!

— Все нормальные люди иногда боятся накосячить, — Марго стала серьёзной. — Даже папа, представляешь?

Папа у Марго был боевой генерал. Нет, Вик не представлял его сомневающимся или опасующимся накосячить.

— Даже и вообразить не могу.

— Виктор, бросай сомневаться. Она нужна тебе?

— Да.

— Ты отвечаешь, не задумываясь, это хорошо. Что может отвратить её от тебя?

— Она говорит, что мы слишком разные. Что она — самая обычная девушка, и поэтому мне не подходит.

— В каком смысле обычная? Обычные девушки не бывают финансовыми директорами.

— Ну, она сама себя сделала. В смысле учёбы и карьеры.

— Говорю — как Элоиза. Она романтик?

— Не знаю.

— Все девушки романтики. Даже финансовые директора. Она не ждёт принца?

— Да какой я нахрен принц! Я это... мужик из тайги. Как отец. На принца у нас разве только Майк тянет иногда, — усмехнулся он. — Я уже даже привёл ей в пример отца и Полиньку, но она не уверовала.

— Тогда не будь начальником, будь нормальным человеком. Вы бы могли встретиться, если бы ты не был бы тем, кто ты есть?

— В теории — да. Мы даже учились в одном месте, на соседних кафедрах.

— Вот и представь, что ты с соседней кафедры. А не из кабинета директора, — снова рассмеялась Марго. — И она пусть представит себя девочкой-студенткой. Или придумай что-нибудь ещё. Мне всегда казалось, что ты умеешь понравиться девушке.

— Так вроде и нравлюсь, а вроде и... непонятно, короче.

— Я буду держать за тебя кулаки. Ты всё сможешь, — казалось, что она сидит рядом на диване и держит за руку.

— Спасибо за доверие, — усмехнулся он, потом добавил: — И вообще спасибо.

Кузина Марго долгое время была просто точкой на семейном древе. Точнее — на рисованной от руки схеме, которую они с Майком соорудили лет в десять, чтобы уложить в голове, кто есть кто. Они встречались большой семьёй не то, чтобы часто, обычно — раз в год на именинах Полиньки. А потом вдруг оказались в одно время в Лондоне.

Марго чему-то там училась — по своей искусствоведческой линии. Завязывала полезные связи, тусовалась и танцевала, в общем — жила на полную катушку. И когда отец решил, что местный нархоз необходимо заполировать лондонской Высшей школой экономики, то как-то само собой сложилось, что раз там сейчас живёт кузина Марго, то она поможет на первых порах — с жильём и всем прочим. Кузина Марго всегда была девушкой отзывчивой и в помощи не отказала. Кто ж знал, что жена Станислава не захочет жить в Лондоне, а кузина Марго вдруг окажется рыжей и зеленоглазой? Ну, то есть, она всегда такой была, да кто ж её рассматривал-то, ту кузину Марго? Ну девчонка, ну тусуется с Линни и Элкой, ну и что?

А когда Михаил Григорьевич подтвердил, что Станислава осталась в Иркутске, чтобы встречаться с другим мужчиной, совесть Вика заткнулась и ни разу больше голоса не подавала.

Марго... в общем, это был другой мир. Сумасшедший и очень телесный. Столько, сколько она, про человеческое тело и его чувственные возможности не знал, наверное, никто. Ну, может быть, ещё Элка. Которая приехала как-то навестить Марго, и с одного взгляда всё поняла. Расцеловала их обоих и ушла до утра из дома, сказала — есть дела. Наверное, и вправду были.

Они провели вместе год. Нет, это не была любовь в нормальном смысле слова. Вику ни разу не забрела в голову мысль о возможности семьи — в конце концов, они никаким образом не кровные родичи, это не было невозможным. Она просто была, просто своим присутствием рядом говорила о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

В течение этого года они вместе пережили его развод, её неудачную сделку, на которой она потеряла приличную сумму, и ничего изменить было нельзя, пожар в их совместной квартире и Элкину защиту диссертации. А потом он завершил свой курс, и на гулянке по этому поводу Марго познакомилась с парнем, который ненадолго стал её мужем.

Вику тогда казалось, что жизнь закончилась, и ничего столь же яркого и позитивного в ней уже не будет. Он сказал отцу, что не может сидеть в офисе, и как последний придурок, пошёл зимовать в тайгу, на лесозаготовки. Командовал там участком и работами на нём. Одичал, озверел. Еле дотянул до весны, потом послал всех родичей и прочих по известному адресу и поехал в Рим, к Полинке. Лежал на пляже до одури, хотел прогреться на всю оставшуюся жизнь, но только обгорел к хренам. Полинка не ругалась, нет, она сидела рядом и легко растирала по обожжённой коже мазь, которую прислала кухня Доменика, семейный врач, и от которой ожоги заживали, словно по волшебству.

А потом ещё приезжали и Элочка, и Марго, жалели его, сидели с ним на веранде и смотрели вместе на море. И вспоминали всё, что было.

Потом он поехал в Иркутск, Марго — в Париж, а Эла — в Лозанну. И всё стало, как сейчас. Разве что Марго с мужем вскорости развелась. И сказала — больше замуж не пойдёт ни за какие коврижки, разве что ей глянется кто-то из отцовских офицеров. Но, похоже, никто так и не глянулся.

Но с ней всегда можно было поговорить, и она никогда не отказывала ни в помощи, ни в совете. Рыжая зеленоглазая ведьма Марго.

Спасибо тебе, Марго, за то, что ты есть.

А сейчас — все силы на то, чтобы очаровать рыжую зеленоглазую Веронику.

36. Вероника

Так где же мы есть, и кто из нас кто, мы так и не поняли

Олег Медведев

Итак, кроме нового шефа, работа теперь радовала новым компом и новым секретарём.

С компом было просто — купили, привезли, настроили. Дэн Висюков был вежлив до липкости и сделал всё, что нужно, без единого возражения или уточнения. Потом Иван Машков дошлифовал.

С секретарём было сложнее — чай, не комп, а человек живой. С которым работать в постоянном контакте. Веронике предложили целую кучу девиц разной степени перспективности, и весь вторник пришлось заниматься собеседованиями. Точнее, что-то базовое собеседовали в кадрах, но поскольку с человеком именно что работать, нужно было посмотреть на кандидаток лично.

В итоге звёзды сошлись на девушке по имени Ольга Сергеевна Болотникова, у неё за плечами был факультет журналистики, но в профессию она не пошла — не сложилось, не было интереса в том, чтобы искать информацию и потом подавать её в определённом формате. И она уже три года работала секретарём. Она пришла последней, во вторник, уже ближе к вечеру, но в кадрах этому делу был дан свыше зелёный свет, поэтому остановились на том, что в среду Ольга выходит и начинает работать.

Новая секретарша была темноволосой, коротко стриженной, внимательной и

молчаливой. Пока сказать больше было нечего.

Вечером Вероника зарулила в гости к подружке Ленке. Происходящее нужно было с кем-то обсудить, оно жгло и рвалось изнутри. Они засели на Ленкином балконе с вином, ужином и семечками, и Вероника рассказала всё-всё. Так-то особо рассказывать было пока ещё нечего — ну, говорили, танцевали, целовались. Ленка выслушала и сказала, что нечего париться, нравится мужик — бери и пробуй. Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном.

Значит, нужно пойти и сделать.

В среду Ольга вышла работать, и всё время до обеда Вероника потратила на объяснение местной специфики. На обед Маргарита Романовна предложила взять девушку с собой, а дальше, мол, освоится, и пусть ходит, с кем хочет.

После обеда возникла нужда ехать в банк. Вероника подумала и сообразила, что она может задержаться там достаточно надолго, но если вдруг нет, то не будет возвращаться на работу, а рванёт домой. В конце концов, свидание у неё сегодня или что?

Всё сложилось хорошо, и дома она оказалась перед пятью часами. И — о чудо! — дома была только собака Муха, которая Веронику радостно облаяла и попыталась облапать, но не вышло, комплекция не позволила.

Собака Муха получила еды, фиалки на балконе — воды, а потом уже пришла пора подумать и о себе. Вообще ничего конкретного проговорено не было, но Вероника полагала, что возможны два варианта — либо она вернётся домой в течение ночи, либо уже утром. Вариант «сбежит через полчаса» она отбросила, всё же Ледяной не выглядел человеком, от которого только бежать.

Стоп. Ну да, от него надо было бежать. Но уже поздно. Да и надо ли, в самом-то деле? Что такого в отношениях на работе? Не о том ли мечтает половина баб и девок в конторе, и замужних, и просто в отношениях, и свободных? Хоть попробовать, каково это. Скорее всего, он разочаруется в ней, и романтическая история тихо свернётся после единственного свидания. Поэтому вперёд. Продолжения не будет, переживать не о чем.

Ну и очень интересно, конечно, как живут богатые люди. По слухам, у его отца огромный дом в Листвянке. Ну да, где ещё такому жить? А Вик сказал — на Декабрьских Событий. Интересно. Договорились, что он приедет в семь. Хорошо бы не засветиться никому из домашних, работой уже не отговоришься.

Пока думала, Вероника привела в относительный порядок свою особу — помылась сама, помыла голову, высохла, накрасилась. Помывка требовала усилий, потому что горячую воду отключили ещё в понедельник утром, а вернуть обещали только в пятницу. Надела красивый кружевной комплект белья — не в кино же и не в театр, ясное дело, надо играть по правилам. И лёгкий сарафан из тончайшего батиста, вышитого мелкими цветочками. Сшитый прошлым летом на заказ. В обычной жизни носить его было некуда — не на работу же и не на дачу в таком. И встречаться в нём с подружками тоже как-то не с руки. А тут пригодился.

В последний момент она ещё сунула в сумку дорожную зубную щётку. Не понадобится — и ладно, не задавит.

Без пяти семь чёрный внедорожник уже стоял у подъезда. Вероника написала записку «Ушла в гости, буду поздно или утром», потрепала по широкому загривку собаку Муху и отправилась вниз.

Вик увидел, что она вышла из подъезда, выбрался из машины и открыл ей дверь.

— Какая же ты красивая, Вероника, — говорил негромко, улыбался.

Она хотела уже сказать что-нибудь вроде «я обычная», а потом тормознула. Блин, роскошный мужик приехал за ней на крутой машине и говорит комплименты. Такое бывает раз в жизни, если вообще бывает. Надо радоваться, хоть будет потом, что вспомнить в старости!

Вероника подняла на него взгляд и улыбнулась. Не специально, нет, просто ему невозможно было не улыбаться. Ему даже суровая Анна Константиновна улыбается, Вероника видела.

Они приехали на тот берег и какими-то огородами, в объезд вечерних пробок вырулили на Декабрьских Событий. Там не так давно, год назад, наверное, или даже меньше на месте пары сгоревших памятников архитектуры XIX века поставили две здоровенных башни, только ленивый не фотал эти башни на фоне окрестных остатков деревянного зодчества. Машина въехала во двор.

Домофон, подъезд, лифт.

— Ты как к высоте относишься? — вдруг спросил он.

— Нормально, а что? Высокий этаж?

— Ага, самый верхний, — сверкнул улыбкой он.

То есть семнадцатый. Круто!

— А крыша не течёт?

У Вероники в девятиэтажке местами течёт. Поэтому любопытно. Так-то новостройка, но всё равно.

— Попробовала бы, — усмехнулся он.

Тем временем они поднялись наверх, Вик отпер элегантную железную дверь. Приоткрыл её осторожно, заглянул внутрь и только потом открыл широко и пропустил вперёд Веронику.

— Проходи быстро, — сам зашёл тоже быстро и закрыл дверь за её спиной.

Шмяк, бряк, топ-топ-топ. Откуда-то на хорошей скорости выкатился не до конца проснувшийся полосатый котёнок. Он тянулся, принюхивался, потом подошёл к Веронике и стал её изучать. Да-да, принц Уэльский Чарльз, собственной мохнатой персоной.

Надо сказать, за десять дней он увеличился примерно вдвое. Шёрстка блестела, мокрый нос изучал новое лицо. Вероника дала ему обследовать руку, а потом сгребла его этой рукой и подняла.

Котёнок с интересом её обнюхивал — как же, столько новых запахов, да ещё и собакой по-любому пахнет.

— Ну как тебе крестник? — улыбнулся Ледяной.

— В отличном состоянии, — рассмеялась она. — Растёт и хорошеет. Ты не отвёз его в Листвянку?

— Я решил, что он будет только мой, не семейный. Ну, или наш, — подмигнул, убрал кроссовки в обувную полку. — Ты проходи, проходи. Кот никуда не денется, а вот ужин ждать не будет.

— Ужин? — переспросила она.

Интересно, как он организует этот самый ужин.

— Я вечером обычно голоден. А тебе пока предлагаю осмотреться.

Вик прошёл куда-то внутрь, и Вероника пошла следом.

Квартира состояла из приличного размера прихожей, туалета и ванной, и двух комнат. Дверь в одну из них была закрыта. Вторая представляла собой совмещённую с кухней

студию — в два окна, с большим балконом. Только вот балконной двери почему-то не было.

— А как ты закрываешь балкон? — удивилась Вероника.

— А никак, — пожал он плечами.

— Он у тебя тёплый что ли?

— Именно, — рассмеялся Вик. — Что поделать, я люблю сидеть там и смотреть на город. Преимущественно на ночной, днём некогда.

— Круто, — восхитилась Вероника. — Я только мечтаю о таком деле, для цветов. Чтобы не таскать туда-сюда на лето, а стояли бы там всегда и всё.

— Знаешь, я думал о каких-то растениях, но у меня не хватает квалификации. Я не ботаник.

— Дать тебе фиалок? Я пару раз в год раздаю всем вокруг, могу и тебе выдать, как рассаживать буду.

— Обсудим, — он снова подмигнул, вытер вымытые руки чистейшим полотенцем, включил навороченную печку, полез в холодильник.

— Говори, что делать, — Вероника тоже помыла руки.

— Сказал же — осматриваться, — усмехнулся он.

— И всё? А тебе помочь?

— А я справлюсь, не маленький.

Вероника пошла осматриваться. Балкон был полностью стеклянный, с окнами до пола, прикрытыми элегантными полупрозрачными шторами. Там стоял столик и пара плетёных кресел, и всё. И мягкий коврик на полу, по нему было очень приятно ходить босиком. Кухня отделялась от комнаты высоким столом типа барной стойки, возле него — пара высоких табуреток. Сейчас на этом столе Вик выкладывал из контейнера какие-то очень симпатичные на вид куски мяса. Вокруг вертелся Чарлик и требовал свою долю.

— Если хочешь поучаствовать, дай коту поесть, — Вик достал из холодильника блюдо с мясными обрезками.

Кусочки уже были специального небольшого размера, оставалось только класть их по одному в котовую миску, а кот их стремительно уничтожал. Было интересно, что случится раньше — кот насытится или мясо закончится. Пока кот ел, нахваливал и просил ещё.

Кухонная мебель элегантного серого цвета. Видимо, заказывал специальную, под габариты квартиры. Рядом с раковиной посверкивал ручками ценный агрегат посудомойка. Сверху стояла микроволновка, затем кофемашина. Кофеварка гейзерная большая, кофеварка гейзерная маленькая. Турка раз, турка два, турка три — все разного объёма. Кажется, кто-то кофеманьяк. Впрочем, там же стояли три заварочных чайника.

Тем временем мясо кончилось. Кот повякал немного, потом понял, что всё, и удалился на диван, где принялся вылизываться.

Ванная и туалет впечатляли размерами, чистотой и навороченной сантехникой. Ну ладно, туалет это просто туалет, и унитаз это просто унитаз, а вот ванна занимала почти всё отведённое помещение, место осталось только чтобы впахнуть ещё раковину и небольшую стиралку, и явно содержала какие-то навороты. По кафельной плитке плыли парусные корабли, медузы, киты и осьминоги. Минимум флаконов с моющими средствами, флакон с парфюмом — о да, так от него обычно и пахнет, единственная зубная щётка в стакане.

Вероника вышла и поинтересовалась:

— Скажи, неужели ты сам поддерживаешь эту идеальную чистоту?

— Нет, — пожал он плечами. — Не сам. Ну то есть могу и сам, но я лучше где-нибудь в

другом месте пользу принесу. У меня есть чудесная женщина Тамара Николаевна, её муж работал на отца, но умер от инфаркта в позапрошлом году. Дети у неё взрослые, их пасти не надо, она хотела чем-то заниматься, я предложил ей работу. Ну то есть не то, чтобы вот прямо пришёл и предложил, там была сложная цепочка через тётю Нину, она у нас по семейному хозяйству. Однако сложилось. Тамара Николаевна приходит раз в неделю, приводит тут всё в порядок и получает прибавку к пенсии. А у меня чисто. Всем хорошо. За продуктами я тоже сам ездить умею, и даже ходить, но проще бывает договориться с той же тётей Ниной, она организует, чтобы что-нибудь закинули.

— Кто это — тётя Нина?

— Младшая сестра отца. Она уже лет двадцать пять занимается организацией всей нашей жизни в плане хозяйства. У неё очень круто получается, все довольны. Фактически, она — наш управляющий. Дом в Листвянке, три квартиры в городе. Уборка, закупка продуктов, при необходимости ремонт. В Листвянке ещё и сады-огороды, цветочки там всякие и огурцы с помидорами. Типа прикольно, когда свои. Она не одна, у неё штат сотрудников для всего этого дела, и домашнюю бухгалтерию тоже она ведёт и всё учитывает.

— Прямо современная версия фамильного имения.

— Ну да. Дед приобрёл маленький домик в Листвянке, потом уже в начале девяностых постепенно прикупил четыре соседних участка. А отец построил нынешний дом и сделал всё так, как есть. К слову, меня просили передать тебе приглашение в гости в Листвянку. Но я сказал, что сначала ко мне, а туда уже потом. Так что передаю, обращай.

— Что именно сообщать? — рассмеялась она.

— Когда поедет, — пожал он плечами.

А сам тем временем укладывал на сковородку куски мяса, обваленные в чём-то, наверное, в приправе.

— Я подумаю, спасибо, — пробормотала она.

Большая комната была практически пуста. Диван, хороших размеров телевизор, ещё один маленький столик рядом, и всё. Ой, ещё одна дверь.

— А что за дверь? — спросила она.

— Кладовка, — он выложил все куски мяса на сковороду и достал из холодильника помидоры. — Посмотри, если хочешь.

В кладовке тоже было прибрано. Полки с ящиками и чем-то ещё, явная туристическая одежда-обувь, котелки, топоры, походные горелки, ещё какое-то снаряжение. Коробки с просто обувью, какая-то одежда в чехлах. Ящик с инструментами. Ну, у Вероники даже две кладовки, она знает, как это круто, когда в квартире есть кладовка. Только они обе барахлом под завязку забиты, не то, что у него.

За второй дверью оказалась спальня. Почти всю комнату занимала кровать, возле неё была небольшая тумбочка. И ещё шкаф-купе с большим зеркалом в одной из створок. И всё.

Вероника вернулась в большую комнату, хотела сесть на диван, но заметила, что вся стена над ним увешана чем-то. Картинки в рамках, разного размера. Нет, фотографии. Десятка три. На фотографиях она легко опознала Вика, его брата и его отца. Ещё — Полину Николаевну. Эти люди встречались чаще других, и ещё девушки — пепельноволосая, рыжая и две темноволосых, сильно похожих на Полину Николаевну.

Некоторые фотографии были чёрно-белыми. Вероника с удивлением узнала молодых Валентина Федоровича и Полину Николаевну, оба были необыкновенно красивыми и смотрели друг на друга, не сводя глаз.

На самом верху, почти под потолком, в центре верхнего края композиции (а Вероника теперь не сомневалась, что это именно композиция), ещё на одном чёрно-белом фото совсем юный Валентин Федорович в костюме держал под руку стройную светловолосую девушку в свадебном платье. И по стилистике эта фотография очень напоминала свадебные фото родителей Вероники. Или даже раньше... Девушка с фото была необыкновенно похожа на Вика. Или — Вик на неё? Что-то странное есть в этом моменте.

— Вик... можно спросить?

— Что угодно, — с готовностью отозвался он.

Как будто специально дал ей время всё рассмотреть.

— Вот скажи, твой брат похож на вашего отца — лицом, ты похож на него глазами и комплекцией, а на кого ты похож всем остальным? На Полину Николаевну не похож никто из вас.

— Так и должно быть, — Вик выключил печку, сдвинул сковороду и подошёл к ней. — Мама Полинька родила Линни. А мы с Майком — сыновья мамы Наташи. Моя масть — от неё. Они познакомились с отцом, когда он только закончил учёбу и приехал сюда навестить семью, перед первой работой. Так-то он выпускник МГИМО и начинал на дипломатической службе, ему старший брат деда Фёдора Ивановича помог, Николай Иванович, крутой был человек, в Москве обосновался, жил и работал. Отец и мама Наташа познакомились в какой-то компании одноклассников, что ли, они были ровесниками. И довольно быстро поженились. Родился я, потом Майк. А потом у неё нашли онкологию. И ещё она ждала третьего ребёнка, девочку. В общем, их не спасли, обеих, никакие знакомства не помогли. Как отец не рехнулся — я не знаю, честно. Мне было четыре, Майку трёх ещё не исполнилось, мы оба и помним-то всё это скорее как рассказ из семейной истории, чем как что-то иное. Ну и потом дед задействовал все связи, плюс его брат тоже — и отца отправили в длительную командировку, в Италию. Не в одиночку, конечно, а в составе группы, что-то они там делали. И попали на очень пафосный приём — типа местные аристократы для разных дипломатов. И там отец встретил Полиньку. Представь, да — девочка-красавица, студентка, аристократка — и вдовец. Из Сибири. Как бы нереально от слова «совсем». Но у мамы Полиньки была, соответственно, её мама, бабушка Доната, а у той — сестра-близнец, бабушка Илария, я её всегда побаивался. Она так смотрела, что казалось — видит всех насквозь. И вот та самая бабушка, говорят, сказала — это судьба, быть им вместе, а если не быть, то тоска-печаль и никакой жизни, и всё такое. И всё сложилось. Ну ты понимаешь, меня там не было, это уже из области семейных преданий. Отцу отдали Полиньку в жёны, или отца Полиньке, я уж и не знаю. Но никаких препятствий не было. Разве что дипломатическая работа у отца накрылась, и пришлось уехать в Иркутск. Но он и здесь не пропал. А Полинька поехала с отцом, и стала нашей с Майком ещё одной мамой. А потом родила Линочку. Линни как раз вылитая Полинька, у них в родне так — все очень похожи друг на друга.

Вик замолчал, Вероника стояла, ошарашенная. Вот как, оказывается. Подошла ближе, молча обняла его.

— Ничего себе как у вас, — вздохнула. — У меня мама одна, а отец Катерины быть моим ещё одним отцом не стремился, ну да это не такая интересная история. И что, вы общаетесь с роднёй Полины Николаевны? Кстати, почему она Полина Николаевна?

— У неё есть титул, право на который она сохранила и после замужества. Но она даже у себя дома Полина Ледяная. Разве что фамилию немного коверкают на итальянский лад. Да.

мы общаемся, и очень хорошо общаемся.

— А здесь кто? — Вероника показала на фото, где с братьями Ледянными в обнимку стояли две юных копии Полины Николаевны, одна с косой, вторая с распущенными буйными кудрями.

— Это Линни и Эла, — как будто это что-то объясняло. — Сестрѐнки.

— Так сколько у тебя сестѐр?

— Там тоже сложно. У Полинки была двоюродная сестра, Розамунда, дочь той самой суровой бабушки Иларии. А у неё, в свою очередь, ещё две дочери — Нора и Эла. Так вот, тѐтя Розамунда с дядей Жеромом погибли в автокатастрофе, когда Эле, младшей, было шесть лет, она нашей Линни ровесница. И дальше их с Норой воспитывали отец с Полинкой, а ещё семья старшего брата дяди Жерома. Они французы, тоже до фига аристократы, у них дом в Париже и настоящий замок. Ну да у Полинкиной родни тоже есть замок, только недалеко от Рима. В общем, Элка нам с Майком и Линни как ещё одна сестра. И двоюродная сестрѐнка Элки Марго — тоже. Короче, у нас тот ещё Евросоюз, но мы хорошие, правда. Линни профессионально занимается музыкой. Эла — крутой аналитик, а ещё доктор философии. Марго — искусствовед.

— Скажи, — Вероника как-то не находила слов, всё это было как будто из другой реальности, — а твою вот прямо сестру, которая дочь Полины Николаевны, как на самом деле зовут?

— По паспорту она Лианна Валентиновна, — рассмеялся Вик. — На сцену выходит как Лианна Леджини. А для нас — Лина, Линн и Линочка. Ну, мы с детства друг друга так зовѐм — я Вик, брат — Майк, она — Линн. Жена Майка Алиса — она Лис, у них с Майком троѐ детей. У Лины тоже есть дочка, Аннушка, ей восемь лет, она сейчас в Листвянке, у деда на каникулах.

— Постой, я, кажется, что-то такое слышала. Фамилию. Но это было вроде про оперу? — Вероника и вправду слышала.

Но это же реально из другого мира.

— Ну да, всё верно, Линн поѐт в Ла Скала, второй год солистка, меццо-сопрано. Приедет — познакомишься. Она классная.

Вероника села на диван и молча на него смотрела. Слова кончились.

— Знаешь, мне надо это всё уложить в голове, — сказала она.

— Укладывай. И будем ужинать, — он легонько поцеловал её в макушку и пошѐл на кухню.

Ужин накрыли на балконе. Хитро поджаренное мясо, салат из помидоров и моцареллы, хлеб тонкими ломтиками, вино. И Вик сам притащил на стол все потребные приборы, и бокалы-стаканы, и даже салфетки. Ну то есть уборщица и тѐтя — да, но он и сам что-то может. Это было несколько удивительно, но — вот так.

Вид с семнадцатого этажа и вправду оказался весьма и весьма. Вероника любила вид на Ангару и другой берег со своего балкона, но тут ещё круче.

— За нас? — он разлил вино.

— За нас, — согласилась она.

Мясо оказалось сочным и прожаренным так, как ей нравилось.

— Всё очень здорово, это удивительно, что ты умеешь готовить, — улыбнулась Вероника.

— А ты думаешь, раз деньги есть, то и рук не надо? — усмехнулся он.

— Да я ничего особенного не думаю, — пожалала она плечами. — У меня нет опыта близкого общения с настолько богатыми людьми.

— Думаю, все они разные и общих правил не так много, — улыбнулся он.

— А помидоры — неужели с огорода?

— Так рано же ещё. Полинька давно предлагает выращивать помидоры и что там ещё на задворках её римского дома, но отцу нужно, чтобы вот прямо здесь.

— А у неё есть римский дом?

— Конечно, у неё там вообще имущество. За ним нужно приглядывать. Ну и она очень тяжело переносит нашу зиму, она так и не привыкла. У них-то в нашем понимании зимы вовсе нет.

— И они с вашим отцом вместе, несмотря на всё это?

— Именно. Я не знаю более дружной пары. Или хотя бы такой же. Разве что, может быть, дядюшка Жан и тётушка Женестье, родители кузины Марго.

— А, те самые французы. А они чем занимаются?

— Дядя Жан — военный. Тётушка Женестье — преподаватель старофранцузского языка в Сорбонне. У них ещё два сына, старше Марго, Филипп — он управляет семейным имуществом, и Поль, он журналист. У всех жёны и дети.

— А это правда, что у тебя была жена?

— Правда, — спокойно ответил он.

— И где она сейчас?

— Живёт сама. Кажется, в Испании.

— И почему вы не вместе?

— Потому, что кто-то перепутал небо со звёздами, отражёнными ночью в поверхности пруда. Наверное, это был я.

Несмотря на сложность момента, Вероника фыркнула — она узнала цитату.

— И что теперь? Ты больше не путаешь?

— Мне бы этого очень хотелось. Не путать и вообще жить дальше, — мягко улыбнулся он.

37. Вик

Я спросил тебя — зачем идёте в горы вы

Владимир Высоцкий

Он смотрел на неё, сидящую рядом, такую близкую и такую закрытую. И думал — не ошибся ли, пригласив домой, и рассказав все семейные легенды. Не все, конечно, но главные. Вероника — нормальный человек, ей это зачем?

С другой стороны та девушка, с которой ему пытаться жить, по-любому будет частью семьи. И если у неё с семьёй не сложится — ничего не выгорит, мы это уже проходили. Поэтому нужно было рассказывать. А теперь нужно идти дальше.

— Я сильно пригрузил? — спросил он.

Она помолчала пару секунд.

— Нет. Наверное, нет. Просто... это всё как из параллельной реальности.

— Так и должно видаться, наверное. Но мы привыкли, как-то справляемся. Не молчи, пожалуйста, говори, что думаешь.

— Я, наверное, думаю, что в Иркутске любая будет для тебя слишком вульгарна или слишком незначительна.

— А может — наоборот, это я тут сижу, как неведома зверушка, перед нормальным человеком?

— Я думаю, ты привык. Ты же явно встречался с девушками до меня, и явно они спрашивали тебя, что да как.

— Неправильно думаешь. То есть с девушками, безусловно, встречался, но ни о чём они меня не спрашивали.

— Ты не позволял им рассматривать свою фотоинсталляцию?

— Я их сюда не приводил.

Она удивлённо посмотрела на него.

— А почему?

— А зачем? Так-то проблема «где встретиться» давно уже не стоит.

Она замолчала.

— И чем я отличаюсь?

— Не знаю, — улыбнулся он. — Но определённо отличаешься. Скажи, ты любишь чай с травками?

— С какими травками? С саган-дали?

— Да, и ещё с багульником, или с чабрецом? Багульника у меня даже цвет есть, не только листочки, успел съездить, пока не завертелось.

— Да, люблю. Дома все, кроме меня, пьют пакетики, и у меня уже нет сил отстаивать нормальный чай из заварки.

— Тогда пошли пить чай, — Вик поднялся и пошёл внутрь.

Ткнул чайник, взял маленький заварник и красивые чашечки с блюдцами. Насыпал чаю и листиков. Заварил. Сгрузил всё это на столик у дивана.

Кот проснулся, потянулся и заворчал. Вероника села на диван и принялась его гладить, вот и хорошо.

— А черешню ты любишь?

— Кто же её не любит, — улыбнулась она, не отрываясь от кота.

На столик добавилась тарелка с черешней, вино и бокалы. Вик сел рядом с ней, чтобы вот прямо касаться — боком и ногой.

— Скажи, если бы я не был тем, кто я есть, и мы бы просто познакомились в компании, было бы проще?

— Но это ведь уже не так, — пожала она плечами. — Не знаю.

Вот рационалка чёртова!

— Ну, скажем, в твоей походной тусовке? — Вик сам не знал, почему вспомнил именно про походную тусовку. — Там же на людях не написано, кто есть кто.

— Да, — она соглашалась, но смотрела всё ещё на кота.

— Вот представь, идём мы, например... ну, на пик Черского. Ходила?

— Ходила, — улыбнулась.

Хорошо.

— И у нас компания человек в семь, из них одна ты, троих ещё ты нормально так знаешь, и ещё трое новенькие.

— И ты — один из новеньких, — ну наконец-то смотрит!

— Именно, — кивнул он с воодушевлением. — У тебя палатка есть?

— Есть.

— Какая?

— Двухместка, приличная, года два назад покупала.

— Ну вот. А мой знакомый, который меня зазвал, и кстати, я думаю, если поискать, то мы такого знакомого даже найдём, город-то маленький, так вот он сказал, что есть место в палатке у одной хорошей девушки. Мы с тобой списались, например — в ВК...

— Нету у тебя аккаунта ВК, — улыбнулась она.

Ух ты, проверяла! Круто.

— Ну да, на самом деле нету, но мы-то придумываем историю, так? Не хочешь ВК — будет ФБ, там есть. И я тебе написал, честно предупредил, что набиваюсь в твою палатку, и предложил взамен взять широкий модный коврик на двоих и такой же спальник. Ну, раз я жить к кому-то напрашиваюсь, так хоть со своей мебелью, — рассмеялся он.

— А что за коврик? — заинтересовалась она. — А то у меня есть, но его фиг сдуешь потом, только локтями и коленями.

— Покажу потом, тоненький такой, крутой, сам надувается. Как раз на двухместку. И спальник тоже большой, вдвоём в нём тепло.

— Вдвоём? — сощурилась она.

— Конечно. И весит меньше, чем два по отдельности. А если тебя это беспокоит, могу, например, забрать у тебя палатку к себе в рюкзак, а тебе дать спальник, палатка-то явно тяжелее!

— Ну предположим, — она смотрела заинтересованно

Вик налил вина, дал ей в руку бокал, сам взял второй.

— Кстати, где заходим?

— В смысле — где? Что ли есть варианты?

— Ну да. Как все люди по Слюдянке, или как некоторые по Старокомаринской дороге.

— Это где на джипах ездят что ли? С Вербного?

— Ага.

— Я в те края за брусникой ходила. Недалеко, часа четыре от станции. Но говорят, там до метеостанции идти дольше раза в два.

— Зато не всё время вверх, а только сразу от железки, потом выходим на дорогу и идём по дороге — то вверх, то ровно, то вообще вниз.

— И сколько идти?

— День и ещё немножко. Если до метеостанции. До Подкомарной подольше, ну, сама знаешь.

— Угу, — она определённо знала и смотрела заинтересованно.

— И если стартовать, скажем, не на утренней слудянской электричке, а на предыдущей вечерней, то там останется только подняться, скажем, до ЛЭПки, и встать. А утром уже дальше корячиться. Представила?

— Да, — кивнула она.

— Вот и смотри. Пришли, поставились, чаю на газе вскипятили с бутербродами какими-нибудь, а то и пожрать сварили. Посидели, на звёзды посмотрели да и спать пошли.

— И?

— А ночью в лесу, душа моя Вероника, я хорош необыкновенно. Я большой и тёплый, это, сама понимаешь, ценность. Только когда кожа к коже, так теплее, поверь, — операция по захвату Вероники руками в плен была произведена успешно, разве что принцу Уэльскому

не понравилось.

Вик взял его под брюхо и сгрузил на диван рядом.

Под лямкой платья на плече Вероники нашлась ещё одна — белая, ажурная, кружевная. В полумраке да на загорелой коже она всё равно что светилась.

— И тебе не будет тесно, душно или влажно? — рассмеялась она.

— Нет, — он сначала поцеловал её, а потом продолжил. — Мне будет хорошо. И я сделаю всё, что смогу, чтобы и тебе тоже было не хуже. И чтобы будущее утро было определённо лучше предыдущего.

— А будет ещё и утро? — она наконец-то обхватила его руками.

— Ну, обычно за ночью наступает утро, — наконец-то поцеловать и губы, и шею, и плечо...

— Вроде бы ещё не ночь?

— Так вечер всегда сменяется ночью. Как после зимы наступает весна, непременно, что ни делай. Точнее, для этого ничего делать не нужно, оно случится само. А вот уже как нам быть ночью и зимой — да как сделаем, так и будем.

— Не могу не спросить — как сделаем?

— А увидишь.

Он поднялся и открыл дверь в спальню, сдёрнул покрывало. Вернулся, подхватил её на руки, утащил на кровать.

И снова закрыл дверь — потому что обойдёмся без кота.

38. Вероника

Держи меня, ночь, качай меня, неси меня вверх

Олег Медведев

Она решила открыть глаза... нет, мир не рухнул. Просто что-то в жизни пошло по-другому в тот день, когда на её пути возник Вик Ледяной.

Даже если больше ничего не будет, она уже счастлива и благодарна ему за эту ночь. Да-да, за окном светало. Было что-то фантастическое в том, чтобы забить на сон и на весь окружающий мир, и остаться здесь, сейчас и друг с другом.

И узнать так много нового о мужчинах и о жизни вообще.

Он опирался на локоть, смотрел на неё и улыбался.

— Вероника, ты чудесная, ты знаешь об этом? Полное совершенство во всех отношениях.

— Попробую поверить, — улыбнулась она. — Но у тебя сегодня определённо бонус к убедительности.

— Я рад. Принести чего-нибудь?

— Воды, — сказала она, подумав.

Он ушёл, вернулся. Она села на постели, взяла чашку.

С невнятным мявом подтянулся из большой комнаты кот. Заскочил на кровать.

— Эй, твоё высочество, шёл бы ты? — спросил его хозяин.

— А вообще где он обычно спит?

— Да здесь, со мной, где ж ещё, — проворчал он.

— Ну так он просто к себе пришёл, — рассмеялась Вероника.

Отдала чашку, дождалась, пока Вик уберёт её и вернётся под простыню. Обняла его в ответ. Кот забрался на ноги Вероники и принялся там гнездиться.

— Вероника, давай жить вместе? — вдруг спросил Ледяной.

— Что? — она даже пришла в себя.

— Что слышала, — рассмеялся он. — Что ты думаешь о том, чтобы перебраться жить на семнадцатый этаж? Здесь тебя всегда будут ждать два преданных поклонника, двуногий и хвостатый. Оба, видишь, прилепились к тебе, и не можем отлепиться. Нам будет реально трудно отпустить тебя утром, понимаешь?

Вероника вдохнула глубоко — ещё только реветь тут не хватало.

— Ну вы даёте... оба, — улыбнулась. — Я не ожидала. Можно, я подумаю?

— Можно, душа моя. А сейчас давай попробуем поспать хоть немного, хорошо?

— Хорошо.

Да-да, поцеловаться и поспать.

39. Вик

И застыла мишень моего виска в перекрестье розовой звезды

Олег Медведев

Какая же она... маленькая, хрупкая и стеснительная. Кто бы мог подумать! Ага, если знать её только по работе — и предположить такое невозможно. Но вроде бы ему удалось расшевелить её и отключить её вечно работающие мозги. Чтобы перестала думать, а только чувствовала.

Теперь уже как будет, точнее — как она решит. Но это потом. Сейчас обнять её и поспать хотя бы два часа, а то днем придёт капец, причём к ним обоим.

Тихо дышала задремавшая Вероника, где-то в ногах ворочался принц Уэльский. Сон не шёл. Но Вик был просто и безусловно счастлив, и теперь нужно было держать это счастье, чтобы не улетело.

И тогда всё остальное тоже сложится.

40. Вероника

Ночь пройдёт, наступит утро ясное

«Бременские музыканты»

Незнакомый трезвон вырвал из сна и заставил подскочить на кровати — что это и где она вообще? Подскочить не получилось, что-то крепко держало сверху. Оказалось — рука. Которая выудила трезвонивший телефон и выключила звук.

Блин горелый, утро. А вчера было, мать его, свидание. С охренительным мужиком, который под занавес предложил перебраться к нему жить.

Сказать, что происшедшее рвало Веронике все шаблоны — значит, не сказать ничего. От тех шаблонов ничего не осталось, даже ключев.

Вик Ледяной легко поднялся, накрыл Веронику простынёй, поцеловал куда-то в ухо и сказал:

— Я в душ, а вы пока спите.

Про кто такие «вы» было непонятно ровно до того момента, пока из складок простыни не высунулась полосатая мордочка. Усы пощекотали Веронику по щеке, потом их владелец взгромоздился на неё сверху и заурчал.

Наверное, она и вправду задремала. Потому что её снова целовали, а потом положили рядом полотенце и что-то ещё.

— Душ ты знаешь где, тут халат, он вообще мой и ты в нём утонешь, ну да и ладно, ничего страшного. Скажи, ты с утра ешь? Или только кофе пьёшь? Или вообще ничего?

Вопросов было многовато, особенно с учётом того, что толком не спали. Но вроде все по делу.

— Знаешь, наверное, ем, но немного. Чашку кофе и бутерброд.

— Понял.

Вероника поднялась, подхватывая кота, который попытался удержаться на ней с помощью когтей, но был возвращён обратно на кровать. Завернулась в белый махровый халат — две таких, как она, запросто бы в него поместились, взяла полотенце и побрела в ванную.

Когда она оделась и пришла на кухню, там кипела жизнь. На сковороде что-то шкворчало, упоительно пахло кофе.

— Ты ешь омлет с сыром? Если нет, то бутерброд тоже есть.

— Я сейчас упаду в обморок. И тебе, Вик Ледяной, придется искать себе нового финансового директора.

— Чего это вдруг? — не понял он.

— Меня ещё ни разу в жизни мужчины утром завтраком не кормили. Мой мир никогда не будет прежним, как говорится.

— Могу же я блеснуть чешуёй ради девушки? — подмигнул он. — Ну и я тут хозяин, мне и кормить. Я рад, если поменял твой мир в лучшую сторону.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Потому что правда поменял. Не знаю только, куда.

— Узнавай, — он разложил омлет по тарелкам и поставил на высокий стол.

Вероника заползла на высокий стул, взяла вилку.

- У нас же не очень много времени.

— Ну да, тебя ж надо отвезти домой. Если бы сразу отсюда на работу — поспали бы подольше. Это я намекаю на сделанное ночью предложение.

— Я обещала подумать, — пробормотала она.

Тем временем Вик достал две чашки и налил кофе из машины.

— Тебе со сливками?

— Да.

— Сахар?

— Нет.

— Ок, — он поставил перед ней чашку и пакет со сливками в подставке. — На сервировку нет времени, извини. Как-нибудь потом.

Дальше всё было быстро и скомканно — вниз, в машину, через весь центр на левый берег, во двор. Поцеловаться в машине.

— Спасибо, что согласилась прийти. И была, — он не сводил с неё глаз.

— Тебе спасибо, что... Да просто, что ты есть.

— Вот, ты правильно сказала. Что ты есть. И ещё спасибо отцу, что отдал мне вашу компанию. Иначе мы бы могли и не встретиться.

— А сейчас — до встречи на работе, — улыбнулась она.

Выскочила из машины и побежала к подъезду.

Дома было тихо, но собака Муха проснулась, зашевелилась и тявкнула. Вероника шикнула на неё — чтобы молчала, и на цыпочках пробралась к себе. Как хорошо, что у Вика есть горячая вода, хоть под душем помылась, как человек.

Переодеться было минутным делом, накраситься — двухминутным. В теории, она успевала выпить ещё чашку кофе.

Вероника как раз сняла с печки турку, когда на кухню вошла мама.

— И откуда ты явилась, позволь спросить?

— Из гостей, — с готовностью ответила Вероника. — Я предупредила.

— Ты могла позвонить и сказать, где тебя искать!

— В этом не было необходимости, — кофе придётся пить очень быстро. — Со мной всё в порядке. А сейчас мне уже пора на работу. Пока, мама, увидимся вечером.

Она не стала слушать мамин комментарий про что-то там возмутительное, подхватила сумку и побежала вниз.

В машине включила музыку, и, медленно двигаясь по мосту, вдруг поймала себя на мысли, что подпевает песне. «Мы не знали друг друга до этого лета, мы болтались по свету, земле и воде... моё сердце остановилось, моё сердце замерло!». Всё так, и это хорошо. Неужели это правда? Неужели это шанс? Неужели счастье выглядит как-то так?

Она улыбнулась охраннику на парковке, людям в лифте, которые ехали не так высоко, а на своём этаже — Паше и Ивану Машкову. И пожелала им доброго утра.

В приёмной уже сидела за компом новая секретарша Ольга, закипал чайник, орхидеи тянулись к солнцу. Рабочий день начинался.

41. Вик

Договорились быть вместе
Посредине земли,
Но оставались в контексте,
И потому не смогли
Ни спать без этой звезды,
Ни петь без этой луны,
Ни жить без этого лета.

Олег Медведев

По дороге из Академа позвонил отец и велел заехать к нему в офис. Новости какие-то, что ли? Значит, сначала туда. И похоже, отец уже там.

До места Вик добрался к половине девятого — пришлось кое-где постоять. И да, в отцовской конторе уже кипела жизнь. Неудивительно, у него часто так.

Отец говорил с кем-то по телефону, кивнул Вику, через минуту секретарша отца Анастасия принесла кофе — ровно так, как Вик любил — большую чашку, много сливок, шоколадные конфеты на блюдечке.

Анастасия — крупная фигуристая дама, ровесница Вика — начинала вообще у тётки Нины в помощницах, дом в Листвянке убирала. Тётя Нина оценила аккуратность и исполнительность, и посадила её за компьютер, вести домашнюю бухгалтерию и прочее, что там ещё надо было. А потом у отца ушла на пенсию предыдущая секретарша, Людмила Петровна, которая при нём была ещё с девяностых, и ему зандобилась сотрудница. Тётя Нина со скрипом, но отдала Анастасию, к которой успела привыкнуть, и случилось это лет десять назад. Анастасия была давно и крепко замужем, две её дочери учились в лицее в Солнечном. Более того, лет пять назад они с мужем приобрели домик в Листвянке, в той же Крестовой пади, на той же улице, что и отцовский дом, только немного повыше и маленький, и теперь обихаживали его и прилегающий участок.

Нужно ли говорить, что муж Анастасии тоже работал в холдинге?

Тем временем отец закончил разговор и сел по другую сторону от кофейного стола.

— Ты чего помятый такой? Кот что ли спать не давал? — разглядел он сына.

Интересно, это только ему видно или вообще всем? Тем временем Анастасия принесла отцу маленькую чашечку густой вязкой жидкости, пить этот, с позволения сказать, вариант кофе его научили римские родичи Полинки.

— С котом всё хорошо. Со мной тоже, — рассмеялся Вик. — Сегодня определённо буду спать больше.

— Хорошо — и хорошо. Тут заказ есть, очень попросили взять. Товар наш, но везти сначала хотели сами, потом что-то не заладилось. В Якутию. Нужно семь машин, но срочно, чтобы сегодня уже из города. Возьмёшься?

— Так-то чего не взяться. Вроде приличные люди ещё остались. Сейчас уточню.

Вик с ходу не мог сказать, есть ли семь машин, позвонил Емельянову. Тот, похоже, ещё где-то ехал, но сразу же сказал, что найдём, чуток уплотним расписание и найдём. Так что можно было соглашаться и давать делу ход.

— Михаил говорил, вы в лес собрались на выходные?

— Если никакого форсмажора не вылезет, то да.

— Молись, значит, чтобы не вылезло, — усмехнулся отец.

По дороге в контору Вик даже музыку включил, чего с ним давно уже не случалось, какой-то очень уж был озабоченный. А вообще жизнь-то прекрасна! Дела вон решаются, заказы какие-то приплывают, машины едут в Читу, сегодня к ночи должны добраться. Вечер и ночь получились очень вдохновляющими, и была надежда на то, что Вероника не станет думать никакую хрень и согласится встречаться дальше. Или даже не только встречаться. Наверное, она что-нибудь об этом сама скажет.

В конторе Анна Константиновна выдала уже распечатанные документы по Якутии, нужно было запускать всё это срочно. Вик попросил её позвать Серёгу и Веронику, а сам сел читать.

Пришли, сначала Серёга, Вероника следом за ним. Легонько улыбнулась, потом по форме поздоровалась. Обсудили техническую сторону и финансы, Серёга пошёл к себе организовывать, а Вероника задержалась. Подошла, улыбнулась, и спросила тихо:

— Если после работы я поеду к себе, возьму вещей на завтра, а потом приеду — это нормально? Чтобы завтра на работу не через меня.

Уф. Получилось. Можно выдохнуть.

— Это прекрасно, душа моя Вероника Андреевна. Будем тебя ждать. И скажи, мы в лес-то как, едем?

— Когда и в какой именно лес? — она даже удивилась.

— В который Майк звал. На Орлёнок, завтра, после работы.

— Ой. Не собранные же ни фига.

— Да успеем, чего там собирать-то на два дня?

— Еды купить.

— Про еду не парься, организуем. Тебе много надо времени, чтобы себя собрать?

— На себя — не очень.

— Вот и славно. Решим, не переживай. Если ты согласна — то всё ок, я сейчас дам всем отмашки.

— Ну ладно. Попробую, каково это — в лес с тобой.

— В лес со мной очень круто. С тобой, думаю, тоже.

— Ок, тогда я пошла по проекту договора. К Наталье и дальше.

— Давай, — очень хотелось поцеловаться, но дверь была приоткрыта.

Успеется.

Уже когда она ушла, Вик сообразил, что тратить ещё один вечер на готовку жратвы не хочет, даже если это и нехреново поразило его девушку. Надо было измыслить готовое. Он

достал телефон и написал:

«Как ты относишься к роллам?»

Ответ прилетел мгновенно.

«Очень люблю».

Вот и всё, оставалось только позвонить в контору, которая занималась изготовлением и доставкой, и сделать заказ на восемь вечера.

А потом уже позвонил Серёга, и надо было решать дела.

42. Вероника

Лето, что ж ты безлунно,

Как найти тебя, как войти в твой дом,

Как уснуть под небом твоим

Олег Медведев

Новый заказ прилетел удивительно вовремя, впрочем, заказы на памяти Вероники ещё ни разу не приходили не ко времени или зря. У них была особенность сбиваться в кучу, ну это дело святое, без этого не бывает. А сейчас заработаем, и спасибо Валентину Фёдоровичу, она поняла, что заказ пришёл через него.

Весь день они пробегали с оформлением, но всё успели, и отправили машины за грузом. В пять минут седьмого Вероника отпустила Ольгу, и поняла, что может уйти и сама.

Перспектива свидания путала мысли и вызывала непонятную дрожь. Раньше с ней такого не случалось. Ну, приятно, ну здорово, ну поговорить, ну не только поговорить. Или у Ледяного неизмеримо больше опыта во всём, чем у всех её бывших разом, или она нужна ему так, как никому и никогда... Верилось с трудом.

Вероника говорила себе — пусть будет, что будет. Хотя бы попробовать, как это бывает. Потому что пока на удивление хорошо.

Дома была мама, и не было Катерины.

— Ты опять куда-то намылилась? — мама заметила её сборы и пришла узнать, что происходит.

— Именно, — с готовностью кивнула Вероника. — Уезжаю в гости, завтра оттуда поеду на работу, дома буду после работы. Быстро соберусь и поеду в лес на выходные.

— А мы что, в твои планы теперь не входим?

— Входите. Но у меня должна быть какая-то жизнь, кроме работы и дома.

— И что там за люди? Я их знаю?

— Нет.

— Могла бы рассказать.

— Люди с работы.

— С кем это с работы ты собралась в лес?

— Мама, ты их не знаешь. Вернусь — расскажу.

— Вообще-то я рассчитывала, что ты поможешь с картошкой.

Ну да, картошку надо окучивать.

— Катерина поможет.

— Я не знаю, она не говорила, что сможет поехать.

— Вот пусть соберётся и сможет.

— У неё там какая-то личная жизнь, между прочим! Ей не до картошки!

Вероника сделала глубокий вдох и выдох.

— Мама, догадайся, почему у меня нет никакой личной жизни? Может быть, потому,

что кроме работы, я вижу только дом и дачу? Пусть Катерина берёт свою личную жизнь и они вместе окучивают картошку, быстрее будет. Если кончились деньги на продукты — скажи, я или сейчас переведу, или завтра сниму и оставлю наличкой.

— Да, было бы неплохо.

— Ок, скажи сумму. Всё, я поехала. Если что — я на связи.

Выскочила на улицу с сумкой и чехлом для одежды, сунула всё это в багажник, села, выдохнула. Уф, вырвалась. Можно ехать.

Кому рассказать, что в тридцать два года приходится сбегать из дому на свидание — обхохочется, не иначе. Взрослая тётка, кормит семью, можно сказать, и не может дома нормально говорить, где бывает и с кем встречается — ну дичь же просто. Но увы, если рассказывать о себе всё — проблем будет ещё больше, а помощи и поддержки — ни на грамм. Только критика. И не от одной мамы, от Катерины тоже, она-то вообще лучше всех всё знает. Угу, проходили.

Вся личная жизнь Катерины разбиралась дома всё равно что под микроскопом. Мама знала все детали про всех кавалеров младшей дочери, и искренне печалилась, когда та расставалась с очередным. Ну, или когда эти очередные сами бросали Катерину — так тоже бывало. Иногда Вероника считала себя неудачницей — у неё в копилке не хранилось такого богатого перечня мужчин, как у младшей сестры. Ну и дома знали только про тех, с кем долго встречались или жили вместе, а таковых было ровно три. Теперь, похоже, четыре.

Будь, что будет, как-нибудь вывезет. Куда-нибудь. А пока — вперёд, к одному двуногому и одному хвостатому.

Во дворе на Декабрьских Событий Вероника была уже почти в восемь. Там нашлось, куда поставить машину, но не было видно знакомого внедорожника. Наверное, у Ледяного есть место на подземной парковке.

Вик ждал её с улыбкой — с той самой, на которую невозможно было не улыбаться в ответ. Забрал чехол с костюмом, куда-то повесил, обнял, дальше не важно.

Прискакал Чарлик, стал нюхать холодным мокрым носом и щекотать усами щиколотку Вероники. Пришлось оторваться от мужчины и погладить кота.

— Я же говорил, что мы оба будем тебя ждать, — усмехнулся Вик. — Проходи. Я очень рад, что ты приехала. Проблем не было?

— Никаких. Я же не говорю, куда, к кому и зачем еду. В гости — и всё.

— Почему, кстати?

— Потому, что тот, кто меньше знает, лучше спит. И ещё меньше критикует.

— Меня можно критиковать? — он реально удивился.

Неожиданность, да?

— Всех можно критиковать, — усмехнулась Вероника. — В первую очередь — меня. Всё, проехали.

В этот момент раздался звонок домофона. Вик ответил и велел кому-то подниматься. На невысказанный вопрос ответил коротко:

— Наш ужин.

Вероника подхватила кота и ушла с ним в комнату. Слышала, что Вик что-то там забирает у курьера. И позволила себе любопытство только когда услышала, что дверь снова заперли.

— И что там?

— Ты же говорила, что любишь роллы?

— Очень, — радостно кивнула она.

Как только догадался?

— Тогда давай разложим их на балконе, и будем уже есть.

— Два дня подряд готовить — уже не по-царски?

— Отчего же? Вполне по-царски. Но потом остаётся очень мало времени на сон, а нам обоим нужно работать. И в лес собираться. Поэтому быстрый ужин, душ и дальше. Раз ты здесь, нужно использовать наше совместное время по максимуму!

— Я здесь, угу. Мне понравилось наше совместное время. А ещё я корыстная, — она показала язык с балкона, где распаковывала контейнеры с роллами.

— И в чём же ты корыстная, расскажи, — он искал что-то в холодильнике.

— У тебя есть горячая вода. А у нас в Академе — нет, и дадут только завтра вечером.

— Душа моя, на такие случаи у меня стоит водонагреватель. Поэтому мне наплевать на все отключения воды, какие бывают.

— Круто! — она искренне восхитилась.

— А то! Понимаешь, где нужно жить, так ведь? — он поставил на стол бутылку отличного китайского соевого соуса с креветкой на этикетке.

— О, ты тоже любишь соус с креветкой? — восхитилась она не меньше.

— Он приличный, — кивнул Вик. — Определённо лучше того жидкого недоразумения, которое продают в обычных магазинах и привозят вместе с роллами.

— А где ты его берёшь?

— Да на месте бывшей шанхайки есть какие-то китайские магазины. Там и беру. Или тётя Нина покупает на всех, и мне перепадает тоже.

Надо же, как все люди. Ну, почти.

Роллы были чудесными, его котовое высочество пристроился на коленях и спал. Сумерки и вино отлично дополняли атмосферу.

Впрочем, когда еда закончилась, они просто сгрузили всю упаковку и посуду на кухню, потом был быстродуш и закрытая от принца Уэльского дверь в спальню.

Нет-нет-нет, вчера ей не приснилось и не привиделось. Он есть, и он с ней, и они вместе. И это счастье.

43. Вик

И просто поверь, что нынче ты в отпуске

Олег Медведев

Это было удивительно, потому что невероятно. Вероника приехала, не передумала, не потерялась, и даже не каждую минуту помнила о том, что они вместе работают и всю эту хрень. Она была хрупкой и чудесно нежной, смотрела, не отрываясь, говорила какие-то ласковые глупости, которых от неё вообще было невозможно ждать. Если судить по сидящей в кабинете Мисс Финанс.

И утром она щурилась и снова целовала его, а они же в этот раз никуда не торопились, то есть на работу-то надо, но ведь можно выехать позже... в итоге на кофе снова осталось буквально пять минут.

Всё было бы вообще идеально, но ночью пошёл дождь. Да весьма нехилый. Вероника смотрела с балкона, держа в руке ту самую чашку кофе, и вздыхала. Вик вышел за ней утешить — да ну, может, ещё кончится. До вечера время есть.

Договорились проверить все текущие дела и под благовидными предлогами исчезнуть с работы в обед. Да мало ли дел в городе у начальства! И вообще, должны же быть у

должности ну хоть какие-то привилегии, не всё же одни обязанности!

В конторе было подозрительно тихо и подозрительно пристойно. Это радовало, но Вик чувствовал тем самым местом, каким положено, что это ненадолго. В имеющихся условиях бесперебойная работа всех служб выглядела слишком хорошо и не могла продолжаться бесконечно. Значит, надо пользоваться, и литься из города в лес, пока не началось.

Тем более, что дождь кончился аккурат в обед. По всему городу разлились громадные лужи, ну и хрен с ними. Не впервой, прорвёмся. Может, в лесу-то дождя и не было.

Дома Вик был в начале третьего. В принципе, всё лесное снаряжение хранилось в относительном порядке в кладовке, и нужно было только всё достать и подготовить. Также подготовить жратву для его котовьего высочества, который в восхищении носился по куче вещей, а потом нашёл котелки и принялся их нюхать, а потом чесаться об них всеми частями тела. Тётя Нина обещала навестить паршивца лично, она ещё не видела пополнение в хозяйстве племянника и хотела познакомиться.

Звонок Вероники раздался в начале четвёртого.

— Вик, топор брать?

Какой ещё к хренам топор? Она что, думает, у него топора нет?

— Ээээ... Вероника, а зачем тебе брать топор?

— Ну мало ли, вдруг дополнительный нужен. Дальше, что с палатками?

— С меня. Палатка, коврик и большой просторный спальник.

— Точно, ты что-то говорил про коврик. А мне-то что взять?

— Себя, одежду, посуду.

— Котелки? Сквородка? Крючки для костра? Верхонки? Что там ещё бывает? И что с едой?

— Еду Майк уже погрузил.

— Всю что ли?

— Именно. Бери себя, всё, что тебе нужно на двое суток, и приезжай уже. Я уже скучаю, не поверишь.

— Ко сколько у тебя быть?

— Да чем раньше, тем лучше.

— Тогда я уже почти что выехала.

Отличная новость, подумал Вик. И понёс в машину упакованный рюкзак. Кое-какие детали в рюкзак не влезли, ну да и хрен с ними, не первый раз, прорвёмся.

Вероника появилась ровно в тот момент, когда он всё упаковал. Чёрт побери, как же круто, когда она выходит из машины и подходит обняться! Непридуманная, тёплая, настоящая.

— Как хорошо, что никто не видит, — пробормотала, смеясь.

— Да и хрен бы с ними, душа моя, хоть бы и видели.

Вик загнал её машину на свою подземную парковку — пусть стоит до воскресенья. А до неё тем временем дошло, что они едут не на электричке, и это было забавно.

— На машине? На Орлёнок?

— Ну да, чего особенного? — Вик забавлялся. — До Витязя отлично доедем.

— А дальше?

— А дальше дойдём. Короче, увидишь.

Её рюкзак оказался совсем лёгким, и правильно. Это с кем она в лес ходит, что таскает не только палатку с котелками, но и топоры? С одними девками, что ли?

Погрузились и поехали на Грязнова, в отцовскую городскую квартиру, там сегодня базировался Майк с семейством.

Его внедорожник стоял под парами во дворе, вокруг радостно скакали одетые в свежешкупленную лесную одежду дети — Сашка и Аннушка. Алиса что-то делала в машине, Майка видно не было. Вообще он сначала хотел поехать на байке, но после дождя решил, что будет грязно, и в другой раз. И вся еда была благополучно упакована к нему. И хорошо.

Дети бурно обрадовались подъехавшей машине и немного притихли, когда увидели Веронику, наверное, от удивления.

— Здравствуйте, я Александр Михайлович, — Сашка с важным видом протянул руку.

— Добрый день, я Вероника, — протянула ему руку в ответ лучшая девушка на свете.

— А я Анна, — дочка Линни, когда хотела, была самым очаровательным ребёнком на свете. — Но ни в коем случае не Аня. Пожалуйста, — дополнила она свои слова улыбкой.

Но если её несло, то унять очаровательного ребёнка могли, кроме матери, только Полинька или отец. Полинька хмурила брови, строго смотрела, что-нибудь говорила по-итальянски. Работало. А отец просто обнимал внучку и терпеливо дождался, пока она переставала кричать, вырваться и ругаться.

Сейчас работал режим «хорошо воспитанная девочка». И ура, что называется.

— Дядя Вик, а ты взял своего нового кота? — спросила Анна.

— Нет, детка, ему нечего делать в лесу. Если хочешь — на неделе приедешь в гости и познакомишься с ним.

— А можно, да? Ой, здорово! Я договорюсь с бабушкой, или с мамой, она же приедет во вторник, ты в курсе?

— Да, я в курсе. Лис, иди к нам, — позвал Вик.

Алиса выбралась из машины и подошла к ним.

- Привет, — она улыбнулась Веронике. — Я Алиса, мой муж копается в недрах дома, а мой сын уже успел представиться.

— Вероника, — та улыбнулась в ответ.

Вот и славно, все со всеми познакомились, и ок. Тем временем из подъезда появился Майк, он тащил гитару.

— Мы будем петь! — радостно завопила Анна.

— В лесу, — оборвала вопль Лис. — В городе — нет.

— А мы уже сегодня приедем в лес? Это далеко? Вероника, ты была в лесу? — Анна не теряла времени даром и уцепилась за Вероникин рукав.

— Была, но в том месте, куда мы поедем — нет, — ответила Вероника. — Я знаю, докуда мы должны доехать, и немного представляю, куда идти. И всё.

— А я даже не знаю, куда мы поедем. Но мама там бывала и мне сказала, что там очень здорово. И ещё она сказала, что все гады, потому что поехали и не дождалась её.

— Вообще гады, — кивнул Майк преувеличенно серьёзно и закрыл багажник. — Ты смотри внимательно, и всё запоминай, потом ей будешь рассказывать.

— Обязательно, — важно кивнула девочка.

— Ладно, по коням, — Вик пригласил Веронику в машину.

Лис загнала детей на заднее сиденье, потом сели они с Майком, и можно было отправляться.

На Култукский тракт выбрались к половине шестого — весь город, как водится в пятницу, хотел на дачи и куда там ещё. Ничего, по Байкальскому тракту сейчас тоже

несладко, наверное. Зато потом пошли с ветерком, и до Орлёнка долетели за какой-нибудь час. Ещё минут двадцать раздолбанной дороги — и здравствуй, Витязь. Остановились в знакомом месте, возле домика, там они обычно за некоторую мзду хозяину оставляли машины.

И начали разгружаться.

— А это скальник, да? А можно, мы пойдём и посмотрим? — Аннушка вывернулась из рук Лис, которая пыталась обрызгать её спреем от комаров. — А он тут вообще почему?

Вик никогда не задумывался, почему на Олхинском плато есть скальники, есть, да и всё, с детства это было аксиомой. Они с Майком переглянулись, помотали головами и Майк сказал:

— Идите, посмотрите, у вас минут пятнадцать, не больше. Скоро начнёт темнеть, нам бы до места добраться. В воскресенье здесь подольше погуляем.

Лис обработала-таки обоих детей, заговорив им зубы о том, что Витязь — это скала, и кто увидит там витязя, тот молодец, но смотреть вообще лучше с воды, а лодки у них сейчас с собой нет.

Вик взглядом предложил Веронике прогуляться с Лис и детьми, пока они вытаскивают вещи и архивируют их. Кроме рюкзаков, была сумка с какой-то частью продуктов, ещё одна сумка с каким-то хламом типа одежды, палатка Майка отдельным местом, плюшевый осьминог — его таскала с собой Анна, и гитара. Детям тоже полагались рюкзаки — маленькие, но как настоящие, с поясами и кучей разных ремешков.

— Аннушка захотела такой, ну и Сашке тоже сразу же понадобился, он на свой старый даже смотреть не стал, сказал, что в настоящий поход надо и рюкзак настоящий, — пожал плечами Майк.

Девушки и дети появились вовремя, Вероника увидела кучу вещей, и у неё снова случился разрыв шаблона.

— И как мы это всё сейчас куда-то пойдём, стесняюсь спросить?

— Спокойно, всё учтено, — расхохотался Майк, её изумлённое лицо и впрямь очень уж смешно выглядело.

Надели рюкзаки, Майк взял сумку с продуктами, Вик палатку, Алиса одежду, а гитара досталась Веронике. Каким-то чудом Лис уговорила Анну пристегнуть осьминога к её рюкзаку — мол, он так и всё увидит, и ей не будет мешать. И двинулись дальше вдоль реки.

Дождь, мать его, здесь тоже был, и судя по всему, нехреновый. Приличная сухая тропинка местами превращалась в болотце, и Вик надеялся, что у Вероники достаточно приличная обувь. На детей пришлось надеть резиновые сапоги, и они радостно шлёпали в них по воде.

Вышли к Олхе, и оказалось, что дождь и тут подгадил, вода высокая, и мост частично затоплен. Ладно, перебрались. Им с Майком пофигу, дети в сапогах, а вот девушки, кажется, промокли. Разберёмся, но сначала надо дойти. Там ещё переправа весьма нетривиальная.

После отворота дороги на скальник Идол Вероника сказала, что дальше никогда не была. Вот и посмотрит.

К переправе подгрести на границе сумерек. Самое паршивое — вроде и видно что-то, но по факту-то ни хрена. А переправа такая переправа, в сухой день можно пройти и ног не замочить, а сегодня... Полчаса назад, в районе затопленного мостика, Олха имела песчаное дно и ленивое течение. Ну а здесь немного иначе, что ж теперь — природа, мать её.

Река в этом месте представляла собой скопище огромных валунов — курумник. И в

идеале по этим валунам иди себе спокойно на другой берег, да и всё, но, как говорится, не сегодня. Напротив стоянки из бешено несущейся воды торчали только верхушки. Если кто летать умеет — то ничего, а с рюкзаками да с детьми — не особо.

Пришлось подниматься выше по течению, там удалось дойти примерно до середины реки. И было это так — сначала они с Майком стащили все рюкзаки на большой камень, потом туда же прочие вещи, а потом осторожно помогли дойти остальным, и слава Веронике, у которой были палки, Вик ещё подумал — на хрена, а оказалось очень даже круто.

Майк попробовал перескочить через поток на другой камень — получилось. Вернулся, взял свой рюкзак, попробовал с ним. Прокатило. Исчез. Вернулся минут через десять, без рюкзака. Прodelал то же самое с рюкзаком Лис, её сумкой и палаткой. Подсказал Вику, куда целиться.

Ну, не зимовать же посреди этой хренской Олхи, в самом-то деле! Вик сосредоточился и прыгнул. Попал. Ну, то есть, куда надо. Дальше было, в принципе, легко и понятно, и вскоре он уже сгружал рюкзак на стоянке.

На обратном пути встретил Майка с сумкой жрачки и детскими рюкзаками. Осьминог задорно тарашился на происходящую хрень.

Оставался рюкзак Вероники и, собственно, девушки и дети. Дети времени не теряли и уже пытались «как папа» и «как дядя Вик», но длины ног не хватало. Даже с палками.

С рюкзаком было проще всего — Вик надел его на себя и перепрыгнул с ним. И унёс на место.

С детьми тоже решилось. Майк, как самый напрыганный, велел Сашке забраться к нему на спину и крепко держаться за шею. Наверное, Сашка был не сильно тяжелее, чем его рюкзак. Вик усмехнулся и предложил Аннушке сделать то же самое. Аннушка пришла в восторг, мигом залезла к нему на спину и сопровождала прыжок радостным визгом. Дети были оставлены на камне со строгим наказом не сдвигаться с места ни на шаг.

Далее Майк снова прыгнул, а Вик остался на этой стороне. И сначала поймал Алису, а потом и Веронику. Вероника молчала, но в глазах её был страх, а Лис поругивалась. Но потихоньку, очевидно, чтобы не подавать детям дурного примера.

Всего-навсего час на переправе потеряли. А обычно это десять минут делов.

И на стоянке они все собрались уже перед девятью часами.

Анна заверещала, когда поняла, что в телефоне нет связи. Сашка посмотрел на свой и присоединился. Когда до детей дошло, что для взрослых это не секрет и не проблема, то они успокоились, хоть Аннушка и ныла, что хотела послать маме фоток этого места. На слова, что мама здесь сто раз была, только тяжело вздохнула.

Дальше ставили палатки — большую Майку с семейством и маленькую Вику с Вероникой. Веронике в очередной раз порвали шаблон надувными матрасами и насосом. Она уже даже не фыркала, а откровенно ржала — вы бы, говорит, ещё диван сюда припёрли, через эту переправу! Ну а что, будет надо — припрём, подумал Вик.

А вообще стоянка тут классная, и диван не нужен, потому что уже много лет как кто-то сделал лавки между деревьями, и к счастью, их никто до сих пор не пустил на дрова. И дров вокруг завались, да ещё и лиственных. А какие-то предыдущие посетители оставили несколько пней. Таких небольших, и тоже из лиственницы. Детям выдали по фонарю и озадачили поиском хвороста, и они шустро пошли прочёсывать ближайшие кусты.

Палатки поставили, вещи разобрали, а тут уже и совсем ночь. Вик быстро развёл костёр,

Майк притащил воды, девушки нарежали чего-то для бутербродов. Дети так увлеклись сбором хвороста, что с трудом согласились вернуться на стоянку, правда, когда просекли, что сейчас будет еда, то примчались быстрее ветра. Куча собранных веток внушала уважение.

Когда закипела вода в котле, туда бросили заварки и набранных рядом листиков свинячьего багульника. Тёти-Нинина буженина мгновенно исчезла, сыр и колбасу тоже подчистили. Пустили по кругу сначала Майкову фляжку с коньяком, потом фляжку Вика. Детям выдали шоколадку к чаю, а Сашка сказал, что уже не может и засыпает, и Лис увела его в палатку. Анна сидела и смотрела в костёр, и твердила, что не хочет спать, у неё ещё день. Ну да, по европейскому времени ещё совсем не ночь.

Ближе к полуночи и она сдалась. Котёл с чаем опустел, поставили второй. Петь не хотелось, все были какие-то замотанные. Майк притащил просто пенку, раскатал прямо на земле и завалился, и сказал, что пока ему и тут хорошо.

Когда изготовился новый котёл чаю, Вик зачерпнул по кружке себе и Веронике.

— Ты как, спать хочешь?

— Вообще да. В последние дни наблюдался острый дефицит сна.

— Допьём чай и пойдём?

— Легко. Где тут зубы чистят?

— У реки, но там ничего не видно.

— Я с фонариком.

Тропинка была прямая — не заблудиться, но он всё равно потащился за ней. Там надо осторожно, камни же. Постояли на берегу, послушали шум реки.

— Вон там, посередине, под водой, большой плоский камень. В хорошие времена на нём можно было загорать, — Вик показал фонарём направление.

— Так может быть, вода ещё спадёт.

— На то и надежда. Ещё раз так корячиться не хочется, — усмехнулся он.

— А вы крутые. Раз-два, попрыгали, все вещи и всех детей перетасили.

— Да нормально, чего только делать не приходится. Ладно, пошли. А то правда — залезем в палатку и уснём.

— А ты не хочешь спать? — тихо рассмеялась она и погладила его по щеке.

Когда-то давно он во сне увидел у неё такой жест. Поймал ладонь, прижался к ней губами.

— Я хочу всего.

— Разом?

— Последовательно.

Конечно, спать сразу никто не собирался, а как собрались, то оказалось, что опять уже светает. Лес, во всяком случае, ощутимо посветлел. Когда Вик вылез из палатки, то увидел Майка и Лис, обнявшихся на пенке между костром и лавкой. Сверху на них была накинута Майкова флиски, они о чём-то тихо шептались.

Люди знакомы двадцать лет. И десять из них женаты. И не надоели друг другу. Значит, задача в принципе имеет решение.

В палатке была тёплая и сонная Вероника. Вик обнял её и подумал — круто же, за больше чем полсуток ни одной мысли о работе. И тоже уснул.

44. Вероника

Там, где тигр выходит к морю и трогает мягкой лапой прибой,

Где индейское лето слезинкою неба по усталой щеке...

Олег Медведев

Она проснулась — в чужой палатке, в чужом спальнике, на толстенном матрасе размером с диван — эй, а так вообще бывает? Обычно что на себе припрёшь, то у тебя и есть, и всё тут. Или это Ледяной перед ней чешуёй сверкает? Да вообще не только её выгуливают, ещё и детей. Дети Веронике понравились, они не ныли, не ссорились, во время сложной переправы и вовсе беспрекословно слушались, а потом ещё и ветки сухие в костёр собирали.

Но переправа, конечно — из серии «нихренасебекакбывает». Доведись до неё — повернула бы обратно к Витязю, и там осталась ночевать. Прыгать по огромным камням в сгущающихся сумерках над ревушим потоком — никогда бы не подумала, что станет. А вот как. Но мужикам было как будто всё по барабану — прыгать — ну и ладно, рюкзаки — сделаем, детей тоже перетащим. А стоянка очень уютная, даже с лавками.

Вероника села, нашла в углу сброшенную вчера одежду и пакет с чистой, и принялась одеваться. Часы показывали половину двенадцатого. На улице было тихо.

Она выбралась наружу и узрела сидящего на лавке Вика, рядом с ним на горелке стояла гейзерная кофеварка. Больше никого видно не было.

— Доброе утро, душа моя, — он подошёл и поцеловал. — Хочешь кофе?

— С утра я всегда хочу кофе. А где остальные?

— Майк с детьми пошёл к реке, Лис спит.

— Я, наверное, сначала тоже схожу к реке. А потом уже кофе.

Вероника спустилась по тропинке, потом слезла с большого камня — как она тут себе ночью все ноги не переломала, загадка века. Днём, под солнышком река выглядела совсем иначе — не страшно, но очень красиво. Кто-то когда-то насыпал здесь огромных валунов, а реке нужно было течь именно в этом месте, вот она и бесится между камнями...

В паре валунов от берега на камне сидели Майк и дети. Они заметили Веронику и принялись махать ей руками, все трое, и кажется, ещё говорили что-то, но из-за шума воды было плохо слышно. Она помахала в ответ, немного растянулась — после дивана в палатке тело чувствовало себя, как после домашней кровати — и принялась умываться и расчёсываться.

Майк с компанией двинулся к берегу как раз, когда она закончила. Можно было полюбоваться, как ловко он это делает — одна нога на один камень, вторая — на соседний, подхватить Аннушку и переставить. Потом так же с Сашей. И потом ещё раз — уже на камень, с которого можно перебраться на берег без потерь.

— Доброе утро, Вероника, — сказали три голоса вразнобой.

— Но дядя Майк, здесь же невозможно утонуть, — Анна продолжала начатый разговор. — Тут же везде камни!

— Камни-то камни, а вот твоя матушка, например, однажды пошла сюда за водой и утопила котёл с концами, — сообщил Майк.

— Мама? Правда? — восхищенно переспросила Анна. — Вот прямо здесь?

— В этом самом месте. И потом его искали-искали, но так и не нашли. Опускали палку длиной выше человеческого роста, и вся она ушла в воду.

— Вот это да, — Саша подошёл к воде и смотрел с уважением.

— Здесь в воде камни такие же, как и на берегу. А между ними — видите, какие щели!

И на скальник пойдём, посмотрите.

— А где скальник? — удивилась Вероника.

— Точно, скальник-то где? Что-то я его не вижу, — усомнилась Анна. — Он же большой, и не мог от нас спрятаться!

— Пойдёмте, покажу, — Майк по очереди поднял каждого из детей на камень по дороге к костру, потом подал руку Веронике и помог забраться, потом легко заскочил сам.

Дошли до костра, Вероника оставила косметичку с умывалками на лавке. Прошли мимо обеих палаток, за ними начиналась тропинка. Она вела от берега прочь.

Через душистый багульник по мягкому мху прошли между двух огромных валунов.

— А вот теперь смотрите, — сказал Майк.

Дети издали синхронный восторженный вздох.

Скальник не был похож на монолит Витязя или на Идол, пальцем торчащий из леса в небо. Вероника увидела нагромождение камней, больше всего похожее... на какой-то удивительный дом? Как будто кто-то сложил камни один на другой много тысяч лет назад.

— Я точно тебе говорю, это волшебный холм, — Анна пихнула Сашу кулаком в бок.

— Да ладно! Какой тут может быть волшебный холм? Ну где ты видишь хоть капельку волшебства? Самые каменистые на свете камни — вот что это!

— Да ты посмотри, какие это камни! Помнишь песню про камень?

— Какую ещё песню про камень? — нахмурился Саша.

— Ну как, где камень лежал-лежал, а по ночам летал, а если с ним плохо обращались — то прилетал ночью домой и убивал, понятно? Тут вполне подходящие для такого дела камни, посмотри, какой на них мох!

Вероника в изумлении подняла взгляд на Майка, но тот смеялся.

— Это песня на стихи Гумилёва, её когда-то давно придумал один из наших с Линни хороших друзей. Конечно, Анна знает.

Анна тем временем продолжала обращать неверующего.

— А кто тебе обещал, что всё расскажут и покажут? Это надо прийти в одиночку и провести ночь в этой штуке, не иначе, — она кивнула в сторону скальника, — и тогда холм раскроется, и тебя проведут внутрь! — Анна говорила с уверенностью и знанием дела. — Вот ты — смог бы? Я — да!

— Ага, три раза! Ты научись сначала сама через реку переходить!

— А ты что, неужели сам перешёл? — ехидно спросила девочка. — Тебя тоже перетащили! Как рюкзак! Нет, как куль с картошкой!

Она была вылитая Полина Николаевна, такие же тёмные глаза, такой же овал лица, такие же красивые тёмные волосы. Вчера они были заплетены в аккуратную косу, а сейчас это был лохматый длинный хвост, просунутый в дырку от бейсболки.

Точно так же как Саша был вылитый Майк. Или вылитый Валентин Фёдорович.

— Аннушка, спокойнее. Александр, Анна — девочка. Ей можно хоть до старости на руках. Вот представь — был бы ты здесь сейчас один, было бы лучше? — сощурился на него отец.

Саша задумался.

— Без неё? Ну, скучно было бы, — честно ответил он.

— Вот и помни об этом, ок? Пойдёмте обратно, Вероника ещё не завтракала. На скальник полезем попозже, когда все будут готовы.

— Мы полезем на скальник? — восхитилась Анна.

— Ура! — закричал Саша и побежал обратно к лагерю.

— Непременно полезем, — заверил детей Майк.

На лавке напротив Вика уже сидела Алиса и заплетала косу. Алиса была красавица — с отличной фигурой, голубыми глазами и охренительными пепельными волосами. Они слегка вились и хорошо держали форму. Волосы Вероники в сравнении казались тонкими и несчастными. Что поделаешь, генетика.

— Дети, в кого вы такие горластые, скажите на милость? — вздохнула Алиса.

— В маму, в кого ещё, — пожалала плечами Анна.

Дальше они пили кто чай, а кто кофе, и к кофе был припасён тетрапак сливок, и ели бутерброды с каким-то мясом, которое не доставали вчера, и с сыром, и с огурцами, и даже с копчёной курицей. Нет, Алиса спросила, не сварить ли гречневую кашу, но все отрицательно замотали головами и сказали, что бутерброды вкуснее.

— Итак, общество, предлагаю следующее, — сказал Вик, когда все остатки еды были убраны на будущее. — Сейчас лезем на скальник, потом вернёмся сюда, и либо обед, либо на речку.

— Думаю, годится, — ответил за общество Майк.

Они, теперь уже шестером, пошли по той самой тропинке к скальнику.

— В лоб полезем или кто-нибудь хочет в обход? Там вроде раньше была тропа на самый верх, — Вик махнул рукой куда-то вправо.

— Полезем, полезем! — заверещал Саша.

Анна согласно закивала.

Ну да, залезть на верхушку скальника по имени Сибиряк оказалось несложно. Детям помогали — подавали руки, поднимали и ставили, переносили. И минут через сорок все оказались наверху.

Реки видно не было, был лес, и лес на другом берегу. Из него тем самым пальцем в небо торчал Идол. На вершине Идола копошились люди.

— Как они туда попали? — выдохнул Саша.

— По верёвкам, — ответила Вероника.

У неё были приятели, которые занимались скалолазанием и висели на верёвках с большим удовольствием.

Наверху пофотались, прошлись по хребтику, в который переходила верхушка скальника, потом полезли вниз. В расщелине нашли куст лесной смородины, нарвали листьев в чай. И когда спустились вниз, то всем захотелось хотя бы ноги помыть и умыться.

Вообще Вероника считала купание в Олхе разновидностью сумасшествия, но ей доводилось. Да что уж, раз взяла купальник, то и вправду — хоть ноги помочить.

Вода постепенно спадала, и названный вчера Виком большой камень посреди реки показался наружу. Он легко вместил из всех, а сбоку у него оказалась впадинка, в которой осталась вода, и эту воду оккупировали дети.

Детям было дозволено разве что побродиться ногами и побрызгаться, но оба уже через пять минут были мокрыми с головы до ног. Правда, они носились так быстро, и солнце пекло так жарко, что, скорее всего, ничего с ними не будет, подумала Вероника. Это мама бы уже в обморок упала — как это, дети в Олхе купаются, караул. Холодно и вообще. А Алиса принесла пенку, легла на неё, прикрыла лицо кепкой, и разве что лениво порывивала, когда дети начинали скакать у неё прямо над головой.

Братья Ледяные в купальных трусах представляли собой ту ещё завлекательную картинку. Их хотелось рассмотреть, гм, обоих и с головы до ног. Немудрено, что рюкзаки

таскают и по камням скачут — ничего ведь лишнего нет, только мышцы. И оба они, похоже, собирались лезть в воду.

После недолгой дискуссии о том, есть ли у реки дно и где его искать, Вик погрузился в воду между камнями, держась за них руками. Он шипел и фыркал, но обратно не выскакивал. Сообщил, что дно есть. Для доказательства встал на ноги — ему вода доходила до середины бедер. Майк захотел туда же, они поменялись. Ему тоже пришлось сесть, чтобы хоть как-то окунуться. Потом они выясняли температуру воды, оказалось — у Вика в навороченных водонепроницаемых часах есть датчик. Одиннадцать с половиной градусов, ага.

Глядя на них, Веронике тоже захотелось в воду. Что она, рыжая, что ли? Рыжая, конечно, но хочется же! Её намерение одобрили и поддержали, помогли спуститься с камня и придерживали, пока она не оперлась о дно. Песчаное нормальное дно. Вода позволила сесть, окунуться по шею и даже немного посидеть, прежде чем выскочить наружу сохнуть.

Потом лежали рядом на пенке, обсыхали, размазывали друг по другу капельки воды. Вик держал её за руку. Можно было закрыть глаза и воображать себе разное.

Из грёз вырвал детский визг и ругань Майка, впрочем, не слишком сильная. Они открыли глаза, сели и увидели, что дети под шумок залезли в воду ровно в том месте, где взрослые, стояли между камнями на дне и визжали от восторга. И надо думать, от холода тоже. Майк не смог пресечь безобразие сразу, потому что сам сидел в воде выше по течению, но теперь выбрался и шёл по камням к ним. Дошёл, вытащил за руки Анну, потом Сашу, сообщил, что они обормоты безголовые, и погнал их на большой камень, где выдал каждому по полотенцу. Алиса встала, и все они пошли на берег сушить и переодевать детей.

Вик подтянул её пенку к Вероникиной, и можно было лечь, снова закрыть глаза и не думать о лишнем.

Дальше тоже было хорошо — кипятили чай, пили его с чем попало, потом мужики сказали, что уже нужна еда и они будут её делать. У Вероники снова глаза полезли на лоб, но Алиса только рассмеялась — не отравят, мол, не переживай.

Оказалось, что с собой был взят изрядных размеров контейнер с замаринованным мясом, и они принялись его жарить. Дети захотели поучаствовать, им было выдано по сосиске с наказом найти палочку, наколоть сосиску и жарить. Можно с хлебом.

Алиса принесла пакет с овощами, и пригласила Веронику резать салат. Все оказались при деле.

В итоге получился изумительный ужин. К мясу и салату сделали новый котёл чаю, и ещё, оказывается, среди припасов нашлось вино, а для детей сок. Когда всё съели, расчехлили гитару. Играли по очереди Вик или Майк, Алиса подпевала, и Анна тоже подпевала — очень звонко, красиво и со знанием дела.

Снова Сашу сон сморил первого, прямо на лавке. Впрочем, Анна довольно скоро последовала за ним.

Майк и Алиса переглянулись и ушли к реке. Вик взял гитару и тихонько пел о любви, иногда поглядывая на Веронику. Господи, как бывает-то, оказывается...

Впрочем, в конце концов они всё равно оказались в палатке.

Вероника уже давно очень плохо засыпала в лесу. Нет, спалось-то хорошо, но вот заснуть — проблема. Всё время мерещились какие-то звуки, особенно если рядом волны, как на Байкале, или река шумит, как на Подкомарной. Или ветер в вершинах деревьев. И всё время казалось, что вокруг палатки кто-то ходит и разговаривает. Здесь от Олхи звуков было

предостаточно, но посторонние мысли в голову не лезли совсем. Ночью в лесу Вик Ледяной вправду был хорош необыкновенно. Когда доходило до сна, то мыслей к тому моменту уже не оставалось, а глаза всё равно что сами закрывались.

В воскресенье долго спали, потом пили кофе, потом сидели у реки. Алиса предложила сварить борщ и поесть хорошенько перед тем, как паковать и стартовать обратно.

Овощи чистили в четыре руки.

— Я правильно понимаю, что ты с ними как-то работаешь? — спросила Алиса, кивнув на братьев Ледяных, которые вместе с детьми сооружали из кучи хвороста какую-то пристройку к камню неподалёку от стоянки.

— Да. Я финансовый директор транспортной компании. А ты разве нет?

— Круто, что. Я гуманитарий до мозга костей и если считаю, то на калькуляторе. Поэтому нет. Если только Валентин Фёдорович очень просит помочь на важных переговорах.

— А ты вообще кто?

— Переводчик. Перевожу книги. Кроме того, синхронист, три языка — английский, французский, итальянский.

— Тоже круто. Я кое-как говорю на английском, и это мой предел.

— Почему предел? Просто не слишком нужно, да и всё. Будет нужно — заговоришь на любом языке.

Так-то да, конечно.

— А ты давно замужем?

— Десять лет, — усмехнулась Алиса. — И ещё десять лет мы встречались. Мы, можно сказать, с детства знакомы. Хочешь спросить, как не надоели друг другу? А я сама не знаю. Привыкли, наверное. Но мне реально ни на кого другого смотреть не хочется.

— А ему? — не удержалась Вероника.

Алиса усмехнулась.

— А ему, случись что, Валентин Фёдорович голову быстро на место поставит.

— Почему?

— Потому, что у него прежде всего семья. А всё, что семье во вред, идёт мимо.

Это было как-то странно и требовало осмысления. Во вред — ну и что, развестись нельзя, что ли? Вон старший же развёлся.

— А ты знала жену Вика?

— Станиславу? Да. Дура она. Дурой была, дура и есть. Понятно, что не все по большой любви замуж выходят, но раз вышла — чего выёживаться? Сиди и не фыркай. Ладно бы ещё в нищий какой дом, а тут, как понимаешь, совсем не так. Вот и кукует теперь в Испании, но одна.

— А ты как вышла — по большой любви? — Вероника снова не удержалась.

— А я не знаю, как иначе, — покачала головой Алиса. — Мне не с чем сравнивать, только если в теории, а зачем мне те теории?

Перед обедом взрослые по очереди и по-быстрому сходили искупаться — сначала Майк с Алисой, потом Вик и Вероника. Дети в это время забрались на огромный камень недалеко от стоянки и рассказывали друг другу про него какую-то замороченную историю.

Борщ умели со свистом — и взрослые, и дети, хотя Вероника опасалась, что всё не съедят. И когда стали собирать вещи, то оказалось, что содержимое бывшей сумки с продуктами закончилось, и это хорошо. Вода уже ощутимо уменьшилась, большой плоский

камень торчал из воды где-то наполовину. Но мужчины всё равно сначала перенесли все рюкзаки на другой берег, а потом уже доставили туда детей и помогли перебраться Алисе с Вероникой.

Идти было сильно проще, чем вечером в пятницу — сухая дорога, мягкий мох. До сворота на Идол дошли минут за пятнадцать, а оттуда уже было совсем близко до мостика.

В этом месте Олха совсем не напоминала себя же несколькими десятками метров выше — песчаное дно, ленивое течение. На мостике ещё и сфотались все вместе на камеру Майка.

Машины дожидались их рядом с Витязем.

— Кому рассказать, что ездила на Витязь на машине — никто не поверит, — рассмеялась Вероника.

— Не поверит — так и не рассказывай, — подмигнул Вик. — Храни воспоминания.

Она стала серьёзной.

— Мы знакомы так недавно, а у меня уже столько воспоминаний, что ой.

— Так то ли ещё будет, — он подошёл и обнял её. — Душа моя Вероника.

И когда от Витязя вернулись Майк с Алисой и детьми, они так и стояли у машины, а незагруженные рюкзаки лежали рядом.

45. Вик

И если ты дурак, то это навсегда, не выдумаешь заново...

Олег Медведев

Кажется, у них получилось. У них вообще и у него в частности. Вероника поехала, эта часть семьи не вызвала у неё никакого отторжения, с ней было здорово, да и ей вроде тоже было здорово.

Правда, она сказала, что сегодня ей нужно домой. Привести себя в порядок. Ну ок, и так получилось провести с ней несколько ночей подряд. Она так и сказала — завтра вернётся.

В теории связь должна была появиться где-то около железнодорожной станции. И телефон Вика даже стал что-то показывать — типа видит. По мере продвижения дальше он вроде смог не только увидеть, но даже и потрогать, где-то в районе Большого Луга. Но сначала хренов гаджет работал только на вход, то есть восемнадцать неотвеченных звонков от Паши Демьянова он показал, но сам сделать звонок не смог. И только за Большим Лугом Вик наконец услышал гудки в телефоне. Включил громкую связь.

— Шеф, ну наконец-то, — дальше был бессвязный мат.

— Паша, я в пути и у меня приличные люди в машине. По делу, будь добр.

— Всё пропало! Наши машины, которые в Чите! Они не отображаются на карте, и ни один водитель не выходит на связь. Уже полдня! Как из Манчжурии утром вернулись, доехали до фермы и сообщили, что всё норм, так и пропали сразу!

— С владельцем фермы в Чите связывались?

— Да, но не с владельцем, владелец — это тот китайчик, которого Валентин Фёдорович прикармливал, а там у него какой-то управляющий, и он в Чите, и ничего не знает! А ферма не отвечает на звонки!

— Понял, будем разбираться. Отбой. Приеду в город — перезвоню, будь готов подъехать.

Вик помигал брату — машина того шла следом — прижался к обочине и остановил машину. Майк подъехал следом, вышел, Вик вышел тоже, и Вероника за ним. Ладно, она в теме.

Краткий пересказ разговора вызвал у Майка вполне предсказуемую матерную тираду.

Вероника хихикнула.

— Прости, — подмигнул ей Майк. — Увы, умение материться виртуозно и многословно от отца унаследовала только сестрёнка Линочка, а мы выгребаем, как можем. Ладно, к делу. Пропали, говоришь, шесть машин? Ну вроде не иголка, легко не спрячешь.

— У Михаила Григорьевича должны быть в тех краях дружественные люди, попросим, поищут, — Вик нашёл нужный контакт и ещё раз пересказал разговор.

Вот ведь сволочи, не могли не нагадить. Зашибу тварь, как доищусь, думал Вик. И ведь было же чувство, что всё идёт слишком хорошо! Но не факт, что дело в их отсутствии в городе, всё случилось за тыщу км, и скорее всего, планировалось заранее. Ну и кто слил инфу, и куда?

— Короче, погнали, в городе дёрну Пашу, пусть подъезжает и рассказывает, что у него и откуда, обсудим, там видно будет, — Вик открыл Веронике дверь машины.

Майк согласно кивнул и пошёл к себе.

Веронике всё равно нужно было забрать свою машину, поэтому в городе поехали в центр. Более того, прихватили Майку, Алиса с детьми поехали на Грязнова без него. Паше Вик позвонил ещё с Синюшки и велел дуть к своему дому.

В итоге на Декабрьских собрались к восьми часам. После леса — совещаться по делу самое то, конечно же.

Принц Чарльз тоже был возмущён — как так, его люди где-то шлялись двое суток и только вернулись, и им снова не до его мохнатой персоны? Правда, Вероника нашла ему в холодильнике какой-то еды, и он хотя бы перестал орать. Потом пришёл к ней на колени и затах, внимательно слушал всё, что говорили.

Паша рассказал, что тревогу забил Иван Машков. Ему наказали приглядывать за картой, чтоб всё работало, вот он и сделал себе, чтоб отображалось — не то в телефон, не то в домашний комп. Он и позвонил где-то в районе обеда, что последняя информация — от десяти утра, а потом всё, как сожрали. А Серёга Емельянов, по ходу, на даче сидит и только утром оттуда вылезет, болезный, раньше жена не отпустит, а есть ли у него на даче связь — про то Паше неизвестно.

Связались с Иваном, он всё подтвердил.

Далее уже можно было говорить с Михаилом Григорьевичем и излагать ему конкретную задачу. О том, как шесть машин собрались в ста пятидесяти километрах от Читы, на некоей свиноферме, принадлежащей господину китайцу Фань Чэню, где разгрузили три машины на прошлой неделе и откуда они все должны были возвращаться в Иркутск, но перестали выходить на связь. И ферма сама по себе тоже на связь не выходит, но в тех краях связь, говорят, вообще нестабильная, у кого-то из операторов ничего себе, а у кого-то — из рук вон плохо.

Михаил Григорьевич обещал до утра получить какую-нибудь информацию, и на этом можно было сворачиваться.

Паша изрядно косился на Веронику, но она спокойно встала и сказала — мол, пора и по домам. Нужно было пригнать из гаража её машину, и вниз пошли толпой.

Первым уехал как раз Паша. Вероника предложила Майку подбросить до Грязнова, тот согласился. Оставалось только поцеловаться, не оглядываясь ни на него, ни на кого другого во дворе, и договориться созвониться потом, позже, и они уехали.

Чарлик обнюхал вернувшегося с рюкзаком Вика и выдал длинное заковыристое выражение, скорее всего — матерное.

— По ходу, ты прав, твое котовое высочество, и про меня, и про ситуацию. Всё примерно так. И даже Вероника сегодня нас бросила. Но мы её всё равно любим, правда?

И на это уже у кота не нашлось никаких возражений.

46. Вероника

И будет просто жизнь, и будет гулкий трамвай,

И будет душный дом, и овощное рагу,

Олег Медведев

Вот ведь гады, весь праздник испортили, думала Вероника, пока гнала машину по Новому мосту. Ойблин, Академическому. Но тех, кто подстраивает всю эту дрянь, уже реально хотелось убить. Как специально — вы вот тут выкарабкались, а мы вам вон там засандалим. Ладно хоть все грузы были доставлены в срок, хотя бы у господина китайца претензий не будет. Но мы же не знаем, что там случилось на его ферме, что шесть немаленьких машин куда-то делись с радаров, вдруг там уже и фермы-то никакой и не осталось?

Когда до дома оставалось сто метров, прозвонилась Ленка. От неё была пара неотвеченных за то время, что они провели в лесу, и Вероника думала перезвонить уже из дома. Но так может и лучше, дома явно буду слушать, о чём и с кем она говорит, а делиться деталями Вероника не собиралась. Она остановила машину и ответила на звонок.

— Привет!

— Ну ты даёшь, куда пропала-то?

— В лес ездила.

— С ним? — Ленка аж завибрировала в предвкушении истории.

— И с его родственниками.

— И как?

— Хорошо.

— Очень хорошо?

— До степени «так на самом деле не бывает».

Ленка тоже была большим любителем потусить в лесу, поэтому с пониманием отнеслась к рассказу про поехать на Витязь на машине, про надувные матрасы, про переправу в сумерках и прочие поразившие Веронику события.

— И вот прямо представил семье?

— С его братом мы уже по работе успели познакомиться, и он был на нашем корпоративе неделю назад, а вот жену брата и детей я впервые видела.

— И как? Богатые тоже плачут?

— Богатые тоже люди. То есть изо всех сил это утверждают. Едят, пьют, ходят в лес, любят, ненавидят, рожают детей. Типа, как все.

— Ага, только на Витязь на машине ездят.

— Именно. И говорят — а что такого.

Заржали обе, когда просмеялись, Ленка сказала:

— Ну так тебе теперь прямая дорога смотреть, что будет дальше.

— Типа того, — вздохнула Вероника. — И у нас ещё на работе опять проблемы.

— Снова кто-то куда-то не доехал?

— Ага. И пропал с радаров. Завтра будем искать.

— Удачи! Держись там! И держи в курсе, что и как у тебя!

— Хорошо, — улыбнулась Вероника и поехала домой.

Дома уже были все, в смысле — мама, Катерина и собака Муха. Веронике тут же сообщили, что Катерина привозила на дачу нового кавалера, и что он традиционно не понравился маме. Ходит не так, говорит не так, смотрит не так, и всё делает вообще не так. Катерина сидела у себя надутая и только что не со слезами на глазах, а мама страдала, почему она так плохо воспитала детей, что они её только расстраивают. На этом фоне традиционный ответ Вероники на вопрос «Как съездили» мог звучать только «Отлично», и деталей не требуется.

Одна лишь собака Муха обрадовалась Веронике искренне и без затей.

Когда Вероника помылась — не душ по-быстрому и скорее в постель, а полежать в ванне с пеной, поделать масочки и всякое такое — и выбралась на кухню выпить чаю, мама тут же пришла и тоже села за стол.

— Это что же за праздник-то сегодня, что ты дома ночуешь?

— В смысле? — Вероника примерно представляла, что будет дальше, но предоставила маме возможность самой всё сказать.

— Ну ты нас как-то не баловала своим присутствием в последнее время.

— Всего-то пару раз.

— Как это пару раз? А вчера, а сегодня?

— Это в лес, это не считается. Кстати, завтра я, скорее всего, тоже буду ночевать не дома.

— Ты не хочешь ничего мне рассказать?

При этом смотрела и говорила мама так, что ответить «хочу» мог только полный идиот. Потому что всё, что вы скажете, может быть и даже будет использовано против вас.

— Нет, мама, пока не хочу. Как только будет, что рассказать — я это обязательно сделаю.

— Я же должна знать, что происходит в твоей жизни! Куда ты там ходишь вообще! Мало ли, что там с тобой случится, а я даже не знаю, где потом тебя искать!

— Мама, со мной может что-нибудь случиться в любой момент. По дороге на работу или с работы, на работе, в магазине, да вообще где угодно. Пока не случилось, и хорошо. Не нужно притягивать неприятности.

— Ты что, считаешь, что я притягиваю неприятности? Но я же беспокоюсь!

— Значит, нужно найти способ, как меньше беспокоиться. Извини, но мне уже нужно спать. Завтра на работу.

— Но хоть скажи, с кем ты там проводишь время!

— Они с работы, — Вероника постаралась пожать плечами как можно более безразлично.

— Они? — не поняла мама.

— Ну да. Мы ездили в лес вшестером. Люди с работы и их дети, — так-то ни слова неправды.

— И ночуешь ты тоже с людьми с работы?

— С одним из них, да. И пока просто ночую, так что больше говорить не о чем. Мне не пятнадцать лет, в конце-то концов. Спокойной ночи.

Выйти, дойти до своей комнаты, закрыть дверь, открыть окно. Выдохнуть. Надо жить самостоятельно, тогда не будет всех этих изматывающих допросов, по итогам которых всё равно маме не добавится ни спокойствия, ни уверенности. Она ни разу не одобрила ни одного её мужчины, равно как и Катерининых. Чудес не бывает, поэтому... поэтому просто

живём дальше, и всё.

Тем более, утром именно что на работу. Разгрести очередное дерьмо.

47. Вик

Браво, парень, ты выходишь на след

Олег Медведев

Оказалось, он уже привык засыпать с Вероникой. Слушать её дыхание, смотреть на неё сквозь ресницы. Обнимать её. Держать за руку. Принц Уэльский не годился несколько, хоть он и прискакал, стоило только Вику накрыться одеялом, и улёгся на ноги.

Ничего, она сказала, что придёт завтра. И хорошо.

Будильник возник неожиданно — вот вроде только он думал о том, что там в Чите, и как придёт Вероника, и уже подъём. Что ж, вставать и в бой.

На работе он был ещё до половины девятого. Прошёл по пустому этажу, открыл кабинет. Сам заправил кофемашину в приёмной и добыл чашку кофе, так лучше думалось. И позвонил Михаилу Григорьевичу — после восьми утра уже можно.

Тот был немногословен — своих людей в Чите нет, послать выяснить по-быстрому некого. Если хотя бы до обеда не появится новой информации — тогда кто-то поедет.

Анна Константиновна очень удивилась, что Вик снова раньше неё на работе, заохала. Вик успокоил её — всё нормально, просто форсмажор.

Прибежал Паша, думал — есть новости, у него самого их не было. Вызвали Иване Машкова, тот как раз вот только приехал, прямо как был с рюкзаком, так и припёрся. Открыли карту, стали смотреть — нет, ничего не появилось. Паша прозвонил водителей — тишина, ни один из шести не отзывается.

Тут Вик уже позвонил и Серёге Емельянову — в конце-то концов, его водители, он за всех головой ручался, и где та голова? Померанцев всё ещё был на больничном, поэтому отвечать по любому ему.

Тот мгновенно явился, охренел с услышанного, стал божиться, что ничего не знает. Сам попробовал звонить водителям — не прокатило.

А тут уже и планёрка подоспела. Вероника пришла без пяти десять, первым делом спросила — как оно. Вик сморщился, она поняла, посмотрела сочувственно. Дальше уже постепенно подтянулись остальные. Например, отсутствовавшая по семейным обстоятельствам всю прошлую неделю главбух Жанна Аркадьевна.

Сначала он слушал о текущем — выполненные договоры, выполняющиеся договоры, предварительные прикидки по договорам на ближайшее будущее. Расходы, доходы, проблемы. Кроме непоняток с Читой, проблем-то и не было, всё остальное шло, как надо. В Якутию почти довели, что-то по мелочи тоже выполнялось, какие-то регулярные рейсы приносили небольшой, но регулярный доход. Автопарк требовал обычных регулярных вливаний.

Вик выслушал всех, потом оставил Серёгу, Пашу и Веронику.

— Итак, братцы-кролики, ваши предложения?

Паша встрепенулся.

— Я тут позвонил жене Третьякова, ну, одного из водителей, у кого она нормальная и паниковать сразу не станет, так она сказала — со вчера никаких известий. То есть домой не сообщал о каких-либо непредвиденных задержках. Вчера отзванивался утром — что в Чите, и всё.

— Значит, вчера утром все были в порядке, — подумал вслух Вик. — Но это мы и сами

знали, так? После обеда собираемся тут, я надеюсь на некоторую информацию. Там и решим.

На том и завершили.

— Виктор Валентинович, есть вопрос.

— Слушаю вас, Вероника Андреевна. Кофе?

— Нет, спасибо, уже почти обед, — она подошла близко и говорила тихо. — После работы я предварительно съезжу домой, потом к тебе. Если не будет никакого форсмажора.

— Отлично, — он улыбнулся, первый раз за сегодняшний день. — Его котское высочество сказал, что спать нужно с тобой, без тебя плохо.

— Мне тоже без тебя было как-то не очень, — усмехнулась она. — Поправим.

Господи, спасибо, что хоть где-то порядок.

После обеда Михаил Григорьевич позвонил сам.

— Знаешь, я нашёл информаторов. Говорят интересное — что вчера в районе той фермы была какая-то стрельба. При том, что сама ферма на отшибе, и даже с трассы нужно съехать, чтобы на неё попасть. Но пойти туда и выяснить, что там и как, они не горят желанием даже за деньги. Разве что помочь конно и оружно тем, кто за это возьмётся.

— То есть, оружие и машину дадут?

— Обещали.

— Хорошо. Сколько человек вы можете дать?

— Не думаю, что нужно прямо много. Четверо — оптимально.

— Ок. Мы с Майком, Тоха Зелёный и кто-нибудь ещё.

— Делать нехрен? — любезно спросил старый друг отца.

— Это ж теперь моё имущество. Отсюда я вообще не могу понять, кто виноват и что делать. А там хоть что-то конкретное.

— И непременно нужно переться вам обоим, — Михаил Григорьевич имел в виду Майка.

— Нам привычно работать в паре, вы же знаете.

— И отец его отпустит?

— Думаю, да. Я с ним переговорю. Вы не в курсе, когда ближайший самолёт в ту сторону?

— Нет. Но так быстрее всего, ты прав.

Далее Вик загрузил Анну Константиновну поиском самолётных билетов и позвонил Майку. Тот, как и ожидалось, был только рад проветриться.

Билеты нашлись вот прямо на сегодня. Ну то есть скорее на завтра, на пять утра. Вик велел купить четыре. Далее следовало позвонить отцу.

Тот, в принципе, даже не сильно возражал.

— Ладно, езжайте, проветритесь. Двоих с собой хватит? Или возьмёшь больше?

— Да хватит, что там толпой-то разгуливать.

— Ну тогда с богом. Полиньке скажу, что просто переговоры. И ты сам ещё скажи.

— Ну да, скажу. Надеюсь, переговоры там тоже будут, и врать не придётся.

— Ты же не знаешь заранее, так? Поэтому никакого вранья и не понадобится. Собирайтесь, отправляйтесь, и жду обратно с приличными новостями.

— Постараемся.

48. Вероника

Взял надежду сухим пайком,

Соль со спичками бросил в ранец —

Я готов отправляться в путь,

Всё, что нужно, уже при мне.

Олег Медведев

После обеда Веронике позвонила главбух Жанна и позвала прийти и посмотреть на некоторые, как она сказала, интересные вещи. Вероника обещала подойти, но сначала позвонила начальству. Начальство отнеслось с пониманием и напомнило, что ждёт вечером.

Жанна разложила на столе перед Вероникой бумаги и предложила прочитать. Это были счета на ремонт, и выходило, что ремонтируют одну и ту же машину, после рейсов одного и того же водителя и, грубо говоря, в одном и том же месте. И ремонт-то не по мелочи, а серьёзный, и счёт притащили сегодня в третий раз с начала года.

— А раньше ты не обращала внимания? — спросила Вероника.

— Каюсь, не обращала, — нахмурилась Жанна. — Были дела, они закончились, спящая красавица проснулась. И увидела дивное.

— Какие дела? — не поняла Вероника.

— Отца хоронила, — пожалала плечами Жанна. — Девять дней вчера было.

Точно, её же даже на корпоративе не было! И Вероника, к стыду своему, не помнила, кто вообще был на работе на прошлой неделе — кроме Ледяного, Маргариты Романовны и новой секретарши, вот задурила-то себе голову! И Жанна выглядела осунувшейся и замотанной больше обычного.

— Соболезную, — сказала Вероника. — Да будет земля ему пухом, как говорится. Было что-то серьёзное?

— Спасибо. Онкология. Но это уже пережито, и теперь я готова работать по-людски. Тем более, что это, говорят, нынче в моде.

— Ты выясняла, что там с этой машиной?

— Нет, да и у кого? Померанцев на больничном, Емельянов тоже где-то носится.

— Ну да, у него опять косяк, — сморщилась Вероника.

— И Ледяной терпит косяки?

— Неа, — помотала Вероника головой. — На прошлой неделе поувольнял кучу народу. Сейчас если косяк не разрулят — ещё кого-нибудь уволит.

— Слышала про Марину Бойко и про твою Алёну. А кто ещё?

— Кто-то из водителей и начальников смен.

— Ну, тех давно пора проредить. Знаешь, я знаю, кого из логистики спросить потихоньку. Спрошу сегодня, и завтра тебе расскажу. Там посмотрим.

— Отлично.

— А оплату пока придержу. Там типа запчасти на заказ и ещё какая-то муть, но судя по стоимости, запчасти должны быть золотые, а по частоте запросов — одноразовые. Что-то я такого себе вообразить не могу.

— И правильно, — согласилась Вероника. — У тебя тут можно откопировать это безобразие?

— Можно, а ещё я могу тебе в электронном виде скинуть.

— Будь добра, только в личную почту, — не то, чтобы были поводы не доверять новому секретарю, но обжегшись на молоке, хотелось дуть на воду.

— Не вопрос, сейчас.

Придя к себе, Вероника открыла ноутбук и почту, вытащила из письма счета на ремонт

и ещё раз просмотрела. К слову, ноутбук теперь был запаролен, чего раньше она никогда не делала. Ну да, всё, как сказала Жанна — один и тот же запрос, повторяется раз в два-три месяца примерно, и только потому, что у Жанны голова была занята семейными делами, это прокатывало так долго. Ладно, будем разбираться. И с этим тоже.

Дома она застала маму и собаку Муху. Маме она по дороге купила продуктов, собаке Мухе — корма, кроме того, заехала в банкомат и сняла для мамы обещанные деньги. Хорошо, что мама дома, можно отдать ей лично в руки.

Мама, правда, долго утверждала, что лично ей ничего не надо, ни продуктов, ни денег, но потом всё взяла. И не забыла проехать по моральному облику старшей дочери, которая опять собиралась ночевать неизвестно где. Наверное, у какого-то женатого мужика, о котором родной матери и сказать-то стыдно.

— Нет, мама, мужик разведённый, — сказала Вероника как могла спокойно.

И поехала на другой берег.

Там её радостно встретили один двуногий и один хвостатый. Двуногий поцеловал, хвостатый радостно выбежал навстречу, и его невозможно было не взять на руки.

В большой комнате на диване стоял рюкзак — небольшой, формата «для города», но чем-то наполненный.

— Ты куда-то собираешься? — нахмурилась она.

— Да, — кивнул он. — Садись, расскажу.

— Очень хочу послушать, — обескуражено сказала она.

— В пять утра у меня самолёт в Читу.

— Ты... ты решил сам ехать и разбираться? Это необходимо сделать именно тебе? — она никак не могла уложить это всё в голове. — Больше никому?

— Со мной едут Майк и двое ребят Михаила Григорьевича. Утром мы будем в Чите, и я надеюсь, что завтра уже что-то узнаем.

— Но там же... неизвестно что!

— Вероника, это моё неизвестно что, — он усадил на диван их с котом и обнял её. — Я был бы рад, если бы оно разрешалось само, но увы.

— Но что ты там будешь делать?

— По ситуации. Вероника, нам с Майком не привыкать. Приходилось делать очень разное, я умею, если ты об этом.

— И об этом тоже, — она была ошарашена.

— Поедем и найдём наши потерявшиеся машины, — улыбнулся он. — Не иголка, как сказал Майк, совсем пропасть не должны.

— А... что ты сказал на работе?

— Ничего. Для всех у меня важная встреча. За городом. В курсе дела Анна Константиновна и ты.

— Ты даже Паше не сказал?

— Нет. Только отцу и Михаилу Григорьевичу. Где-то же вылез косяк, а вроде все участники дела были свои и проверенные. Завтра Анна Константиновна продержится, а к вечеру, я думаю, уже что-то будет известно. Я позвоню, и ей, и тебе.

— Ок, — Вероника никак не могла уложить внутри себя всё услышанное.

— Душа моя, не бери в голову, хорошо? Это сейчас не самое важное.

— А что же тогда важное? — она не понимала.

— Что у нас мало времени, — тихо рассмеялся он. — Майк приедет к двум. Ты очень

голодная? Может, пожрём потом? Попозже?

И смотрел на неё лукаво и жарко, она тушевалась и плавилась от таких его взглядов.

— Хорошо, попозже, — улыбнулась она.

Он прав. Если впереди хрен знает что, нужно успевать.

... Они ещё успели и поваляться немного, и душ, и поесть. И когда приехал Майк, пили кофе на балконе.

Младший брат Вика был одет по-лесному, и рюкзак у него был очень похож на тот, что стоял в прихожей на стуле.

— Что Лис сказала? — поинтересовался Вик после взаимных приветствий.

— Что дурная голова ногам покоя не даёт. Чья голова — не уточнила.

— Знали бы мы, чья голова, ага, — Вероника подумала, что кофе понадобится ещё, и пошла заправлять гейзерную кофеварку.

— И что бы ты сделала? — заинтересовался Майк.

— Оторвала бы ту голову нахрен, — сообщила Вероника, не отрываясь от своего занятия.

Ледяные заржали.

— Принимается, — Майк прямо искрился. — Хорошая девушка Вероника. Одобряю, — и тут же стал серьёзным. — Скажи, нам надо морочиться с оружием в аэропорту?

— Нет, на месте помогут, — Вик изучал что-то в телефоне. — Люди сами туда переть не готовы, но дадут машины и стволы.

Что-что? Какие такие стволы?

— Это хорошо, — кивнул Майк. — Вероника, отомри. Голову лучше отрывать с помощью подручных средств, а не голыми руками.

— Понимаю, — кивнула Вероника.

Видимо, видок у неё был тот ещё. Вик подошёл и обнял.

— Можем обещать, что без нужды никого не убьём. Принимается?

— Да, наверное, вам виднее.

Новая порция кофе известила о готовности прицельными плевками на чистую печку. Вероника подхватила кувшинчик и утащила на балконный стол. Там Майк препарировал плитку шоколада и сунул ей в руку несколько кусочков, а Вик взял у неё кофеварку и разлил содержимое по чашкам. Плетёные кресла отставили, третьего здесь всё равно не было. Вик плеснул ей и себе сливок, а Майк, похоже, предпочитал чёрный.

Братья переглянулись.

— Вокруг — тайга, а в тайге — тропа, — начал говорить Вик каким-то особым, непонятным голосом.

— На тропе медведь стоит, на меня глядит, — подхватил Майк.

— Как воде с огнём рядом не бывать...

— Так медведю со мной рядом не стоять...

— Тела моего не мять, костей моих не ломать...

— Плоти моей не рвать, мяса моего не жрать...

— В тайге много дорог...

— А моя — одна...

— И та без медведя, — закончили оба разом, глядя друг на друга.

И выпили, что у них там было. И перевернули чашки кверху доньшком на блюдца. Но смотреть, что там, не стали, оставили так.

— Всё хорошо, — тихо сказал Вик ошарашенной Веронике. — Так надо. На удачу. Но нам пора.

— Я отвезу вас? — встрепенулась она.

— Нас отвезёт Володя. Но я буду рад, если ты нас проводишь.

— Угу, а потом? — машина-то у неё здесь.

— А потом вот, — он вложил ей в руку припасённую, не иначе, связку ключей. — Что-то мне подсказывает, что твои домочадцы вряд ли обрадуются, если ты явишься домой в четыре часа ночи.

— Вообще не обрадуются, — согласилась Вероника.

Собака Муха непременно проснётся, залает и всех перебудит.

— Поэтому приедешь сюда. И вообще я буду рад, если ты присмотришь за его котовским высочеством. Нет, если ты откажешься, я попрошу тётю Нину, она сделает или организует. Но мне будет приятно, если ты поживёшь пока здесь.

У Вероники захватило дух. Место, где она могла бы побыть одна? Невероятно. Как он понял? Она не нашла слов.

Так и стояла бы столбом, но он взял в ладони её лицо, и целовал, и она целовала его, и почему же всё так, что ему нужно уходить куда-то в ночь, а ей — оставаться, и ждать неизвестно чего...

Он вернётся. Потому, что дорог много, а его — одна, и та — без медведя.

49. Вик

Нас будет ждать драккар на рейде,

И янтарный пирс Валгаллы светел и неколебим

Олег Медведев

Спустя более чем сутки, днём в среду, Вик проснулся в купе скорого поезда Чита-Москва. Время приближалось к полудню, остальные участники экспедиции — Майк, Тоха и Женя — спали. Ну да, на предыдущую ночь выпал самолёт, а день провели в трудах и заботах, еле успели к вечернему девятичасовому поезду. Самолёт был бы лучше, но он летает между Читой и Иркутском не каждый день, рейс из Читы должен был вылететь где-то сейчас, или чуть позже, а они уже к Выдрино подъезжают, судя по тому, что видно в окно. В окне показывали станции электрички и иногда в тумане — далёкие горы Хамар-Дабана. С другой стороны должны показывать Байкал, но чтобы увидеть, нужно встать, надеть штаны и футболку, и выползти наружу.

Вик подремал ещё немного, а потом всё же проделал эти нехитрые операции. Сходил, умылся, и застрял в коридоре у окна.

Байкал был тихий-тихий, и весь в туманной дымке. Западного берега не видно. Влажный нынче год, просто капец. Интересно, а как там выше в горах? Не то, чтобы это было вот прямо очень важно, но любопытно.

А поездка получилась весьма занимательной.

В аэропорту их встретили знакомые Михаила Григорьевича, те самые, которые обещали помощь. Привезли на какую-то квартиру, где можно было умыться и даже часа три поспать — прилетели-то в шесть утра, а впереди снова ждала дальняя дорога. Ну как дальняя — сто пятьдесят км по трассе в сторону Иркутска.

Они отправились на ту ферму в две машины — в каждой по местному водителю, в одной Майк и Женя, в другой Вик и Тоха. И ещё Вася, местный управляющий господина китайца Фань Чэня. Он-то и рассказал, что звонил охранник с фермы, рассказывал про то,

что стреляли, но где конкретно и кто — сказать не смог, потому что по смыслу-то он охранник, а по факту — сторож, и у него не то, что оружие, а даже и палка кривая не факт что есть под руками. Поэтому соваться не стал, но предупредить — предупредил.

С трассы свернули на просёлок, и ладно ещё, что здесь почва — песок, а не глина, как в Иркутске, с нынешними дождями колёс бы не вытащили. Ферма господина китайца стояла на полянке в километре от трассы. Ближе к дороге — старые покосившиеся деревянные дома, дальше среди деревьев виднелись домики из новых блоков.

С краю поляны, в тенёчке, стояли родимые лесовозы, все шесть. И даже номера совпали, так что сомнений не оставалось.

Ну теперь ещё бы водителей найти, думал Вик.

Выгрузились, вооружились, выступили. Сначала нашли того сторожа, который звонил. Дедок лет под семьдесят, седой, крепенький, из тех, что переживут и ядерную зиму, и атомную войну, и потом ещё останутся. Он обитал в облезлом старом доме с самого края, как увидел Васю — так чуть в штаны со страху не наложил и тут же начал верещать, что он ничего не знает, он вообще не при чём, а во всём виноваты иркутские водители. Это они между собой рассобачились, а местные вообще не в теме.

Красотец неопиcуемый. Иркутские, значит, водители, мать их. Вик понемногу начал закипать.

Тем временем Майк, сдвинув на лоб солнечные очки, небрежно поигрывая пистолетом и щурясь на сторожа, продолжал выпытывать, что да как. Где те самые иркутские водители, например. То есть где их искать. Машины стоят — это хорошо, это имущество фирмы, а люди-то где? Неужели кто-то сожрал?

Ага, сожрёшь их таких, бурчал себе под нос сторож. Приехали в шесть машин, три остались под разгрузку, а ещё трое переночевали и дальше поёрли, чуть не до самого Китая, ну да тут не то, чтобы очень далеко. В воскресенье утром вернулись порожние, и тут все думали, что они дух переведут да отваят себе в свой Иркутск. Но не тут-то было, в самый обед как раз стрелять и начали. А потом с фермы местный пацан прибежал, Лёха, он и сказал, что их никого не тронули, а это приезжие что-то промеж собой делили. Где те приезжие? В зелёном домике, их туда поселили. Там и есть, наверное, куда им деться? Да, ещё в воскресенье вечером приезжал чёрный джип, не местный, левый какой-то, сюда такой не ездит, и вскорости обратно отвалил, но стёкла тонированные, и кто там и что — а хрен их знает. И с тех пор тихо.

Ну, времени уже первый час, все должны быть на ногах, подумал Вик, пока они вчетвером плюс Вася шли к тому зелёному домику. Одноэтажный дом стоял на территории фермы, но на отшибе, сбоку. Шли, не скрываясь, но не шумели, мало ли?

Домик был длинный, и крыльцо у него пристроили с торца. Вик хотел уже открыть дверь и войти, но Тоха невежливо отпихнул и пробурчал:

— Раз взяли нас с собой, Вик Валентиныч, то и не лезьте поперёд, ясно? Если что — это мне потом будут голову отпиливать и Валентин Федорыч, и Михал Григорыч, и Полина Николаевна. По очереди и разом.

Вик не очень представлял, как именно Полинька будет кому-то отпиливать голову, но подозревал, что лучше ему этого и не знать.

Тоха вошёл, а за ним уже и Вик. Справа была кухня, слева что-то типа столовой. Там сидели семь человек, и всех их Вик определённо знал. Не то, чтобы вот прямо по имени-отчеству, но знал. Опять же, списочек у него с собой был. Другое дело, что их должно было

быть двенадцать. Остальных-то куда дели? Неужто на пригорочке прикопали?

Вика тоже, на удивление, признали. Что не сразу — ну да бог с ним, он бы сам себя не признал в берцах, лесных штанах и со стволом, если бы до того видел только в костюме и при галстукe. Но признали же. Полезли из-за стола, за которым в карты играли, типа здороваться, потом оружие увидели, карты побросали, притихли. Ещё двое подтянулись откуда-то из глубин домика.

Вик велел рассказывать, как до такой жизни дошли, почему с радаров пропали, почему на телефонные звонки не отзываются, почему вообще тут сидят и где шароборятся остальные.

Заверещали разом, тогда Майк шарахнул кулаком по столу. Затихли.

Вик выбрал одного более-менее знакомого, как же его, Илья, кажется. Кивнул ему и велел говорить.

Тот рассказал, остальные кивали. Из рассказа выходила херня.

Илья был из тех, кто ездил в Манчжурию, о чём попутно и отчитался — мол, всё в норме, довезли, разгрузили, документы получили, всё ок. А дальше выходило, что в воскресенье они вернулись сюда, и по договорённости должны были вместе с экипажами остальных трёх машин двинуть обратно — чего здесь жопу-то греть, домой пора. Но Олег Динин, по прозвищу Динозавр, сообщил, что у него здесь дело, а кроме него, ещё у Пети Яковлева и Стаса Сергеенко. И кто хочет, пусть валит, а их напарники пусть ждут — так случилось, что все трое деловых людей были из разных экипажей. Тут напарники Динозавра и Яковлева заорали, что нечего хернёй страдать, надо домой валить, и так всех строго предупредили, что проблем быть не должно. И что по возвращению их спросят — чего тут делали и какого хера застряли, и премию не дадут. Тут Динозавр стал ржать и говорить, что все грс-ки он уже сломал, ибо нехер, и никто их уже не отслеживает, а сотовая связь здесь тоже херовая, пойдй прозвонись. Это точно, или телефон вообще не берёт, или видеть видит, а дотянуться не может. На Динозавра попёрли, потому что премия накрывалась медным тазом, и чем дальше, чем очевиднее, но оказалось, что у него есть ствол, а Петя и Стас с ним заодно. Он даже пару раз выстрелил — в воздух и в дерево. Ну и кому надо было после такого с ним дело иметь?

Засели в доме, местные зашугались и не вмешивались. И видели, как через полчаса подъехал тонированный джип и забрал этих троих. И было это позавчера, с тех пор от них ни слуху, ни духу. На закономерный вопрос — и чего сидите-то? Почему домой не поехали? Эти трое явно не пропали бы без вас! — ответ был «хоть и шелудивые, но свои же, чего бросать-то». Ну да, ну да. Динозавр был старшим в той группе, что ездили в Манчжурию, а Сергеенко — среди оставшихся. А без главного барана стадо никуда не ходит, ясен перец.

В общем, им нужен был пинок под зад в сторону дома, и они его получили. Мигом собрались, завелись и отправились.

А Вик с компанией остались ждать.

Пока ждали — пошли, посмотрели ферму. Ну, ферма. Кучка китайцев при ней. Свиньи. Всякие разные — маленькие поросята, средние свинюшки, большие свинтусы. Прикольные. Майк фотал для детей, а Вик просто так, потом понял, что не просто так, а Веронике показать. Не о своих же свинтусах рассказывать, хотя о них тоже придётся.

Потеряшки подъехали часу уже так в пятом. И порядком охренели от того, что ни одной машины-то и нет. Потом догадались оглянуться и увидели комитет по встрече.

Нет, сами они не дёргались, стрелять начал мужик из тонированной машины, что вылез

с места рядом с водительским. Дальше было три ствола против четырёх и пятеро против четверых, но у людей Михаила Григорьевича выучка оказалась лучше, чем у не пойми кого из читинской степи, да и чем у своих уродов — тоже. Водителя и того, что был при нём, вырубили, но не насмерть, а так, чтоб не мешали, а со своими недоумками следовало поговорить.

Разговор, впрочем, был недолгий. Им предложили честно рассказать, что они здесь делали и из-за чего сыр-бор. Динозавр, оказавшийся крепким, лысым и в наколках, только выматерился. Яковлев был из них самым младшим — этакий мальчик-колокольчик с огромными глазами, и тут до Вика дошло, на кого тот похож — да это ж сынок уволенного начальника смены Руслана Петровича! Вот так фрукт! Но этот Петя только глаза пучил, и больше ничего.

Самым вменяемым оказался Сергеенко — ушлый парень лет двадцати пяти. Он говорил вежливо, на рожон не лез, просил простить за самоуправство и возникшее недопонимание. Мол, было дело, в гости их троих позвали, а остальным они сами предложили ехать домой и никого не ждать, только одну машину им оставить. И спрашивал, как же им теперь домой-то возвращаться, коли машины все без них ушли.

Ну, тут Вик не церемонился — как два дня шлялись, так и домой доберутся, нечего. А дома их ждёт не только увольнение, но ещё и штраф за порчу имущества и срыв сроков. Не вернулись вовремя? Не вернулись. Ну и вот, как говорится.

Динозавр снова начал бузить, ему поддали и напомнили — просили же по-доброму рассказать, какого хера они тут ищут. Он замолк, но заговорил Петя Яковлев — молодой, впечатлительный. Он и сказал, что добрые люди попросили ценную посылочку знакомым передать, вот они и взялись.

Тем временем местный Вася дозвонился-таки куда-то, и пока они разговоры разговаривали, приехал наряд местной же полиции. Обитателям чёрного джипа они очень обрадовались, и с удовольствием забрали их с собой. Троих гостей, подумавши, тоже забрали с собой, а Вика сотоварищи выразили большое человеческое спасибо за помощь в состоявшейся встрече. Вик попросил держать в курсе — а то у него тут куча непоняток на фирме, таких, что прямо самому приходится переть за тыщу км и разбираться, что вообще происходит. Ему обещали держать в курсе и обмениваться сведениями.

После такого уже оставалось только привести себя в порядок, в том числе помыть битые рожи Тохе и Майку, Вика повезло больше, разве что пара синяков будет, и то не на самых видных местах. А потом уже — валить обратно в город.

С трассы Вик позвонил Анне Константиновне и велел искать им любые билеты хоть на что. Она нашла — девять вечера, скорый поезд, ажно целое свободное купе. Пожрать успели в городе, да ещё доширака с собой прикупили на утро — нечего битыми рожами светить по вагону-ресторану. Дрянной кофе был у Тохи, а Майк где-то добыл целую большую шоколадину.

Веронике Вик позвонил с вокзала. Она обрадовалась, сказала, что только выбралась с работы, сидит с Чарликом у него дома и смотрит на город с балкона. Почему-то его очень согрел этот факт. Интересно, что она на работе так долго делала? Потом дошло, что в Иркутске на час меньше, то есть — половина восьмого. Всё равно непонятно. Ладно, завтра разъяснится.

А когда они забрались в поезд, показав в телефоне электронные билеты, и изрядно озадачив этим молодого парня-проводника, то оставалось — только лечь спать. Нет, не лечь.

Упасть. Завалиться. Ботинки расшнуровать — и того. Остальное потом.

...Вик услышал шевеление за спиной и обернулся. Майк открыл дверь и высунулся наружу, рассажженная скула добавляла в его элегантный облик что-то разбойничье. В купе шевелились остальные.

Можно пойти и сделать себе дрянного Тохиного кофе. И заполировать его дошираком.

50. Вероника

Верь в то, что ваша встреча — сказка всех сказок, песня всех песен

Олег Медведев

Анна Константиновна позвонила и сообщила, что скорый поезд Чита-Москва опаздывает в Иркутск примерно на два с половиной часа. Ну и ладно, подумала Вероника, они там пусть отсыпятся, а тут, странное дело, надо работать. И после работы она как раз доедет на вокзал.

История с ремонтом в третий раз подряд раскрутилась как-то прямо легко, стоило только за ниточку потянуть.

Во вторник к обеду Жанна уже знала, кто обычно ремонтирует тот КАМАЗ, который повложенным в него деньгам уже должен стать золотым. Ну то есть там как бы бригада, пять человек, и то один, то другой, то двое разом, то ещё как-то, но у той бригады был бригадир, и это оказался племянник уволенного на прошлой неделе Руслана Петровича Яковлева, Слава Яковлев. А запчасти покупали не напрямую у производителя, а в некоей фирмочке, покопать которую Жанна велела Паше Демьянову — чтоб не скучал, пока начальство отсутствует. Паша и покопался там, и даже нашёл, Вероника не знала, сам ли, с помощью всемогущего Михаила Григорьевича или ещё какого божьего чуда. Фирмочка была оформлена на сестру актуальной жены того же Яковлева и по факту никаких запчастей никому не продавала, но вся документация у них была в порядке — как будто заказывали, получали и продавали. Преимущественно понятно, в какую транспортную компанию, но иногда и ещё куда-нибудь, где, видимо, тоже на ключевых постах сидели свои люди. Город маленький, своего человека можно хоть у чёрта в ступе найти.

Вероника потом даже не удивилась, что водит тот КАМАЗ чаще других уже известный ей водитель Куркин.

Раскрутив цепочку, Вероника и Жанна сначала поматерились, потом повосхищались человеческой наглостью, а после аккуратно подобрали все документы по теме, сложили в папочку и убрали в сейф — до возвращения начальства. Начальство крутое, пусть или само разбирается, или там специальные люди есть. Без пятнадцати шесть Вероника отпустила Ольгу, заперла всё и поехала на вокзал.

Домой она заскакивала вчера. В двух словах обрисовала ситуацию — мол, друг попросил посмотреть за котом пару дней в его отсутствие, кот маленький и скучает. Взяла свой ноут, по дороге заехала на рынок за баклажанами, и потом они с принцем Чарльзом вечером смотрели кино и тушили баклажаны с мясом и картошкой. Ясное дело, мама была недовольна, что Вероника опять не ночует дома, но тут уж ничего не поделаешь.

Заодно получилось подумать — что и как вообще с ней происходит. Правда, в квартире Ледяного думалось примерно в одном направлении, и выходило, что пусть себе дальше происходит в ту же сторону. Это невозможно было сравнить ни с чем из случавшегося с ней ранее. И не только потому, что мужчины не были богатыми и успешными, они ещё и сами по себе были другими. Кто-то ныл, кто-то нудил, кого-то приходилось всё время выслушивать, транслировать тонны одобрения и получать в ответ наморщенный нос — потому, что всё не

так. А тут — такое ощущение, что она едет по идеальной трассе на хорошей скорости. Не въехать бы никуда, на скорости-то. Но это уже зависит не только от неё.

А ещё она подумала, что на его кровати лучше спать с ним. Одной с котом — не то. И когда он позвонил вечером и сказал, что у него уже вот сейчас поезд домой — она так обрадовалась, что сама себя не узнала. Ну ничего же себе.

На вокзальном табло напротив поезда было написано опоздание — три часа. То есть приедет в семь. А сейчас — шесть тридцать. Ну и ладно, можно вернуться в машину и перевести дух. Вероника уже пошла было к выходу, но тут ей навстречу из-за чьей-то спины вынырнула Алиса Ледяная, жена Майка.

Она выглядела совсем обычно — джинсы, топ, тонкая цепочка на шее, распущенные пепельные волосы.

— Привет, — кивнула она Веронике. — Ты давно здесь?

— Только приехала. Мне говорили, опоздание два с половиной, но по факту больше.

— Мне тоже говорили, но я почему-то не поверила. И ещё телефон дома оставила, — рассмеялась Алиса. — Как только голову не потеряла нигде!

— С ними же... всё в порядке? — вдруг спросилось у Вероники.

— Думаю, да. Оба разговаривали с Полиной Николаевной, а ей врать бесполезно. Она спокойна, значит, и нам остаётся то же самое.

— И часто с ними так?

— В смысле, срываются и уезжают что-то разруливать? Бывает. Это школа Валентина Фёдоровича, он тоже долгое время предпочитал какие-то важные вещи делать сам, не доверял никому. Или с Михаилом Григорьевичем. Ты с ним знакома?

— Нет. Только по слухам.

— Он тоже крутой и классный.

Вероника секунду подумала, потом спросила:

— Скажи, а когда вы познакомились, ты тоже была крутая?

Алиса усмехнулась.

— Мне было тринадцать лет. Я была никакая, а мои родители — да, крутые. Ещё и нос пытались воротить — пока не познакомились с Полиной Николаевной и её роднёй.

— А она?

— А там нет вариантов. Ты же видела Валентина Фёдоровича?

— Да, мы знакомы.

— Согласись — если не самый крутой в округе, то один из. А теперь информация для размышления: некоторые люди из многочисленных родственников и знакомых Полины Николаевны до сих пор считают, что их брак — мезальянс. И что ей не следовало связывать свою жизнь с человеком без роду и без племени откуда-то с края света, где одни дикари живут. Так что всё относительно, понимаешь? — Алиса продолжала усмехаться.

Вероника задумалась. О чём-то таком говорил ей Вик, она не прислушалась. Может, зря?

Тут объявили, что на седьмой путь к третьей платформе прибывает скорый поезд Чита-Москва. И можно было пойти и ждать там, и всматриваться, и увидеть, наконец, локомотив, и злиться, что он тащится так медленно.

Из вагона выходили люди — и с вещами, и просто размять ноги. Вышло полвагона, пока, наконец, не появились те, кого они ждали. Сначала вылез парень, которого Вероника помнила по истории с водителем Чернышовым и её колёсами. Потом Тоха, который тоже

там был, и ещё сидел с ними ночью на корпоративе. Потом Майк. Красавец — правая скула содрана, корочка едва подсохла. Увидел их обеих, разулыбался. Алиса зажмурилась, поморгала. Дождалась, пока он подойдет, потом повисла у него на шее.

— Что-то, смотрю, ты теряешь квалификацию, — смеялась она, — давно тебя так не доставали.

Он обнял её и что-то отвечал прямо ей в ухо.

Вик появился следом за выходящей погулять девушкой с маленьким ребёнком. Он был без синяков и ссадин, и как же он был рад видеть Веронику, оказывается! Стрём в охапку и поцеловал, и закружил, и никогда ещё факт того, что она кого-то встретила после двух дней отсутствия, не вызывал ни у кого столько радости.

— Всё хорошо? — только и спросила она у него.

— Конечно, — кивнул он. — Ты здесь, и Лис здесь, и это значит, что всё хорошо. Остальное пока побоку. Скажи, я прав, и ты сейчас отвезёшь меня домой?

— Ну а как? Да, я с работы, и собиралась встретить тебя и отвезти домой.

— И остаться до завтра?

— Да, — подтвердила она.

— Я счастлив, — сообщил он.

Потом они удивительным образом оказались в обнимку все вчетвером — снаружи братья Ледяные, а внутри они с Алисой, все засмеялись.

— Вы сейчас в Листвянку? — спросил Вик.

— Да, — кивнул его брат. — Не хотите с нами? Там Линочка приехала.

— Нет, мы домой, — покачал головой Вик. — Всем позвоню, со всеми поговорю, но ночевать хочу дома.

Уже в машине он спросил:

— Ты что хочешь на ужин?

— В смысле?

— Ну, надо же что-то пожрать. Приедем, закажем. Или я хоть сейчас позвоню.

Было заманчиво, но...

— Если ты ешь еду, которая приготовлена вчера, то дома есть сковорода с тушёными баклажанами. С мясом и картошкой. Я как-то многовато сделала, мы с Чарликом всё не одолели.

— Ох ни хрена ж себе. Меня встретила с поезда прекрасная девушка, везёт домой, а дома, кроме вечно голодного кота, меня ждут тушёные баклажаны.

— Что не так? — усмехнулась Вероника.

— Всё так, не поверишь. В кои веки чувствую себя нормальным человеком.

— Неужели тебя не встречают и не кормят?

— Так то родственники. А тут — ты.

— Тогда рассказывай в двух словах, что у вас там было, и кто вас подрал. Пока едем.

Вообще у Вика были содраны разве что костяшки пальцев на правой руке. Остальным было хуже — Тоха красовался с подбитым глазом, у второго парня как будто кровил нос.

Впрочем, из рассказа следовало, что победили силы добра и справедливости. То есть Ледяные и компания.

— А что с теми тремя уродцами?

— А там как местные власти решат. К их друзьям что-то было по сбыче краденого, и сдаётся мне, наши ушлёпки тоже туда замешались.

— Мы с Жанной тоже накопили кое-что, завтра посмотришь.

— Ну супер же, — Вик воспользовался тем, что Вероника притормозила на светофоре, и поцеловал её.

На семнадцатом этаже, едва отперли дверь квартиры, под ноги выкатился вопящий Чарлик.

— И тебе привет, чудовище, — Вик и его в охапку сгрёб, а кот прикрыл глаза и заурчал.

— Наверное, иди мыться? — нерешительно спросила Вероника.

Так-то все понятно, но стоит ли ей тут командовать?

Впрочем, он воспринял это, как должное.

— Сейчас распотрошу рюкзак, и пойду, ага. Ненавижу разбирать вещи в помытом состоянии. Сначала всё распахать, а потом уже отдыхать.

— Я тоже, — радостно кивнула Вероника.

Она завела себе здесь домашние шорты и футболку, и тапочки. Если ему не понравится — заберёт. Но ему, кажется, всё нравится.

На город опускалась ночь, Вик и Вероника сидели на балконе и запивали баклажаны вином, а довольный принц Уэльский спал на коленях у хозяина.

— Знаешь, сто лет не был так рад вернуться домой. Спасибо тебе, — дотянулся и поцеловал.

— Я рада, что всё так хорошо сложилось, — кивнула она.

— Тогда пошли, — он кивнул в сторону спальни. — Будет ещё лучше.

51. Вик

Налей ещё вина, мой венценосный брат,

Гляди, восходит полная луна...

Мельница

Утром захотелось разбить телефон об стену — глаза не открывались, руки-ноги не поднимались. И ведь не сказать, что поздно легли вчера, то есть легли-то не поздно, но спать собрались часа в два. Короче, в субботу все на свете пойдут лесом, потому что в пятницу они с Вероникой будут долго-долго любить друг друга, не оглядываясь на часы, а потом — спать, сколько влезет.

Громкое «мрр-мрр» следовало классифицировать, как дружественный звук. Типа, я свой, и я здесь. Вик не понял, где ночевало его котейшество, но сейчас зверь заскочил на кровать, прошёлся по Вику, дошёл до головы и стал щекотать его усами. Был пойман, пересажен сверху на сонно шурящую Веронику с наказом — урчать и всячески поднимать настроение. Вероника улыбнулась и почесала Чарлику подбородок, потом дотянулась и погладила по щеке Вика.

— Доброе утро, душа моя, — улыбающуюся девушку надо поцеловать. — Я — умываться, а ты не торопись.

Пока собирались и пили кофе, позвонил отец, сказать, что ждёт у себя. Так-то они вчера поговорили по телефону, но видимо, осталось что-то, что он хочет знать. А Вероника помахала Вику и поехала в офис.

Отец внимательно осмотрел его с ног до головы и усмехнулся, но ничего не сказал. А сказал доложить детали про Читю. Мол, Майк вчера рассказал, но ему бы ещё послушать. Тем более, Майк приехал драный, чего это он вообще?

Ну, не так уж и драный, попало слегка, с кем не бывает. Те ушлёпки получили намного сильнее, и сейчас вообще должны в Чите с полицией общаться.

Отец подтвердил — да, общаются, там много вопросов, особенно к местным. А про наших нужно понять — это была одноразовая акция, или у них в обычае таскать краденое в соседний регион. Ну, это и так ясно, что будет работа для Паши, для его сотрудников и для Михаила Григорьевича. И, кстати, Вероника говорила, что у неё тоже есть какая-то новая инфа.

Новая инфа Вероники и главбуха Жанны раскрывала ещё одну красочную страницу быта и нравов транспортной компании «ГН». Вообще, надо официально переименовать. Хоть в «Три поросёнка», хоть в «Приключения весёлого КАМАЗа». И издать книжку комиксов к следующему корпоративу, ага. Вдруг поможет? Вик вызвал Пашу, отдал ему подготовленные девушками документы и велел выяснить масштабы разрушений. Явно же не единичный случай! Паша вздохнул тяжело и пошёл работать.

Вечером Вероника снова приехала к нему через свой дом. Тётя Нина прислала маслят которых оставалось только пожарить, и малосоленого омуля. И свежей картошки, и деревенской сметаны. Обожрёмся, подумал Вик.

Они в четыре руки готовили ужин, когда его телефон затрезвонил редкой в последнее время мелодией — «и никогда, мой брат-чародей, ты не найдёшь себе королеву, а я не найду себе короля», и что там ещё было.

— Привет, дорогой братец, а не дома ли ты случайно? — Линн никогда не ходила вокруг да около.

— Привет, дорогая сестрица, случайно дома. Не хочешь ли ты зайти?

— Именно что хочу, — усмехнулась она. — Сто лет тебя живьём не видела.

— Ты где?

— Мы с Анной в двух шагах от твоего дома.

— Поднимайтесь.

На изумлённый взгляд Вероники Вик пояснил, что сейчас он представит ей ещё одну приметную часть своего семейства.

Линн стала приметной с детства. Она не ныла, если разбивала коленку, но ругалась словами, подслушанными у отца. Не обижалась, если они с Майком не хотели с ней играть, а показывала язык, сообщала, что тогда не расскажет им секретный секрет, и гордо уходила. Секреты, правду сказать, она знала настоящие и качественные — кто придёт в гости, что сказал отец, что готовят на кухне, куда поедет на выходные. В общем, они с Майком взяли её под опеку лет в пять, ну то есть это ей было лет пять, а им — десять и одиннадцать. Она таскалась за ними по квартире и по дому в Листвянке, и вокруг тоже, знала всех их друзей, и ей ничего не стоило выпросить у тёти Нины дополнительную тарелку пирожков, или вообще за её спиной стащить с кухни что-нибудь вкусненькое.

И даже то, что она по полгода училась в другой школе, Вика не напрягало. Когда Линн рассказывала про эту другую школу, Вик только морщился — как так можно-то, одни уроки с утра и до вечера. И радовался, что в ту школу берут только девочек.

А ещё она пела. Когда все мелкие дети ещё что-то неразборчиво бормочут, или просто громко орут понравившиеся слова — она пела. Очень точно. Отец гордился, Полинька улыбалась. Конечно же, её отдали в музыкалку, и ещё в её римской школе с ней кто-то специально занимался. Тянуть руки к гитаре она начала, когда у неё ещё длины пальцев не хватало, чтобы взять аккорд — у Вика была гитара лет с тринадцати, а потом и у Майка тоже.

Когда Майк спелся с только появившимися местными ролевиками, Линн уже училась на

истфаке универа, и ей та компания сильно пришлась по душе. Вик, помнится, удивлялся, почему она не поступила в какую-нибудь римскую Сапиенцу, или там парижскую Сорбонну — как Элка, но Линн сказала — хочет пока пожить тут. И параллельно ещё взялась учиться в местном музыкальном училище — так, чисто для удовольствия.

В своих ролевых костюмах она была — настоящая принцесса. Тётя Нина вечно ворчала — мол, нет бы что полезное дома сделать, так вечно соберёт свои тряпки в рюкзак, а потом жопу в горсть — и скакать по лесам. Но насчёт скакать по лесам у отца и Вика с Майком она находила полное понимание. Хочется — пусть скачет, пока молодая. Полинька же бывало, что хмурилась, но молчала. И позволяла себе комментировать только то, что и как Линн говорит, потому что язык у сестрёнки всегда был ой какой. Она легко и без напряжения цепляла все солёные словечки и заковыристые выражения на любом из известных ей языков, и потом с удовольствием пользовалась. Для Полиньки такое было недопустимо, а отец только посмеивался.

После универа сестрёнка вроде как остепенилась — поступила в консерваторию в Риме, занималась днями и ночами, домой приезжала изредка. А потом вдруг оказалось, что она беременна, и это была какая-то совсем случайная история — познакомились на вечеринке, понравились друг другу, да и всё. О да, отец и Полинька мечтали совсем не о такой семейной жизни для единственной дочери, тем более, что парень оказался из Америки — раз, и глубоко женатым и с детьми — два. Отец реально хотел его убить, но Линн с восхитительным спокойствием сказала — папа, а на хрена он тебе вообще? Вот у тебя я, и ещё будет внучка, ты же мне уже всю душу обчирикал, что хочешь внуков! А потом ещё был нехилый конфликт между отцом и тётёй Ниной о том же самом — тётя Нина позволила себе высказаться, что, мол, девочка-то нагуляла неизвестно от кого неизвестно где, и тут отец так на неё обиделся, что пару месяцев с ней не разговаривал. Пока сама не пришла прощенья просить.

И потом ещё тётя Нина время от времени принималась причитать — что за непорядок, Линочка-то не замужем, а годы-то идут! Сначала Вик не обращал на её слова внимания. А потом как-то раз попал под раздачу разом с Линн — тоже как бессемейный и оттого не состоявшийся в жизни ни на грош. Поднялся, подошёл к тётёе Нине и очень спокойно, тихо и вежливо попросил её больше никогда так не говорить. Ни о ком. Потом взял за руку готовую взорваться злобной матерной тирадой Линочку и увёл в другую комнату. Там она сначала материлась, потом ревела, потом всё вместе, а Вик гладил её по голове и говорил, что ерунда это, что она и так крутая, и плевать на то, что тётя Нина себе думает.

Вот после того раза Линн и пела ему иногда о дороге сна, полной луне и всём, что там ещё есть.

А сейчас все уже вроде как привыкли — что у них есть большая Линочка и маленькая Аннушка. Отец сильно их обеих любит — его девочки же, и обе — на лицо как Полинька. Правда, характер у Анны матушкин, а не бабушкин. Ну да и ладно, кто его знает, как оно потом-то будет, когда она вырастет.

Из воспоминаний выдернул звонок в дверь, то есть домофон Вик проразмышлял. Линн была как Линн, сияющая и довольная. Такая же сияющая и довольная Анна держалась за её руку. Из прихожей она сразу же пошла в комнату с громким «кис-кис» и «привет, Вероника».

Вик обнял сестру, изловил и поцеловал Аннушку, кивнул в сторону комнаты. Линн вручила ему коробку с тортом — её любимым, взбитые сливки с брусникой и кедровыми

орехами. Ну да, у них вся семья — сладкоежки.

— Привет, — кивнула Линн Веронике. — Я Лина. Анна рассказала мне, что у Вика новый кот, но о более серьёзных моментах почему-то умолчала. Я не сразу поняла, кто такая Вероника, которая ездила с ними всеми на Сибиряк.

— Это я, — кивнула Вероника.

— Мне уже рассказали, какая ты крутая — финансовый директор Вика и вообще фея с топором. И Анне ты очень понравилась.

— Почему с топором? — изумилась Вероника.

— Они сказали, ты куда-то ходишь с топором. Не на работу же, наверное, — рассмеялась Линн.

Тем временем Анна нашла Чарлика, и они радостно гонялись друг за другом.

— Девушки, вы будете с нами ужинать? — поинтересовался Вик.

— Если это не нарушит никаких ваших планов, — кивнула Линн. — Если нужно помочь — говорите.

— Ты можешь порассказывать нам что-нибудь из своей жизни, — кивнул Вик. — А мы пока накроем на стол. Только, сама помнишь, стол маленький.

— Заводи уже нормальный, раз начинаешь принимать гостей.

Линн, тряхнув длинной косой, подключилась к организации стола, потом прогнала Анну помыть руки и сама взяла Чарлика. Тот обнюхал её и успокоился, видимо — признал за свою. За едой она рассказывала не сколько про себя, сколько новости о других родственниках. Сестрёнка Эла перебралась работать в Женеву, будет там начальником. Ещё одна племянница Полинки Доменика окончила учёбу и пойдёт работать в детскую больницу, а ещё будет вести анатомию в школе, где учится Анна. Кузен Элы Поль недавно встрял в какой-то медиа-скандал, и заработал на нём в итоге кучу денег. Линн умела рассказывать хорошо и красочно, а вставленные в подходящие места забавные обороты только делали рассказ веселее.

Когда до Линн дошло, что Анна копирует её во всякой мелочи, она начала сдерживать язык при дочери. Раньше её могли на это сподвигнуть только Полинка и старшие родичи с той стороны — бабушки и прочие важные дамы.

Вероника слушала как будто с некоторым ужасом, но в целом Вик был благодарен сестре за этот информационный поток. Пусть Вероника привыкает, в том числе и к такого рода странностям.

Анна сообщила, что Чарлик — классный, и очень похож на Барса, который живёт в Листвянке, и на Шико, который живёт у мамы.

А Линн поглядела на часы и сообщила, что им пора.

— Ты на машине? — спросил Вик.

— Вот ещё, — фыркнула сестрица. — Мы на своих двоих, а ночуем сегодня на Грязнова. Догуляем, недалеко.

— Нехрен по ночи одним шарахаться, даже недалеко. Вероника, мы же их проводим?

— Да не вопрос, — улыбнулась Вероника.

И в итоге они ещё и прогулялись по городу. Классно, но утром-то опять на работу! Поэтому завтра — никаких гостей и ничего такого.

Но если его семья дружно одобряет Веронику — это дорогого стоит.

52. Вероника

Джимми попадал из винтовки в небо -

Раненое небо отзывалось дождём.

Олег Медведев

Вот ведь послало дорогое мироздание мужчину, думала она. Мало того, что сам — по силе воздействия как стихийное бедствие, так ещё и родня вся такая же. Каждый по своему, ага.

Блистательный Валентин Фёдорович. Изысканная Полина Николаевна. Красавец Майк прыгающий через бурный поток, при этом он ведь если не правая рука отца, то левая точно. Удивительная Алиса — обеспеченная мать троих детей, и тут же — я переводчик-синхронист. И вот теперь ещё Лина, Линн, как говорит Вик — красотка с внешностью Полины Николаевны и характером Валентина Фёдоровича, которая поёт оперу в Милане. Которая почему-то с дочерью, но без мужа. Вероника спросила — почему так, и Вик только улыбнулся — понимаешь, так получилось. Ну да, ей-то если не отец, то мать могли любого мужа подогнать готовеньким, какого бы она захотела, а она, получается, не захотела. Или ещё какие там могли быть неодолимые обстоятельства. И живёт совсем одна, и никто ей мозг за это не ест и кровь не пьёт через соломинку.

Сразу видно, чья дочка Анна, всё встало на свои места. Они даже одеты были одинаково — в вышитые джинсовые шорты и яркие жёлтые футболки, и похожие сандалии, и кепки, в дырки от которых вытащили косы. У Лины — браслеты с шармами, у Анны тоже какие-то бусинки на цепочке.

И у Вероники — мама, которая всегда всем недовольна, и Катерина, которая может говорить только про события, случившиеся в её компании — кто с кем, кто без кого и почему.

Но вдруг всё не так страшно?

За бесконечными мыслями Вероника не заметила, как доехала до работы. Вик отправился через отцовский офис, ему там нужно было что-то у кого-то лично уточнить.

Вчера он появился в конторе, как ни в чём не бывало. Пришёл утром, Анна Константиновна выдала ему пачку документов на ознакомление и согласование, Вероника ходила мимо, глядела украдкой в приоткрытую дверь — сидел, читал. Потом пришёл к ней в кабинет, как раз они сидели с Маргаритой Романовной и Жанной, проверяли платежи за последний год и соображали, можно ли что-то ещё добавить к той милой схеме с запчастями, которая вдруг вскрылась, и оказалось — можно. Вик стоял и любовался. А потом распорядился — всем обедать, а чтобы не прерывать важное совещание — заказал еды из китайского ресторана, и велел Ольге накрыть, как принесут.

Ольга смотрела на происходящее с любопытством, но ни о чём не спрашивала. И Вероника её в детали не посвящала.

Они прервались на обед с начальством и продолжили, но до семи часов просмотрели не все платёжные документы. Заперли всё в сейф Вероники и отправились по домам. Сегодня предстояло завершить это мутное дело.

Маргарита Романовна занималась согласованием текущих платежей, Жанну куда-то вызвали, Вероника сидела с бумагами одна. Ольга разок сунулась и предложила помочь, но Вероника покачала головой и отправила её к Маргарите Романовне — помочь той. Слишком уж скользкое дело, не нужно в него замешивать больше никого. Даже нового человека, который никак не мог ничего об этом знать.

Вероника ощущала историю с запчастями своей недоработкой — раньше в её ведомстве косяков не случалось. Впрочем, если верить документам, началось всё ещё до её прихода в

компанию. Просто в последние месяцы люди совсем обнаглели. А тут у Жанны отец, у неё борьба с кредитами — вот и проглядели. Ну, посмотрим, что дальше.

Ледяной зашёл перед обедом.

— Добрый день, Вероника Андреевна, — Ольга возилась в приёмной, поэтому он развёлся, что улыбнулся.

— И вам того же, — Вероника оторвала голову от бумаг.

— Ну как? Итог близко?

— Да, почти. Думаю, после обеда смогу дать всю информацию.

— Не убивайся ты так, — он сел рядом и говорил тихо. — В принципе знаем? Знаем.

Кто участвовал, знаем? Тоже знаем. Значит, и детали тоже вычислим. Или сами расскажут.

— Это мой косяк, — покачала она головой. — Я должна была просечь раньше. Думала же ещё — нужно внимательно смотреть на все эти данные по ремонту! И вообще, у меня такое, понимаешь ли, впервые за всю карьеру.

— Всё когда-нибудь бывает в первый раз, не парься, душа моя. Вы с Жанной это в итоге и раскопали. Много осталось?

— Десяток счётов проверить.

— Давай так: проверь, потом звони, пойдём, пообедаем. С тобой и с Пашей. Там перескажешь в двух словах, что получилось, и сообразим, что делать.

— Договорились, — она улыбнулась ему и вернулась к документу.

Через час они с Виком и Пашей сидели за столом в китайском ресторане.

— В общем, первый раз провернули, пока Жанна была в отпуске, а Лариса Петровна не сильно упыхивалась, — начала Вероника. — Потом — когда Жанна была на больничном. А дальше уже просто пошло по накатанной.

— То есть, семейный подряд Руслана Петровича Яковлева? — хмыкнул Вик. — Неплохо устроился, неплохо. Про последний счёт, с которого вы начали, никто пока не спрашивал?

— Нет, я просила Жанну держать в курсе. И пока говорить стандартное — денег нет. Ну кого удивит, что у нас денег нет? Никого.

— Как находили ещё, — изумился Паша.

— Ну как же, ремонт родных машин, — фыркнула Вероника.

— Кстати, знаете, кто чаще других на этой золотой машине ездит? — спросил Паша, болтая ложкой в чашке кофе. — Наш друг Куркин.

— Что-то я даже не удивлён. Так и думал, что выплывет где-то, — нахмурился Вик. — Значит, уволим и будем следить.

Он прямо оттуда позвонил в кадры Оксане и распорядился. А потом ещё Михаилу Григорьевичу, и вежливо попросил.

В этот момент Паше позвонили, он коротко выдохнул «ок», убрал телефон и поднялся.

— Какие-то детальки нашли, про наших семейных подрядчиков. Пойду посмотрю, — он нашёл взглядом официанта, сунул ему в руки купюру и пошёл наверх.

— Ты действительно мне доверяешь? — спросила Вероника, глядя Ледянному в глаза.

Потому что кто другой на этом месте уже выкатил бы ей кучу вполне понятных обвинений.

— Я думаю, что если бы тебе приплачивали эти... подрядчики, то ты бы не раскапывала их грехи с такой страстью, — улыбнулся Вик. — Я верю тебе, Вероника.

— Спасибо, — усмехнулась она. — А Валентин Фёдорович поверит?

— А он будет судить на основании собранных данных. Ты собрала уже достаточно,

хватит. Лучше скажи, что мы будем делать на выходных.

— Если не случится форс-мажора?

— Не случится. Знаешь, я снова претендую на всё твоё время.

— Я съезжу к себе и потом к тебе?

— Тебе нужно много времени дома? — сощурился он.

— Нет, пересобраться главным образом.

— Тогда отсюда двигаем к тебе, там ты пересобираешься, я тебя жду, а потом везу тебя к себе. И мы никуда не торопимся — ни сегодня, ни завтра.

Он так смотрел, что... Да что ей мешает, в конце-то концов? Ничего не мешает!

— Хорошо, так и договоримся.

Выбраться из конторы удалось уже в девятом часу — Валентин Фёдорович оценил масштабы разрушений и распорядился передать подготовленные финансовые документы в специально созданную комиссию по проверке. Вероника и Жанна всё подготовили только к восьми вечера. Вик тоже что-то делал — двери к нему были распахнуты, туда и оттуда ходили то Паша, то Серёжа Емельянов.

Сначала отправились ужинать — «Душа моя, ты, может, святым духом питаешься, а я задолбался и жрать хочу». В Академ приехали уже по темноте.

Вероника припарковалась у подъезда — ура, было место — и оглянулась в поисках Виковой машины. Он остановился шагах в десяти, разговаривал по телефону. Она махнула ему — мол, звони потом или жди — и пошла в подъезд. Окна квартиры не светились — похоже, дома никого нет.

В подъезде было темно — что-то управляющая компания опять мышей не ловит, подумала Вероника, уж лампочки-то можно вовремя вкручивать. Или всем пофигу и никто не сообщил? Или кто-то умный выключил? Она пошла в сторону выключателя, протянула руку туда, где он должен был находиться, и в этот момент её дёрнули за эту руку, а потом схватили поперёк туловища, а обе руки прижали к бокам.

— Попалась, корова, — проговорил негромко незнакомый мужской голос. — Ну пошли, поговорим.

53. Вик

Ничего не останется от нас,

Нам останемся, может быть, только мы,

И крылатое бьется пламя

Между нами,

Как любовь во время зимы.

Мельница

Рабочий день оставил удивительно мерзкое послевкусие — уж на что хватало гадостей в последние дни, но сегодня как-то особенно резко отозвалось. Не помог ни приличный ужин, ни предвкушение отличного вечера. Вероника тоже была серая от усталости, её хотелось поместить под душ, потом налить ей вина и уложить в постель. Во всех смыслах уложить в постель, и поскорее. Так что пусть она берёт, что ей там надо дома, да побольше, чтобы не на один день, и поедem уже.

Когда подъезжали к её дому, позвонил отец. Сначала строго спросил, что он, Вик, думает про участие своего финансового директора в махинациях с запчастями, потом посмеялся и сказал, что с неё начали, то есть с проверки её счетов и её доходов. Ещё накануне вечером, когда Вик только заикнулся про вскрытую схему. И ничего

недозволенного не нашли, всё прозрачно и всё всему соответствует.

Тем временем Вероника зашла в подъезд. Окна её квартиры не светились — хорошо, никто её не задержит. Вик решил не ходить наверх, а подождать её внизу. Подошёл к двери, хотел набрать номер и сказать — жду внизу, и тут дверь открылась.

Выпертый сегодня с треском Куркин тащил из подъезда Веронику — одной рукой держит её, второй открывает дверь. И приговаривает:

— Только раскрой рот, корова, тебя потом твоя маменька по частям не соберёт!

Мозг ещё не включился, зато руки заработали. И ноги. Господи, спасибо тебе, что дал шанс уже наконец-то вломить кому-нибудь из этих!

Куркин не ожидал, что его схватят и пнут, выпустил Веронику, повернул голову и узнал Вика. Сплюнул горсть матерков, собрался и ударил. Прошло по касательной, но всё равно искры из глаз посыпались, каков же он в полную-то силу! И хер с ним, нечего миндальничать, не в спортзале.

Далее Вик последовательно применил к Куркину несколько любимых приёмов их тренировочной компании. То есть это он потом сообразил, что так сделал, а в тот момент учёное тело справилось само, без участия мозга. И отлично справилось, дай бог здоровья Вадиму Юрьичу, который тренировал отцовскую службу безопасности — и их с Майком заодно. Куркин лежал на асфальте кучей и хрипло дышал. Вероника стояла, смотрела и не дышала совсем — по ходу, боялась.

— Душа моя, отомри, — Вик одной рукой обнял её, второй хотел взять телефон — но того на месте не было. — Телефон при тебе?

— Ага, — выдохнула она. — В сумке был, — сумку этот урод у неё не отобрал, сумка висела на локте.

Вероника вытащила телефон.

— Посвети, — Вик кивнул на площадку перед подъездом.

Так и есть — валяется, родимый, возле двери. И даже вроде целый, хвала хорошему чехлу. И слава богу, а то все нужные номера Вик на память не знал.

Начал с Михаила Григорьевича — отчитался, запросил помощь. Следующий Паша — донести инфу.

Куркин завозился, попытался встать. Вик не глядя, чисто на звук, добавил ему ногой. Пожалел, что на ноге не ботинок с армированным носом, а просто лаковая обувка для офиса. Хана той обувке, наверное, но что ж теперь.

И ещё до Вика дошло, что ждать подмоги надо не у подъезда, куда в любой момент может подойти, подъехать или спуститься кто-нибудь, а где-то поотдадь. Он кивнул Веронике — иди, мол, за мной, потом подхватил за шиворот Куркина и потащил — через дорогу, к забору. За забором было что-то невразумительное, ну и ладно. Тут подождём.

Орлы Михаила Григорьевича подоспели мгновенно — трое парней, радостный Тоха и ещё двое.

— Здравсте, Вик Валентиныч, Вероника Андреевна, — кивнул он обоим. — Этот, чтс ли?

— Он, родимый.

— Что-то тихо лежит — вы его не слишком приложили? — Тоха наклонился над Куркиным. — Ой, нет, нормально, шевелится. Сейчас подъедут знакомые ребята, отправим. У нас же нападение, правильно?

— Именно, — кивнул Вик и глянул на Веронику — стояла, молчала, смотрела.

Ничего. Сейчас сдать вошь недодавленную, и потом уже можно будет выводить девушку из шока.

Знакомых ребят пришлось подождать. Полицейская машина въехала во двор ещё минут через двадцать. Пока объяснили, кто тут и что, и почему он лежит, и что на самом деле скоро очухается, и что у него только нос разбит, а вот у девушки — видишь, да — синяки завтра к утру будут ого какие, и вообще к нему и так был миллион вопросов, забирайте и ладно, и наш юрист свяжется с вами хоть прямо сейчас — прошло минут сорок. Но потом уroda погрузили в машину и увезли, Тоха с ребятами тоже уехал, и можно было уже обнять Веронику.

— Пойдём наверх, душа моя.

Но разревелась она только в квартире. Села на табуретку в прихожей и разревелась.

— Слушай, когда же это всё кончится?

— Мы все стараемся, чтобы побыстрее. Что этот урод тебе говорил?

— Угрожал. Чтобы молчала. Кажется, он хотел куда-то меня отвезти, говорил — со мной там поговорят. И объяснят, что к чему.

— Это потом. Завтра юристу расскажешь, как именно угрожал. А сейчас вот что: собирай вещи, какие там тебе надо, и поехали. Жить будешь со мной, всё. Раз тебя здесь ещё и караулят, нечего сюда мотаться.

— А мама? — удивленно спросила она. — Могут же и к ней прийти.

— Не придут, нужна-то им ты. Сейчас где они все?

— Наверное, на даче, — Вероника пошла на кухню, нашла записку. — Да, на даче. Еды оставили. Ты ешь солёную селёдку?

— Что? — какая, к херам, солёная селёдка?

— Да тут мама оставила, написала — чтоб я съела...

Вик прислонился к дверному косяку и захохотал.

— Душенька моя Вероника, у нас тут всё так живо и любопытно, а ты говоришь — селёдка... Нет, не обижайся, я ем всё, и селёдку тоже, но, может быть, ну её, и поедем уже?

— Возьмём с собой, — кивнула она.

Пока Вероника ходила и что-то там собирала, Вик осмотрелся. Нормальная такая трёшка, чистая, ухоженная. В большой комнате открыт балкон, там невероятная куча цветов. Какие-то фикусы, кактусы, фиалки, что-то ещё, что он даже не знал, как называется. Все бодрые и зелёные. Классные джунгли, надо будет уговорить её потом перевезти к нему что-нибудь. Красиво же. Ничуть не хуже, чем тётя Нина в Листвянке развела.

Комната Вероники была светлой и просторной. Шкаф, кровать, стол, полки с книгами и чем-то ещё, и орхидеи. Ещё больше, чем в офисе, заставлен весь подоконник и ещё полка на стене. Вот ни хрена ж себе! И почти все цветут — похожими на бабочек цветами. Белые, жёлтые, в крапинку.

— Ничего у тебя цветов-то, — восхитился он.

— Ну да, как-то так, — согласилась она. — Вроде я собралась. На несколько дней. Только мне же будет нужна машина.

— Завтра попросим Володю пригнать. Нечего тебе сейчас за руль садиться.

— А тебе нормально? — она глянула остро и прицельно.

— Вполне.

Но хоть руки помыть, что ли. Пока Вероника закрывает окна и балкон.

— И мне нужно поливать цветы.

— Подумай о том, чтобы забрать их с собой.

— Интересно, как? Там некоторые кусты выше человеческого роста!

— Я ж не говорю — сейчас, я говорю — вообще. В принципе, ты мне нужна любая, хоть бы голая и босая. Но я буду рад, если в нашем доме поселится что-то из этой твоей красоты.

— Правда, тебе понравилось? — она улыбнулась, как-то очень застенчиво.

— Правда.

Не знаешь что делать — целуй. И ок.

Дома они были уже за полночь. Его кошачье высочество встретил в прихожей громкими матерными воплями — где вы, люди, так долго шлялись? Вероника тут же подхватила его на руки. Прошла в комнату, села на диван. Заплакала.

— Вероника, ты чего? Всё ведь позади? Дальше прорвемся, веришь?

Вик сел рядом, обнял её. Нет, понятно, что ей хреново, но ведь всё закончилось?

— Понимаешь, ведь если бы сегодня мы были не вместе, то всё получилось бы совсем не так. Шанс встрять у меня был бы, потому что мы с Жанкой рано или поздно увидели бы эту их хрень с запчастями. А шанс спастись — без тебя был бы нулевым.

— Можешь думать, что нас друг другу послало само мироздание, провидение, или не знаю какое ещё охрещение. Только оно оказалось очень к месту. Слышишь, да? Не на кота смотри, на меня смотри. Я люблю тебя и хочу жить с тобой всю ту жизнь, которая мне ещё осталась. С тобой, ни с кем другим. И я никому не позволю обижать тебя, понятно?

Она смотрела, не отрываясь, улыбалась сквозь слёзы.

— Какое удачное совпадение, Вик Ледяной. Я ведь тоже люблю тебя. Как раз искала подходящий случай, чтобы известить тебя об этом.

И дальше наконец-то всё стало хорошо.

54. Вероника

Разбуди меня, бабочка — четыре крыла,

Да спроси меня, готов ли жить наяву

Олег Медведев

Утро началось просто замечательно — с любимого мужчины. В кои веки раз можно никуда не торопиться, обниматься, чесать принца Чарльза, который настойчиво к ним лез. Правда, жуткие воспоминания про вечер накануне всё равно возвращались, что ни делай. Но без страха, а скорее — как кино. Которое касалось не её, а кого-то совсем другого. Лучше так, чем сходить с ума от страха.

Вик в конце концов взялся за телефон и принялся звонить — отцу, Михаилу Григорьевичу и кому-то там ещё.

Он держал телефон одной рукой, а второй обнимал Веронику. Ей даже глаза открывать не хотелось. Потому что здесь безопасно — на семнадцатом этаже, под боком у лучшего мужчины на свете. Дома ей бы так спокойно не было.

И всё бы хорошо, но тут завибрировал телефон уже у неё самой. Звонила мама. От звонка мамы в субботу с утра нельзя было ждать ничего хорошего.

— Вероника, ты можешь говорить? — произнесла она обычным своим напряженным тоном.

— Конечно.

— Мы вчера забыли взять квитанции об оплате за дачу, а завтра их нужно будет отдать здесь в бухгалтерию. Если не отдать — потом только в Шелехов ехать и там бухгалтера искать, или вообще в задолжники запишут. Ты бы не могла привезти их сегодня? Они лежат

в папке на моём столе.

— Думаю, могла, — Вероника понадеялась, что тяжёлый вздох остался в мыслях и наружу не вылез. — Я сейчас соображу когда поеду, и позвоню.

Она отключилась и увидела живейший интерес на лице Вика.

— Куда мы едем? Кроме нашего юриста?

— А зачем нам юрист?

— Заявление на Куркина написать. Алексей Витальевич поможет всё сделать, до него только доехать надо. А ещё куда?

— Мне надо съездить на дачу, — вздохнула Вероника. — Мама забыла квитанции об оплате, их ей срочно нужно привезти.

— Значит, на дачу. Вот и познакомлюсь с твоей мамой. Сестра тоже там?

— Наверное, — Вероника смотрела неуверенно.

— Вот, и с ней. И кто там ещё? Собака? Больше никого? Ну и ладно. Поднимаемся и движемся.

Быстро выдвинуться не удалось — пока встали, пока умылись, пока накормить кота, пока кофе с бутербродами на балконе. Но выбрались, погрузились в машину Вика и отправились.

Юрист Алексей Витальевич обитал в офисе «Продлеса». Он был невысок, толст, не смотрел по-доброму. Видимо, кто-то уже ввел его в курс дела, и он быстро продиктовал каждому из них, что они должны были указать в заявлении, они написали и отдали ему. Он подмигнул и заверил, что в понедельник будут новости.

А дальше Веронике стало очень не по себе. Но Вик заметил её нервное состояние и по-доброму усмехнулся:

— Да не переживай ты так. Я никого не съем.

— А тебя? Я не дам, конечно, но ведь попытаются.

— Я настолько не подхожу на роль твоего мужчины?

— Нет, это я не в состоянии привести в дом приличного мужчину.

— Что ж ей надо-то, твоей матушке?

— Да она сама не очень знает, я думаю. Знаешь, я не буду говорить, что ты мой начальник. Просто коллега с работы, и точка.

— Так это твоя мама не одобряет роман с начальником?

— Мы это не обсуждали.

— Прорвёмся. Ты позвони, что мы едем, и предупреди, что не одна. Чтобы сразу на пороге не упали в обморок.

Совет показался Веронике разумным, она набрала маму, подождала немного, уже хотела отменить вызов, и тут мама ответила.

— Ты вообще где?

— Я вообще еду в твою сторону. Мы едем в твою сторону. Я приеду не одна.

— Как это — не одна? — мама искренне не поняла.

— Я приеду ненадолго с женщиной. Заодно познакомишься, — Вероника старалась говорить спокойно.

Мама сдавленно охнула.

— Спасибо, что предупредила. Ждём.

Тон, каким это было сказано, подразумевал «Что за ерунду ты опять вытворила и что мне с тобой такой делать». Но на это можно было не обращать внимания.

Дорога до дачи машине Вика оказалась на один зуб — ну как, дождей не было, да если бы и были, машина, которая дошла до Витязя, до Дачной уж по-всякому дойдет. Веронике было немного неудобно за то, что на даче творился перманентный хаос, и вообще хорошо бы расчистить участок от остатков старой теплицы и ещё много от чего, но её на это уже не хватало, да и остальных тоже.

Мама и Катерина выглядывали с веранды, увидели, что подъехала машина, и пошли открывать калитку.

Вик взял её за руку, притянул к себе и поцеловал.

— Всё хорошо, — подмигнул ей, вышел сам и придержал дверь для неё.

— Мама, это Виктор, мы вместе работаем. Это моя мама Любовь Ивановна, это сестра Катерина, это собака Муха.

Собака Муха выглядывала из-за маминой спины и неуверенно порывивала на незнакомца.

— Проходите, — осторожно сказала мама.

Очевидно, она представляла себе неведомого мужчину как-то по-другому. Катерина же просто тарасилась на Вика, только что рот не разинула.

А Вик был хорош — загорелый, мощный, улыбающийся. Пока шли до дома, успел сказать каких-то комплиментов маминым цветам на клумбе. Попытался поздороваться с собакой Мухой, но она его явно испугалась, тогда Вероника пришла на помощь.

— Муха, это Вик. Он свой, всё хорошо. Дашь лапу?

Про лапу следовало говорить определённым тоном, это ещё дед приучил. Собака Муха поколебалась, потом дала Веронике лапу.

— Другую, — продолжила Вероника.

Собака Муха переступила и дала другую.

— Нос, — нос был вытянут, и за него можно было подержаться. — Уши, — продолжила Вероника, а собака Муха подставила сначала одно, потом второе, за которое её и потрепали.

— Впечатляет, — рассмеялся Вик.

— Не стойте на жаре, мойте руки и поднимайтесь, — говорила мама. — Будем пить чай.

Вероника отдала маме папку с документами, за которой пришлось заезжать в Академ. Потом показала Вику, где они моют руки, и немного провела по участку.

За чаем начался допрос.

— Виктор, а вы чем вообще занимаетесь?

— Сейчас я работаю в транспортной компании. Там некоторые сложности, и чтобы их решить, нужна моя помощь.

— А образование-то у вас вообще какое?

— Мы с Вероникой на соседних кафедрах защищались.

— А, вот так, — мама почему-то удивилась. — И сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— И у вас нет семьи?

— Почему это? Семья как раз есть. Жены и детей нет, это правда.

— И чем занимаются ваши родители?

— Отец — бизнесом. А мама его вдохновляет. Она время от времени организует какие-то благотворительные проекты, но только если в семье всё спокойно и её участие не требуется больше нигде.

— Например, где может требоваться её участие?

— Дети, внуки, племянники. У нас большая семья, дел хватает. Любовь Ивановна, я думаю, нам с Вероникой пора. Было очень приятно с вами познакомиться.

Когда за ними закрылась калитка и они сели в машину, Вероника перевела дух.

— Ты герой. Так долго против мамы на моей памяти не держался никто.

— Не переживай, тебе скорее всего ещё что-нибудь выскажут, — усмехнулся Вик. — Но ради удовольствия быть с тобой я готов иногда общаться и с твоими родными. Чаще, полагаю, ты сама не захочешь. А с сестрой вы не дружите?

Катерина как увидела их двоих, так потеряла дар речи. И не сказала ни слова.

— Она младше на десять лет, о чём там дружить? Ну и ей не интересно то, что нравится мне. В лес она не ходит, я предлагала, было дело.

— У такой красавицы должны быть поклонники, — усмехнулся Вик. — Как почтенная Любовь Ивановна их терпит?

— С трудом. И ещё ни разу не случилось, чтобы кто-то ей понравился. Хоть мой, хоть Катеринин. Так что и с тобой — как пойдёт.

— Нормально пойдёт. Как ты думаешь, дома еды хватит до завтра? Хочу засесть в крепость и никуда не высываться.

— Думаю, хватит. А что будет завтра?

— А завтра поедем к моим в Листвянку.

— Что? — Вероника вытаращилась на него.

— Что слышишь, — рассмеялся он. — Не бойся, не съедят. Отца и Полиньку ты знаешь. Майка с Лис тоже, Линн знаешь, Сашку с Аннушкой видела. Ты не знакома только с тётей Ниной, Тёмычем и младшими.

— Раз ты говоришь, ладно. Это завтра. А что сегодня?

Неужели снова свалятся какие-то дела и неприятности?

— А сегодня, душа моя, будем предаваться котолюбию, кревоугодию и разврату.

55. Вик

Романс о вечной любви, четвёртый куплет

Олег Медведев

Воскресным утром Вик был бодр и весел. Вероника дремала, а он выбрался из постели, уплатил дань в виде миски мяса и моря почёсываний котскому высочеству, сделал зарядку и помылся, и сварил кофе. В спальне коснулся щеки Вероники, она встрепенулась.

— Кофе? — спросил он.

— Вот прямо сразу, что ли? — пробормотала она.

— Почему нет? Ты часто пьёшь кофе в постели? — она такая классная, когда сонная и жмурится, что невозможно не улыбаться.

— Никогда. Думаешь, я что-то теряю? — она села и распахнула, наконец, глаза.

— Давай проверим.

Столик нужной ширины, который ставится поверх кровати, у него был. Оставалось установить и притащить туда кофеварку, чашки и конфеты. Вероника смотрела с изумлением, потом ещё прискакал принц Чарльз и тоже стал изумляться и всё нюхать.

Можно было не выбираться из постели совсем, но позвонил отец и спросил, приедут ли они. И если да, то пусть уже едут, потому что скоро обед.

Обед в воскресенье обычно подавали в два, а сейчас двенадцать. Как раз нормально.

Вероника выглядела немного напуганной, и тогда Вик придумал и сказал:

— Ну предположи, что мы едем на неформальное совещание. С отцом и с Майком. Иногда на воскресном обеде бывает ещё кто-нибудь из его верхушки — Михаил Григорьевич или Юрий Васильевич.

Похоже, подействовало — она расслабилась. И по дороге до Листвянки улыбалась и придумывала разные кары неведомому главному вредителю, который рано или поздно попадётся.

Дома ждали, там всё было, как обычно, то есть — как по маслу. Ворота открывал Майк, у него на закорках сидел Фёдор и радостно вопил. В углу двора ковырялись в куче песка и досок старшие — Сашка с друзьями, тут же стояла Аннушка, втершаяся к ним с элегантностью гружёного лесовоза, и явно пыталась командовать. Лерочка под присмотром няни изучала цветы на тёти-Нининой клумбе — запоминала названия и считала лепестки. Больше никого на всём немалом пространстве видно не было.

Зато в доме вот прямо всей кожей ощущалась суэта. Из гостиной вышла Полинька, оглядела их обоих, улыбнулась.

— Добрый день, Вероника, я очень рада, что вы у нас в гостях. Обед будет через полчаса, а пока не хотите взглянуть на нашу оранжерею? Я слышала, у вас растут орхидеи? Виктор, отец хочет говорить с вами обоими, то есть даже с троими, как я понимаю, но после обеда, естественно. Сейчас у него Михаил, и Юру тоже ждём.

Вот так, подумал Вик, оказывается, про неформальное совещание-то попал в десяточку! Но после откровенного нападения — самое то, конечно. Он пошёл поздороваться с отцом, а Веронику передал в надёжные Полинькины руки. Пусть поговорят, это хорошо. Полинька не Любовь Ивановна, допросов устраивать не будет, но побеседовать с глазу на глаз очень хотела.

Отец с Михаилом Григорьевичем пили кофе в кабинете. Вик успел разве что налить себе из кофеварки, когда появился третий кит компании — финансовый директор Юрий Васильевич.

Но до обеда успели разве что послушать про нападение, то есть — Вику с места в карьер предложили рассказать. Ну, пришлось рассказывать.

— Чтоб безоружным не ходил, ясно? — сверкнул глазами отец. — Где ствол?

— В машине, — с готовностью кивнул Вик. — Но если ещё и дома с собой носить, так что это вообще тогда?

— Дома — ладно. И девушку одну никуда не отпускай.

— Понял уже, девушка пока у меня.

— До разрядки? Или насовсем? — сощурился старый лис Михаил Григорьевич.

— А хоть бы и насовсем, — усмехнулся Вик.

А чего тут? А ничего. Так и есть.

— Девушка стрелять умеет? — спросил отец.

— Вряд ли, хотя я не знаю, конечно. Топор в лес носит, вдруг и стрелять умеет? — пожал плечами Вик. — Спрошу.

— А твои-то девушки все стрелять умеют? — усмехнулся Юрий Васильевич.

— Ну как сказать, — важно начал отец. — Полинька — сам понимаешь.

— Это да, она из другого измерения.

— Линочку Миша учил, она радостно училась, да только не сказать, чтобы выучилась.

— Ей проще завизжать, звуковой волной снесёт, — пробормотал Михаил Григорьевич. — Терпения ей не хватает, чтобы попасть.

— Алиса тоже училась, но она не любит.

— Зачем ей любить? Пусть мужа любит, а он уже всё это, — усмехнулся Юрий Васильевич.

— А вот на Элку мою с оружием любо-дорого посмотреть, — улыбнулся отец. — Не девка — огонь. Не целясь, на звук, из-за спины, да вообще как хочешь. Как рукой вкладывает. Реакция невероятная. Чутьё тоже. Но её Жан учил, здесь она только перед местными парнями выделялась.

— Ну так раз может, то что бы не повыделываться? — влез Вик.

Он помнил, как сестрёнка Элочка, гостившая здесь однажды зимой, смотрела-смотрела, как парни по льду фигуры на внедорожниках выписывают, а потом тоже попросилась за руль. Её пустили — чисто поржать. Только поржать не получилось — уделала всех. Так, как у неё, не вышло потом ни у кого. Тяжелая шипованная машина ехала по припорошенному снежком льду, как карандаш по бумаге, и ещё иногда непринуждённо вертелась. Но то Элка, да, она чудо света и второй такой не бывает.

— Сочувствую местным парням, — покивал Михаил Григорьевич, ему доводилось с ней встречаться.

И тут позвали к столу. Веронику Полинька вернула в общество, и она уже о чём-то смеялась с Линн и Лис. Вот и хорошо.

Обед был как обед — много еды, много разговоров. Рулила Полинька — спрашивала о чём-то каждого гостя, гости охотно подхватывали. Вероника сидела рядом с Виком и переживала — косилась на остальных, смотрела в тарелку, чуть что — складывала руки на коленях. Но к десерту немного оттаяла, и даже улыбалась, и отвечала на вопросы сидевшего от неё с другой стороны Михаила Григорьевича.

Однако, десерт отец обломил. То есть попросил тётю Нину распорядиться, чтобы его подали в кабинет. И позвал туда обоих замов, Майка и Вика с Вероникой.

— Итак, что у нас, — начал он, когда все расселись. — Давайте сначала о ваших мошенниках, потом уже о другом, — кивнул он Вику.

— Мошенники развернулись ещё при Недолубове, да и вскрыла всё Вероника, я даже рядом не стоял, поскольку в тот момент совершал познавательную поездку в Читку, — покачал головой Вик.

— Тогда, Вероника Андреевна, вам и рассказывать, — кивнул отец.

Вероника рассказала — о Жанне, о том, что сама к тому моменту думала, и о том, как искали и нашли. У неё даже какие-то цифры были в телефоне. И тут уже никакого смущения или беспокойства — рабочее совещание есть рабочее совещание.

Оба отцовских зама покивали головами. Да, ситуация неприятная, но — ничего особенного, всё решаемо. Обговорили стратегию преследования мошенников, да и всё.

— А я, Виктор, буду тебе благодарен, если ты будешь оперативно извещать обо всех своих проблемных персонажах, которых ты увольняешь. Нет, я не против, увольняй, нечего на них смотреть. Но если за ними нужно следить, или ещё что — так ты говори, — Михаил Григорьевич смотрел внимательно и строго. — Почему в пятницу-то получилось — пока ты вспомнил, что нужно наблюдение, пока мне сказал, объект-то и утёк. И вынырнул только возле подъезда Вероники Андреевны. Хорошо, ты при ней был, а если бы нет?

Вероника зажмурилась — видимо, вспомнила.

— Всё так, — покаянно кивнул Вик. — И теперь я всё время буду с ней.

— Дело-то неплохое, но я слышал, вы вроде оба работаете, и оба начальники? —

усмехнулся отец. — Поэтому всё время — не выйдет. Но намерение похвальное, продолжай. Вероника Андреевна, у вас есть водитель?

— Нет, — она ошарашено помотала головой. — Я сама.

— Это отлично, что вы сами, но сейчас речь о безопасности. Завтра подберём вам кого-нибудь, будет присматривать. До тех пор, пока у вас там поспокойнее не станет. Возражения не принимаются.

— Я думаю, всё не так страшно, — улыбнулась она.

— Думать-то думайте, конечно, дело хорошее, но утром пришлём водителя.

— Да у меня машина в Академе, — вспомнила Вероника.

— Ну и что? — пожал плечами отец. — Пригоним. Вечером созвонимся и уточним. Впрочем, если у вас вдруг с собой ключи, дайте их Володе, он всё сделает к вашему возвращению.

Вероника, похоже, поняла, что сопротивление бесполезно, и достала из сумки ключи. Отец позвонил Володе и изложил вопрос. Дальше о машине можно было не думать до вечера.

Когда отец поблагодарил всех и сказал, что можно расходиться, было часов шесть. Вик подхватил Веронику под руку и повёл посмотреть дом и участок. Ну правда, здесь же здорово, чего не похвастаться?

Они поднимались по лестнице в беседку на самом верху сопки, оттуда открывался офигительный вид на залив. Голоса донеслись, когда до верха оставалось ступенек десять, не больше. Отец и Полинька сидели на лавке и смотрели на водную гладь. Говорили, как было у них принято всю жизнь, сколько Вик себя помнил — если они были вдвоём и никого больше. Отец говорил по-итальянски, Полинька — по-русски.

— Дети справятся? — это Полинька.

— Конечно, — отец транслирует уверенность. — Подумаешь, кто-то немного берега потерял. Вернут. Долго не напоминали, что с нами так нельзя. А что? У тебя есть какие-то важные предчувствия?

Да, у Полиньки иногда бывают предчувствия. Оправданные.

— Не могу сказать точно. Но я смотрю на них и уверена — всё будет хорошо.

— Вот и славно. Люблю, когда у наших детей всё хорошо, — отец обхватил Полиньку за плечи.

— Наверное, пора вниз, — вздохнула она.

— Не торопись. Когда я ещё уговорю тебя сюда забраться? Справятся без нас.

Вик показал Веронике на ступеньки вниз, и они тихо-тихо пошли обратно. И вправду, когда родители ещё найдут час времени для себя?

56. Вероника

Странная сказка с нелепым концом

Олег Медведев

Ей было очень некомфортно и очень любопытно. То есть очень хотелось посмотреть, как эти люди живут, и разом с тем она ощущала себя очень неуместно. Когда Вик сказал — ну, смотри как на совещание — стало полегче. Так-то он прав, она почти всех тамошних жителей уже знает.

В Листвянке машина свернула от берега Байкала в Крестовку и полезла в горку. Ворота открыли, только они подъехали, и привратником оказался Майк, а на плечах у него сидел маленький мальчик, и радостно верещал.

Майк похлопал брата по плечу и обнял Веронику.

— Вероника, это Фёдор, — кивнул на мальчика, мальчик разве что внимательно её оглядел.

Да, места у них тут — как десять маминых дач. Вероника вспомнила — был участок, потом купили четыре соседних.

— Просторно, — выдала она, поскольку оба брата смотрели на неё и ждали какой-нибудь реакции.

— Ну ещё бы, — усмехнулся Майк. — Тут прошлым летом приходили китайцы, просили продать половину — хотели впихнуть на нашу горку очередной отель. Мы им кукиш, то есть сказали — не продаётся. Два раза сказали, потом ещё три. Пока пару стволов не показали — не отвязались. Зато теперь тишина.

На территории виднелись какие-то постройки и много цветов. Клумбы устраивал хороший ландшафтный дизайнер — всё было чудесным образом вписано в рельеф. Дорожки, растения и пара небольших фонтанов.

В дальнем углу Вероника заметила кучу досок и кучу песка, там стояли мальчишки, она узнала Сашу. Ой, и Аннушка там же, что-то им доказывает. А возле входа в дом, у самой большой клумбы, гуляли неизвестная Веронике женщина и маленькая девочка, старше Фёдора, но явно дошкольница. Девочка была очень похожа на Алису.

— Это Лерочка и её няня Татьяна Сергеевна, — кивнул Вик.

— Слава богу, ещё маленькая, и за пределы территории не рвётся, — усмехнулся Майк.

— Старшие вырвались-таки? — рассмеялся Вик, ещё раз оглядел кучку детей вдали.

— Момент, — Майк поставил сына на землю, подвёл к Татьяне Сергеевне, что-то ей сказал и оставил мальчика с ней. — Рассказываю, — пригласил их отойти и продолжил. — Дети долгое время просто ходили друг к другу в гости — ну там наши к соседям и наоборот. А на неделе всем было немножечко не до них, и они пошли гулять вниз, в посёлок. В порт, на рынок и куда там ещё можно. О нет, внешне всё было прилично — уходят, возвращаются вовремя. А потом тёте Нине кто-то насплетничал, что они попрошайничают у китайцев. Ну там проводить куда-нибудь, деньги вперед, завести в тупичок и там бросить в грязи. Или правда проводить куда-нибудь. Или петь песни тоненьким голосочком — это Анна, конечно же — и потом с бейсболкой ходить и трясти оплату за свой труд. Ещё что-то было. Тётя Нина упала в обморок, потом встала, и пошла рассказывать Полиньке. Та сама отправилась в район рынка, привела всю стаю, чужих раздала родителям, наших загнала домой и вломила по первое число. Ну то есть рассказала, что нехрен так делать. Анна ещё отбиваться пыталась, типа — китайцев много, денег у них ещё больше, пусть делятся. Денег, кстати, детки заработали таким манером прилично, даже с учётом того, что их было не то пятеро, не то шестеро, и делили на всех. Наши закопали добычу где-то во дворе и ещё не решили, что с ней делать. Полинька пока не добилась, где именно, дети молчат, как партизаны. Ну, мы с Линн тоже получили по башке, что детей не умеем воспитывать, и что мы сами в детстве до такого ни разу не додумались. В итоге Линн спряталась и хорошо, если к обеду вылезет, а детям запретили выходить за периметр. Дети выпросили себе досок и строят замок, или пещеру дракона, они ещё не договорились. И мы вместе с ними, — рассмеялся Майк.

— Отец-то знает? — спросил Вик.

— Надеюсь, что нет. Но всякое может быть.

Вероника тоже посмеялась со всеми, а потом подумала — ей-то такое в детстве и в голову бы не пришло, тогда попрошаек не было, а вот Катерина, кажется, что-то подобное с

друзьями пробовала.

Но тут Вик потянул её за руку в дом.

Дом был трёхэтажный и сложностоставной, он выглядел вросшим в гору. Вик сказал, что потом посмотрим, а сейчас внутрь.

Внутри их поджидала Полина Николаевна, она попросила Вика пойти к отцу, а Веронике позвала смотреть цветы.

Ага, цветы. Оранжерею. Натуральную оранжерею, со стеклянной крышей. Ни фига же, сколько тут отапливать зимой! Но им, наверное, нормально. И цветы не как у неё дома — как сами растут, так и хорошо, а подстриженные и аккуратно сформированные — и фикусы, и туи, и лимоны. Несколько орхов тоже было, причём — не в горшках, а прикреплённые к стволам и подставкам, корнями наружу. Это ж опрыскивать замучаешься!

Но всё равно круто. О чём Вероника и рассказала Полине Николаевне. Та только улыбнулась и посоветовала сказать Нине Фёдоровне, которая всё это тут разводит.

Нина Фёдоровна, та самая тётя Нина, оказалась... нормальная. Единственная нормальная из них всех, с виду точно. Она выглядела, как выглядят женщины в возрасте Вероникиной мамы — полная, невысокая, седая, с короткой стрижкой, и очень активная. Улыбнулась Веронике, очень порадовалась похвале растениям и пригласила за стол.

Стол ожидал в столовой. Угу, как же иначе? Накрыто было человек на пятнадцать. Вероника увидела Лину и Алису, подошла поздороваться. Те шёпотом обсуждали происшествие со старшими детьми и тихонько хихикали. Детей, кстати, за стол не позвали, Алиса объяснила, что их кормят отдельно — всем так проще.

Еды было... много. Нет, очень много. Правда, Нина Фёдоровна всё время поглядывала на Веронику и спрашивала — ест ли она, например, окрошку. А почему нет-то? Отличная летняя еда. Ну, Полинка же не ест, пожимала плечами тётушка. Угу, тётушка с подковырками. В глазах Вероники это как раз подчёркивало её нормальность — дамы такого возраста всегда с подковырками.

Еду подавали три помощницы. Вымуштрованные лучше иного официанта в ресторане. В одинаковых фартуках.

Разговором управляла Полина Николаевна. Местные новости, погода, путешествия. Алиса рассказала, как они в прошлые выходные через Олху переправлялись, было смешно. Нина Фёдоровна ахала и хваталась за голову, и потом ещё твердила, что так нельзя, и вообще нечего в этот лес ходить, там и до беды недалеко. Вот реально как мама, местами даже слова те же самые. Родители Вика только переглядывались да улыбались — всё же хорошо, вот и нечего суетиться. Немудрено, что он столько всего может — ему, похоже, всегда разрешали брать и делать, и даже если он где-то ошибался, то носом в ошибку его никто не тыкал и всю оставшуюся жизнь об этом не напоминал.

Нина Фёдоровна объявила, что теперь чай и десерт, а Валентин Фёдорович попросил её принести в кабинет. И позвал туда их с Виком, Майка, Михаила Григорьевича и ещё одного важного мужика, их финансового директора.

А в кабинете получилось то самое совещание, о котором говорил Вик, и ради которого её, видимо, туда и позвали. Ну, Вероника честно рассказала об эпопее с запчастями, кое-какие моменты у неё специально были в телефоне сохранены, как чувствовала, что могут понадобиться. Её выслушали очень внимательно, задали несколько уточняющих вопросов и потом ещё между собой проговорили, что будут делать с этими людьми. Это Вероники уже никак не касалось

Зато потом уже начали говорить лично о ней! Что ей нужно с понедельника ездить с водителем! Что пусть она не беспокоится, все документы будут готовы к утру. И что это не навсегда, а только до завершения истории с запчастями и что там у них ещё водится.

Ох, чего только у них не водится. Хочешь, не хочешь, а помянешь нехорошим словом Недолубова, который всё это если и не сам развёл, то позволил развести!

Наконец-то Валентин Фёдорович отпустил всех, и Вик повёл Веронику посмотреть дом. Красивый дом, что уж. Показал свою комнату, даже комнаты — две с отдельной ванной. У его брата с семьёй оказался целый отдельный пристрой, если они, как сейчас, живут здесь. А здесь потому, что лето, зимой они последние годы жили в городе на Грязнова, но там всего три комнаты, впятером тесновато, а ещё же няни, и им где-то ещё строится большая двухэтажная квартира. Ну да, няни две — Татьяна Сергеевна это Лерочкина, а есть ещё у Фёдора, у неё сегодня выходной.

В холле первого этажа встретила Анна. Она очень обрадовалась им обоим, сообщила, что должна показать Веронике всех котов, и повела её куда-то в недра дома. В гостиной она радостно вытащила из глубокого кресла большого полосатого кота с очень длинными усами, и сообщила, что это Барс, ему уже семнадцать лет, и что мамин Шико — его сын. На вопрос, где же мамин Шико, пожала плечами — как это где, в Милане. Далее путь лежал в сторону кухни, там отирались двое — громадный рыжий зверь без кончика хвоста и почти без ушей, его звали Булечка, и чёрно-белый Марсик. Булечка, как оказалось, был подобран зимой в лютой мороз, у него отморожены уши и хвост, и нет голоса, он умеет только мурлыкать. И вправду, стоило его погладить — кот тут же завалился на пол и заурчал. Четвёртый член прайда, кошка Дуся, нашла на клумбе возле входа в дом — она там грелась на солнце.

Около кухни Вероника вспомнила, что рыба же! Раз они в Листвянке, то надо зайти на рынок за рыбой. Вик, услышав это, только рассмеялся и сказал, что за рыбой надо не на рынок, а к тётке Нине. У неё есть знакомые, которые приносят прямо домой — и свежий омуль, и малосольный, и копчёный. Если есть — она поделится. И вообще едой поделится. Ей только намекнуть, она весь багажник забьёт.

Веронике снова стало не по себе — ну да, мама тоже всех вкусно кормит, но потом же всегда говорит, что они сами никакие, поэтому и пользуются тем, что она им на стол ставит. Похоже, если Нина Фёдоровна и страдает этой болезнью, то не вслух. Иначе её бы не просили. И Вик не видит ничего особенного в том, чтобы попросить.

Видимо, она молчала слишком долго.

— Чего молчишь, душа моя?

— Скажи, это нормально — ну, пойти и попросить, чтобы дали готовой еды?

— В смысле? — он не понял.

— Ну что ты не сам это всё, а родственники тебе.

— А скажи, зачем тогда родственники? Думаешь, тётка Нина была бы счастлива, если бы сидела в своей квартире в городе одна и ничего такого не делала? Да ни фигя подобного. Здесь она в центре событий, она влияет много на что и от её слова многое зависит. Полинька ни за что в её хозяйство не вмешается. Только улыбается и благодарит, хоть и знает, что за глаза тётка Нина называет её лентяйкой и белоручкой.

— И ей не обидно?

— Полиньке? Она смеётся и говорит, что это правда, на что тут обижаться? А тётке Нине нравится всем командовать. Ну и пусть командует, правда же? А мы займёмся чем-нибудь другим.

Но он нашёл Нину Фёдоровну и спросил про рыбу. Она прямо обрадовалась — ей утром принесли много, и если Витюша заберёт и съест, то это будет просто замечательно, а что ещё дать?

Дальше Вероника только стояла и глазами хлопала, глядя на то, как багажник забивают едой. На неделю хватит, не меньше. Только бы не проквасить.

Уже часов в семь Вик повёл её по лестнице в гору — сказал, там беседка, а из неё обзор. Уж наверное, не хуже, чем с камня Черского! Но в беседке кто-то был — из-за лиственниц Вероника не увидела, услышала только голоса. И это были Валентин Фёдорович и Полина Николаевна. Вик прислушался и помотал головой — пойдём, мол, вниз. И уже внизу сказал:

— В другой раз. У родителей тоже нечасто выпадает возможность сбежать от всех. Пусть сидят. И вообще, поехали домой. У нас тоже не так чтобы очень много времени, чтобы вдвоём и никого больше.

— У нас там его котье высочество.

— Вот! Нигде не спрятаться, даже в собственном доме, — расхохотался Вик и погладил подошедшего рыжего Булечку.

По дороге в город они веселились, как дети, вспоминая проделки принца Уэльского и вообще разные смешные истории про котов. Может, на самом деле там и не было ничего особо смешного, но почему-то хохотали, как ненормальные. Когда уже в сумерках выходили из машины во дворе Вика, тоже хохотали.

И Вероника не сразу поняла, что за грохот, ведь машина стоит, всё нормально, и все смеются. И когда Вик в развороте выхватил из внутреннего кармана своей лесной жилетки пистолет и выстрелил, она даже не успела испугаться.

А потом увидела кровь у него на спине.

57. Вик

Джимми промахнулся, а масай попал

Олег Медведев

Всё, как всегда — сначала реагируем, потом соображаем. Не худший вариант — не остаётся времени на херову рефлексю. Она придёт, куда без неё, но — потом.

А пока — Вероника, белая-белая, и глаза у неё тёмные-тёмные почему-то. Потом подбегает Лёха, из ребят Михаила Григорьевича, он-то что здесь делает? И рассказывает, что стрелял какой-то совсем молодой, и по ходу отмороженный, в ответ получил простреленное бедро, сейчас вон там валяется и воет.

Вик доходит до скамейки, практически валится на неё, берёт Веронику за руку и просит позвонить Михаилу Григорьевичу. Он распорядится обо всём остальном.

Вероника, не говоря ни слова, звонит. Представляется, по-деловому всё излагает. Что-то ей отвечают, она кивает — мол, понятно.

Тем временем выясняется, что во дворе не только Лёха, там ещё Володя, который пригнал машину Вероники, и Тоха Зелёный, который за кем-то следил. Они утверждают, что дождутся полицию и всё разрулят, а вы, мол, езжайте, Вик Валентиныч. Куда езжать-то? Но Вероника непреклонна, говорит — в больницу, на рынок. Ну так-то да, куда ж ещё?

За руль садится Володя, Вика грузят на заднее сиденье. Вероника садится с ним. И кто-то ещё лезет вперёд. Правильно, мало ли.

Боль сводит с ума. Вик берёт Веронику за руку и тихонько спрашивает:

— Если я выкарабкаюсь, ты выйдешь за меня замуж?

Она смотрит ещё более ошалело, чем раньше, если это вообще возможно.

— Сначала ты выкарабкаешься, а потом поговорим.

Ох, рационалка ты моя хренова. Но лучше уж так, чем если бы в истерику ударилась.

До больницы доезжают быстро, и о чудо! — их уже ждут. Наверное, Михаил Григорьевич подсуетился. Да не просто ждут — там Илья, интересно, он дежурил или его успели из дому выкурить по такому жирному поводу?

Илья хохмит, паразит такой, говорит — что-то ты совсем стал неповоротливый, раз в спину подстрелили.

Вика кладут на каталку и обезболивают. А затем увозят в недра больницы, но после обезболивания уже не так и важно, что там они будут делать. Можно отрубаться, будет нужен — разбудят.

58. Вероника

Я несла свою беду по весеннему по льду

Владимир Высоцкий

Господи, спасибо тебе за то, что вокруг этих придурков Ледяных всё время толпа. Потому что доведись до неё — ну что бы она делала? Вот если бы он был никто и звать никак, что бы она делала?

А так Михаил Григорьевич сразу, как она вылепила ему, что случилось, заговорил чётко и отрывисто — везите в больницу, врачу я сейчас позвоню, будет самый лучший, какой только бывает. Есть наши люди на месте? Вот и славно, везите, они разберутся со всем остальным, сейчас главное — наш пострадавший. Не наш пострадавший? А что, есть и такой? Потом, второй очередью. Езжайте прямо в приёмное отделение, врача зовут Илья Евгеньевич. Возможно, его придётся подождать немного — всё же воскресенье, но лучше это делать там, чем во дворе. Всё ясно? Выполняйте.

Что тут оставалось? Только выполнять, инструкция предельно ясная. И ещё раз — спасибо тебе, господи, что тут же случился Володя, Вероника отчаянно боялась садиться сейчас за руль, руки тряслись. А Вик по дороге бредил. Очень занятно бредил, но счесть его слова серьёзными Вероника не могла никак.

Володя довёз, потом вместе с совсем молодым парнем, Лёха его зовут, вытащили Вика из машины и вдвоём довели до приёмного отделения. Видимо, лимит чудес ещё оставался, потому что врач Илья Евгеньевич нашёлся прямо сразу, он был если и старше Вероники, то не намного, с Володей поздоровался, как со старым знакомым, а над Виком вообще принялся подшучивать, и заставлял того отвечать и не отключаться. Потом сунул Веронике в руки жилетку Вика, где по карманам была рассована целая куча всякого, включая пистолет. И увёз Вика на каталке внутрь.

— Ждём, Вероника Андреевна, — сказал Володя.

— Да, конечно. Наверное, надо ещё кого-нибудь предупредить? — мысли всё ещё метались, как бестолковые, и никак не могли собраться в кучу.

— Михаил Григорьевич всё сделал. Все, кто должен — уже знают.

Через час появились Валентин Фёдорович и Полина Николаевна. Он был сдержан и с виду спокоен, она — тоже, но когда увидела Веронику и подошла, и взяла за руки — пальцы дрожали.

— Посидим, хорошо? — села рядом, не выпуская рук Вероники из своих. — Илья отличный врач, он всё сделает, как надо.

Дальше она как будто что-то говорила, но очень тихо и не по-русски. Латынь?

Валентин Фёдорович тем временем слушал отчёт Володи и второго парня — Лёхи.

Выслушал, поблагодарил, подошёл к ним.

— Ну всё, девочки, что можно было сделать — сделали. Теперь только ждать.

Ждать нужно было ещё с час. За это время к ним присоединился Майк, он рассказал, что встретился с полицией, что стрелял один из тех, кто отметился в Чите, и его забрали, а неподалёку в кустах был ещё один, который отметился с колёсами Вероники, его тоже забрали. И что свои люди во дворе оказались только потому, что следили за этим Чернышовым, а про второго, Яковлева, даже не знали, что он вернулся в Иркутск. У Яковлева прострелено бедро, поэтому он не успел скрыться, а Чернышов пытался, но его поймали.

Валентин Фёдорович отвёл Майка в сторону и там что-то ему эмоционально высказал. Долетела пара матов. Полина Николаевна демонстративно отвернулась от них к Веронике — не слышу, вот не слышу, и всё. И они с Вероникой по-прежнему держались за руки. Так было проще. Видимо, обеим.

Хирург Илья Евгеньевич появился тихо-тихо, и сказал:

— Я с радостными новостями. Серьёзных повреждений нет. Пуля прошла в полусантиметре от позвоночника, повезло. Дырку подштопали, увезли в палату. Вещи привезёте ему уже завтра, сегодня он спит.

— Илюша, посмотреть бы, — сказал Валентин Фёдорович. — Ты знаешь, мы в тебе не сомневаемся, но дамы у меня очень уж переживательные.

Видимо, Валентину Фёдоровичу не отказывают даже в больнице. Тут же появились бахилы и одноразовые халаты, их выдали родителям Вика, Майку и Веронике. И показали, куда идти.

Пострадавший спал в отдельной маленькой палате. Они все убедились в этом, послушали дыхание, Полина Николаевна потрогала лоб, виски, плечи и что-то ещё, и ощутимо выдохнула. Вероника тихонько коснулась плеча. Потом они вышли, прикрыли дверь и молча добрались до приёмного покоя, где остались люди и вещи.

И только там внутри у Вероники что-то сломалось — она отстала от других, прислонилась к стене, и слёзы полились градом.

— Детка, всё нормально. Ну что поделаешь, так вышло. Но ты молодец, всё сделала правильно, и спасибо тебе за то, что ты здесь сегодня с нами, — Вероника с огромным изумлением увидела Валентина Фёдоровича, он обхватил её за плечи и гладил по голове.

— Валентин всё верно говорит, — подключилась Полина Николаевна. — Спасибо. Успели вовремя.

— Михаил, ты всё понял? С завтрашнего дня и до минования необходимости — ты вместо него в этой их сраной компании, — Валентин Фёдорович смотрел сурово.

— Да понял я, что следующий в очереди, — ответил тот.

— Вероника, мы можем взять вас с собой к нам, — опять обратился к ней. — Где ваши вещи?

— Вещи и машина на Декабрьских Событий. Наверное, мне бы туда. Там же ещё кот, его никто не кормил с утра, — точно, ещё же Чарлик дома один сидит, бедняга.

— Отвези Веронику к Виктору. Проследи, чтобы поела, ну и что там ещё. И кота покормите, — буркнул Валентин Фёдорович напоследок. — Мы сегодня на Грязнова. Сам-то куда сейчас?

— Или к вам, или у Вика останусь. В Листвянку уже немного поздно.

— Хорошо. И это, Нина о какой-то рыбе беспокоится. Чтобы не протухла. Вероника,

что за рыба?

— Ой, — Вероника вспомнила. — Там не только рыба, там Нина Фёдоровна полный багажник едой загрузила.

— В общем, разберитесь, — кивнул напоследок Валентин Фёдорович. — Если что — звоните.

А Полина Николаевна обняла на прощание их обоих.

Сколько времени-то? Первый час, кошмар. Но если врач говорит, что всё обошлось, то и хрен с ним, со временем.

В итоге Володя увёз их с Майком на Декабрьских Событий, там они выгрузили из багажника три больших пакета от Нины Фёдоровны и потащили их в лифт.

Чарлик был зол и горласт, видимо, от голода и от того, что опять весь день сидел один. Даже на руках не хотел сидеть, спрыгивал и бежал к холодильнику. Благо, с утра разморозились куски печёнки. Они исчезли мгновенно, Вероника ещё и сумки-то разобрать не успела. Ещё раз увидев гору еды — пакеты, контейнеры, что-то замороженное — она просто упала на диван и истерически захохотала.

— Ник, всё нормально, — Майк сел рядом и вложил ей в руку бокал. — Пей. Жрачку эту сейчас приткнём куда-нибудь. Только надо понять, что из этого можно есть прямо сейчас, я голодный, как ваш кот. Он же ваш, я правильно понимаю? Вы же где-то вместе его добыли?

— Да это я его из-под машины вытащила, — прошептала Вероника.

Снова закапали слёзы. Принц Уэльский понял, что речь о нём, пришёл, забрался к ней на колени, муркнул.

— Ник, скажи, у вас завтра должна быть планёрка какая или ещё что?

— Да, в десять, — всё верно, скоро на работу.

— Ок. Я с утра поеду к себе, там загружу кого-нибудь своим текущим, а к десяти подгребу к вам. Людям скажем без подробностей — в больнице, да и ладно. Навещать не требуется, уж с этим-то семья справится без проблем. Анне Константиновне разве что надо сказать — ей можно, она своя, и Паше вашему, ему по профилю.

— Слушай, это же из конторы ноги растут. У всего.

— Без вопросов оттуда. Но ты не паникуй, нечего. Всякое бывает, понимаешь? Видимо, вы обломали людям хороший никем не учтённый доход, в таких случаях и посильнее может крышу сорвать. А Вик выплывет. И ему не впервые, и с Ильёй всё отлично получилось.

— А что за Илья? Личный врач семейства? — усмехнулась Вероника сквозь слёзы.

— Одноклассник мой. Отец как узнал, что знакомый человек в мед пошёл, так сделал ему именную стипендию, и потом ещё оплачивал всякие стажировки в крутых местах, с одним условием — он после всего возвращается жить и работать в Иркутск. И лечит наше семейство по первому требованию. Ну да, его из дома сегодня сдернули, ладно ещё он там недалеко живёт. Если он сказал, что всё ок, то так и есть, я по себе знаю.

— В тебя тоже стреляли? — догадалась Вероника.

— Было дело. Давно, мне лет двадцать пять было. Сама знаешь, лес — дело горячее. Разные люди крутятся. И мы все до сих пор живы и в целом благополучны. Поэтому не думай слишком много, хорошо? Вот что, давай мы распихаем по холодильнику тёти-Нинин подарок, а потом иди в душ и спи уже. У тебя на сколько будильник?

— На семь.

— Ну ок, я лягу тут на диване и встану без пяти семь. Не парься, я знаю, где что взять в

этом доме. Всё, иди.

Еда была распахана, душ принят, кот лежал рядом под боком и мурлыкал. Из-за закрытой двери невнятным шумом слышался тихий разговор — Майк говорил по телефону. Кажется, с Алисой. А может, с Линой. Кто их там в этой семейке знает.

59. Вик

Я во сне, или сон во мне

Олег Медведев

Вик проснулся и встрепнулся — сколько времени-то, неужели проспал на работу? Там же надо нести по кочкам разных уродов, да так, чтобы другим неповадно было! Он искал телефон, не нашёл, открыл глаза и увидел над собой незнакомый высокий потолок. Что за хрень?

А потом оно ярко предстало перед глазами, как в кино: вечер, двор, они с Вероникой выходят из машины, выстрел, он отвечает. Дальше боль затмевала точность воспоминаний. Но по ходу, он в больнице, и пока не шевелится, не больно.

Повертел головой. Маленькая одноместная палата. Не в такой ли лежал отец пару лет назад, когда зимой упал на ровном месте и сломал ногу? Как-то сложно сломал, Илья долго собирал, и первую пару недель отца держали в больнице. Потом уже Полинька убедила Илью отпустить больного домой, под её чуткий присмотр. Если у Ильи — то и ладно.

Телефон нашёлся рядом на тумбочке. Дотянуться, посмотреть, что там вообще. А там со вчера ничего вообще. Значит, все заинтересованные узнали сами. С кого же начать?

Начал в итоге с Майка, этот вариант показался самым безобидным. Майк ответил, порадовался, что слышит голос Вика, но сказал, что перезвонит сам через полчаса. И посоветовал не тянуть и звонить сразу Полиньке.

Впрочем, сначала Вик позвонил отцу. Тот как будто тоже выдохнул, услышав его голос, и сказал — регенерируй, мол, а разговаривать потом будем, как дыра зарастёт.

У Полиньки прямо голос радостью зазвенел, когда она ответила. И сказала, что выдвигается к нему, что она в городе и скоро будет.

Тем временем снаружи слышали шевеление, сначала заглянула медсестра, потом появился Илья. Он не меняется — не толстеет, не седеет, глаза сверкают.

— Ну здравствуй, друг дорогой, — он взял стул и сел рядом. — Рассказывай, что и как.

— Пока не шевелюсь — как новый. И дышать больновато.

— Вот и не шевелись пока. Там у тебя откололся кусок ребра, и в лёгком была дыра, можешь себе представить. Пулю вытащили, дыру заштопали. Регенерируй.

— Отец то же самое сказал.

— Ну а как ещё? Он тебя вчера здесь видел, понимает.

— Он был здесь?

— Да у вас же ничего не случается, чтобы все не припёрлись, — усмехнулся Илья. — Ваши родители, Майк, и какая-то неучтённая рыжая девушка, которая принимала всё происходящее очень близко к сердцу. Ещё как весь вагон твоих сестричек не привалил, я прямо удивляюсь.

— Ну, Линн ещё придёт, наверное, она в Иркутске сейчас. А что там с рыжей девушкой?

— Ну что — редела, за руку тебя держала. А Полина Николаевна — её.

— Вероника, — улыбнулся Вик.

Улыбка до ушей сложилась сама собой.

— Я не знаю каких-то важных фактов про твой статус? — изумился Илья.

— Про статус — нет, ничего нового. Но я надеюсь, новости будут в ближайшее время.

— Отрадно, — кивнул Илья. — А сейчас важное: сегодня самому не вставать. Только с помощью. Тут ваш Михаил Григорьевич организовал пост на входе, не стесняйся использовать. И мы тебя ещё сегодня покапаем и поколем, уж не обижайся.

— Что ж теперь, раз надо, — вздохнул Вик.

Вздохнул осторожно — дышать в самом деле было больновато.

60. Вероника

Если ты крутой — то полный вперед —

В руки флаг и в справку печать.

Ну, а если ты — Корабельный Кот,

То об этом лучше молчать.

Олег Медведев

Три последних дня стали самыми кошмарными в её жизни. И с отдельными крутыми моментами, что уж. Ей никогда не делал предложения человек, которого подстрелили на её глазах. Ура, потом врач сказал, что прогноз благоприятный, и это здорово. А Майк подтвердил опыт и квалификацию врача. Вероника надеялась, что когда она придет в больницу после работы, туда ещё будут пускать посетителей. Или эти чокнутые Ледяные договорятся, чтобы к ним пускали всегда.

Майк на планёрке убил всех наповал. Он был в меру зол и в меру мрачен, сказал, что у него нет никаких поводов быть терпимым к здешним обитателям, поэтому если ещё хоть где-нибудь хоть что-нибудь — пусть все пеняют на себя. Самым срочным образом установить на все машины gps-датчики, а у кого вдруг сломается — мало не покажется. Опоздание с доставкой — не лишение премии, а штраф с зарплаты. И велел после планёрки по очереди прийти к нему Серёже Емельянову, Паше и ей, Веронике. Типа чтоб он понял хоть немного, что к чему.

Когда Вероника пришла в своё время, он кивнул ей на кресло, а сам высунулся в приёмную, попросил Анну Константиновну сделать кофе, а потом уселся на стол.

— Рассказывай, но не про криминал, а про остальное. Про ваш криминал уже достаточно.

А остальное было на удивление приличным. Машины ехали, грузы доставлялись, клиенты платили, платежи компании тоже совершались, как положено.

— Я прямо уже постучала по некрашеному дереву, — усмехнулась Вероника.

— Может и нелишним будет, ага, — кивнул он.

Анна Константиновна принесла кофе. Со сливками — Веронике, чёрный с лимоном — Майку.

— Она знает твои вкусы?

— А чего нет-то? Сто лет работаем. Она только не умеет варить ту отраву, которую отец любит, а в остальном — ок.

— Не могу не спросить — что за отраву?

— А, чашечка в полграмма, охренительной крепости. Отец от родичей Полиньки заразился. Ты в Риме была?

— Нет.

— Ну, слетаете ещё. Там попробуешь, если захочешь. Ты хоть спала ночью?

— Местами, — усмехнулась Вероника. — Если кот по мне не шарahalся.

— Вот и я — местами. Чёрт, если ваши добрые люди устроят ещё что-нибудь — я

реально кого-нибудь прибить. Вик-то в пятницу оторвался, да и вчера ответил нормально, а я пока не у дел, и меня это бесит. Поэтому поеду-ка я к себе. Там был один перспективный кандидат на встряхнуть мозги суровым образом. Если что срочное — у тебя есть мой номер?

— Нет, — помотала она головой.

— Записывай, — продиктовал номер, потом кивнул: — Звони, я себе тоже запишу. Ты в больницу поедешь?

— После работы, конечно.

— Ну ок. Там сейчас должна быть Полинька. Передавай привет всем, кого увидишь.

Поставил чашку на стол, спрыгнул, только что не потянулся — чистый кот!

— Чего смеёшься? — но в глазах тоже что-то такое, доброе.

— Ты как кот, — Вероника выдохнула и улыбнулась.

— Ну да, — согласился он. — Только большой. Вик — тот определённо медведь. Я — тигр. А в отце есть и то, и другое, и ещё он местами ядовитый. Не страшно?

— Нет, — она поняла, что в самом деле — не страшно.

Теперь не страшно.

Страшно стало ближе к вечеру, когда Вероника поняла, что придётся как-то объяснить маме своё отсутствие дома в ближайшие дни. Варианта «рассказать всё, как есть» не существовало. Угу, берёт она сейчас телефон и говорит — мама, мой мужчина в больнице с огнестрелом, я пока поживу у него дома, потому что там кот, и ему очень одиноко, он ещё маленький. Нет, спасибо, помощь не нужна, у него очень крутая семья, они справляются. Это немыслимо, увы. Поэтому придётся опять что-то недоговаривать.

Но мама была в мыслях об одной из подруг и её жизненной ситуации, поэтому выслушала всё благосклонно и только сказала — звони, не теряйся. И хорошо.

Вик позвонил ближе к концу рабочего дня. Она сама опасалась звонить — мало ли что там? Но раз разговаривает — значит, неплохо.

— Душа моя, как ты там?

Как она там! Вот выдумал!

— Я-то в порядке, а ты?

— Илья сказал — жить буду, я ему верю.

— К тебе пускают?

— Конечно, попробовали бы не пускать. Тебя когда ждать?

— Через час. Тебе что-нибудь нужно?

— Ага. Тебя. Ещё чтобы разрешили шевелиться и нормально вставать, но пока не разрешают.

— Я приеду, — улыбнулась Вероника. — Я обязательно приеду.

61. Вик

Конунг Олаф Моржовый Хер отправился в поход

Infornal Fuckъ

Жизнь в больнице имела свой жирный плюс — можно было ни о чём не беспокоиться. На всё забить. И существовать от визита к визиту.

Полинька просидела у него полдня. Наверное. Точнее он сказать не мог, потому что спал. Но её это не смущало. Его тоже.

А Илья потом сказал, что Полинька — ангел. Потому что не костерит его, на чём свет стоит, как иные любящие жёны и матери, а сочувствует. Будто они сами этого про Полиньку не знают, ага. Но получить извне подтверждение своим мыслям приятно.

Вероника тоже ангел, она стойко перенесла всё и собиралась переносить дальше, и ещё на работе по делу что-то делала. И приехала потом, сидела, держалась за руку, рассказывала новости. Это было тепло и хорошо, и как-то — правильно, что ли.

А Майк появился ближе к ночи. Всё же хорошо иметь своего врача — посетителей пускают без вопросов.

— Ну и как оно? — осведомился братец, войдя в палату.

— Глобально ок, — улыбнулся Вик. — Меня же спасли. А если начинать вспоминать детали и понимать, что это я сам не вычислил уродов и не передал... Помнишь, сестрёнка Линочка пела песенку про конунга по имени Олаф Моржовый Хер, который отправился в поход?

— Угу, — хрюкнул Майк, уж конечно он помнил песенку, приметная песенка.

— Вот примерно так я себя и ощущаю. Как тот тупой конунг, в общем. Что вчера было? Я нормально представляю до того момента, как меня погрузили в машину и повезли, потом уже плоховато.

— Я приехал, когда Илья тебя уже оперировал. Вероника сидела с твоим жилетом в обнимку и не выпускала его из рук, и не всегда помнила, как дышать. Родители отреагировали предсказуемым образом — отец ругался, только тихо, Полинька молилась, тоже в основном про себя. Держа Веронику за руки, если тебя интересуют детали. Потом Илья пришёл и сказал, что опасности нет, отец попросил разрешения посмотреть на тебя, мы вчетвером тихонько сюда сходили и посмотрели. Потом родители поехали на Грязнова, а мы с Вероникой — к тебе. Там ещё был момент в виде трёх сумок жрачки от тёти Нины, мы с трудом их там у тебя распихали. Честно, ваш кот столько не съест, какой бы он не был прожорливый. Вероника тоже. Я понимаю, расчёт был на тебя, но увы.

— Уж увы так увы, — невесело усмехнулся Вик.

— А с утра я поехал в твою контору. Точнее, сначала на Грязнова — одеться, потом к себе в контору — глянуть хозяйским взглядом и раздать задачи и волшебные пенделя, а потом уже к тебе. И в конторе у тебя, скажу я, тоже водится тот самый конунг Олаф. Я им сразу и сказал, что мне нет нужды быть справедливым и понимающим, мне нужно, чтоб работало и совсем не развалилось, пока тебя нет, поэтому кто косякнёт или напакостит — полетит восвояси лесом-полем. И времени на них у меня не сказать, чтоб много, поэтому пусть шевелятся. Затребовал отчёты с Емельянова, Демьянова и Вероники, суть представил, думаю, мне пока хватит. Но если тебе есть, что сказать — ты говори.

— Я думаю, трое названных вкупе с Анной Константиновной дали тебе точную картину. Кстати, ты сказал, что со мной, или как?

— Или как. Из конторы знают Паша — ну, ему положено, Вероника и Анна Константиновна. И ещё кстати, вчера же сдали куда следует двух говнюков, так оба утверждают, что у них к тебе личное. Мелкий, который стрелял — что он в обиде на тебя за Читку. Кстати, ты хорошо его приложил, у него бедро прострелено. Он тоже где-то в этом здании, и тоже под охраной, сам понимаешь, какой. Тебя, кстати, придут спрашивать завтра. А второй, которого ещё у Михаила Григорьевича держали, заявил, что караулил тебя во дворе с целью попроситься обратно на работу. И всё. Больше ничего не выжали. Так что о том, кто за всем этим стоит, мы всё ещё знаем примерно ничего. И зацепок нет. Михаил Григорьевич говорит, что проверил всё, что смог вообразить, но — увы. Он тоже завтра к тебе приедет.

— Спасибо, — серьёзно кивнул Вик.

— Да чего, дело-то семейное, — пожал плечами Майк. — Ладно, я пойду. Видимо, буду ночевать на Грязнова с родителями, потому что до Листвянки далеко, а утро близко.

— Они не уехали?

— Ну, ты что! Отец сказал, может, завтра уедет. Пока там Лис и тётя Нина детьми командуют. С Линочкой, может быть. А может быть и без неё. А Полинька говорит — будет тебя навещать. Я, вероятно, тоже буду, раз оказался следующим в очереди. Впрочем, отец мог бы поставить на это место меня, и тогда я бы тут валялся, а ты — мне новости рассказывал.

— Чёрт, тогда бы я только сейчас познакомился с Вероникой, — расхохотался Вик.

— Точно. А мне она, понимаешь, была бы без надобности. У меня Лис, и мне не сносит крышу по рыжим, — смеющийся Майк увернулся от брошенного полотенца. — Ты лежи давай, не подскакивай. Набегаешься ещё. А Вероника завтра придёт.

Точно, придёт. И это счастье.

62. Вероника

И это будет финал твоих придуманных стран

Олег Медведев

Вероника втянулась — как кошка в пылесос, так говорила Маргарита Романовна. После работы она ехала в больницу, и он ждал её, и они сидели дотемна — из его палаты гостей не выгоняли. Вик даже по телефону не хотел ни с кем разговаривать, ни на каком языке, говорил всем — позвонит потом, сейчас занят. И так каждый день, и выходные пришли и ушли, и до следующей пятницы. Жизнь как-то устаканилась, и Вероника в ней — тоже. Дом был в другой стороне, дома встречал кот, они с котом сидели на балконе, пили чай и смотрели на ночной город. На дневной и даже вечерний — не получалось, не хватало времени.

Врач говорил, что всё идёт, как надо, и если так и будет — то на следующей неделе выпустит домой. Пока не на работу, нет, но дома же и стены помогают, так?

В конторе все отчаянно работали. Гулявшая по обоим этажам сплетня о том, что злобный Михаил Валентинович сейчас выгонит самых неугодных, а про остальных потом всё расскажет Виктору Валентиновичу, когда того выпишут, и им придёт хана, самозародилась где-то между кадрами и бухгалтерией. Вероника поглядывала на народ и посмеивалась про себя. Ничего, пусть боятся, им полезно.

Вышел из больницы Дима Померанцев. Офигел от всего, что случилось, пока его не было. И от актуального начальства тоже офигел. Майк вызвал к себе его, Емельянова, Жанну и Веронику, и показательно потыкал носом в кое-какие мелкие косячки позапрошлой недели. Потыкал крайне вежливо, но очень обидно. Дима только ртом воздух хватал. А Майк добавил, что ещё одна проблема — и он больше не заместитель генерального директора, а один из менеджеров по логистике. И отправил их с Емельяновым разбираться, что и как.

— Как вы думаете, дамы, может быть, они там погрызут друг друга, и лишнее отомрёт само? — подмигнул им с Жанной Майк, когда за представителями отдела логистики закрылась дверь.

— Хорошо бы, — усмехнулась Жанна. — Михаил Валентинович, я пошла, а счета на подпись сейчас с кем-нибудь отправлю.

— Ок, — кивнул он. — Ник, кофе?

— А давай, — за неделю они раза три сидели вместе над кучей бумаг с кофе, и Вероника подозревала, что местные длинные языки работали всюю.

Анна Константиновна принесла кофе и свежайшие пышки из булочной в соседнем доме.

— Я тут нашёл удивительное — Вик что, прикрывал какие-то платежи сам? — он сощурился, как кот, и смотрел очень пристально.

— Да, в самом начале. Денег не было от слова «совсем», потому что хорошие люди не доехали в срок, а платить нужно было кровью из носу. И он сказал, что это его имущество, и пусть пока так, а потом отобьём.

— И как? Отбили?

— Пока нет, но в сентябре — возможно. Я очень надеюсь. На самом деле, с заказами стало поживее и пожирнее.

— Это хорошо, — улыбнулся он. — Значит, ещё не всё пропало и не совсем капец, что бы там Вик себе не думал.

— Нет, в целом стало лучше. Если бы не отдельные моменты. Скажи, почему ты с ними всеми так убойно вежлив?

Майк рассмеялся.

— Полинкина школа. Ты ведь можешь представить, как она относится к отдельным отцовским словам и выражениям? Так вот. И когда в детстве она ловила кого-нибудь из нас за сквернословием, то заставляла подобрать не менее пяти синонимов, только без матерных слов. Фраза могла быть любой длины, но — чтоб без потери смысла. Если мы возражали — то должны были придумать десять. Сейчас что-то подобное претерпевают наши Сашка и Аннушка. Кстати, сказать пять фраз надо было на том языке, на котором ругался, иначе не прокатывало.

Вероника хохотала. Потому, что живо представила.

— Она у вас никогда не ругается?

— Нет, — улыбнулся Майк. — Никогда, ни при каких обстоятельствах. И мы при ней, соответственно, тоже. Ну и в публичных случаях, ясное дело. Я думаю, что достаточно здесь всех покусал, чтобы на меня обиделись и как-то нестандартно себя повели. И тут мы их поймаем, кто бы они ни были.

— А вдруг они опять будут стрелять или похищать?

— Мы ж все под присмотром. А отстреляться и я могу, не только Вик, — он сделал большие глаза, распахнул полу пиджака и показал пистолет под мышкой.

Да ему это нравится, поняла она. Вот ведь!

После обеда Вероника зашла за очередными документами в бухгалтерию. Там, похоже, занимались традиционным — сплетничали о братьях Ледяных.

— Вероника Андреевна, вы же с ними накоротке, скажите, а когда приедет невеста Виктора Валентиновича? — спросила Лариса Петровна.

— Кто? — изумилась Вероника.

Какая такая невеста?

— Ну как же, племянница его матери. Вы что ли не слышали? Да все уже знают, это Сашенька же Татарникова рассказала. Её отец посватался к его отцу, ну, в смысле — Сашеньку посватал. То есть попытался. Потому что его отец извинился и сказал — увы, Виктор Валентинович давно помолвлен и скоро свадьба. Невеста — из настоящей аристократической фамилии, с титулом, представляете? Уж конечно, если там всё так, то куда нашей Сашеньке? Она, конечно, красоточка, но им, поди, одной красоты мало, и денег тоже, нужно и обхождение, и происхождение.

Вероника поняла, что подвисла. А подвисать нельзя. Она поблагодарила Ларису Петровну за интересную новость, отдала Жанне очередной счёт и тихо закрыла за собой дверь.

— Веронику-то Андреевну можно было и не спрашивать. Она ж вообще не по этой части, у неё под носом можно трахаться, а она и не заметит, всё о работе будет думать, — Лариса Петровна сегодня просто сама доброта. — Она потому и не замужем до сих пор, хоть и красивая.

Дошла до своего кабинета, даже что-то ответила Ольге. Затворила дверь в приёмную, оперлась на неё и выдохнула. А потом вдохнула.

Потому что реветь на работе финансовому директору компании тоже нельзя.

63. Вик

Потом осенняя слякоть, потом зима, потом Кайнозой.

Олег Медведев

Вероника не приехала в пятницу. Она позвонила, сказала, что никак не успевает. И что перезвонит про то, когда появится дальше.

Это было как-то непонятно. Почему не успевает? Что там происходит?

Майк появился как обычно — поздно вечером, но ничего пояснить не смог. Мол — видел днём, была нормальная. А на звонки она не отвечала.

Шофёр Володя сообщил, что с работы отвёз Веронику сначала на Декабрьских Событий, где она собиралась покормить и обиходить кота, а потом в Академ. По дороге в Академ при ней была большая сумка.

Что за хрень?

В субботу она нашлась — в телефоне. Сказала, что есть некоторые семейные проблемы, ничего неразрешимого. Решит, потом даст о себе знать. Кот в порядке, она его навещает.

Это, конечно, круто, что кот в порядке, но с ней-то что?

Днём приехали и отец, и Майк. Притащили еды от тёти Нины, только вот Илья, гад такой, выпивку пока запретил, сказал, она с какими-то там препаратами не контактит.

Они пододвинули к кровати столик, выгрузили еду и посуду — прямо тарелки нормальные припёрли, вот маньяки! И вилки с ножами.

— Рассказывайте, — отец нагрузил себе салатов и мясной нарезки, и плеснул минералки в стакан.

— Да вот хрень, — сказал Вик прежде, чем сообразил.

— В смысле? Илья тебя заштопал, Михаил смотрит за твоим имуществом, девушка кормит твоего кота — чего тебе ещё надо?

Вик ругнулся про себя, но раз начал — придётся договаривать.

— Так вот девушка. Вероника. Она пропала.

— Как пропала? — не понял отец. — На работу тоже не приходит?

— Вчера приходила. И отчёт Володи понятный — поехала к себе домой, говорит, там дела. Что за дела — не раскальвается. На телефонные звонки не отвечает, звонит сама, очень коротко и по делу.

— Ну она вообще девушка деловая, — усмехнулся отец. — Хорошая девушка, и красавица, и голова на месте. Ты не подумал, что ей могут, например, угрожать?

— В смысле?

— Чтобы она по каким-то причинам не выходила с тобой на связь. Может быть, она что-то знает, и её чем-то держат? Там её родные в порядке вообще?

— Сейчас узнаю, — вот идиот, о такой простой вещи даже и не подумал!

Вик позвонил Володе — его Вероника сегодня не вызывала. А потом Денису, парню Михаила Григорьевича, который командовал присмотром за Вероникой вне конторы. Тот сказал — мать и сестра дома, в порядке, обе показывались и на балконе, и на улице.

— То есть, жива-здорова, — резюмировал отец. — Значит, ловить её в понедельник на работе, и выяснять, что к чему. Очевидно, тебе, — отцовский палец упёрся в Майка.

Тот кивнул.

— Поговорю, не вопрос. Слушай, — глянул он на Вика, — а никаких сплетен о тебе до неё не могло дойти? Ну так, чисто в порядке версии?

— А какие сплетни про меня ходят? Я-то не в курсе, — пожал Вик плечами. — Я, знаешь ли, в последнее время приличен до отвращения, никого не соблазнял, только отбивался. Никого не убил и не покалечил. Только побил и подстрелил, но это за дело, уж извини. Какую сплетню можно про меня рассказывать?

— Мало ли. Девушки бывают очень трепетные.

— Вероника Андреевна мне трепетной не показалась. Ни в моём кабинете в прошлое воскресенье днём, ни на первом этаже этого заведения тем же вечером, — покачал головой отец. — Девушка трезвомыслящая и добрая. И если ты для неё ничего не значишь, то я — бородавка, — заключил отец. — Если судить по тому, как она держала твою жилетку и не позволяла никому её забрать. И как трогала твоё плечо кончиками пальцев здесь, в палате. И Полинька сказала, что хорошая девочка. Кстати, напущу-ка я на неё Полиньку. Пусть поговорит.

— Мне можно расслабиться? — ухмыльнулся Майк.

— А штаны носков не заменяют, — сверкнул глазами отец. — Ладно, к другому делу. Ты сидел у них две недели, что скажешь?

— Долбодятлов хватает. Нормальные люди тоже есть, — с готовностью ответил Майк. — При мне сидят тихо, как мыши, и не поверите — работают. Машины едут, грузы довозят. Счета оплачиваются. Мужики разговаривают вежливо. Девки и тётки прячут глаза, в коридоре прощмыгивают быстро, обращаются только по делу, — усмехнулся, подцепил малосольный огурец.

— То есть на твою честь не покушались, — хмыкнул Вик.

— Неа, — ухмыльнулся брат. — А я уж губу раскатал, думал, как над ними прикалываться буду.

— Вероника в четверг сказала, что ты всех тупо зашугал.

— А и пусть, — припечатал Майк.

И правда, пусть.

Да пусть вообще что угодно, только чтобы Вероника нашлась. Даже не потому, что у него планы относительно неё, просто пусть чтобы нашлась. Не видеть её, не слышать, не касаться, не знать — что там у неё, и не иметь возможности броситься самому и всё выяснить — это оказалось каким-то очень тяжёлым испытанием. Вик даже не сразу сообразил, что отец с ним разговаривает.

— И ты понял, что их нужно перевести в наш банк?

Кого? Куда? Чёрт возьми. Пришлось прислушаться. Ну да, банк. Но не то, чтобы вот прямо наш, но семейный, отцовского двоюродного брата, который в Москве. Деньги к деньгам, как говорится. Все операции «Продлеса» шли через Московско-Сибирский банк Ледяных, и правильно, что отец хочет отправить транспортную компанию туда же.

— Вероника и Жанна всё сделают, — кивнул он.

— Да, но раз твоя Вероника изволила куда-то потеряться, то ты до понедельника ей об этом ни слова не говори, понял? — сощурился Майк. — Узнает на планёрке, как все.

Наверное, это правильно.

Дальше они уже просто трепались обо всём и ни о чём — назавтра Майк собрался с Лис и младшими пойти в лес, типа микропохода устроить, а то Лерочка исстрадалась вся, что старших в лес брали, а её — нет. Отец собирался просто уехать наконец-то в Листвянку, а то вторая неделя в городе. А Полинька останется, и непременно придёт, и ещё Линочка тоже собиралась заехать.

Нет, ему не давали скучать. Но того единственного человека, от простого присутствия которого стало бы теплее и светлее, почему-то не было. А потом пришла и осталась мысль, которая просто вынесла наповал: а ну как она больше никогда не придёт? Уволится из компании, уедет из города? Нет, найти-то можно, не вопрос, но если она почему-то вдруг сама не хочет?

Что там произошло, мать-мать-мать?

64. Вероника

Были мы рады верить мечте

Даже недолгой, даже обманной,

А без неё мы плывём в пустоте,

Кружим, затеряны в зыбком тумане...

Мюзикл «Принцесса Грёза»

Что там было между пятницей и понедельником? А хрен его знает. Она помнила, что нужно кормить Чарлика и чистить его горшок, и что нужно заправить машину, и домой продукты и деньги, и собаку Муху тоже покормить. И полить цветы.

Ойблин, а в орхах-то плесень, это кто ж так постарался? По ходу, мама. Спрашивать бесполезно, она скажет, что хотела, как лучше, и что в горшках было сухо, и корни торчали наружу, и что там ещё она обычно говорит. А то, что это не болотные растения, и что они в воде не выживают, ничего так, да?

Вероника вытряхивала из горшков наиболее пострадавшие орхи, раскладывала по столу на газетках мокрую кору, отрезала подгнившие корни, вымывала плесень со стенок горшков. К счастью, пострадали не все, а только четыре, но теперь стопудово сбросят бутоны. Жалко беленькую, которую притащил Вик... ох, чёртов Вик.

Почему она поверила-то? Вот почему? Да потому, что видела своими глазами — между ними, как говорится, дистанция огромного размера. Ну да, она не совсем бедна — уже, она не совсем глупа и необразованна, но до племянниц Полины Николаевны, как бы они не выглядели, ей семь вёрст, и всё лесом. И как бы она из штанов не выпрыгивала — через себя не перепрыгнешь. А почему он ей не сказал — ну, она ж его и не спрашивала.

А те слова в машине... так он же был не в себе! А когда пришёл в себя, то ничего такого говорить не стал. Наверное, уже и не помнит, что там было и как.

И кто его знает, может быть как раз он и говорил той самой племяннице, что перезвонит ей потом. Когда она сидела рядом и держала его за руку. Она ж не знает ни французского языка, ни итальянского.

Вообще надо вернуть ключи от квартиры. Но опять же сейчас делать это совсем неправильно — он же в больнице, и хоть врач и сказал, что прогноз благоприятный, но всё равно — в больнице, после операции. Заведённые там было свои вещи она вывезла, их

немного скопилось.

А вдруг всё это неправда? Вдруг это выдумки Сашки, которую послали?

Потому что было — невероятно. Было так, как никогда в жизни. Она хоть попробовала, каково это — когда в тебе заинтересованы, пусть даже на здесь и сейчас, на конкретный момент. Когда заботятся о тебе, о твоём удовольствии и счастье. Так-то она с самого начала себе говорила, что это ненадолго, это на несколько встреч. И это такая мечта, пойти навстречу которой не глупость и не ошибка. Это слишком красивая и хорошая мечта. Она может быть только мечтой. Но как же она жила-то все эти годы, без мечты?

Дома оставалось только сжимать зубы и прятаться в комнате. Потому что добрая мама уже сто раз сказала про «я тебя предупреждала», и про «думать надо было раньше, и головой», и про «нужна ты такому мужику». Это ещё Вероника ей ни слова по делу не говорила, это просто реакция на то, что она вернулась домой, проболтавшись пару недель между небом и землёй. А если расскажет детали, то вообще слушать — не переслушать. Поэтому Вероника никому дома ничего не расскажет. Никогда.

Но рассказать хотелось, очень хотелось. Вероника взяла телефон, набрала номер. Ура, Ленка дома и не особо занята. Можно добежать до неё.

Ленка отреагировала на явление Вероники вытаращенными глазами — ещё бы, три недели щебетала по телефону про умопомрачительное счастье, а теперь приходит вся вот такая. Она быстро накидала в тарелки какой-то еды, а в бокалы — вина, утащила это всё на балкон, попросила мужа за ними не ходить, дождалась, пока Вероника угнездится на стуле, и поинтересовалась:

— Что это вы так? Всё же было хорошо?

— Вот именно. Слишком хорошо, — мрачно проговорила Вероника.

И рассказала всё, как есть. Как её чуть не похитили, как в него стреляли, как они ездили сначала к ней на дачу, а потом к его родителям в Листвянку, и про сплетни тоже.

— А он-то что говорит? — нахмурилась Ленка. — На хрена он тут с тобой раскатывает, если его в Европах крутая невеста ждёт?

— Да я ему не говорила, — вздохнула Вероника.

— Пффф, — Ленка снова вытаращилась, как на дуру. — Ну так ты того, спроси, корона с головы не упадёт, у меня точные сведения. И бить не будут. Скорее всего — скажет, как есть. По твоим словам он не производит впечатления блудливого, глупого, жадного, или ещё какого ущербного, кому быть человеком даже деньги не помогают. Поэтому ты возьми и спроси. Прямо, как есть. Ты по работе тоже сбегает, чуть что не так?

— Куда там, — вздохнула Вероника. — По работе у нас надо стоять насмерть.

— А тут почему не стоишь насмерть? Надо было прямо в пятницу ехать к нему и спрашивать — а расскажи-ка, мил друг, что это про тебя такое интересное болтают. И тут уже или он всё скажет, как есть, или это просто кто-то сочиняет. Или заметили ваш нездоровый интерес друг к другу и решили подёргать тебя за ниточки. И ведь смотри-ка, получилось! Кому вообще интересно вывести тебя из игры? Вы с твоим Ледяным спелись в неплохую команду ещё и по работе, так ведь?

— Так, — соглашалась Вероника.

Слова Ленки казались ей на удивление здоровыми.

— Вот и смотри: кому выгодно, чтобы вы рассорились и перестали нормально контактировать? Ясен же пень, что если спали вместе, а потом поссорились, то нормальной работы дальше уже не будет.

— Ну, этим, которые у нас вечно всякую хрень устраивают. Которых мы ещё не поймали. И даже не поняли, кто это.

— А они про вас всё поняли. И конкретно про тебя. Что надо тебе сказать, чтобы ты засомневалась и пропала с радаров. Как тебе такая версия?

— Очень может быть, — согласилась Вероника.

— Так что завтра иди-ка ты к нему. И разговаривай. Разговаривать вообще надо, понимаешь, поверь мне, которая восемь лет замужем. Если только про себя что-то думать, надуться, как мышь на крупу, и обижаться, то капец.

— А если не захочет разговаривать? — Вероника вдруг поняла, что если всё вот так, то у него тоже есть огромный повод обидеться на неё.

— Один раз можно и поугаваривать. Но если он такой, как ты говоришь — то захочет. Сдаётся мне, что если бы не огнестрел, он бы уже сам припёрся сюда и спросил — а где ты есть вообще и чего вдруг пропала.

— Точно, — кивнула Вероника.

То есть, ещё, может быть, не всё потеряно?

Разговор с Ленкой придал мыслям новое направление. А если она и вправду поверила дурацкой придумке, а их просто хотели рассорить? Или даже не хотели? А само так вышло? Но откуда-то же взяли племянницу Полины Николаевны, этого не придумаешь...

Ладно, утро вечера мудренее. А утром планёрка, надо идти и сообщать.

На планёрке Майк был как будто ещё злее обычного. За задержки с ремонтом двух машин сделал капитальную выволочку, за ошибки в каких-то данных по предполагаемому грузу тыкал носом и при этом страшно язвил. А под конец выдал новость: компания переходит обслуживаться в Московско-Сибирский банк. Всю подготовку выполнить срочно, все свободны, Веронике Андреевне остаться.

Новость про банк огорошила. Ну, слышала она про такой. Что есть. И ничего больше. С чего вдруг? Так и спросила его, когда за остальными закрылась дверь.

— А ты что вообще про него знаешь? — сощурился Майк.

— Только то, что он существует, — пожал плечами растерянная Вероника.

— Ну можешь в свободное время поинтересоваться поподробнее — что и как. Тем более, я слышал, что у тебя сейчас свободного времени много.

— Ты о чём? — она сидела придавленная и тихая.

Майк глубоко вздохнул, сел напротив.

— Ник, что случилось? — и сейчас его голос был уже похож на человеческий, а не на начальственный. — Ты куда-то исчезла, и дала нам всем повод для кучи разных мыслей. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула она.

— Тебе, часом, не угрожают? Это самое разумное, что мы смогли придумать.

— Мы?

— Мы с Виком. Постели у нас разные, а тарелки и мозги, бывает, что и общие. Издержки близкого родства. Так я вернусь к делу, с твоего позволения. Тебе не угрожают?

— Нет.

— Точно? Ты подумай, потому что мы уже все головы сломали, какие были, за какую верёвочку ещё дёрнуть, чтобы дверь-то и открылась. И если тебе угрожают, а ты молчишь — сама понимаешь, как это хреново.

— Нет, не угрожают, — она подняла на него взгляд. — Это точно.

— А тогда какого хрена, прости меня? Ты вообще куда делась и почему ни слова толком не сказала?

— Не важно.

— Мне кажется, тебе нужно пойти в больницу и поговорить. Сегодня.

— О чём поговорить?

— Понятия не имею, тебе виднее. Но ты сама, наверное, понимаешь, что когда человек был-был, а потом на ровном месте взял и потерялся, то дело нечисто. И значит, там на самом деле было вовсе не ровное место, а что-то другое. Яма. И если один упал в яму, то второй, будучи нормальным адекватным человеком, не пойдёт дальше, а поможет этому одному выбраться. Я не знаю, что случилось, но вижу, что случилось определённо. И если ты не хочешь или не можешь сказать мне, то походи и скажи ему. В конце концов, ты что, меняешь работу?

— Нет, даже и не думала, — со страхом сказала Вероника.

— А как ты будешь с ним работать, когда он вернётся? Или ты не считаешь, что он вернётся? — Майк снова говорил как злобный босс.

— Рассчитываю... — Вероника была совершенно раздавлена.

— Тогда тем более собирайся и иди. Нет, лети. Кстати, есть шанс, что сегодня его отправят домой. Так что лететь тебе надо быстро, — он перевёл дух и продолжил, снова как человек. — Ник, я не знаю, в чём дело. Но думаю, что ты могла услышать о нём какую-то вещь. Или не о нём, или вообще о нас всех. Это бывает. Чем сильнее человек высовывается, тем больше о нём говорят. И не только говорят, тебе, я слышал, колёса прокалывали. Не всему стоит верить. Говорить могут как из желания просто почесать язык, так и из желания навредить. Любому из вас — и ему, и тебе. И вам обоим разом. Кому выгодно, чтобы вы рассорились?

Второй раз уже ей задавали этот вопрос. Одного человека она знала двадцать пять лет, второго — полтора месяца. А спрашивали одно и то же...

— Да понятно, кому. Тем, чьим делам мы помешали.

— Вот, начинаешь соображать, хорошо. Зачем им помогать? Пусть идут на хрен. И ещё. Сейчас я спрошу тебя не как актуальный начальник, а как брат Вика. Скажи, ты как долго вообще бывала в разных отношениях? В смысле, какой у тебя максимум?

— Два с половиной года, — тихо сказала она.

— Тогда не обижайся и послушай человека, который двадцать лет в отношениях. Да-да, не делай такие глаза, всё так, мы познакомились с Лис, когда ей было тринадцать, а мне восемнадцать. А поженились через десять лет. Так вот, чтобы не разбежаться быстро и не озвереть друг от друга впоследствии, очень важно слушать друг друга, слышать друг друга и вообще разговаривать. Не убегать в нору в любой непонятной ситуации, а идти и разговаривать. Или пережидать ураган и разговаривать. Или тащить в постель, а потом разговаривать. По ситуации, короче. Но разговаривать — обязательный компонент. Не научитесь — ни хрена у вас и не будет.

Вероника уже было подумала спросить его о той сплетне, уж наверное он знает про такого рода планы своей семьи... но поняла — о том, что касается их двоих, и разговаривать нужно им двоим.

— Спасибо, Майк.

Она медленно поднялась и собралась уже идти, но он остановил её.

— Ник, если ты собираешься что-то делать — делай сейчас.

— Но как же документы для вашего неведомого банка?

— Он не неведомый, он реально наш. В смысле — он принадлежит двоюродному брату отца, дяде Ивану, — рассмеялся он. — Своё — к своему. Вашу контору ещё переименовать надо по-людски, Вик прав. Глядишь, и поменяется что-нибудь к лучшему. Но это так, о вечном. А о насущном — иди. Собирайся и иди. Я тебя, как начальник, отпускаю до завтра. А уж как ты этим отпуском распорядишься — смотри сама.

— Поняла, — теперь уже Вероника кивнула ему и вышла.

Но сначала она озадачила Маргариту Романовну и Ольгу подготовкой требуемых документов. И аккуратно в процессе телефон зазвонил, и номер был ей неизвестен.

— Слушаю вас, — ответила Вероника.

— Добрый день, Вероника, это Полина Ледяная. У вас есть минута?

Вот так сюрприз! Вероника выскочила из своего кабинета в пустую приёмную и закрыла за собой дверь.

— Здравствуйте, Полина Николаевна, — ответила она дрожащим голосом.

— Скажите, Вероника, у вас всё в порядке? Вам не нужна помощь?

— Спасибо, уже не нужна, — выдохнула Вероника. — Мне... кажется, уже помогли.

— Тогда я вас очень попрошу — поговорите с Виктором. Пожалуйста. Просто поговорите.

— Да, я... непременно это сделаю.

— Тогда, возможно, сегодня ещё увидимся, — Вероника прямо почувствовала, как Полина Николаевна улыбается. — И спасибо вам.

Разговор завершился, рука с телефоном опустилась. Вероника отзеркалила ситуацию — если бы у, скажем, сестрицы Катерины пропал без объяснения причин молодой человек, то мама сказала бы — наверное, ты сама виновата. И уж точно не стала бы звонить, даже если бы Катерина сошла с ума и её об этом попросила.

Теперь уже Вероника не удивилась бы, если б ей позвонил по тому же вопросу кто-нибудь ещё. Ага, Валентин Фёдорович или маленькая Аннушка. Ледяные не отпускают так просто. Или дело не в этом?

Надо пойти и всё узнать, как ей все настоятельно советуют. Вдруг она — дура, а мечта имеет право быть не только мечтой?

65. Вик

Только отдай мне ту, которую я люблю

БГ

Понедельник пришёл, как перед тем было воскресенье, а после того — придёт вторник. Неотвратимо.

Утром на обходе Илья сказал, что если снимок и узи сегодня покажут, что процесс идёт хорошо — значит, можно будет отправляться домой. Но не на работу — ещё на неделю ограничения в передвижениях, то есть, говоря по-русски, лежать, прижавши жопу, и развлекаться книжками и фильмами, но никак не стрельбой и рукоприкладством. И что сегодня ещё ставить уколы и делать физио. И снимать швы. Снимок и швы сейчас, а узи после обеда. Но в целом всё заживает хорошо.

Вик только кивал — а что ещё оставалось-то? Прилежно вставал, ходил, куда от него хотели, и подставлял под процедуры нужные части тела.

К обеду появилась Полинка. Принесла еды, заставила съесть. И только потом достала из своей сумочки то, что он сейчас не мог организовать сам, и в чём ему пришлось просить

помощи. Вкус у Полинки безупречный, поэтому заказанный предмет выглядел, как надо. Он ещё подумал — не слишком ли вычурно? Да нет, нормально. Красиво, очень красиво. И пока прибраться. Если не сегодня — то завтра он положит известно что на все рекомендации про постельный режим и сам отправится выяснять, что в мире происходит. И в его жизни — тоже.

Полинька пожелала ему удачи во всём происходящем и сказала, что у неё пока дела, но к моменту выписки они с отцом подъедут.

Потом он даже спал, проклятая слабость брала своё и периодически просто отключала организм. А потом тупил в телефон. А потом случилось-таки чудо — дверь отворилась, и вошла Вероника.

Посеревшая и замученная. Что ж там такое? Ладно, уже не важно. Главное — она здесь.

— Здравствуй, душа моя, — Вик встал, подошёл и обнял её.

И тут же отошёл, потому что она осталась безучастной и смотрела настороженно.

— Привет, — сказала совсем тихо, он едва расслышал.

— Так, понял. То есть ничего не понял, на самом деле, но садись и рассказывай.

Вик взял её за руку, подвел к кровати и усадил, а сам сел рядом.

Она смотрела на него и молчала. Смотрела... как будто в последний раз, чёрт побери. Как будто видела что-то, никому более недоступное.

— Тогда хоть скажи, как там принц Уэльский.

— Скучает, — вздохнула она. — Я утром его видела.

И снова замолчала.

— Да что ж ты молчишь-то? — он уже не знал, как же сделать, чтобы она, наконец, заговорила, поэтому продолжил совсем не так, как собирался сначала. — Вероника, пока ты снова не сбежала и не спряталась, скажи мне, пожалуйста, такую вещь — ты выйдешь за меня замуж?

Глаза распахнулись, в них билась какая-то невысказанная мысль. Неужели она сейчас скажет, что давно замужем и в тайне от всех воспитывает пятерых детей?

Она продышалась и сказала совсем другое:

— Но как ты можешь звать кого-то замуж, если помолвлен с племянницей Полины Николаевны?

Вик ни черта не понял. Что? Какая, к хренам, племянница?

— Вероника, ты о чём сейчас? — осторожно спросил он.

— Как, все говорят, что у тебя есть невеста где-то там, и что она подходит вашей семье по происхождению, статусу, богатству и что там ещё бывает, — сообщила она.

— Чего? — он смотрел на неё и вот вообще ни хрена не понимал.

Что за чушь она несёт? Кто только придумал, убить мало! И вот из-за этой херни она где-то там сидела и что-то себе думала?

— Вероника, ты откуда это взяла?

— Вся контора говорит. Что Валентин Фёдорович так сказал отцу Сашки Татарниковой!

И тут он вспомнил. И начал ржать. Вот просто складываться пополам, и дырка в спине тут же напомнила, что не надо так, а надо тихо и осторожно, и закашливаться надо тоже тихо и осторожно. Но всё польза — она встревожилась, смотрела уже как-то по-человечьи, и не как сначала.

Вик отдышался, взял её за обе руки и сказал:

— Душа моя, а почему же ты не пришла и не спросила — какого хрена ты, такой-сякой,

обещался кому-то там в Европах, а спишь со мной? Я не говорю о том, почему ты вообще поверила какой-то хрени про меня, и не пришла и не рассказала мне эту забавную, без сомнения, сплетню.

— Да потому, что где ты, а где я, небо и земля.

— Вероника, душа моя, ты гонишь, прости за просторечное выражение в такую минуту. Но ты делаешь именно это. Я тебе мало говорил, что люблю? Так скажу ещё раз, и не раз, и вообще. Тебя люблю, а не какую-то племянницу Полинки, ни одну из них.

Вероника прикрыла глаза, и кажется, там были слёзы. Он, не раздумывая, обнял, растрепал тщательно уложенные волосы, зарылся в них носом, а потом поднял к себе её лицо и поцеловал.

— Прости меня, пожалуйста, — прошептала она. — Я очень, очень тебя люблю.

И тоже обняла.

— Воистину, нет дурака глупее умного дурака, — усмехнулся он. — Надо ж было придумать!

Ну то есть придумал-то отец, чтобы эта дура из отдела договоров отстала, и не обидеть никого, мать их. И они ещё поржали, помнится, над прикольной мыслью, потому что отец явно не видел своей невесткой ни Элку, при всех её достоинствах, ни маленькую Доменику, ни давно и счастливо замужнюю Джину. Кто бы мог подумать, что в этот бред поверит не только дура Александра, но и умница Вероника?

Она по-прежнему молчала, только хлопала ресницами, и слёзы всё ещё бежали. Да что за ерунда, в самом-то деле! Он вытер ей слёзы, то есть сначала попытался пальцем, но это был дохлый номер, тогда он нашёл что-то типа полотенца и тут уже дело пошло.

— Давай договоримся — если вдруг что-то непонятное, то ты приходишь и спрашиваешь. Хорошо? Да мало ли, кто что придумает! Знаешь, сколько про всех нас придумывали разного? И ничего, мы до сих пор живы. Так мы договорились?

— Да, — выдохнула она. — Ты прав, я дура.

— К счастью, обычно ты умная. А иногда со всеми случаются досадные моменты. Ты, главное, не молчи, хорошо?

— Хорошо, — она не сводила с него глаз.

— Тогда вернёмся к тому, с чего начали. Вероника, ты выйдешь за меня замуж?

Она сначала просто смотрела своими зелёными глазами ему в глаза, потом нерешительно кивнула, потом тихо сказала:

— Да, я выйду за тебя замуж.

— Спасибо тебе за это, душа моя, — сначала поцеловать, а потом достать коробочку, открыть, показать — о, каким стал её взгляд! — и наконец, надеть ей кольцо.

Взять её руку и любоваться.

— Очень красиво, — выдохнула она. — Необыкновенно.

Угу, задача так и формулировалась — чтоб необыкновенно, и непременно с зелёным камнем. Размер был установлен заранее по её колечкам, которые очень удачно завелись в его доме. А вот потом гад Петя Яковлев всё испортил, и пришлось не самому листать каталоги и ставить задачу, а объяснять её Полинке. Но у Полинки хватало знакомых, и из разных посланных ему вариантов Вик выбрал этот, и угадал. Курьер сегодня утренним рейсом привёз кольцо Полинке, а она доставила к нему. И всё сошлось.

И наконец-то она расслабилась и улыбнулась. И можно было посадить её на колени. Раздевать прямо здесь — не самая хорошая идея, в палате, всё же, проходной двор, но...

Именно проходной двор, чёрт их всех заберит! Дверь открылась, и вошёл Илья.

— О, здесь всё хорошо, как я понимаю. Думаю, станет ещё лучше.

Веронику ему официально представили ещё на позапрошлой неделе. И сейчас он с улыбкой смотрел на то, как она с невозмутимым видом пересела на кровать рядом с Виком. О нет, дальше её никто сейчас не отпустит.

— Ты выпроваживаешь меня? — хорошо бы!

— Да, — кивнул Илья. — За две недели ты мне тут изрядно надоел, вместе со всем твоим семейством, и я хочу отправить тебя под надзор Полины Николаевны и Вероники Андреевны. Твои внутренности в достаточно приличном состоянии, так что отправляйся домой.

А потом двери снова открылись, и привалила целая толпа. В палате сразу же стало тесно. Хорошо, хоть детей не потащили, и тётю Нину с Тёмычем, а все остальные пришли полным комплектом — отец и Полинька, Майк и Лис, и Линочка. Вик показал им руку Вероники с кольцом, и их подняли с кровати и обняли все разом, ему так показалось. Отец хотел увезти всех в Листвянку праздновать, но Вик сказал, что хочет домой. Тем более, там принц Уэльский, и он, говорят, скучает.

66. Вероника

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан

Народная песня

Она никогда не думала, что факт её грядущего замужества станет для кого-то поводом для праздника. Да она этот момент вообще никак себе не представляла. А теперь вдруг оказалось, что вот. Как-то всего слишком много — и проблемы, и криминал, и больница, и сплетни, и вот — кольцо. Охренительное кольцо. Очевидно, зелёный камень был изумрудом, а торчащие вокруг бриллианты на маленьких лепесточках изображали капли росы. Только огранённые.

Подобные кольца Вероника видела только на картинках и на женщинах из семьи Ледяных. Что Полина Николаевна, что Алиса носили в соответствующих местах весьма замысловатые композиции. А у Лины единственное кольцо было на левой руке, зато какое — пронзительно-синий кристалл в чёрной филигранной оправе, размером в фалангу среднего пальца. Вероника никогда в жизни не встречала таких кристаллов, но это определённо была не пластмасса и не стекло. Что ж, возможно, теперь она когда-нибудь сможет спросить Лину, что это за минерал.

Из больницы родители Вика отправились в Листвянку, а все остальные — к Вику домой. Ох, теперь же — к ним с Виком домой, Вик говорит именно так. Дома встретил Чарлик, его печальный мяв раздался, уже когда открывали входную дверь. Вик сгрёб его в охапку, и он тут же принялся обнюхивать вернувшегося хозяина, громко урчать и подхрюкивать.

Далее Вик на правах болезного сел на диван, туда же к нему забрался накормленный кот, Майк сел рядом, а Вероника принялась судорожно вспоминать, что вообще в этом доме можно поесть. Оказалось, что ничего делать не надо, потому что из Листвянки привезли ещё одну кучу еды. Лина поставила на стол два пакета и сказала Веронике:

— Слушай, у кого сегодня помолвка? Иди к жениху, ладно? А то он, бедняга, совсем соскучился.

Так Вероника оказалась избавлена от хозяйственных забот. Лина и Алиса накрыли их небольшой стол, Майк принёс вина.

— Скажи, тебе Илюха пить-то разрешил?

— А то, — радостно закивал Вик. — Меня уже три дня не капали, он сказал — теперь можно.

— Тогда понеслась душа в рай, — рассмеялся Майк.

Разлил вино, отнёс бокалы жене и сестре.

— Счастья вам, дорогие, — Лина поцеловала их по очереди. — Вик, я очень за тебя рада. Вероника, ты нам всем очень нравишься. Привыкай, мы сумасшедшие, но хорошие.

Алиса сказала:

— Мой сын заявил, что если дядя Вик не женится на Веронике, тогда он сам это сделает. Старший сын, — уточнила она. — Мне кажется, у него хороший вкус.

Майк хохотал.

— Да-да, и устроит свадьбу из отложенных денег.

— Каких отложенных денег? — не понял Вик.

Вероника тоже не поняла.

— А, точно, вы же не знаете развязку душещипательной истории про деньги, — расхохоталась Лина. — Сейчас расскажу. Помните же, да, как наши чудесные старшие дети ходили попрошайничать в порт и на рынок? Тётя Нина ругалась, что ей стыдно глаза на улицу показать, мама увещевала, что приличные люди так не делают, но детям это было — как об стенку горох. Дети просидели в карантине позапрошлые выходные, а когда ты, Вик, добавил нам в жизнь немного перца, остались в Листвянке без надзора мамы. Увы, я мать-ехидна, сплю до обеда и не пасу своё детище ежечасно, у Лис была куча заказов в городе, они и почуяли слабинку. Две недели они там делали примерно что хотели. И в воскресенье отправились на рынок опять, смывшись от тётки Нины. Только они не прочухали, что дома был папа. И когда оказалось, что уже обед, а детей след простыл, то именно он отправился их искать. Что характерно, нашёл, именно там и именно за тем, привёл домой и стал копать эту дивную историю. Оказалось, что дети заелись с тёткой Ниной на тему общих вопросов собственности и уважения к чужому труду. Что-то ей не так ответил кто-то из них, не докапывалась и не знаю, кто — Сашка или Аннушка. Ну и она взялась их стыдить — мол, ни копейки ещё в жизни не заработали, а уже права качают, и ещё что-то в этом роде. Аннушке палец в рот не клади, она и сказала — что они с Сашкой такие же члены семьи, как и она, и с таким же правом там жить, есть-пить и всё такое. А тётя Нина продолжала их стыдить — мол, они никто и звать их никак, даже по дому не помогают. И было это ещё и при ком-то из помощников.

Дети обиделись, три дня думали и придумали вот это всё. Натрясли с китайцев денег и предполагали делать это до конца каникул. И тут папа. Ну, папу мало чем в жизни удивишь, он поговорил с тёткой Ниной, и много кто хотел бы быть свидетелем того разговора, но увы. А дальше был чудная сцена — как она извинялась перед детьми в присутствии тех самых помощников, которые слышали исходную ссору. А дети извинялись перед ней. Далее папа взял детей за шкварники и велел расколотся — зачем им деньги. Дети впали в ступор — потому что понимали, что на жвачку и что там ещё бывает — это всё фигня, там вагон жвачки можно было купить, или целый поезд даже, и ненавистную тёте Нине еду из kfc есть до конца каникул. А потом подумали и сказали — ну типа мало ли что, вдруг им захочется, например, кому-нибудь подарок сделать? Не знаю, кто из двоих это придумал, но оказалось верно. В общем, Александру папа предложил поразмыслить о том, что если люди будут нести ему деньги сами, без выпрашивания, то дадут больше и охотнее. Анна же была

отправлена посоображать о том, что петь оперные арии надо не на остановке маршрутки в Листвянке, а в предназначенном для этого месте, там тоже дадут больше. После чего было постановлено завести детям карты и положить туда эти деньги. Ну то есть тратить их они смогут, но папа узнает — куда и зачем.

Вы как хотите, а я довольна. Правда, Майк получил подзатыльник, а меня дёрнули за косу, но я считаю, мы легко отделались, а? — Лина пихнула брата в бок. — Так что Вероника, мотай на ус. Если ваши будущие дети начнут выпрягаться по мелкому — зовите маму, и она их устыдит, а если по-крупному — то папу, он вставит им мозги на место.

Вероника просто сидела и хлопала глазами. Ну да, доведись до её мамы — она бы повела себя как Нина Фёдоровна, и даже говорила бы теми же самыми словами. Очень уж знакомо — про ни копейки не заработали и не помогают. Но как же легко все вот эти люди смотрят на подобные вещи! Со смехом и шуточками.

Шуточек хватало. Майк вспомнил, как отец их с Виком наказал за то, что они ушли на целый день из Листвянки в лес и никому не сказались. А было им семь и восемь лет соответственно. Лина вспоминала, как доставалось ей, когда она дралась с мальчишками в школе. И потом ещё когда она наполучала двоек по физике, её заперли дома — чтоб решала задачи, а она вылезла в окно второго этажа, потому что у неё были дела. И Алисе тоже было, что вспомнить.

— Ник, у тебя что, никогда не было братьев и сестёр твоего возраста? — догадался Майк.

— Нет, — она покачала головой. — Я со всех сторон самая старшая.

— Ну тогда осваивайся, — рассмеялась Лина. — Так-то у нас ещё Шатийоны есть, их тоже трое, и Элка.

— А Элка-то тебе не Шатийон, — фыркнула Алиса.

— Элка сама себе Элка. А давайте позвоним ей и расскажем крутую новость об увеличении империи?

— А давайте...

Пока Лина искала свой телефон, включала в нём интернет и искала контакт, Вик тихо говорил Веронике:

— Элка — тоже наша сестра. Она очень крута много в чём, тебе понравится. Только она терпеть не может, когда её называют Элкой.

— Но мы всё равно называем, — смеялся Майк.

— Ага, и она не любит конфеты «рафаэлло», — вторила ему Алиса, — потому что это почти её полное имя.

Лина не сразу, но дозвонилась, и заговорила, очевидно, по-итальянски.

— Часть нашей семьи совсем не говорит по-русски, увы, — пожал плечами Вик.

— Она очень рада и желает вам огромного счастья, — сообщила Лина.

Потом она включила громкую связь, и хрипловатый далёкий голос что-то им говорил, и Вик что-то отвечал. Потом тот же голос сказал по-английски, что его неведомая обладательница рада приветствовать Веронику в семье. Вероника смогла только поблагодарить.

— Эй, ты чего? — Вик обхватил её за плечи и стёр пальцем сырость из-под глаза.

— Так я думала — просто замуж, а меня как будто удочерили и в большую семью берут, — проговорила она.

— А как говорит отец, штаны носков не заменяют, — рассмеялся Майк. — Замуж тебя

берёт вот он, а мы все — именно что в большую семью.

А потом Вик сказал, что хватит болтать, он уже хочет положенных им чудес, и пусть Линн возьмёт в кладовке гитару и поёт.

Лина не возражала. Она принесла гитару, настроила... В общем, если Вероника и считала когда-то, что кто-то хорошо поёт, то теперь она об этом напрочь забыла. Потому что Лина пела так, как никто и никогда. Как будто говорила и рассказывала. Как будто глядела в душу. И все сомнения не то, что показались ерундой, да они просто потерялись где-то по дороге. Вот она, Вероника, а вот её любимый мужчина, и они вместе. Остальное значения не имеет.

Голосом разума выступила Алиса. Она сказала, что ей завтра работать к полудню, а кое-кому и пораньше. Оказалось, что времени — два часа. Майк сообщил, что никто уже никуда не идёт, что Вик с невестой пусть проваливаются в спальню, а они останутся здесь на диване. Лина заявила, что на диване не хочет, пусть ей надуют матрас из кладовки и дадут кота.

Матрас надули, кота дали. Вероника пожалела, что увезла домой вещи. Вик поржал и сказал — ну, ходи опять в моём банном халате.

Когда все утихомирились наконец, и они закрыли за собой дверь в спальню, он вынул её из халата, обнял и зарылся носом в макушку.

— Не сбегай больше, хорошо?

— Хорошо, — она гладила руками его большую горячую спину, осторожно касаясь свежего шва. — А что сказал ваш чудо-врач про разные нагрузки?

— Он сказал — на работу не ходить. А про не ходить в постель с девушкой разговора не было. С невестой, кстати, тем более. Не переживай, мы недолго. И тихонечко, ок?

А дальше он её поцеловал, и слова стали не важны.

67. Вик

Ты вернёшься — чтобы вернуть этот мир

Олег Медведев

Он проснулся в тишине. И — слава всем высшим силам — у себя дома. Как же дома-то круто, не передать. Да лучше в лесу спать в мокрой палатке или в зимушке, где натоплено так, что дышать нечем, или в грязной машине, чем в самой хорошей больнице, хоть бы и у Ильи в отдельной палате!

Телефон известил, что уже почти полдень, и что с утра звонил отец. Вик сначала написал пару слов Веронике — что уже не спит, и поговорит с ней, как она сможет, и перезвонил отцу, и выяснил, что тот главным образом интересовался — всё ли в порядке, все ли живы после того, как вчера явно отмечали. Вик даже встал и выглянул наружу — там на балконе сидела Линн, и беседовала с его котейшеством. Остальных уже и след простыл. Ну, значит, всё хорошо, так и сказал.

Линн сообщила, что её сначала разбудили ни свет, ни заря, потому что она им проход в кухню перегораживала, и всё-таки прогнали на диван. Майк и Вероника уехали, Лис осталась, и тоже ещё спала. Но в двенадцатом часу поднялась сама и подняла её, чтобы Линн закрыла за ней дверь, ей пора на работу. У неё группа каких-то пафосных французов, их нужно везти в Листвянку. А она, получается, ждёт, пока проснётся Вик, и развлекает котика. Котик ел, пил и посещал горшок. Также драл коврик на балконе и сиденье стула на кухне, и не желает ли дорогой братец Вик по этому поводу завести коту когтеточку? А то прости-прощай клёвый кожаный диван. Если желает, то она, Линн, знает место, где делают на заказ целые дворцы, получается здорово. Скажем, если они с Анной посмотрят и подарят коту

дворец? Конечно же, его высочеству нужен дворец, а он как думал? Маленький столбик, который его котик обдерёт за неделю? Опять же котики имеют свойство увеличиваться в размерах и количестве, вдруг их станет два?

Вик слушал болтовню сестрёнки и смеялся. Какие, на хрен, два, тут один всё пространство занимает! Но здорово, что она приехала, что у неё, по большому счёту, в жизни всё так, как она хочет. Депрессующая Линн — непростое зрелище, её тут же хочется утешать, а она не утешается, и думает всякое мрачное, и потом это ещё рифмует, и кладёт на музыку, и получаются жуткие песни. Очень классные, но необыкновенно тяжёлые. Поэтому пусть радуется, от этого всем хорошо.

Линн рассказала, что через пару недель уже собирается обратно — но не напрямую, а сначала куда-то на большую игру по Толкину. Ну и хорошо, пусть. А что Аннушка? Аннушка потом приедет с Полинькой, пусть расслабляется перед суровой школой в компании старшего брата и его друзей.

Они выпили кофе, и даже что-то поели, а потом Линн убежала — у неё, оказывается, какая-то встреча старых друзей. Чего-чего, а этого добра у сестрёнки хватает.

Кот наелся и набегался, и уснул.

Времени было — два часа дня. И вот скажите, что теперь? До вечера ещё далеко, на работу сказали не ходить, а чего делать-то?

Вероника позвонила и рассказала, что там у неё. Про подготовку к переходу в банк дяди Ивана и про разное другое, местами любопытное. И сказала, что после работы заедет в Академ, там вещи и дела, а потом уже приедет домой. Так и сказала — приедет домой. Чудесно.

А дома вообще есть, что пожрать? Вик посмотрел в холодильник, оказалось — есть. На сегодня ещё точно хватит. И можно, например, взять рыбий хвост, отрезать кусочков от присланного варёного языка, кинуть кусок коту — как же без этого — и потом уже сесть размышлять.

О том, что семья приняла Веронику, и это хорошо. Он помнил, как представил семье Станиславу, как она везде ходила, всё и всех рассматривала, и морщила нос — почему не так, как она привыкла. Это сейчас он понимал — опасалась, не знала, чего ждать. А тогда просто сказал ей — морщить нос нечего, всё хорошо, будет так, и никак иначе. Что в голове у человека в двадцать три года? Хрень всякая. Она ему очень нравилась — просто до дрожи в коленках и умопомрачения, хоть она была и не рыжая, а блондинка. С тех пор, кстати, ни на одну блондинку не посмотрел, воротит с них. А что было у неё — наверное, желание замужества, тем более, что он представлял из себя очень неплохой вариант уже тогда. Что жили с его родителями, даже точнее, не с родителями, а с отцом — ну, тогда все так жили. Тем более, у них была не комната в маленькой трёшке, и даже не комната в большой трёшке на Грязнова, а по сути, собственная квартира в большом доме, и машина у него уже была, на автобусе в город ей ездить не приходилось. В общем, это сейчас он такой умный, и понимает, что нужно было с ней или вовсе не связываться, или замуж не звать. Но он был юн и бестолков, и ловил каждый адресованный ей взгляд — красивая блондинка, грудь-задница-волосы, все дела. Ухоженная и хорошо одетая — тёща с тестем старались, чтобы у единственной дочки были шансы. Да они и без него были бы. Шансы. Но с ним — побольше. Тёща вообще приехала в Листвянку и принялась ходить по дому и только что не обнюхивать каждую вещь — что сколько стоит. Потом очевидно побеседовала с дочкой, и Станислава разом сменила гнев на милость, перестала морщить нос и принялась всем улыбаться.

Впрочем, отец и дед у неё были нормальные. И Вик с ними хорошо общался, а их отец даже как-то немного задружился.

Его брат и сёстры ей не нравились, Впрочем, она им — тоже. В лес ходить она не хотела, говорила, что ей не нравится спать на холодном и жёстком и ходить в сырости, и ещё вещи на себе таскать. Угу, таскать. Взять топор ей бы ни в жизни в голову не пришло. Своё и то пыталась ему спихнуть. При том, что он был не против облегчить ей жизнь — только чтобы улыбалась.

Да ну её к чёрту. Живёт себе — и пусть. И он будет жить. А прошлое — пусть остаётся там, где есть сейчас.

Воспоминания всколыхнули некую мысль — о прошлом, и о людях из прошлого. Некую вполне определённую мысль, которая уже приходила сто лет назад, ещё на корпоративе. А теперь додумалась до конца.

Вик позвонил Майку, Паше Демьянову и Михаилу Григорьевичу. И просил всех быть у него дома, часиков так в восемь.

Потом позвонил Веронике и тоже попросил — постараться приехать к восьми. Дело, конечно же, дело. Но для неё — не только оно.

68. Вероника

Останусь навсегда египетским ребусом

Олег Медведев

Утро было суматошным. С Виком разве что поцеловались, а потом она велела ему спать дальше. В большой комнате Алиса заправляла кофемашину, а Майк уговаривал Лину переместиться с пола на диван, потому что ходить негде. Ходить и в самом деле было негде — на этом матрасе Вероника с Виком в лесу вдвоём спали, и хорошо помещались. Чарлик шнырял между ними всеми и вопил, потому что хотел есть.

Правда, когда Вероника вышла из ванной, то уже был какой-то порядок — Лину переселили-таки на диван, кота накормили, и он вылизывался под боком у Лины, Алиса и Майк сидели за высоким столом и пили кофе.

— Иди к нам, — Алиса налила кофе ещё в одну чашку. — Так-то тебе вроде как хозяйничать, но это потом, а сейчас для скорости я.

— Мне ещё на тот берег переодеваться ехать, — проговорила Вероника.

— Если будет нужна помощь с переездом — говори, — кивнул Майк. — У тебя есть что-нибудь, что не поместится в его машину, но обязательно нужно забрать?

— Например, пианино, — проговорила как будто спящая Лина.

Все рассмеялись.

— У меня нет пианино, я не играю ни на каком музыкальном инструменте. Петь тоже не умею. Но у меня есть кусты, — вздохнула Вероника.

— В смысле — кусты? — не понял Майк.

— Растения в горшках. Выше человеческого роста.

— И много?

— Не очень. Два фикуса, олеандр и лимон. И много мелочи — фиалки и орхи.

— Ты выращиваешь орхидеи? Супер, — заметила Алиса. — Тебе показали нашу оранжерею?

— Да, мы ходили с Полиной Николаевной. Там круто.

— Здесь тоже будет ничего себе, как я понимаю, — усмехнулся Майк.

Ему тоже нужно было ехать переодеваться, поэтому они быстро допили кофе и

разбежались по машинам. Точнее, Веронику уже традиционно ждал водитель Володя. Вежливо поздоровался и сел за руль.

Ну что же, согласилась — терпи. Может быть, водитель — это не навсегда?

Вчера Вероника звонила маме и предупреждала, чтобы вечером её не теряли, а утром перед работой она забежит. Мама, естественно, уже проснулась, и начала было заготовленную речь о том, что она всю ночь не спала, и где это её, Веронику то есть, носило, но Вероника продумала своё выступление заранее.

— Мама, у меня времени — пятнадцать минут, а дел — очень много. У меня новость — я выхожу замуж. Не могу сказать, когда именно, мы ещё не успели придумать, но выхожу, — она продемонстрировала кольцо, воспользовалась тем, что мама временно утратила дар речи, и сбежала к себе в комнату.

К счастью, выходные были плодотворны в плане стирки и глажки — блузки висели на плечиках, бельё лежало в ящике. Можно было одеться, не глядя, и не беспокоясь. Накраситься. Найти зелёные серьги и брошь, подходящие к кольцу.

Мама как раз обрела возможность говорить.

— И за кого, позволь спросить, ты выходишь замуж?

— За Виктора. Ты его видела, мы приезжали на дачу. Мы придём поговорить, но в субботу, наверное, раньше не получится. Он немного болен, а я по уши закопана в работу.

— Немного болен — это как? — мама продолжала выпадать в осадок.

— Травма. Его вчера выписали из больницы, он пока дома.

— Дома — это где? И может быть, поговорить с тётёй Валеёй? Нужно?

Тётя Валя — преподаватель в местном медуниверситете и врач. И мамина двоюродная сестра.

— Нет, не нужно, у них всё схвачено и врачи есть. Всё в порядке. Целую, убежала на работу, вечером забегу на минуточку за вещами.

Ну, прошло лучше, чем Вероника думала. Хотя к вечеру у мамы может сгенериться ещё целая куча вопросов и выводов. Ничего, прорвёмся.

На работе было с виду спокойно. Вероника хотела начать прямо с того места, на котором ушла вчера, и позвала Маргариту Романовну. Попросила Ольгу сделать кофе и принести чего-нибудь из ближней булочной. Кофе с Ледяными был как-то уже давно.

Пока Ольга ходила за выпечкой, Вероника собралась просмотреть подготовленные вчера документы.

— Маргарита Романовна, а где ваши наработки?

— Оставляла у вас на столе, душа моя. Неужели нет? — коллега подошла, внимательно оглядела стол... — Пойдите-ка, Вероника Андреевна. Это правда — то, что я вижу?

И смотрела на руку Вероники.

Ну да, и ещё не раз спросят. А они не договорились, что отвечать на работе... Ладно, уже как есть.

— Да, это правда. Я получила предложение, от которого не смогла отказаться.

— А надо было отказываться? — рассмеялась Маргарита. — Это шеф, да?

— Э-э-э-э... да.

— Благословляю вас, дети мои. Он хорош, что и говорить, а вы — умница и красавица. Когда свадьба?

— Не успели ещё придумать. Всё решилось вчера вечером. Скажите, так легко догадаться, кто это?

— Ну знаете, я же видела, какими глазами вы друг на друга смотрите. И на корпоративе вас видела. И две недели вы места себе не находили, а он, сказали, в больнице.

— Уже нет, вчера выписали. Пока дома. Наверное, появится на следующей неделе.

— Вот и хорошо. Счастливый шеф — добрый шеф.

— Чтобы был добрым, нужно сделать всё для их чёртова банка.

— Так это ещё и их банк? — изумилась Маргарита Романовна.

— Да, их московских родственников.

— Тогда нет вопросов, конечно. Но где, срань господня, документы?

— Вы точно оставили здесь?

— Без вариантов.

Вошла Ольга, она принесла какие-то умопомрачительно пахнущие булочки, сгрузила их на большую тарелку.

— Ольга, где документы? — строго спросила Маргарита Романовна.

— Какие? — нахмурилась та.

— С которыми мы с вами вчера работали.

— Да вот же, у меня, — секретарша пошла в приёмную и взяла папку со стола. — Вы же сами вчера их там оставили, — и принялась разливать кофе.

Маргарита Романовна сощурилась и внимательно смотрела на Ольгу. Но та никак не отреагировала. Разлила кофе и ушла.

— Хотите узнать, кто из нас сошёл с ума? — спросила Маргарита.

— Зачем? Можно ведь посмотреть записи с камер.

— Вот и я о том же. У вас здесь есть?

— С моих и из приёмной — да, — Вероника набрала техподдержку. — Добрый день, Ласточкина. Машкова можно ко мне? Да, сейчас. Спасибо.

Иван Машков появился через минуту.

— Добрый день. Помогите нам, пожалуйста. Нужно просмотреть записи с камер — здесь и в приёмной. Я знаю, что это технически возможно, но никогда так не делала.

— Сделаем, — он сел за ноут Вероники и принялся стучать по клавишам. — Вам какой день и какое время?

— Вчера. Начиная... с какого момента? — спросила Маргариту.

— С без пятнадцати шесть, — ответила, подумав, та.

Через пару минут Иван запустил файл с нужного места.

Вот Маргарита и Ольга заканчивают работу — сложили бумаги в прозрачную папку, Маргарита кладёт папку на стол, обе выходят. Потом заходит Ольга, берёт папку и уносит к себе в приёмную.

— Так, теперь это же время, приёмную, пожалуйста, — Вероника слышит, как её голос леденеет.

— Минуту... смотрите, — Иван запускает файл.

Ольга выходит в приёмную из кабинета, достаёт бумаги из папки, начинает сканировать. У неё звонит телефон, она говорит «Сейчас буду», быстро складывает бумаги в папку, оставляет папку на столе, всё выключает и убегает.

— Вашу ж мать, — выдыхает Маргарита Романовна.

Кофе остыл, Иван ушёл, прихватив предложенную булочку. Вероника и Маргарита Романовна смотрели друг на друга и молчали.

Потом Вероника позвонила Паше Демьянову и попросила прийти. Он тоже пришёл.

быстро — соседние кабинеты, как-никак.

— Доброе утро, дамы, какие новости?

— Разные, Паша, ой, разные, — вздохнула Маргарита Романовна. — Булочку хочешь?

Кофе уже чуть тёплый.

— Мне сгодится, спасибо, — он подхватил чашку Вероники.

— Посмотри вот это и скажи, что думаешь, — Вероника запустила последовательно один файл и второй.

— Ну ни хрена борзая девушка, — Паша сообщает, что думает. — Вероника, тебе как-то фатально не везёт с секретарями.

— Вроде того, ага, — кивает Вероника.

— Ты её сразу сейчас попрёшь или дашь нам последить?

— Сегодня следите, дальше посмотрим, как шеф скажет.

— Который — новый или совсем новый? — хрюкнул Паша.

— Оба, — мрачно кивнула Вероника.

До обеда они с Маргаритой Романовной продолжали готовить документы, потом тихо сходили на обед, потом позвонил Майк. Он велел быть в кабинете шефа через четверть часа — будет видеосовещание с представителем банка.

Этот самый представитель тоже носил фамилию Ледяной, а звали его Алексей Иванович. Мужик за сорок, исполнительный директор. Говорили с час, познакомились друг с другом и с финансовой ситуацией транспортной компании. Под занавес он попросил выслать ему часть документов уже сегодня, и ладно бы, но кое-что нужно было подготовить. Вероника и пошла готовить, и просидела за этим практически до шести, и отправила уже в начале седьмого. Ольга была отпущена, как то и следовало по графику. Уж наверное, Паша знает, что с ней делать.

Вероника собирала сумку, чтобы отправиться, наконец, домой. В оба дома — сначала в старый, потом в новый. Вик днём писал, потом она ему в обед звонила — всё было нормально. Она уже собиралась встать и выйти, когда в кабинет заглянул Серёжа Емельянов.

— Вероника, привет. Думал, ты уже ушла, смотрю — свет горит.

— Привет, знаешь, почти ушла. Мне ещё между обоими берегами помотаться придётся, сначала в Академ, потом в центр.

— Тогда я быстро. Ты узнала, что за банк нам навялили сверху?

— Да, это банк московских Ледяных.

— Московских? Есть ещё и такие? — удивился Серёжа.

— Я тоже не в курсе была.

— Совсем нас хотят под пяту?

— Да ладно, под пяту. Скажешь, хуже стало за два месяца? Порядка уж точно побольше, во всяком случае, косяки с доставкой грузов прекратились.

— А тебе лично от этого какая выгода? — Емельянов, не дожидаясь приглашения, сел на стул у стены.

— Слушай, у вас там что, коллективное размягчение мозгов? Я имею в виду, в логистике? То Дима гонит, то ты странное спрашиваешь. Ты не в курсе вообще, как мы с Жанной и Маргаритой достались латать наш вечный Тришкин кафтан?

— Ну в курсе, и что, сильно легче стало?

— Не поверишь — ощутимо.

— Ну, тогда ты должна быть благодарна новому шефу.

— А я, знаешь, и благодарна. От него одна польза — с какой стороны не посмотри.

— А правду болтают, что тебя его водитель возит?

— Правду, — пожала она плечами. — Валентин Фёдорович распорядился.

— А я думал пригласить тебя поужинать.

— С чего бы вдруг? — уж кто-кто, а Серёжа ей никогда никаких авансов не делал.

Или это по делу?

— Ну а чего — поговорили бы, о разном. Ты вообще давно мне нравишься. Я просто долго собираюсь.

— Серёжа, ты чего вообще? Ты как бы не свободный человек?

— Ой, жена — не стена, — махнул он рукой. — Никуда не денется. От неё не убудет.

— Извини, Серёжа, мне совсем не подходит такой вариант.

— Ты не встречаешься с женатыми?

— Да. Кроме того, я, знаешь ли, вдруг не свободна, — она показала кольцо.

Он вытаращился, как будто никогда колец не видел. Ну да, таких-то, поди, и не видел.

— И когда свадьба?

— Не решили ещё, — пробурчала она. — Сообщи.

— Ну, надо же погулять напоследок перед свадьбой!

— Вот если бы твоя жена пошла погулять напоследок перед свадьбой, тебе каково было бы?

— Да ладно, это всё знаешь, когда было? В прошлом веке. Мы с ней столько вместе, сколько не живут. Двадцать лет. У нас сын в этом году школу окончил. Она давно уже не та, что была, и за собой не следит, и на меня не смотрит.

Угу, двадцать лет. А вчера ей чистил мозги ещё один мужик, который в отношениях двадцать лет. Только очень уже разные это мужики, и говорят они разное, и делают тоже разное.

— И поэтому ты смотришь по сторонам? Нет, Серёжа, извини, мне это не подходит никак.

— Ну кого ты там себе нашла? Такого же чудика, как ты сама? Он хоть деньги умеет зарабатывать?

А по кольцу-то не видно, конечно!

— Умеет, Серёжа, и получше тебя, уж извини.

— Что? — вытаращился он, и тут до него дошло. — Так ты что, с шефом связалась, что ли?

— А если бы и так, то что?

— Думаешь, по тебе кусок? Вон, Татарникову обломили, а ты кто? У неё хотя бы отец, а ты — ноунейм девочка, селф-мейд. Нужна ты этому понтовому семейству!

— Ну то им видней, кто нужен, а кто нет.

— Или ты с самого начала на него глаз положила?

— Нет, Серёжа, так само собой получилось. Иди уже, что ли?

— Да на хрена он тебе? Слушай, а если я разведусь? Подумай, синица в руках выгоднее журавля в небе!

Здравствуй, жопа, Новый год, мрачно думала Вероника. Только ещё не хватало! Дожила, называется. То никому на хрен не нужна, то, извините, два горшка на ложку. Надо так ему сказать, чтоб отсох раз и навсегда.

— Смотрю я, Серёжа, ничего ты не понимаешь ни в жизни, ни в женщинах. Знаешь, я не

влюблённая малолетняя дура, я тётка-бухгалтер. Или ты думаешь, я разучилась считать? И я не могу посчитать, сколько стоишь ты — даже если разведёшься, поделишь имущество и будешь платить алименты, кстати. И сколько стоит старший сын самого Ледяного, давно и успешно разведённый и не имеющий никаких обременений. Вопросы?

Видимо, вопросов не было. Емельянов вышел, не прощаясь, только хлопнул дверью приёмной.

Эх, а ведь она держала его за приличного человека!

Зазвонил телефон. Это Володя интересовался — скоро ли появится Вероника Андреевна. Она сообщила, что уже идёт. Выключила свет, заперла все двери и пошла к лифту.

Они выехали из здания, когда мысль сформулировалась окончательно, и она набрала Вика.

— Душа моя, скоро ли ты? Мы тебя ждём.

— Уже ждёте? Ещё не восемь, если что. Там среди твоего «мы» не подошёл ли Михаил Григорьевич?

— Есть такой, а что? Дать его?

— Нет, не обязательно. Скажи ему, пусть проверит ещё раз Емельянова. Со всех сторон. У меня есть ощущение, будто мы там что-то проглядели.

69. Вик

Завтра утром мы двинем в путь,

Злые звёзды помогут нам.

Олег Медведев

Когда Вероника позвонила и сказала про Емельянова, Вик сидел с Михаилом Григорьевичем, пил кофе и слушал его занимательный рассказ о взаимодействиях с органами власти по поводу его, Вика, огнестрельного ранения. Выходило так, что означенные власти сначала никак не хотели верить в самооборону означенного Вика. То есть, было бы проще, если бы его подстрелили, а он, получив в правую сторону спины, подставил бы ещё и левую. Так было бы без вопросов. А тут, понимаешь ли, вопросы есть. Несмотря на то, что вся комедия разыгралась белым днём при свидетелях, и даже, как оказалось, какой-то добрый юноша пятнадцати лет снимал это интересное кино телефоном с балкона. Нравилась ему, видите ли, крутая машина Вика, и он её отслеживал. А потом выставил видюшку в социальные сети и в раздел «Народные новости» популярного местного сайта. И на том видео можно было отчётливо разглядеть, как всё было — выходит Вик, получает пулю, отправляет свою в ответ. Ну и не убил же, чего теперь?

Михаил Григорьевич посмеивался и говорил, что пусть Вик не переживает, разгребём.

Звонок Вероники заставил его взяться за телефон и раздать указания. Поскольку она не назвала никакой конкретики, то и сотрудникам своим ему было предъявить особо нечего, кроме «рыть землю, искать то, что спрятали».

Майк подъехал ближе к семи, неформальный и добрый. Рассказал, как знакомил Веронику с троюродным братом Лёшей. Пока — только как финансового директора компании. Мол, как невесту Вик пусть сам представляет.

Паша появился в пять минут девятого, весь встрёпанный. И рассказал необыкновенно интересную историю про Ольгу, новую секретаршу Вероники. И показал куски записей с камер.

— Паша, а почему я узнаю об этом только сейчас, поросёнок ты недорезанный? —

поинтересовался Майк.

— Некогда было, — скривился тот. — Вы ж заходили ненадолго после обеда, и всё. А я в тот момент как раз был в бегах по этому самому делу.

— И как? Много набегал?

— Кое-что. Правда, не понял, как это нам поможет. Эта девка — бывшая любовница Серёги Емельянова. Похоже, он ей и слил инфу, что есть такое вакантное место. Только я не понял, на хрена козе баян.

— А у Вероники, значит, Андреевны появились какие-то подозрения по поводу этого самого Емельянова, — задумался Михаил Григорьевич.

Вик переглянулся с братом.

— Что-то я вообще уже не понимаю, кто я — начальник этого зоопарка или с боку бантик, — усмехнулся Вик.

— А я — тем более не понимаю, — тряхнул головой Майк. — И думаю, какого хрена отец нацелился именно на эту компанию. Были ж и другие. Или самим можно было собрать, не сильно бы хуже было. Ну ты у нас, как оказалось, по-любому в выигрыше, потому как отхватил прекрасную деву в жёны, а мы-то почто страдаем? У отца какие-то стародавненские тёрки с Недолюбовым, которые ему захотелось так завершить, а мы-то в этом всё за какие грехи?

— Вот, Недолюбов. Я же как раз о нём хотел говорить, — сообщил Вик изумлённой публике. — Вот скажите, Михаил Григорьевич, вы же давно его знаете?

Тут звонок домофона известил о том, что приехала Вероника. Пока то да сё, пока её сумки с вещами утащили, пока кот вылез откуда-то, где часа два скрывался, и потребовал своей доли жрачки, пока накрыли стол и сварили кофе — ответить у Михаила Григорьевича получилось не сразу.

— Знаете, там и правда давняя история. Когда мы стали работать с Валентином, они уже делили способы добычи денег, и было это, дай бог памяти, в девяносто небольшом году. Геннадию не хотелось связываться с добывающей отраслью, он доказывал, что выгоднее возить готовое. А Валентин, с выкладками Юры, объяснял, что добывать — стабильнее и надёжнее. Сошлись на том, что один добывает, второй возит. Так и шло себе, пока у Генки всё не начало хиреть. И захирело-таки настолько, что согласился продать. Ну, Валентину радость — додал-таки, а Геннадию — какие-то живые деньги, с ними было не очень в последнее время, как я понимаю.

— Ещё как не очень, — кивнула Вероника.

— Так вот, вопрос-то у меня на самом деле такой: неужели Недолюбов стал бы терпеть, если бы его в самом деле нагло обкрадывали? — спросил, наконец, Вик.

— Недолюбов, каким я его знал в девяностых — нет, ни в коем случае, — ответил Михаил Григорьевич. — А вот после смерти жены там всё могло быть. Паша, ты вот что думаешь?

— Думаю, что он слишком сильно старался создать впечатление, что, мол, лишь бы кланялись, а как работают — не важно. Другое дело, что приглядеться к нему поближе вроде как ни у кого повода не было. Вот у тебя, Вероника, был повод?

— Я ему сказала про косяки и финансовые потери от тех косяков через месяц после того, как меня утвердили в должности. Я, как сегодня одному уже напомнила, тётка-бухгалтер, а не балалайка. Считать умею.

— И что ответил Недолюбов? — спросил Вик.

Классная она, всё же. Крутая и красивая.

— Что если не нравится — то он мне подпишет увольнение по собственному хоть сейчас. А мне деньги были нужны.

— На что, если не секрет? — медовым голосом спросил Михаил Григорьевич.

— На собственную квартиру, — невозмутимо ответила Вероника. — И если бы все мы проработали без существенных потерь ещё месяца три — я бы купила. А теперь я уже и не знаю, надо или нет.

— Пока здесь поместимся. А дальше разберёмся, — подмигнул Вик. — Вдвоём и плюс кот — не слишком тесно, я думаю.

Котский принц услышал, что про него говорят, выбрался из-под дивана и принялся тереться башкой об ножки стульев.

— Так вот, о Недолюбове. Можно, конечно, списать его странную апатию на состояние после смерти жены. А можно и не списывать, — продолжил Михаил Григорьевич.

— И предположить, что на самом деле всё он знал, холера, и имел с происходящего какой-то доход, — закончил Вик. — Поэтому и закрывал глаза на откровенную халяву, хамство и прочие безобразия.

— Ты сам хочешь с ним поговорить? — прищурился на Вика Михаил Григорьевич.

— Да. Но боюсь, отец такого цирка тоже не пропустит. И если Емельянов был у него в подручных — тогда всё становится понятно. Вопрос в том, что именно они делали.

— Возили краденое? — предположил Майк. — Типа как в Читку тогда. И там же замешался этот мелкий гадёныш, Яковлев, который стрелял.

— Сын большого гада, который воровал деньги на запчасти, — фыркнула Вероника.

— Как ты думаешь, про это Недолюбов знал? — нахмурился Михаил Григорьевич.

— Не факт. Красть самому у себя? Ну, с краденым или ещё каким незадекларированным грузом — это я ещё понимаю, можно такое возить, что доход от дохлых перевозок легко перекроешь. А вот про запчасти — сомневаюсь, — сказал Вик. — Возможно, Яковлев-старший был в курсе затеи Недолюбова, и даже каким-нибудь боком в ней участвовал, а под шумок решил и сам тоже развернуться. Но это я так предполагаю, может оказаться по-другому.

— И с ним ты тоже готов поговорить? — продолжал выяснять Михаил Григорьевич.

— Ну а как же, — кивнул Вик. — Там у нас есть такой момент, как его старший отпрыск. Мы не знаем, был он послан на меня с оружием целенаправленно, или сам вылез. Но вдруг отец любит его, даже такого неудалого? А там молодому человеку можно очень много чего вменить, и всему есть свидетели. То есть, можно — больше, можно — меньше. Как оба вести себя будут. Только надо организовать всё так, чтобы наши главные фигуранты не контактировали между собой, когда поймут, что мы всё раскопали. Ну, или не всё, но что-то.

— Нормально, — кивнул Михаил Григорьевич, Вика показалось — с одобрением кивнул. — Но пока — ведём себя так, будто ничего не знаем. Ты, — он глянул на Вика, — сидишь дома, ты, — повернулся к Майку — ходишь с оружием даже в туалет, ты, — взгляд на Пашу, — смотришь в оба, а вы, Вероника Андреевна, — последовал полупоклон, — не высовываете носа из дому без водителя. Всем ясно?

Всем было ясно. Михаил Григорьевич отбыл домой, Паша тоже собрался.

— А это, чего вы тут говорили, ну, про то, что Вик Валентиныч нашёл кого-то в жёны? — поинтересовался он.

Услышал-таки! С другой стороны, этот человек должен быть внимательным и ловить

инфу на лету.

— Ну да, нашёл. Но это пока не общеизвестная информация, — строго сказал Вик.

— И... — Паше очень хотелось спросить прямо, но он, похоже, опасался.

— И это, не поверишь, Вероника Андреевна, — усмехнулся Вик.

— Ни фиги себе, — честно сказал Паша. — То есть поздравляю вас, и тебя, Вероника, тоже. А это, свадьба-то когда?

— Не решали ещё. Но по мне — так и поскорее бы, — сказал Вик. — Чего тянуть? Скажем, короче.

Пашу выпроводили, Майк уехал сам — сказал, что чертовски хочет тупо выспаться. Или хотя бы просто поспать больше четырёх часов подряд.

Вероника в спальне шуршала вещами. Видимо, складывала в шкаф. Это хорошо и правильно.

На балконе стояли четыре орхидеи, все цветущие. Они топорщили во все стороны свои зелёные корни, это было прикольно. Принц Уэльский обнюхал их, потёрся об горшки и пошёл дальше.

А потом Вероника вышла, прислонилась к нему сзади и сказала:

— Знаешь, я тоже чертовски хочу спать. И ты, наверное, тоже сегодня устал, после больницы-то.

Конечно да, но не просто же пойти вот так и завалиться спать! Он повернулся к ней и обнял. Она была такая хрупкая и нежная, и вместе с тем — жёсткая и суровая. И хорошо, что ему достаётся главным образом нежность.

— Я почти трое суток не имел никакой возможности видеть тебя и касаться. Ты нашлась, это здорово, но этого недостаточно. Поэтому спать — да, но потом. А пока выгоним кота и просто пойдём туда.

А она улыбнулась и согласилась.

70. Вероника

Так закончились предчувствия, остались ожидания,

Давай подождем

Олег Медведев

Дальше мужчины добывали информацию, а ей нужно было работать, и делать вид, что ничего не происходит. Да-да, ничего не происходит, уже полтора месяца как. А последние десять дней — так вообще.

Подумаешь, жизнь полностью изменилась, да?

Веронику особо попросили делать вид, что всё нормально, в разговорах с Емельяновым и секретаршей Ольгой. Серёга-то — и ладно, они не особо общались и до этого. А вот как не общаться с секретарём... точнее, как общаться с секретарём, которому не доверяешь — это что-то новенькое в жизни Вероники. Она понадеялась, что не очень надолго.

Два дня после совещания у них дома — о боже, у них дома! как непривычно это звучит! — она плотно общалась с Алексеем Ледяным из московского банка. И всё время присматривалась — а как он вообще? Все представители этой семейки заставляли смотреть на себя пристально и внимательно. Но Алексей казался вменяемым и соображающим. Они расписали схему перекредитования — набрали-то везде понемногу, и частично — ещё до того, как Вероника пришла работать в компанию. Её работа была одобрена, ей это было очень приятно.

Ольга косилась на начальство, но молчала.

Вечерами Вероника сначала ехала домой в Академ, забирала что-нибудь из вещей или цветов и везла домой на Декабрьских Событий. Братья Ледяные недоумевали — чего мотаться в час по чайной ложке, нужно уже поехать и всё забрать. Но она улыбалась и говорила — ничего страшного, там ещё большие кусты, в выходные поедем и заберём. На самом деле, была проблема, и проблема эта звалась — мама.

Вроде формально ей было нечего предъявить Веронике — жизнь идёт, как ей то и положено, и взрослая дочь съезжает, чтобы жить своим домом. Но фактически мама считала, что дети должны быть рядом, потому что ей так спокойнее. Каждый день возникали разговоры на тему «Может, сегодня останешься?». Вероника улыбалась, говорила, что нет, спасибо, не останется. И уезжала на другой берег.

Когда она рассказала всё это Вику, он сначала понедоумевал. В чём вопрос-то, всё же нормально. Потом подумал и сказал, что тётя Нина у него такая же. Просто её никто не слушает, даже Тёмыч, поэтому она ведёт себя почти нормально. А потом ещё подумал и сказал, что в субботу поедем и поговорим с твоей мамой, ничего, прорвёмся.

Это были какие-то те самые слова, которые нужны. Откуда он выискался, такой умный? Или всё дело в том, что он слегка постарше? Или просто больше в жизни видел? Или сам по себе такой?

Не важно. Он есть, именно такой, и это хорошо.

71. Вик

Тем, кто гильзы пустой любви
Бросил в пламя святой надежды,
Светит домик живой мечты
Тем, кто вовремя вышел в рейд
Олег Медведев

К вечеру четверга появилась какая-то конкретика по Емельянову, Недолубову и прочим. Собрались переговорить снова у Вика, потому что ему пока не разрешали ни ходить ногами дальше соседней комнаты, ни садиться за руль. Илья велел подъехать в пятницу на осмотр, чтобы вынести очередной вердикт. А пока — дела, но дома.

Рассказывал Михаил Григорьевич. Видимо, дело было в том, что не очень знали, на какие кнопки нажимать, тыкались вслепую, смотрели всё подряд и ничего особо не видели. А потом Паша, взломавший переписку Вероникиной секретарши в контакте, узнал кучу интересных подробностей — про её связь с Емельяновым, в первую очередь. Потом ломали уже Емельянова, и некоторых других, воровали его телефон, да чего только не делали.

Недолубова не трогали — пусть сидит на жопе ровно и не беспокоится, это во-первых, и отец недвусмысленно сказал — без него не разговаривать, это во-вторых.

В общем, вырисовалась следующая схема. Машина отправлялась в рейс, а по дороге заезжала куда-нибудь и отвозила что-нибудь, помимо основного груза. Это были краденые вещи, сомнительный антиквариат, иногда документы, иногда наркотики. Этакая ещё одна служба доставки внутри транспортной компании — доставка сомнительных грузов, которые нельзя перевезти официально. Да, Недолубов, да, Емельянов, подручными Емельянова на местах были начальники смен Яковлев и Беленький. Далеко не все водители были в курсе, что именно происходит, часто из двух напарников в курсе был только один, например, с Чернышовым и Куркиным было именно так. Куркин знал всё, а Чернышов — ничего.

С запчастями же Руслан Петрович Яковлев резвился по собственному почину, без ведома Недолубова.

В итоге решили, что в пятницу отец навестит Недолубова, а Вик, Майк и Михаил Григорьевич составят ему компанию.

Поехали с утра. Отец позвонил, предупредил — мол, ставь чайник, едем в гости. Тот удивился — почему с утра-то — но отец отшутился как-то, не то про «с утра выпил — весь день свободен», не то ещё про какую ерунду.

Недолубов, оказывается, всю жизнь жил в центре, на соседней с отцовской квартирой улице. Немудрено, что они с отцом так или иначе всю жизнь тусили.

Дверь открыл сам, пригласил заходить. За стол тоже пригласил. Только в комнате, где был нормальный свет, стало видно, как он сдал за тот почти месяц, что Вик его не видел — с корпоратива. Кожа и кости.

— Что-то ты, Гена, не похож на человека, который счастливо живёт на доходы от проданного успешного бизнеса, — покачал головой отец.

— Живу — и ладно, — махнул рукой тот. — Располагайтесь, да рассказывайте, какая нелёгкая вас с утра пораньше всех четверых принесла. Чует моё сердце — про тот самый бизнес и будете говорить, иначе с чего бы молодняк с собой притащили?

Молодняк, то есть братья Ледяные тридцати семи и тридцати восьми лет соответственно, переглянулись и пожали плечами.

— Так вот, Гена, хотим послушать, что за херню собачью ты мне продал, — ласково сказал отец.

— Что ты хотел, то и продал, — усмехнулся Недолубов. — Гарантийных обязательств, что будет работать, не давал, уж извини, ты сам бил себя в грудь, что у тебя-то всё непременно заработает, такой ты крутой, и дети у тебя такие же. Неужели не справились?

— А ты, Гена, не смейся раньше времени. Шарашкину-то контору твою именно дети раскрутили, — встрял Михаил Григорьевич.

— Какую шарашкину контору? — вытаращился Недолубов.

— А такую, твою подпольную службу доставки неучтённых грузов, — сощурился отец. — И Емельянова твоего, и всех его подручных.

Недолубов молчал. Выпил чай из чашки.

— Нашли-таки.

— А ты думал, Гена, мы совсем идиоты? — отец снова говорил ласково. — Ещё не вполне. Рассказывай давай, на кой хер тебе это понадобилось.

— Деньги, — пожал тот плечами.

— А заработать — кишка тонка?

— Так тоже заработать. Только быстрее. Детям нужны были квартиры в Москве. Про детей ты, думаю, понимаешь.

— А сами дети — безрукие или безголовые? — нахмурился отец. — Помочь — я понимаю. Но полностью сделать — не уверен. Даже то, что это девчонки, не сильно-то понятно. Они же у тебя обе нормально замужем?

— У Ленки муж разорился, на её шее сидит почти год. А Танюха сама от своего ушла.

— Ушла — так чего к себе не забрал? И тебе повеселее, и ей не думать, на что жить!

— Это ты так считаешь, а она из Москвы обратно сюда уже не поедет. И внуков уже скоро в вузах учить. Сам понимаешь, сколько там это стоит. Вот вырастут твои старшие — увидишь, если не понял ещё.

— Мои старшие сами уже так деньги зарабатывают, как я на старости лет не умею, — усмехнулся отец.

Вик с Майком переглянулись с улыбками, но тут же встряхнулись и стали слушать дальше.

— Тебе виднее. Ну да, я связался с криминалом и неплохо на том заработал. Тебе того же не желаю — у тебя свои пути. Ну да, мы когда-то с тобой спорили, что обойдёмся без этого, можешь считать, что выиграл. А мне уже без разницы.

— Чего это тебе без разницы? — не понял отец.

— Видишь, на что я похож? Правильный ответ — на скелет. А скоро совсем им и стану. Мне сказали — максимум до нового года, а то и раньше.

— Рак? — догадался отец.

— Он, родимый, — кивнул Недолубов. — И когда установили, было уже поздно метаться. После того, как диагноз поставили, я и согласился тебе всё продать. Потому что похрену. Компания так или иначе в хороших руках, девкам денег я сделал, сколько смог, Женечка уже на том свете, а остальное без разницы.

Женечкой, Евгенией Александровной звали жену Недолубова.

— Чего молчал-то? У Полинки есть врачи, нашим не чета. Глядишь — и протянешь ещё сколько-нибудь.

— Зачем? — прозрачные глаза Недолубова смотрели отцу в лоб, как дуло.

— Как же — а смотреть, как дети живут, как внуки растут?

— Всё, что мог, я для них уже сделал. Дальше пусть сами. И с Емельяновым делайте что хотите, и с прочими. Я никого на аркане не тянул, все сами приходили, легких денег всем хотелось.

— Понял тебя, — кивнул отец. — Ты всё же подумай про врачей, кузина Доменика посмотрит тебя, если что, даже сюда можем её позвать.

— Да ну тебя, Валентин. Вроде вырос большой, а в сказки веришь. Проваливайте уже все, а?

После такого оставалось только в самом деле проваливать.

Но отец сказал, что всё равно поговорит с кузиной Доменикой. Та была крутым врачом-хирургом, и её матушка, несмотря на возраст под восемьдесят, тоже была крутым врачом-хирургом. Ведь не вчера познакомились с этим гадом, так-то вся жизнь, почитай, бок о бок прошла!

А молодому поколению вместе с Михаилом Григорьевичем оставалось только разобраться с теми, кто подводил под монастырь непосредственно компанию.

Вик наотрез отказался возвращаться домой, скомандовал — всем ехать в контору. Да потому, что спать же спокойно не получится, если это всё не решить. Тем более, завтра суббота. И плевать, что он, в отличие от идеального Майка, одет совершенно неформально. Он и так может, ему без разницы.

Прошёл по коридору десятого этажа — как, черт возьми, домой вернулся. Прикипел за полтора месяца — кто бы мог подумать? Хотел заглянуть к Веронике, потом решил — нет, сначала дела, потом радости.

Из тех, кто числился в списке, в собственно офисе работали всего ничего — Емельянов, пара придурков из его отдела да один ушлёпок из техподдержки. Емельянова Майк пригласил зайти в кабинет, к остальным отправили Пашу и его парней поговорить.

Емельянов зашёл, как ни в чём не бывало, увидел Вика, вытаращился.

— Виктор Валентинович, с выздоровлением!

— Ах ты, собака, ещё и выздоровления мне желаешь, значит, — ответил Вик ласково —

почти как отец. — Сначала, значит, обкрадывать меня, портить моё имущество, стрелять в меня, и ещё моей женщине навязываться, а потом, значит, с выздоровлением.

— Чего? — только и смог проговорить тот.

— Недолюбов сказал, что ему без разницы, что с тобой будет. Он рассказал, как у вас тут всё чудно было устроено.

— Как... рассказал? — по ходу, именно это поразило Емельянова сильнее всего.

— Словами через рот, — пожал плечами Вик. — Я думаю, мы тебя сдадим, куда следует, для опытов, а дальше уже посмотрим. И не только тебя, остальных тоже.

Емельянов подскочил, потянулся через стол, что-то явно хотел... но подошёл всё это время тихо стоявший у стены Майк и взял его за плечо железными пальцами.

— Не суетись, ок?

— Что ж Петя-то тебя не пристрелил нахрен, — только и нашёлся Емельянов.

И больше говорить с ним было как-то не о чем.

72. Вероника

Мы не знали друг друга до этого лета,

Мы болтались по свету, земле и воде

Сплин

Воскресным вечером они сидели на балконе, пили вино и смотрели на город.

Всё было хорошо.

Накануне Вик явился на работу, как неумолимый ангел мщения, и раздал всем так, что мало не показалось. Но Вероника узнала об этом уже постфактум — ей, как и остальным приличным людям, позвонил Майк и позвал в шефский кабинет.

Там она увидела из обоих. Её Ледяной сидел в своём начальственном кресле — в футболке, лесных штанах и берцах. Откуда только вылез, такой, да кто его вообще из дома-то выпустил! Велели же прижать зад и сидеть! Ага, будет он сидеть...

Не её Ледяной был элегантен — но это он такой всегда, и добр, чего с ним в конторе на текущей неделе не случилось.

Званы были постоянные участники планёрок. Им-то Вик и сообщил, что хитромудрая схема господина Емельянова приказала долго жить, далее работаем, как нормальная транспортная компания, а не как доставка криминальных грузов. И с запчастями не мухлюем, и со всем прочим, чего касаемся, тоже. Всем ясно? Отлично. С понедельника он на работе и полностью выполняет свои обязанности, всем остальным желает того же. И последнее, во избежание кривотолков. Вероника Андреевна согласилась выйти за него замуж. О дате свадьбы будет известно немного позже...

Вот последнее, на взгляд Вероники, было немного лишним. А может, и нет. Теперь всё всем ясно. После импровизированной планёрки в течение часа к ней зашли все, кто только водился у них в офисе — обсудить, поздравить, поглазеть на кольцо. Даже Сашенька Татарникова заглянула, хоть и зарёванная. Ну и ладно, в понедельник уже можно будет нормально работать, наверное.

А потом пришёл Вик и сказал — пошли домой, душа моя, ну их всех, начальник я или нет? Тут получилось забавно, потому что в скайп позвонил из Москвы Алексей Ледяной, которому занудобилось что-то по делу, но влез Вик, сказал — отстань от моей невесты, она тебе в понедельник всё пришлёт, ты ещё на работу прийти не успеешь, а она уже пришлёт. Алексей прифигел, но принял, поздравил и отключился.

Далее они и вправду собрались и уехали домой. И в Академ в тот вечер Вероника не

ездила.

На следующий день их ждал обед с мамой и Катериной. Вероника уже встала с мыслью, что как ни сделай — хорошо не получится, и видимо, это было у неё на лбу написано. Вик изловил её и прямо спросил:

— Душа моя, что не так?

— Всё так, — бодро ответила она.

— Ну ни фига ж подобного.

— Да... Мама, скорее всего, опять будет тебя допрашивать.

— А тётя Нина завтра будет тебя допрашивать. Прорвёмся. Я собираюсь жить с тобой, а не с твоей мамой, при всём к ней уважении. И ещё момент: пока мы вместе, мы выстоим против всего оставшегося мира. Веришь?

И смотрит на неё так, как никто и никогда.

— Мы же, вроде бы, один раз уже. Выстояли. А ощущение как раз было — как будто против всего мира.

— Вот. А наши родители нам всё же не враги.

— Осталось только убедить их в этом.

— Тогда вперед!

Они заехали на рынок, купили цветов, торт и арбуз. И отправились в Академгородок.

Мама, как и следовало ожидать, вела себя вежливо и напряжённо, как будто всё время ждала подвоха. Но Вик был спокоен, позитивен и убойно любезен. Не как Майк, нет, упаси господи, а как может именно он — с виду как будто простоватый, но на самом деле ой какой непростой.

— Виктор, вы же работаете вместе с Вероникой? — взялась уточнять мама.

— Да, — кивнул он.

— Но это же очень плохо! А вдруг вас обоих сократят? Разом? И что вы будете делать?

Вероника глянула на Вика и расхохоталась — он подвис. Реально подвис.

— Мама, его не сократят. Разве что перекинут на какую-нибудь другую должность, где нужно будет чистить очередные авгиевы конюшни.

— О нет, — сказал Вик. — Насколько я знаю, в ближайшее время отец никаких приобретений не планирует. Я хочу немного спокойной жизни, и я хочу в отпуск. Мы хотим в отпуск.

Мама переводила недоумённый взгляд с неё на него и обратно.

— А ты кем работаешь-то? — спросила Катерина, она уже некоторое время изнывала от любопытства.

— Начальником он работает, — сообщила Вероника.

— Твоим? — не поверила Катерина.

— Да. Нашим генеральным директором.

— Но ты же говорила, что ваш генеральный директор — это сын кого-то там, кто купил вашу компанию? — нахмурилась мама.

— Всё так, Любовь Ивановна, — кивнул Вик. — Компанию купил мой отец у своего друга юности. И передал её мне, чтобы привёл в порядок. С помощью Вероники и некоторых других приличных сотрудников мне это удалось. Теперь у нас, я думаю, всё хорошо.

— И... когда вы планируете подавать заявление, раз всё хорошо? — продолжала выспрашивать мама, когда обрела дар речи.

— Да вот с текущими делами разберёмся, и займёмся, — сказал Вик. — А не успеем на

осень — тогда уже весной.

— А зима вам чем не подходит? — удивилась Катерина.

— Моя мама тяжело переносит нашу здешнюю зиму. Обычно на зимние праздники отец ездит к ней, а летом — она к нему.

Дальше в осторожных выражениях маму известили о том, что Полина Николаевна обычно проживает в Риме, одна сестра Вика — в Милане, а вторая — в Женеве.

— О, круто, а вы когда туда поедете, меня возьмёте? — спросила Катерина.

— Посмотрим, — ответила Вероника.

И последним добившим всех аккордом стало приглашение на следующий день на обед в Листвянку. Вик сказал, что пришлёт к двенадцати своего водителя.

— Вероника, а ты не могла бы нас отвезти? — спросила мама. — Зачем утруждать водителя?

— А зачем утруждать Веронику? — рассмеялся Вик. — У Володи такая работа. Да вы его уже знаете, он как-то пригонял сюда Вероникину машину. Он возит меня, или членов моей семьи. Всё нормально. А Веронику привезу я. Там встретимся.

Под конец обеда мама смотрела на Вика, как на некое необходимое зло. Не одобрила, но смирилась. Зато Катерина не сводила глаз, и даже спросила потом тихонько — как это Вероника умудрилась отхватить такого мужика.

Ответить ей было нечего — на взгляд Вероники, они как-то разом друг друга отхватили.

В воскресенье родные Вика ждали их к двум. И они даже поехали пораньше, чтобы быть на месте в тот момент, когда Володя доставит маму с Катериной.

Воодушевлённая Анна прибежала встречать их прямо к воротам, с котом Барсом в обнимку. Саша важно подошёл поздороваться. Тётя Нина долго обнимала Вика, чуть не плакала, смотрела на Веронику строго, но потом пришла Полина Николаевна и рассказала, что Вероника-то, оказывается, орхидеи выращивает, Нина, ты бы их только видела! Это заинтересовало, Веронике пришлось предъявить фото цветущих орхидей, и дальше всё пошло, как по маслу.

Приехавшие мама с Катериной первые минут десять шли по участку от ворот к дому и восторженно смотрели по сторонам. Вик показал им, где там что, маму заинтересовали клумбы, грядки и теплицы, он пообещал экскурсию после обеда. Далее их торжественно встретили Валентин Фёдорович и Полина Николаевна. Поприветствовали и взяли в оборот. И пошли, кажется, в оранжерею.

Катерина познакомилась с Майком и Линой, а потом и с Алисой. Всех детей тоже обещали вывести к обеду — как-никак, такое событие не каждый год случается. Но если Веронике с ними всеми было легко, то Катерине — как-то не очень. Тогда позвали двоюродного брата Тёму и выдали Катерину ему. Кажется, получилось удачно — они нашли, о чём говорить.

За обедом Веронику и Вика снова поздравляли и сто раз сказали, что пусть они уже поскорее определяются с датой, чтобы все смогли её запланировать. Тут да, уже надо, и раз всё решено, тянуть нечего. Хоть Веронике и было страшновато — это сейчас, на пике эмоций, у них всё гладко и хорошо, а как будет дальше? Но она смотрела на Валентина Фёдоровича и Майка, и подозревала, что они знают какой-то секрет. И надеялась, что Вик тоже его знает. Или ему скажут.

В итоге мама осталась в восторге от новых родственников. И от того, что её заверили в том, что в финансовом плане Вик давно и прочно самостоятелен, но если вдруг что — семья

поможет без вариантов, потому что иначе зачем это всё? Она предсказуемо нашла общий язык с Ниной Фёдоровной, они успели обсудить пироги, варку холодца, помидоры в теплице и георгины на клумбах. А Полина Николаевна пригласила её к себе весной — смотреть розы.

Дети вели себя, как ангелы, и очаровали всех. Родители детей только посмеивались.

Уже темнело, когда стали разъезжаться. Володя снова увёз маму и Катерину, а Вик с Вероникой поехали домой.

Господи, думала Вероника, а ведь мы могли и не встретиться. Если бы Недолюбов продал всё кому-то другому. Если бы вообще не продал, и кто знает, что бы там было. Банкротство, судебное дело или что ещё. Да вообще Вик мог бы жить долго и счастливо с кем угодно другим.

Но случилось так, как случилось.

И пусть дальше будет только лучше.

Три года спустя. Вик

Я дойду к тебе, потому, что живу

Олег Медведев

Он ехал в Листвянку. Там была Вероника с детьми, кроме того — приехала на каникулы Линочка, расскажет новости — например, про Элочку, которая с весны работает в Риме. И у отца вроде тоже какие-то новости.

Три прошедших года были... насыщенными. По плотности событий их можно было сравнить со всей предыдущей жизнью. Можно сказать, что до тех событий и до Вероники он был совсем другим человеком.

Первый год с ней принёс ему столько счастья, как никто, ничто и никогда. Она была с ним, и она тоже была счастлива. Ему очень понравилось показывать ей мир — они много ездили, ну, сколько позволяла работа. Сначала нужно было представить жену семье, той части, которой не с руки добираться до Иркутска. Поэтому начинали с Рима и Парижа, тем более, Вероника очень хотела побывать и там, и там.

Ещё были другие старинные города, и было море — посреди зимы, и не только. И потом снова — его маленькая квартира на семнадцатом этаже.

А потом начался этап с детьми. Это оказалось неожиданно прикольно, но потребовало нехреновых ресурсов — во всех смыслах. И вдруг неожиданно приоритетной задачей стало — сохранить его Веронику. В плане здоровья и в плане разума. Совет Майка «вытряхивай её из этого всего насильно и пусть спит» оказался бесценным, и такой же бесценной была помощь Полинки — её признавали дети, а её многочисленная родня местами творила чудеса.

Кажется, сейчас пришли к какой-то стабильности. Он, Вероника, чудесный мальчик Андрюша, как две капли воды похожий на фотографии Вика в детстве, только глаза зелёные, и маленькая принцесса Наташа, рыжая и сероглазая. Более того, им стало тесно в их квартирке на семнадцатом этаже, как бы они с Вероникой её не любили. Поэтому уже почти построились двухэтажные хоромы, тоже в центре, была надежда, что к новому году уже и переехать получится.

Первым в новый дом пойдёт принц Уэльский, он стал огромен и толст, и когда эта полосатая туша принимается носиться по стенам и потолку, то спасайся, кто может. Но дети его любят, и он их, как ни странно, тоже. Воспринимает, как котят, вылизывает и воспитывает — в меру своего котового разума.

Транспортная компания «Продлестранспорт» ведет себя прилично. Вик уже почти два

года не занимался ею никак, на удивление эта работа пришлась по душе Владу Вершинину. Вик вернулся к своим договорам и прочим международным связям, пока полгода жили у Полинки — так там и работал. Теперь никак не мог решить, где ему лучше — там или здесь. Огромные плюсы были у обоих мест, а с минусами можно было побороться — и в Риме, и в Иркутске.

Впрочем, отец говорил — решай сам, жить тебе и твоей семье. Смотрите, как вам всем лучше.

Но Вероника на вопрос «как лучше» чаще всего отвечает «не знаю». Не потому, что на самом деле не знает, а потому, что задолбалась немного. И даже наличие няни Тани не всегда спасает, хотя и сильно облегчает всем жизнь.

Майк ржёт и говорит, что дальше будет проще.

Веронике ещё сложно уехать из Иркутска потому, что на ней по-прежнему Любовь Ивановна и отчасти Катерина. Отчасти потому, что у той уже свой муж и маленький сын, но этот муж как-то слабо справляется с решением проблем, а они, собаки, почему-то то и дело возникают. И если кто другой пройдёт мимо и тех проблем не заметит вовсе, то Катеринин Денис мало того, что сам не справится, ещё и Веронике мозг выносит. Вику уже даже приходилось прямо говорить — отстаньте, люди добрые. Надо денег — скажите, сколько, но оставьте нас всех в покое. У Вероники и так запас прочности невелик, а дважды в день выслушивать все детали их драмы — кто на кого не так посмотрел и не тем тоном сказал — это реально задолбаться можно. А вот не надо жить с тещей, тогда она не будет оценивать каждый твой шаг и жаловаться, если что-то не так!

С другой стороны, расстояние в восемь тысяч километров очень располагает к тому, чтобы не нести ерунды почём зря каждый день пачками. Поэтому может быть и уехать, и гори оно всё синим пламенем. Родственники привыкнут.

Противоположный берег Ангары отодвинулся, и постепенно впереди раскинулся невероятный простор, ограниченный далеко впереди, на той стороне Байкала, высокими горами. Вот этого будет не доставать — бескрайней водной глади, гор со снежными шапками, тайги с мхом, скальниками, кедром и цветами. Но ведь всегда можно приехать — что туда, что сюда.

Вик свернул в Крестовую падь и стал взбираться в горку к знакомым воротам.

Три года спустя. Вероника

Представая перед нами в ипостаси иной,

Становилась сказка грустною в конце

Олег Медведев

День сурка продолжался.

Слава богу, Таня увела Андрюшу — стало потише. Может быть, Наташа уснёт.

У них с Виком получились чудесные дети. Андрюше в прошлом месяце исполнилось два, Наташе скоро год. Но хватит ли её на этих чудесных детей?

У Наташи режется зуб, она не спит, плачет, и не слазит с рук уже второй день. Вероника машинально что-то ей говорила, не особо вникая в смысл сказанного. Угу, шумовой фон. Хорошо бы к приезду Вика уснула, хоть пойти поесть. Утром ещё и Лина прилетела, вечером будут посиделки — с песнями и чем там ещё. Но Веронике так хотелось спать, что всё это было неактуально.

А начиналось всё круто — свадьба сине-золотой осенью, сначала в Иркутске, потом в Риме. В Иркутске — на сто с лишком человек, как же, позвать всех, и родню, и коллег, и

друзей, вот и набралось. А потом в римском доме Полины Николаевны — камерное торжество, только для семьи, другое дело, что та семья была человек под тридцать. Веронику представили всем родственникам, тамошним и парижским, они все ей очень радовались и выглядели очень мило. Только вот для нормального общения пришлось выучить итальянский и немного французский. Ничего, Андрюша сейчас болтает на уморительной русско-итальянской смеси, но пока все окружающие понимают, да и ладно.

Так вот, Андрюша. Беременность обнаружилась аккурат накануне свадьбы. И ничего, в смысле — всю дорогу Вероника отлично себя чувствовала. Да вообще, она же здорова, и всё хорошо. Хорошо и было. Они с Виком и работали, и путешествовали, да и чего только не было, и всё ей было по плечу.

А потом — роды. Крупный плод, несколько часов схваток, и Вероника только по нервам врачей поняла — что-то пошло не так. Настолько не так, что завершилось экстренным кесаревым с какой-то нефигической потерей крови.

Ну ладно, зашили, главное — с Андрюшей всё хорошо. Чудесный мальчик, что называется — подарочный. Ел, спал, всё, как надо.

Но когда ему было четыре месяца, оказалось, что Вероника снова беременна.

Узнав — обрадовались. Ну не обязательно же в родах снова такой капец. Но оказалось, что до родов ещё нужно доносить и вообще дожить.

Постоянная угроза выкидыша, повышенное давление и чёрт его знает что ещё. На двадцать второй неделе ей стали усиленно рекомендовать искусственные роды, а потом — ну, не страшно, попытаетесь ещё, жизнь-то не кончится на этом.

Спасла Полина Николаевна. Она приехала в Иркутск, несмотря на лютый мороз забрала Веронику из больницы и увезла в Рим. Там определила в клинику, которой командовала её не то кузина, не то племянница по имени Доменика, и где консультировала ещё одна Доменика, совсем молодая, дочка первой. Старшая была хирургом, а младшая — как раз гинекологом. Они пришли в великое возбуждение, когда увидели, в каком состоянии Вероника, и принялись, как они сказали, всех-всех спасать. Сообщили, что после кесарева остался какой-то неправильный рубец на матке, плюс два новообразования в полости, и это всё осложняет вынашивание беременности. И что вы думаете? Спасли. Наташа родилась на тридцать восьмой неделе, по сравнению с Андрюшей она была маленькая, но в полном порядке.

Те месяцы, что Вероника провела в больнице, что в иркутской, что в римской, Андрюша был с отцом, няней и бабушками. Бабушка Люба приезжала сидеть каждый день, сначала искренне, потом с поправками — вот мол, я вам, а вы на меня опять не так смотрите. При том, что смотрели — ну, как могли, так и смотрели, и не имели в виду ничего плохого. И когда бабушка Полина заявила, что дальше сохранять беременность будем под контролем семьи, Любовь Ивановна даже обиделась — как это, она же нашла самых лучших врачей, которые только бывают в Иркутске! Полина Николаевна ответила по обыкновению вежливо — и чудесно, они сделали всё, что могли, дальше будем решать вопрос иначе.

В Рим взяли с собой няню Таню, юную выпускницу педуниверситета, а там бабушка Полина пригласила ещё и местную няню Терезу — чтобы Андрюше было проще осваиваться в тамошних реалиях. Они с Таней чередовались, и в итоге заговорил он на двух языках разом. Полина Николаевна смеялась, что пока пусть так ходит, а потом разберётся.

Когда Наташе исполнилось три месяца, Вик с Вероникой собрались возвращаться в Иркутск. Обе Доменики пришли в гости накануне отъезда, сели напротив, и старшая сказала

непререкаемым тоном, что всё отлично, но в ближайшие пять лет — никаких беременностей. Потому что сама не выживешь, и ребёнка не выносишь. Младшая добавила нежным голосом, похожим на серебряный колокольчик, что может и не так страшно, но риски большие. Организм истощён, ему нужно восстановиться. И никто не знает, как он отреагирует на какие-то новые испытания. Поэтому — по возможности, никаких испытаний. Старшая усмехнулась, что вот у неё, например, как раз столько же детей в такой же гендерной пропорции, и ей нормально.

Растерянный Вик, помнится, пробормотал, что ему нормально тоже.

Вик оказался очень хорошим мужем, особенно в сравнении с тем, как жили некоторые подруги или даже сестрица Катерина. Делал с детьми всё, что нужно было — переодевал, мыл, гулял. Периодически отправлял их хоть ненадолго в Листвянку, и просто прогонял её спать. На что-то большее уже сил не было, но и просто поспать в тишине было великим благом. И круто, что Вик это понимал.

Катерина вышла замуж через полгода после Вероники, по откровенному залёту, и если б не тот залёт, то до сих пор бы, наверное, меняла кавалеров. Денис работал в рекламном агентстве — рисовал и верстал картинки для заказчиков. Какой-никакой доход был, но на двоих, а после и на троих оказалось маловато. Ни Денис, ни Катерина никогда не жили сами, и даже не попытались начать — она сказала, что никуда из дома не пойдёт, тем более, от Вероники осталась целая комната.

В плане хозяйства оба оказались бытовыми инвалидами: Катерина никогда не планировала никаких закупок и не готовила, Денис был единственным сыном у родителей, с которого пылинки сдували. Его мама оказалась под стать Любви Ивановне — ей тоже не нравилась ни одна девушка сына, и Катерина оказалась вовсе не пределом мечтаний — с образованием, конечно, третий по счёту бакалавриат она в итоге вытянула, но без профессии и без дохода. Ну да, красивая, но красивых — пруд пруди, а жить-то не только с красотой, жить ещё много с чем.

В общем, тёща и свекровь с трудом друг друга переносили, равно как и новых членов семьи. И всё это дважды в день выливалось в уши Веронике, потому что маме нужно было кому-то выговариваться, а больше никакой помощи Вероника на данном этапе предложить ей не могла. То есть деньгами помогала по-прежнему, а приехать и купить продуктов — уже не получалось. И вот они там день-деньской выясняли — кто же сегодня будет убираться, готовить еду, ходить в магазин, гулять с маленьким Арсением. Денис вечером приходил с работы и садился за компьютер — играть или смотреть кино, это раздражало и маму, и Катерину, но применить его как-нибудь ещё у них пока не получалось. Мама помогала с внуком, но — с кучей претензий в процессе и по факту.

Вик только морщился, когда слышал краем уха очередной разговор Вероники с родственниками. И время от времени говорил — да перестань ты их уже слушать, весь же мозг съели. Ну да, как-то так. Но вроде ж не чужие.

Разом с тем Вероника с каждым днём всё яснее осознавала, что самые близкие — вот они, те, кто держит её сердце в своих руках. И лапах. Вик, Андрюша, Наташа. И Чарлик который был очень терпелив с детьми, стойчески играл с ними — мягкими лапами, без когтей! И даже помогал укладывать спать — приходил, ложился рядом и убаюкивал мерным мурлыканьем.

К слову, намного более многочисленный клан Ледяных мозги Веронике не ел. Они звонили и спрашивали: как дела, надо ли помочь? Сначала Вероника стеснялась и говорила,

что не надо, а в какой-то момент Вик услышал, взял у неё трубку и сказал — надо, вот то и это, Вероника слишком устала и не очень представляет себе ситуацию. Тогда она перестала стесняться, и жизнь немного упростилась. И в плане быта тоже, да — Нина Фёдоровна помогала с закупками, а замечательная женщина Тамара Николаевна — с уборкой.

И всегда можно было поехать в Листвянку и просто пожить там на всём готовом. Там всегда находилось, кому занять Андрюшу, и даже Наташу можно было вывести на прогулку не матери, а кому-нибудь ещё, например — деду Валентину, если он вдруг свободен.

Наташа напоминала Веронике сестрицу Катерину — та тоже была в детстве плаксивой и требовательной. Детка признавала только мать, и ещё Полину Николаевну. Та умела договориться с самым капризным младенцем, и помощь её была неоценима. Но когда Наташа была в духе, то так очаровательно улыбалась, что отец и дед просто таяли. Не говоря уже о прочих родственниках.

Сейчас же Наташа тихонько хныкала в фоновом режиме. Ну, это ещё ничего. Говорят, Аннушка, чуть что, орала, как будто её режут. А сейчас — вежливая воспитанная девочка целых одиннадцати лет.

Тихо отворилась дверь, вошла Полина Николаевна.

— Не спит?

— Нет, — помотала головой Вероника.

— Давай её сюда, я посижу. Иди, поешь, и вообще выдохни.

Наташа захлопала глазами, увидела бабушку, попыталась завопить... и передумала. Только вздохнула.

Вероника, неслышно ступая, вышла из детской.

Когда не было большого сборища, ели не в столовой, а в гостиной рядом с кухней. Вероника только сунулась на кухню, как была замечена Ниной Фёдоровной, усажена, перед ней появилась чашка чаю и тарелка с пирожками.

Она съела один, выпила чай, а потом откинулась на высокую спинку стула и задремала.

Три года спустя. Линни

Я незаконною фигурою вступил в игру

Олег Медведев

Возвращение в Листвянку всегда было для Линни возвращением в детство. Возвращением в то лучшее, что было в детстве. Подняться на горку, посидеть на берегу Байкала, побросать камешки в воду. Побродить по родительскому дому. Встретиться с братьями и их домочадцами. И с друзьями, которых с каждым годом оставалось в Иркутске всё меньше, но всё же пока ещё было, к кому завалиться в гости.

Линни проснулась и просто валялась — ну каникулы же, в самом деле. И плевать, что пять часов, она только сегодня утром с самолёта. И вообще, дома-то ещё только одиннадцать, даже полудня нет. Для выходного — самое то.

На улице, под открытым окном болтали дети — Аннушка, Сашка и кто-то ещё, наверное — друзья Сашки. Обсуждали, сколько пирожков нужно добыть Аннушке на кухне — из всех детей, старших и младших, ей это удавалось лучше всего.

— Восемь! Всем по два!

— Да ну, по два тебе, и так жирный, треснешь!

— Сам треснешь!

— А мне? А мне-мне-мне?

— А рука в говне! И вообще, нехрен орать, мама спит!

Линни тихонько засмеялась — эта последняя реплика принадлежала, ясное дело, Анне, вежливой воспитанной девочке, лучшей ученице своего класса в закрытой женской школе при монастыре Санта-Магдалена ди Маре, что недалеко от Рима. И хорошо, что её не слышат строгие преподаватели, в конце-то концов, у ребёнка тоже каникулы. Опять же — помнит, что мама спит, чудесная девочка.

Тем временем экспедиция за пирожками началась, и под окном стало тихо. Линни встала, привела себя в божеский вид и отправилась вниз.

Тётя Нина захохотала, крикнула кому-то, чтобы поставили кофе, и сунула в руки тарелку с выпечкой. И велела идти в гостиную — мол, там как раз Вероника чай пьёт.

Веронику Линни не видела с Нового года, когда они с Анной ненадолго приезжали в Иркутск. Надо сказать, выглядела Вероника плохо. Как половина от той, прежней, которую Вик нашёл на работе и привёл в их семью. Нет, всё понятно, дети-погодки и никакого здоровья не осталось, но всё же!

Вероника дремала. Линни хотела уже уйти на кухню, но задела стул, тот скрипнул, Вероника проснулась.

— Ой, Линочка, привет! — она встала и обняла Линни.

— Привет. Что, совсем всё плохо?

— Да просто зубы у Наташи, — отмахнулась Вероника. — Это же не навсегда.

— А Таня?

— Таня с Андрюшей гуляют. Наташа с Таней не остаётся.

— А сейчас? Спит?

— Куда там! Полина Николаевна, всех ей благ, отпустила меня поесть.

— Мама супер, — согласилась Линни. — Могу я потом попробовать, хочешь? Фирменная колыбельная усыпит любого младенца.

— Ох, я уже на всё согласна. Как это — побежала мышка-мать тётю кошку в няньки звать. Приходи к нам, тётя кошка, нашу детку покачать. Видишь — одни детские стихи в голове остались.

— Это пройдёт, — кивнула Линни. — Вот на работу выберешься — и пройдёт.

— Да какая тут работа, — махнула рукой Вероника. — На моём месте совсем другой человек.

— Ой, можно подумать, для тебя в «Продлесе» места не найдется! Не поверю, — покачала головой Линни.

— Не знаю. Я ж не хочу никого двигать только потому, что я невестка хозяина.

Тётя Нина появилась с большим кофейником на подносе.

— Лиана, детка, отнеси отцу кофе, будь добра. Ни одних рук свободных нет! Заодно и себе возьмишь.

— О, не вопрос, — Линни подхватила поднос. — Он в кабинете?

— Да, просил принести туда.

Линни подмигнула Веронике и отправилась наверх.

— Тук-тук-тук, пришёл страшный кофейный зверь, он уже выпил весь кофе в доме и пришёл сюда в поисках самой маленькой и самой вкусной чашечки, — пропела Линни низким грудным голосом.

Дверь кабинета отворилась, отец пригласил её зайти.

— Ты уже встала, детка? Всё хорошо?

— Отлично, папа, когда я здесь, у меня всегда всё отлично, ты же знаешь, — Линни

поставила поднос на стол и поцеловала отца.

Разлила кофе — ему крепкий чёрный, себе крепкий со сливками. Пододвинула к нему тарелку с блинчиками и розетку с топлёным маслом. Себя тоже не забыла.

— Папа, проблемы? — отец выглядел так, как будто — да, проблемы.

— Ещё какие, детка. Юра в больнице, инсульт.

Юрий Васильевич был финансовым директором и одним из трёх китов отцовского «Продлеса», наравне с отцом и Михаилом Григорьевичем, шефом службы безопасности.

— И какие прогнозы?

— Да какие бы не были, семьдесят два года — не сахар. Даже если он и выйдет работать, то явно уже не в полную силу, и когда это ещё будет. И где я ему сейчас замену найду?

— У него зама не было?

— Был, но... у него сложно с принятием решений. Боится. Я, конечно, посмотрю ещё на всех, кто там остался, пристально, но... Грустно, детка.

Мысль пришла сама, и уходить не хотела.

— Папа, не обижайся, я сейчас гадость скажу.

— Что это ты, можно сказать, с порога — и гадость? — усмехнулся отец.

— А то. Ты всё время твердишь о вреде нецелевого использования ресурсов. А у тебя в доме сидит неплохой, как я понимаю, финансист. Сидит уже в полупризрачном состоянии, того и глядишь — совсем истает.

— Ты что ли о Веронике?

— Именно. Если она как-то управлялась с рассыпающейся компанией Недолубова, то уж с твоей, где порядок, наверное справится!

— А дети? Андрюша с Наташей?

— Уж не говори мне, что целый дом не справится с двумя детьми! Опять же, я ж предлагаю не на Северный полюс её отправить, а всего лишь на работу тут же в городе. Глядишь — и она себя лучше почувствует.

— А с ней ты говорила? — нахмурился отец.

— Да, но не об этом. Я ж вот только от тебя о проблеме узнала.

— Хорошо, предложение принимается, — он даже посветлел лицом.

Дверь отворилась, и появились как раз те, кто и был нужен — Вик, приехавший с работы, и Вероника. Молодцы они, несмотря на все сложности, друг другу не опротивели — смотрят в глаза и улыбаются.

— На ловца и зверь, как говорится, — кивнул довольный отец. — Располагайтесь, наливайте кофе и слушайте меня. Виктор, про Юру слышал?

— Краем уха, только что нездоровье.

— Инсульт. По этому поводу мне нужен толковый финансист, которому я смогу всецело доверять. И я думаю, что это Вероника.

Вик рассмеялся.

— Видела нашего отца в действии? Любишься.

А Вероника только хлопала глазами.

— Да я же считать уже разучилась, за два последних года. Какой из меня теперь финансист!

— Очень хороший, — улыбнулся отец.

Улыбнулся так, что не ответить было невозможно, он умел так всегда, и Вик с Майком

тоже, и Сашка уже умеет, и Фёдор, и даже маленький Андрюша.

— Я очень сомневаюсь. И дети? Как дети?

— Ты думаешь, что семья не присмотрит за двумя детьми? Я думаю, мы коллективно как-нибудь справимся, — сказал отец. — По этому поводу слушай, дорогой старший сын: бери в охапку жену, вези её на две недели куда хочешь, но чтобы выспалась, откорми, приведи в порядок и возвращай обратно. Будем потихоньку вводить её в курс семейного дела.

— Ты даёшь мне отпуск, — рассмеялся Вик.

— Скорее, отправляю в командировку, — подмигнул отец.

А Вероника сидела, вертела головой, переводила взгляд с одного на другого, и, похоже, не верила, что это происходит с ней.

— Лин, ну хоть ты-то скажи, все ж с моими детьми повесятся!

— Знаешь, — сказала Линни, — я та ещё мать-ехидна. Я отдала единственного ребёнка в школу в пять лет, и тому ребёнку это пошло только на пользу, потому что я бы столько всего доброго в эту голову никогда бы не вложила. У меня самой столько нет. И терпения столько нет. Поэтому — привлечение сторонних специалистов.

— Если только так, — она не верила, она всё ещё не верила.

— Всё, — сказал отец. — Ступайте, и соображайте, куда поедете. На остров хотите?

О да, у папы есть остров. В тёплых морях. Он ездит туда с мамой, и больше там не бывает никто, такова его воля. Похоже, идея пришлась ему очень по душе, раз речь зашла об острове!

— Я не знаю о чём речь, но вы все так сияете, что я согласна, — сказала Вероника.

— С возвращением в мир взрослых людей, — подмигнула Линни. — И вообще, я приехала и хочу по этому поводу праздник. Пойдёмте уже? И тащите всех моих племянников, какие есть в доступе, если не спят — пусть пеняют на себя, будут сидеть с нами и радоваться!

Отец допивал кофе с довольным видом, а Вик с Вероникой вышли за дверь.

Звонка слышно не было — у Вероники телефон уже давно в беззвучном режиме, чтобы случайно не разбудить кого-нибудь из детей. Но Линни услышала, как она ответила.

— Да, мама, привет. Давай, мы поговорим с тобой немного позже? Знаешь, у меня тоже есть новости. Мы уезжаем на две недели. А дети останутся в Листвянке. С Таней и всеми остальными. Ничего страшного, созвонишься с Полиной Николаевной и приедешь к ним в гости, Володя тебя свозит столько раз, сколько надо. А Катерина сама справится, не маленькая. А я вообще на работу выйду, как вернусь. Ничего, ты сама всё время говорила, что хватит уже дома сидеть. Я тоже тебя люблю, но позвоню позже, тогда всё и расскажешь. Сейчас нужно поесть и ещё кое-что сделать. Пока.

Вероника пошла вниз, что-то говоря Вику про детей. С улицы донеслись визги — Аннушка учила кого-то жить. В приоткрытую дверь протиснулся местный котриарх Барс и запрыгнул папе на колени.

Жизнь продолжалась, и делала это не худшим образом.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net